

КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ
БРАЗИЛИИ

Борис Фаусту

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ
БРАЗИЛИИ

HISTÓRIA

Concisa do Brasil

Boris Fausto

Краткая ИСТОРИЯ БРАЗИЛИИ

Борис Фаусту

ВЕСЬ
МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2013

УДК 94
ББК 63.3(7Бра)
Ф 11

Перевод с португальского:
д.и.н., проф. Л.С. Окунева
к.и.н., д-р ун-та Париж-Сорбонна О.В. Окунева

Автор предисловия
д.и.н., проф. Б.Н. Комиссаров

Научный редактор и автор послесловия:
д.и.н., проф. Л.С. Окунева

Куратор серии «Национальная история»
к.и.н. Л.М. Троицкая

MINISTÉRIO DA CULTURA
Fundação BIBLIOTECA NACIONAL

Obra publicada com o apoio do Ministério da Cultura do Brasil /
Fundação Biblioteca Nacional

Книга опубликована при поддержке Министерства культуры Бразилии /
Фонда «Национальная библиотека»

Перевод книги на русский язык осуществлен на основании договора
с издательством университета Сан-Паулу
(Editora da Universidade de São Paulo) по изданию:
Fausto Boris. História Concisa do Brasil. 2. ed., 4. reimpr. São Paulo:
Editora da Universidade de São Paulo, 2011

На первой сторонке обложки: вид на город Рио-де-Жанейро

Напечатано в России

ISBN 978-5-7777-0569-3

© Boris Fausto, 2001
© Перевод на русский язык,
Издательство «Весь Мир», 2013

Содержание

Предисловие (Б.Н. Комиссаров)	7
1. Колониальная Бразилия (1500–1822)	23
1.1. Морская экспансия Португалии и прибытие португальцев в Бразилию	23
1.2. Индейцы	30
1.3. Колонизация	33
1.4. Колониальное общество	52
1.5. Экономическая деятельность	62
1.6. Иберийская уния и ее последствия для Бразилии	69
1.7. Колонизация периферийных областей	75
1.8. Бандейры и общество в Сан-Паулу	78
1.9. Итоги развития колониальной экономики. Внутренний рынок	86
1.10. Кризис колониальной системы	88
1.11. Восстания и зарождение национального самосознания ..	94
1.12. Бразилия в конце колониального периода	108
2. Бразилия в эпоху монархии (1822–1889)	111
2.1. Упрочение независимости и создание государства	111
2.2. Вторая империя	133
2.3. Социально-экономическая структура и рабство	141
2.4. Модернизация и расширение кофейного производства ...	150
2.5. Начало большой иммиграции	156
2.6. Парагвайская война	159
2.7. Кризис Второй империи	166
2.8. Республиканизм	173
2.9. Падение монархии	181
2.10. Экономика и демография	182

3. Первая республика (1889–1930)	189
3.1. Годы консолидации	189
3.2. Олигархи и «полковники»	200
3.3. Отношения между федеральным центром и штатами	203
3.4. Социально-экономические перемены	210
3.5. Социальные движения	223
3.6. Политический процесс в 1920-е гг.	229
3.7. Революция 1930 г.	239
4. Государство Жетулиу Варгаса (1930–1945)	247
4.1. Деятельность правительства	247
4.2. Политический процесс	252
4.3. «Новое государство»	268
4.4. Конец «Нового государства»	283
4.5. Социально-экономическое положение	288
5. Опыт демократического развития (1945–1964)	293
5.1. Выборы и новая конституция	293
5.2. Возвращение Варгаса	300
5.3. Уход Варгаса	306
5.4. От национализма к ускоренному экономическому развитию	312
5.5. Кризис режима и переворот 1964 г.	326
6. Военный режим и переход к демократии (1964–1984)	343
6.1. Консервативная модернизация	343
6.2. Переход к «закрытости режима» и вооруженная борьба ...	351
6.3. Процесс политической открытости	361
6.4. Структурные изменения после 1950 г.	392
Заключение	409
История Бразилии продолжается. Вместо послесловия (Л.С. Окунева)	415
Российская библиография по истории Бразилии (Л.С. Окунева)	441
Карты	444

Предисловие

Российский читатель не избалован переводными трудами бразильских авторов по общим проблемам истории их страны. Первый из них — труд Кайо Прадо Жуниора «Экономическая история Бразилии», — очевидно, обязан своим появлением в 1949 г. установлению за четыре года до того советско-бразильских дипломатических отношений. Однако пока книга переводилась на русский язык, теплая атмосфера победной антифашистской весны сменилась холодной войной, и в 1947 г. отношения вновь оказались разорванными. Но как только они в 1961 г. окончательно восстановились, уже в следующем году на русском языке вышел в свет популярный учебник «История Бразилии» представителя либерально-позитивистской школы в бразильской историографии Ф. Роши Помбу, а также была издана книга журналиста Руя Фако «Бразилия XX столетия». Вот, собственно, и всё. Приверженность политической конъюнктуре, весьма почитавшейся в СССР, в данных случаях, как видим, не отличалась последовательностью. Очевидно, сказывалась масштабность темы изданий — суммарный анализ исторического прошлого крупнейшей страны Латинской Америки и одной из таковых во всем мире. Разумеется, не стоит забывать и об отношении в Советском Союзе к авторам этих публикаций. Первый из них, к примеру, был коммунистом, второй в свое время осудил иностранную интервенцию в большевистскую Россию.

Нынешнее издание русского перевода «Краткой истории Бразилии» профессора Университета Сан-Паулу (широко известного в стране под аббревиатурой USP) Бориса Фаусту выходит в совершенно иных исторических и цивилизационных обстоятельствах. Наш мир, многополярный, освободившийся от наваждений коммунизма, стремительно глобализирующийся в экономическом, культурном и ментальном планах, но административно еще приверженный национальному распорядку, стоит перед необходимостью давать ответы на многочисленные, жесткие и неслыханные ранее вызовы современности. Основой для этих ответов неизбежно должны стать не только футурологические прогнозы, но и, насколько возможно, объективный анализ и синтез прошлого опыта, в частности, опыта молодой бразильской нации. В этой связи труд Б. Фаусту представляет несомненный интерес как в конкретно-историческом, так и теоретическом отношении. Его автор не только историк, но и правовед, социолог и политолог. Возможно, его даже можно назвать философом в области исторической политологии. Он родился в Сан-Паулу в 1930 г., но, как и большинство его соотечественников, происходит из семьи иммигрантов. Мать ученого Ева — уроженка Турции, отец Симон Фаусту приехал из Румынии. Вся научно-педагогическая деятельность Б. Фаусту неразрывно связана со знаменитым USP, где им пройдены все ступени академической карьеры от лиценциата до профессора. Он автор десятков книг по разным проблемам истории Бразилии, а в 2001 г. стал членом Бразильской Академии наук.

У автора этих строк, посвятившего себя с 1959 г. изучению истории Бразилии и русско-бразильских отношений, был целый ряд обстоятельств личного, творческого и общественного характера, побудивших принять предложение издательства «Весь Мир» о написании данного предисловия. Но об этом позже. Главное, что это именно та книга бразильского историка, которую следовало ныне издать в России.

Большую одностомную «Историю Бразилии» Б. Фаусту написал еще в 1994 г.* На ее основе автор подготовил меньшую по объему книгу, которая под названием «Краткая история Бразилии» впервые вышла в свет в 1999 г. на английском языке**, а в 2001 г. — на порту-

* *Fausto B. História do Brasil. São Paulo, Fundação para o Desenvolvimento da Educação, 1994.*

** *Fausto B. A Concise History of Brazil. Cambridge, UK; New York, N.-Y. US, Cambridge University Press, 1999.*

гальском*. И с тех пор она много раз переиздавалась. Такая востребованность книги может показаться странной тому, кто предпочитает исторические труды, носящие событийный или портретный характер. Читатель не обнаружит в работе Б. Фаусту некоторых звеньев цепи, связанных между собой исторических фактов, например, о 60-летнем пребывании Бразилии вместе с ее метрополией и всеми другими владениями Лиссабона в составе в то время поистине необъятной испанской колониальной державы (1580—1640), о голландской оккупации Пернамбуку и других территорий бразильского Северо-Востока (1630—1654), о первом антипортугальском заговоре Инконфиденсия Минеира в конце 80-х годов XVIII в. (его герой и мученик Тирадентис упоминается лишь вскользь и в другом контексте), об основании в 1815 г. Объединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгарви, о республиканском восстании в Пернамбуку в 1817 г. ...Нанизывание на хронологическую нить этих, иногда растянувшихся на десятилетия событий, а подчас и драматических коллизий, как, впрочем, и многих других, обогативших анналы бразильской истории, не входило в планы автора. Почти нет в книге и портретных зарисовок. Если они и встречаются, то предстают лапидарными и суховатыми. Автор видел свою задачу в другом: представить в кратком (недаром это определение вынесено в заголовок книги) очерке квинтэссенцию туго переплетенных и взаимопроникающих сюжетов экономического, политического и правового характера из прошлого своей страны, с начала ее колониального статуса до середины 80-х годов прошлого века. Более точный абрис рекомендуемого читателю труда получится, если представить, что весь этот скрупулезно отобранный Б. Фаусту материал рассматривается им через социальную призму. Автора, в конечном счете, интересует эволюция бразильского общества в течение пяти последних веков, то, как жили на просторах его страны, щедро одаренной природой, люди всех рас, наций, классов и состояний.

В начале XVII в. Рио-де-Жанейро представлял собой маленький, грязный, тропический городок с населением примерно в 5 тыс. человек, в составе которого европейцы были меньшинством, а основной экономики окрестий являлись плантационные монокультуры. На невольничьи рынки Бразилии систематически доставлялись чернокожие африканцы, до половины из которых гибли в трюмах *тумбейрус* — кораблей-могил, бороздивших воды южной Атланти-

* *Fausto B. História Concisa do Brasil. São Paulo, EDUSP, 2001.*

ки. Жизнь раба «потреблялась» в среднем за семь лет. Умерших нередко даже не хоронили, а выбрасывали на прибрежные пески, обеспечивая пиршество хищным птицам. Свою «игрушку» в виде костей несчастных получали и равнодушные океанские волны.

Как же получилось, что нынешняя Федеративная Республика Бразилия, являясь государством развитой демократии и превратившись в мощную индустриальную державу, уверенно вступает в открывшееся перед ней постиндустриальное пространство и необозримые дали информационной эры? Обобщая достижения последних лет латиноамериканского гиганта, наш крупнейший специалист по современной истории Бразилии Л.С. Окунева справедливо писала, что Бразилия добилась поистине выдающихся успехов. Особенно это касается металлургии, автомобиле- и самолетостроения, нефтедобычи и нефтепереработки, аэрокосмической области. Внешняя торговля страны на 60% состоит из промышленного экспорта. Страна ежегодно производит более 2 млн автомобилей, занимает третье место в мире по поставкам на три континента реактивных самолетов среднего радиуса действия, добывает из своих богатейших недр едва ли ни всю таблицу Менделеева, располагая планетарного масштаба запасами урана и являясь крупнейшим экспортером железной руды высочайшего качества. Бразилия полностью удовлетворяет собственную потребность в нефти и предложила миру альтернативу углеводородам, экологически чистое горючее растительного происхождения — этанол. Бразильский агробизнес способен накормить едва ли ни половину быстро увеличивающего свою численность человечества. Внедряя технологии в сфере телекоммуникаций и информатики, Бразилия совершила прорыв в области освоения космоса, создала собственный спутник, добилась существенных результатов в реализации таких проектов, как «бразильский геном», «электронная модель государства» и др. При этом в XXI в. страна вступила, значительно укрепив свою финансовую сферу.

Внимательное чтение книги Б. Фаусту поможет ответить на поставленный выше вопрос. В ней вскрыт феномен исторического пути Бразилии. Когда-то будущая бразильская метрополия Португалия открыла собой эпоху формирования централизованных монархий Западной Европы. Завершив арабскую реконкисту, она обрела независимость уже в XI в., а с 1415 г. первой на европейском континенте ступила на путь строительства своей колониальной империи. Лишенная конкурентов, Португалия, по выражению Б. Фаусту, превратила это грандиозное предприятие в свой национальный проект.

Бразилия, открытая, по сути, случайно, предстала перед глазами Кабрала и его спутников в виде полосы песчаного побережья, к которой подступала стена тропического леса. Индейцы тупи-гуарани и тупинамба, вышедшие из него навстречу пришельцам, были людьми неолита и не смогли оказать им сопротивление, подобное тому, которое позднее встретили испанцы за западе континента со стороны раннерабовладельческого государства инков, знавших плавку металлов.

Таким образом, завоевания Бразилии не было. Последовала ее континентальная колонизация при постоянном стремлении сохранить единство и целостность всех осваиваемых территорий. Этот процесс начался, когда в 1549 г. в Бразилию прибыл первый португальский генерал-губернатор Томé де Соуза, и завершился легализацией ее сухопутных границ общей протяженностью в 16,5 тыс. км, осуществленной в 1889—1909 гг. великим дипломатом бароном Рио-Бранко. Колонизация Бразилии, площадь которой составляет почти половину (47,3%) всей Латинской Америки, приходилось в основном на колониальный период и осуществлялась тремя путями. Прежде всего, это упоминаемое Б. Фаусту предоставление подданным короля обширных владений — *сесмарий*. Такое пожалование было лишено за океаном арендного характера, как в Португалии, да и расплачиваться за землю шестой частью урожая (что следует из самого термина) не следовало. Из сесмарий вырастали огромные латифундии: земли было много, а претендентов, отвечавших требованиям короны, мало. На северо-востоке землю занимали мигрировавшие стада, а затем там возникали крупные скотоводческие хозяйства — *курраиш*. И это тоже был вариант колонизации.

Однако героями освоения огромных бразильских территорий стали не сесмейру и скотоводы, а легендарные *бангейранты* (от порт. *bandeira* — знамя), эти в буквальном смысле слова знаменосцы колонизации. Среди них выделялись паулисты, жители капитании Сан-Паулу, которые отправлялись по рекам вглубь континента на своих тяжелых, долбленых каноэ с целью охоты на индейцев и поисков золота. На севере естественной преградой колонизации в конце концов стало Гвианское нагорье, на западе — колоссальный Андский горный массив.

Если испанцы по преимуществу использовали труд индейцев, то для хозяев из Лиссабона он оказался бесполезным. Бразильские аборигены, привыкшие к сумраку тропического леса, либо гибли под палящим солнцем на плантациях сахарного тростника и хлоп-

ка, либо бежали с них. Важнейшую роль в истории Бразилии сыграл институт рабства африканских невольников. Он неразрывно связал бразильские монокультурные фазенды XVI — XVIII вв. с мировым капиталистическим рынком раннего Нового времени, включил всю огромную колонию в процесс цивилизационного развития евро-американского суперэтнуса.

Колониальная бразильская *fazenda* являла собой триединую экономическую структуру. Ее рабская сущность определялась собственностью *fazendeiro* на рабов, феодальная — на землю, капиталистическая — участием хозяев невольников и плантаций (разумеется, не без посредников) в международной торговле. Черты феодальные и капиталистические постоянно соперничали в жизни фазенд. Следует, на наш взгляд, различать их объективную и субъективную феодализацию. Первая затрудняла связи фазенд с мировым рынком в силу разнообразных внешних обстоятельств экономического и политического характера, вторая объяснялась целенаправленным стремлением метрополии ограничить их с помощью введения разнообразных монополий, налогов, пошлин и т.п. Сопротивление субъективной феодализации являлось серьезным стимулом для борьбы против колониального господства Португалии. С утверждением независимости феодальная ипостась фазенды уходит в прошлое, и на первом месте оказывается конъюнктура капиталистического рынка. Например, во время Гражданской войны в США резко возрастает потребность в бразильском хлопке, а вот необходимость в натуральном каучуке, после взлета интереса к нему в мире в конце XIX — начале XX в., начинает стремительно падать, как только было налажено производство его искусственного аналога. Мы уже не говорим о короле экономики страны — кофе, колебание цен на который всегда было весьма ощутимым.

В уникальность бразильского исторического пути внесла бесспорный вклад как генетически унаследованная португальская, так и своя, национальная, сфера международных отношений. Урок испанского пленения Португалии в конце XVI — первой половине XVII вв. и последующий почти тридцатилетний отказ в признании ее более сильной соседкой побудили Лиссабон настойчиво искать иностранной поддержки. И он нашел ее в лице страны-феномена — Великобритании, родины промышленного переворота и владычицы морей. С 1642 г. начала складываться цепь англо-португальского альянса, звенья которого затем были прочно скованны в 1654, 1661, в мае и декабре 1703 и в 1810 гг. Туманный Альбион стал иг-

рать роль протектора Португалии и всего ее колониального анклава, включая, разумеется, и Бразилию, где после долгих поисков в 1696 и 1727 гг., сначала в капитании Минас-Жерайс, а затем и многих других местах, были открыты соответственно золото и алмазы. Находка оказалась мирового значения: в первой половине XVIII в. Бразилия давала до 85% мировой добычи золота. Упомянутый альянс приобрел не только политическую, но и поистине «золотую» значимость. Известный французский публицист и дипломат аббат Доминик де Прадт (1759—1837) писал, что в отношении золота Португалия играет роль рта, а Англия — желудка.

Как ни парадоксально, но такая бесчеловечная по меркам общепризнанных моральных норм система эксплуатации, как рабство, сохранила целостность Бразилии. Войдя в свое время в мировой экономический порядок как анклав рабовладения и заняв в нем прочное место (чего стоило только, к примеру, распространение бразильского сахара в Западной Европе в XVII в.!), она в XVIII и большей части XIX в. оказалась лишенной альтернатив что-либо изменить в своей производственной сфере. В течение долгих десятилетий было ясно, что отменить рабство значило остановить в Бразилии все. Отсюда такое упорное противодействие попыткам Лондона воспрепятствовать в XIX в. бразильской работорговле, фактически иссякнувшей только к его середине. Глубоко прав Б. Фаусту, когда пишет, что антимонархические выступления в бразильских провинциях в 30—40-х годах XIX в. (Кабанада, движение фаррапос, Сабинада, Балайада, акции прайеров) не развалили страну в условиях решительных английских мер по ликвидации торговли невольниками именно из-за железных скреп рабства. Советские историки не решались на подобную констатацию.

Размышляя о фантастической долгой истории существования рабства в Бразилии, нельзя опустить вопрос об эволюции этого института. Б. Фаусту справедливо упоминает о практике так называемых «вольных грамот», т.е. о выкупе, самовыкупе и других способах освобождения невольников и в особенности невольниц. Однако большее значение имела так называемая «сельская брешь», т.е. окрестнянивание рабов, получавших близ плантаций клочки земли с хижинкой и выращивавших для своего пропитания, а частично и на продажу, некоторые сельскохозяйственные культуры. Истоки этой методы уходят еще в колониальное прошлое, когда в периоды феодализации плантаций было бессмысленно и опасно содержать большие контингенты рабов в общих бараках-сензалах, рассчитан-

ных лишь на их кратковременный сон, а затем продолжение изнурительной работы. Со второй половины XIX в. нельзя не учитывать в связи с «сельскими брешами» саму агротехнику производства кофе, т.е. наличие пространства между кофейными деревьями, которое нередко предоставлялось в распоряжение таких рабов-крестьян. Бразильское рабство как охраняемый государством институт практически изжило само себя, а оставшиеся в национальной памяти и связанные с ним вопиющие несправедливости породили в народе страны неукротимую любовь к свободе. Руины рабства были смыты мощным потоком иммиграции, сначала европейской, а затем и всемирной. В бурлящем этническом котле рождалась молодая бразильская нация, со времени независимости которой, как мы знаем, и сегодня не прошло еще и двухсот лет.

По литературе и своему опыту преподавания в бразильских университетах я хорошо знаком с событийной схемой национальной истории этой страны: колония — империя — республика. Однако с теоретической точки зрения изменения, которые Бразилия претерпела за последние два с половиной века, несомненно, являются ее межформационной, многоступенчатой революцией, т.е. в данном случае сменой сложного, многоукладного, традиционного исторического типа общества другим типом — урбанистическим (ныне 80% бразильцев проживают в городах), буржуазно-капиталистическим. Начавшись в конце XVIII в., эта революция продолжается и по сей день, откликается на вызовы глобализирующегося мира, модифицирует бразильскую политическую и экономическую реальность с учетом социальных потребностей своего общества, как это происходит в развитых странах Запада.

В череде событий, явлений и целых периодов, которые можно связать с упомянутой революцией, мы бы выделили несколько перемежающихся и неравнозначных составляющих, как это неизбежно бывает в исторической жизни формирующейся нации. Республиканско-освободительная линия открывается заговором Инконфиденсия Минейра 1789 г., как раз в то время, когда французы сокрушили Бастилию. Далее она ознаменована восстанием в Пернамбуку в 1817 г., Конфедерацией Экватора 1824 г., упоминавшимися выше антиправительственными движениями 30—40-х годов XIX в. и находит в итоге свое завершение в провозглашении в 1889 г. республиканского строя по прошествии столетия с начала Великой революции во Франции, культура которой всегда была близка бразильцам. Этнограф Генрих Манисер как-то писал, что если житель бразиль-

ской провинции мечтает о Рио, то житель Рио мечтает о Париже. Тяготы многолетней Парагвайской войны дали действенный толчок аболиционизму, сначала как идеологии, которая, однако, вскоре привела к активным акциям по ликвидации рабства. Республиканское и аболиционистское движения тесно переплелись. Рабство было упразднено за год до установления республики.

Все это вряд ли бы состоялось, если бы 7 сентября 1822 г. Бразильская империя не провозгласила своей независимости от Португалии, а ранее, в 1808 г. двор Браганса, спасаясь от наполеоновских войск, не добрался бы до Рио-де-Жанейро и в 1815 г. не уравнил бы в правах колонию и метрополию в рамках Объединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгарви. Поколение, стоявшее у истоков бразильской имперской государственности во главе с «отцом независимости» Жозе Бонифасиу де Андрада-и-Силвой, вышло из стен факультета математики и естественных наук Коимбрского университета, преобразованного деятелем просвещенного абсолютизма маркизом Помбалом в 1772 г. Наследники молодой Бразильской республики, призванные укреплять ее основы и демократизировать институты, были, в свою очередь, выпускниками Военной академии в Рио-де-Жанейро. За упразднением рабства и монархии на бумаге должна была последовать борьба с латифундистской олигархией и таким ее политическим выражением, как *коронелизм* (от порт. *coronel* — полковник) всех видов и масштабов. Буржуазия страны в силу неразвитости промышленности либо была слишком слаба, чтобы в нее включиться, либо пошла на союз с крупными землевладельцами. Тогда за дело взялись *тенентисты* (от порт. *tenente* — лейтенант), выходцы из младшего и среднего офицерского состава армии. Их военно-политическое движение патриотического и антиолигархического характера в 20-х годах прошлого века внесло заметный вклад в развитие бразильской революции, о которой трактовалось выше. В конечном счете, тенентисты подготовили в Бразилии так называемую, «революцию 1930 года», эту революцию в революции, да и всю эпоху Жетулиу Варгаса.

Варгас — сложнейшая политическая фигура. Но образ политика складывается из его ответов на вызовы времени, в котором он живет и действует, а оно ставило перед ним задачи выбора дальнейшего пути Бразилии в условиях мирового экономического кризиса, успехов германского национал-социализма и итальянского фашизма, роста влияния их сателлитов — бразильских интегралистов, непрерывного давления со стороны мощных объединений

выходцев из «стран оси», распространения тлетворных, человеко-ненавистнических расовых теорий и т.п. И все же, невзирая на все колебания и ошибки Варгаса, он вошел в историю страны как патриот, национально мыслящий политик, строитель бразильской индустрии и антифашист, объявивший 22 августа 1942 г. войну Германии и ее союзникам. Последнее стоит особенно дорого, ибо нет ничего более противоположного, чем расизм и бразильцы — дети всех рас и наций Земли. Народ не обманешь: когда 24 августа 1954 г. Варгас застрелился, на улицы бразильских городов, чтобы почтить память покойного, впервые вышли миллионы и миллионы его сограждан.

Таким образом, нацистско-фашистский искус бразильская революция выдержала с честью. Однако судьба готовила ей другое сложное испытание. Победа над фашизмом чрезвычайно усилила лагерь мирового коммунизма. А что может быть более притягательным и манящим для бедняков, в частности, и бразильских, как перспектива сытости, благополучия и не формального, а подлинного равенства во всем с властью имущими? Этот пьянящий дурман перекинулся на Латинскую Америку, когда в 1959 г. к власти на Кубе пришли Ф. Кастро и его сторонники. Сказать, что Бразилия была тогда, да и остается во многом донныне, страной социальных контрастов, значит не сказать ничего. Правда, во второй половине 50-х годов, когда на просторах штата Гояс началось строительство новой столицы — Бразилиа, у многих, например, массы бедняков-*кандангус*, выходцев с Северо-Востока, и других появилась работа. Однако жизнь продолжалась, в 1960 г. строительство города было завершено, а новое правительство Ж. Гуларта не внушало бразильскому истеблишменту уверенности в своем будущем.

Тогда к власти на два десятилетия пришли военные, поддержанные, между прочим, постаревшими тенентистами. Военный режим был жестким ответом на вызов мирового коммунизма. Поле демократии в стране оказалось резко редуцированным, начались политические преследования и эмиграция. Между тем, общеизвестно, что именно в это время Бразилия добилась выдающихся результатов в индустриальной модернизации и концентрировала силы, чтобы с большей уверенностью и последовательностью шагнуть в свое демократическое завтра, теперь уже с учетом всех его искушений, ловушек и подводных камней. Нельзя, на наш взгляд, исключать упомянутый период из истории бразильской революции. Он являлся ее продолжением.

Свою зрелость политическая система Бразилии, сложившаяся после ухода военных, продемонстрировала в сентябре 1992 г., когда Палата депутатов подавляющим большинством голосов высказалась за отставку президента Ф. Коллора, уличенного в коррупции. Я работал тогда в Бразилии и, признаюсь, трудно было переоценить степень возмущения народа открывшимся ему обманом президента и его окружения.

С середины 90-х годов Бразилия демонстрирует миру впечатляющий пример продуманной политики поступательного экономического развития и демократизации. Сначала в течение двух президентских сроков (1995–2002) Фернанду Энрике Кардозу, выдающегося ученого, экономиста и социолога, была остановлена инфляция и в целом значительно укреплено финансовое положение страны. Затем последовали два срока президента-рабочего и профсоюзного активиста, главы Партии трудящихся (ПТ) Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003–2010), которому удалось вырвать из состояния беспросветной нищеты около 40 млн своих соотечественников. Убежденный сторонник левоцентристских и социал-демократических взглядов, Лула, блестяще рассчитав баланс политических сил в Бразилии, избежал опасности левого авантюризма, чреватого непредсказуемыми последствиями в условиях реальностей его страны. Поддержка талантливого политика со стороны избирателей оказалась такой сильной, что с 2011 г. начатое им дело продолжает тоже представительница ПТ и первая в истории Бразилии президент-женщина Дилма Руссефф. Бразильская революция продолжается...

Книга Б. Фаусту ценна для нашего читателя тем, что она способна основательно и на современном научном уровне разрушить, возможно, существовавшие у нас стереотипы о прошлом и настоящем Бразилии, приблизить к нам эту страну, побудить сопоставить бразильские и российские исторические реалии. Почему это важно именно в наше время? Потому что в условиях мирового экологического кризиса, который ныне на устах буквально у всех, России и Бразилии принадлежит особая роль. Сегодня цивилизация для своего самообеспечения требует ресурсов, уже на 20% превышающих возможности самообновления и регуляции биосферы. За последнюю треть XX в. численность видов дикой фауны сократилось на 40%, а обитателей морей — наполовину. На грани исчезновения находятся 52% всех живых существ. Начиная с 2000 г., территории лесов ежегодно сокращаются на 6 млн га. В результате бесконтроль-

ных вырубок амазонской сельвы ее площадь уменьшилась на 23 тыс. кв. км, и к 2050 г. от нее останется не более 60%. При этом следует отметить, что если тайга севера способна самовосстановиться (правда, в сроки, превышающие продолжительность жизни многих человеческий поколений), то дождевые леса тропиков, основной источник кислорода, погибают безвозвратно.

В этих обстоятельствах, когда каждый пятый квадратный километр земной суши является территорией России и Бразилии, наши страны признаны всеми как «легкие планеты», так как располагают около 1,1 млрд га высокопродуктивных лесных сообществ, что составляет 62% их мировой площади. Из 6,4% занятой лесами территории Европы 90% приходится на Россию, которая располагает также 90% всей азиатской тайги. Из 31% не тронутых человеком лесов Латинской Америки больше половины приходятся на Бразилию. Обладая относительно менее загрязненными крупнейшими речными системами мира, озером Байкал и другими источниками, обе страны являются хозяевами стратегического запаса пресных вод планеты, нехватка которых ощущается все отчетливей. Эти факторы пока обеспечивают поддержание биоразнообразия и самой жизни на Земле.

Российско-бразильские отношения, таким образом, решительно выходят за рамки межгосударственных, имеют поистине глобальное значение. Став в силу объективных обстоятельств обладателями мирового ресурса жизнеобеспечения, Россия и Бразилия призваны быть его хранителями и содействовать приумножению. Именно это, а не простая принадлежность к так называемым «странам-гигантам», должно способствовать их тесному партнерству в эпоху экологического кризиса. К мировой экологической оси Москва – Бразилиа призваны примкнуть и другие страны, исходя из той роли, которую им уготовано сыграть в деле сохранения природного наследия. Это лесистые Канада, Перу, Эквадор, Колумбия, Венесуэла, Гайяна, Суринам, Франция с ее Гвианой, это США с просторами Аляски, Австралия и Алжир с огромными не занятыми хозяйственной деятельностью территориями. Однако инициаторами и несущей конструкцией такого жизненно необходимого для землян альянса должны стать Россия и Бразилиа. Данный подход означает как новое видение российско-бразильских отношений и их значимости в мире, так и новый критерий международного сотрудничества, основанный не на учете величины ВВП, масштабов потребления, объемов сжигаемых углеводородных энерго-

носителей, а на вкладе в дело поддержания окружающей среды и тем самым ответственности за планетарную стабильность в самом фундаментальном ее значении.

Подобные новации в отношениях Москвы и Бразилиа, несомненно, обогатят деятельность группы БРИКС, а входящие в нее страны, занимающие 27% земной суши, сосредоточившие 42% населения мира и 46% его рабочей силы, к середине текущего века превзойдут по своей экономической мощи державы «Большой семерки». Новая эколого-гуманистическая составляющая российско-бразильских отношений станет основой политики БРИКС в этой сфере, уравнивая, к примеру, мощную экономическую экспансию Китая в Бразилию и слабо контролируемый рост населения Индии.

Теперь понятно, почему россияне и бразильцы должны и даже призваны знать друг о друге как можно больше?! Доброго пути книге Бориса Фаусту к нашим читателям и заинтересованного у них приема...

* * *

В завершение я хотел бы вернуться к упомянутому мною в самом начале «обстоятельствам», побудившим меня взяться за это предисловие. До сих пор круг лиц, занимающихся в России бразильской историей, остается довольно узким. И работа над предисловием к книге Б. Фаусту оживила в моей памяти множество имен, событий, встреч. Случилось так, что мне довелось сделать широко известными в Бразилии и России имя и деятельность академика Григория Ивановича Лангсдорфа (1774—1852), естествоиспытателя и этнографа, путешественника и дипломата, генерального консула в Рио-де-Жанейро (1812—1830), человека, с которым связана не только экспедиция в центральные районы Бразилии (1822—1829), но и целая эпоха российских научных исследований в этой стране (1813—1836). Ныне он, бесспорно, признан родоначальником российско-бразильских отношений, а поскольку ученый проявлял и деятельный интерес к торговым контактам России с Китаем и Индией, то его можно считать и предтечей идеи создания международной группы БРИКС.

Моими предшественниками в изучении дел и трудов Лангсдорфа были отечественный этнограф, участник второй русской экспедиции в Южную Америку в 1914—1915 гг. Генрих Генрихович Мани-

зер (1889 — 1917) и заведующая отделом Центральной и Южной Америки петербургского Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) Нозми Григорьевна Шпринцин (1904 — 1963). Обоих исследователей объединила принадлежность к научной этнографической школе Льва Яковлевича Штернберга (1861 — 1927). Первый из них, по-сути, открыл для науки прочно забытое имя Лангсдорфа, потерявшего в 1828 г. в дебрях Амазонии из-за тропической лихорадки память и уже не вернувшегося к научной деятельности, а вторая стала первой исследовательницей находившегося столетие в безвестности рукописного архива замечательного ученого, а также моей наставницей, завещавшей мне, в свою очередь собственный архив.

Лангсдорфа и Манизера сближали, в частности, гуманное отношение к бразильским индейцам, стремление интегрировать их в окружающий мир при сохранении основ аборигенных культур. Посредником между двумя учеными стал в этом бразильский национальный герой, основатель «Службы защиты индейцев» маршал Кандиду Мариану да Силва Рондон (1865 — 1958), увековеченный в названии штата Рондония. В 1915 г. судьба свела Рондона и Манизера в Рио-де-Жанейро. Получалась в чем-то символическая, но в основном реальная цепь взаимосвязей и взаимовлияний.

В процессе подготовки книги Б. Фаусту к печати выявилась и другая, московская по происхождению, линия взаимосвязей. Перевод ее текста предпринял близкий мне семейный тандем: Людмила Семеновна и Ольга Владимировна Окуневы, дочь и внучка видного советского латиноамериканиста Майи Александровны Окуневой (1922 — 2005). Л.С. Окунева — известный специалист по истории Бразилии XX в., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки, директор центра БРИКС МГИМО (У) МИД РФ, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН, а О.В. Окунева — кандидат исторических наук, доктор Университета Париж-Сорбонна, научный сотрудник ИВИ РАН. С Людмилой Семеновной, взявшей на себя также труд научного редактора книги Б. Фаусту, меня связывает еще одна очень значимая в отечественной бразилианистике фигура — главный научный сотрудник ИЛА РАН, заслуженный деятель науки, доктор исторических наук, профессор Борис Иосифович Коваль. Он является одним из учителей Л.С. Окуневой и был оппонентом на защите моей докторской диссертации в январе 1980 г., а также руководителем по кандидатской диссертации моего бразильского друга и соратника, более того, брата по духу,

профессора Университета в Бразилиа (UNB), безвременно погибшего Маркоса Пинту Браги (1942 – 1994).

Интерес к книге Б. Фаусту связан у меня также с целой цепочкой личных бразильских воспоминаний и ассоциаций. Так, в начале 90-х годов прошлого века на развалинах фазенды Лангсдорфа Мандиока в муниципии Маже, близ Рио-де-Жанейро я беседовал с археологом Таней Андради, проводившей там раскопки. Оказалось, что она по своему происхождению связана с семьей знаменитого бразильского писателя и мыслителя Эуклидеса да Куньи (1866 – 1909), автора классического труда «Сертаны», посвященного крестьянскому восстанию в Канудусе в Баие (1896 – 1897), о котором подробно пишет Б. Фаусту. В истории Бразилии XX в., пожалуй, нет более значимой фигуры, чем Жетулиу Варгас. В свое время для каких-то своих нужд он снимал квартиру в одном из домов Рио-де-Жанейро, построенном на рубеже позапрошлого и прошлого столетий. В 90-х годах там размещалось маленькое издательство, в котором я неоднократно бывал и где готовил к печати бразильские издания своих книг о Лангсдорфе. Кто не знает великого архитектора Оскара Нимейера (1907 – 2012)?! Мне довелось беседовать с ним в июле 1988 г. в Бразилиа, в доме дипломата Владимира Муртинью и заинтересовать планами публикации наследия Лангсдорфа. А вождь легендарной «Колонны» Луис Карлос Престес (1898 – 1990)! Нет, я с ним не встречался, но много слышал о нем от моего друга и сына Л.К. Престеса от второго брака, кинематографиста Луиса Карлоса Престеса Рибейро, с которым мы вместе работали над фильмом о побратимстве Ленинграда и Рио-де-Жанейро и которому я бесконечно благодарен за искреннее содействие моим научным планам в Бразилии. Б. Фаусту пишет, конечно, не только о великих сынах своей страны, но и о многих других ее деятелях, например, о президенте Жозе Сарнее, который известен также как писатель. Однако, показывая ему в июле 1988 г. экспонаты выставки «Лангсдорф возвращается», размещавшейся в Министерстве иностранных дел Бразилии, в Бразилиа, я выяснил, что он склонен также и к живописи. Этот список имен и встреч можно было бы продолжать и продолжать... Я, впрочем, надеюсь, что издание книги Б. Фаусту послужит делу укрепления взаимопонимания и расширения всевозможных контактов бразильцев и россиян, а круг российских специалистов по Бразилии будет шириться.

Б.Н. Комиссаров

1. Колониальная Бразилия (1500–1822)

1.1. Морская экспансия Португалии и прибытие португальцев в Бразилию

С ранних лет бразильцы узнают дома или в школе, что Бразилию открыл Педру Алвареш Кабрал в апреле 1500 г. Это событие является одним из эпизодов португальской морской экспансии, которая восходит к началу XV в.

Почему же такая небольшая страна, как Португалия, стала первой державой, начавшей морскую экспансию, почти за столетие до того, как Колумб, посланный Испанией, достиг берегов Америки? Ответ на этот вопрос будет состоять из нескольких частей, так как потребуются принять во внимание различные факторы. Во-первых, среди европейских стран Португалия стояла несколько особняком и была склонна обращать свои взоры за пределы собственных границ. На протяжении XIII–XIV вв. португальцы уже накопили опыт торговли на дальних расстояниях, хотя пока и не сравнились с венецианцами и генуэзцами, которых в дальнейшем им суждено будет превзойти. Впрочем, еще до того, как португальцы установили контроль над своей международной торгов-

лей, генуэзцы способствовали их морской экспансии, превратив Лиссабон в крупный центр генуэзской торговли.

Накоплению опыта в сфере торговли способствовали и экономические связи Португалии с исламскими государствами Средиземноморья: об увеличении товарообмена можно судить по возросшему использованию монеты в качестве платежного средства. Без сомнения, географическое положение Португалии — близость к островам Атлантического океана и к побережью Африки — давало импульс к морским экспедициям. Учитывая уровень развития технологий в то время, важным преимуществом портов Португалии или юго-востока Испании было наличие благоприятных морских течений.

Наряду с этим были и другие обстоятельства, связанные с политической историей Португалии. По своей значимости они сопоставимы с уже названными факторами или даже превосходят их. Португалия не избежала общего кризиса Западной Европы. Однако в политическом отношении она встретила его в лучших условиях, чем другие королевства Старого Света. На протяжении всего XV столетия Португалия оставалась единым государством, выгодно отличаясь в этом плане от Франции, Англии, Испании и Италии, которые были вовлечены в войны и запутанные династические споры.

Португальская монархия укрепилась в ходе событий, одним из важнейших эпизодов которых стала революция 1383—1385 гг. Поводом к ней стал спор по вопросу престолонаследия в королевстве, после чего восстала торговая буржуазия Лиссабона. За этим последовало крупное народное восстание, «бунт черни» (по выражению хрониста Фернана Лопеша). Эти события были схожи с теми, что сотрясали в это же время Западную Европу, однако развязка их отличалась от методов подавления крестьянских восстаний крупными сеньорами в других странах. Династический кризис совпал с войной за независимость, когда король Кастилии при поддержке крупной аристократии Португалии ввел войска, чтобы приступить к управлению страной в качестве регента. В ходе противостояния была обретена независимость Португалии; одновременно с этим к власти пришел главный деятель революции 1383—1385 гг. — Жуан, магистр Авишского рыцарского ордена*, побочный сын короля Педру I.

* В португальской традиции эта должность стала практически вторым именем Жуана, который вошел в историю как «Мештре де Авиш» (по-порт. — «магистр Авишского ордена»). — *Здесь и далее примечания переводчиков.*

Хотя некоторые историки рассматривают события 1383 г. как буржуазную революцию, на самом деле они стали результатом проводимой Мештре де Авиш политики укрепления и централизации королевской власти. Вокруг него сплотились представители различных влиятельных кругов португальского общества — знати, купцов, нарождавшейся буржуазии. В этом заключается квинтэссенция дискуссии о причинах португальской экспансии: в контексте той эпохи лишь государство (т.е. собственно королевская власть) могло превратиться в мощный двигатель для осуществления экспансии, при условии стабильности и прочности собственного положения.

Наконец, следует напомнить, что морская экспансия отвечала интересам тех классов, социальных групп и институтов, которые составляли португальское общество. Купцов манила перспектива выгодных сделок; король получал возможность обрести новые источники дохода (что было особенно важно в тот период, когда доходы короны значительно снизились), не говоря уже о престиже и о возможности предоставить занятие для знати; для дворянства и для духовенства служба королю или служба Богу, заключающаяся в обращении в христианство «варварских народов», сулила вознаграждения и должности, получить которые в тесных рамках небольшого королевства становилось все труднее; для населения в целом шанс отправиться за море означал, в первую очередь, возможность эмигрировать в поисках лучшей жизни и бежать от социальной системы, построенной на угнетении. В стороне от подобного единения интересов оставались лишь те, кто был занят в сельском хозяйстве: для них отток населения означал рост стоимости рабочей силы.

Вот почему морская экспансия превратилась в подобие национального проекта, к которому примкнули все или почти все и который осуществлялся на протяжении столетий.

Импульс к заморским путешествиям объяснялся не только соображениями торговли. Пять столетий назад на Земле существовали плохо или вовсе неизученные континенты и целые океаны, которые никто еще не пересекал. Эти неведомые края привлекали воображение европейских народов, которые, в зависимости от случая, то населяли их монстрами, то располагали там фантастические царства или же делали их вместилищем земного рая.

К примеру, открыв Америку, Колумб полагал, что, двигаясь вглубь открытой им земли, он встретит людей с одним-единствен-

ным глазом и людей с песьими головами. Он увидел, как из моря выпрыгнули три сирены и огорчился, что их лица были не столь прекрасны, как он это себе представлял. В одном из своих писем он упоминал о живущих к западу людях, которые появляются на свет хвостатыми. В 1487 г., при отплытии из Португалии, Афонсу де Пайва и Перу да Ковильян, задачей которых было открыть сухопутный путь в Индию, получили от короля Педру II инструкции по поиску царства пресвитера Иоанна. Легенда о пресвитере Иоанне, потомке волхвов и заклётом враге мусульман, будоражила воображение европейцев по меньшей мере с середины XII в. Возникла она на основании реального факта: на востоке Африки, в Эфиопии, негритянское население исповедовало одну из разновидностей христианства.

Не стоит относиться к мечтам, которые сопровождали заморские предприятия, как к вздорным фантазиям, скрывающим материальные интересы. Но бесспорно и то, что эти последние начинали преобладать по мере того, как очертания материков и новых земель становились все более знакомыми, а на повестку дня выходили практические вопросы колонизации.

При рассмотрении общих вопросов морской экспансии Португалии необходимо упомянуть еще два обстоятельства. С одной стороны, эта экспансия представляла собой значительное развитие так называемой техники мореходства. Когда португальцы лишь начинали плавать к побережью Гвинеи, навигационные карты еще не имели ни долготы, ни широты, а лишь румбы и указание расстояний. Совершенствование приборов, таких как квадрант и астролябия, которые позволяли установить местоположение корабля по звездам, представляло собой значительную инновацию. Португальцы также усовершенствовали особый тип кораблей, наиболее подходящих для длительных плаваний, — каравеллы; их использование началось с 1441 г. Это легкое и быстрое для своего времени судно обладало небольшим водоизмещением, что позволяло ему приближаться к берегу и снижало до определенных пределов риск сесть на мель. Каравелла была «зеницей ока» и любимым детищем португальцев, которые активно использовали ее в XVI — XVII вв. для плаваний в Бразилию.

Другим упомянутым выше соображением является постепенное изменение в сознании современников, особенно португальских гуманистов, таких как Дуарте Пашеку Перейра, Диогу Гомеш и Дон Жуан де Каштру. Далекие плавания каждый раз демонстри-

ровали ошибочность прежних представлений о мире — например, описаний земли, содержащихся в «Географии» Птолемея, — и все более подчеркивали значимость знаний, основанных на опыте. Ссылка на авторитет в этих условиях стала подвергаться сомнению. Иными словами, престиж того или иного автора переставал быть безусловной гарантией правдивости его утверждений.

В ходе португальской экспансии наиболее ценными товарами для европейцев были золото и специи, образовавшие своеобразный «дуэт». Интерес к золоту легко объяснить. С одной стороны, оно использовалось для чеканки монеты высшего достоинства; с другой — азиатская знать широко применяла его для украшения храмов, дворцов и изготовления парадных одежд. Но чем были так ценны специи или, попросту говоря, приправы?

Высокая ценность специй была связана с ограниченными возможностями сохранения и консервирования пищевых продуктов, а также со вкусовыми пристрастиями того времени. Средневековая Западная Европа была «плотоядной цивилизацией». В начале лета, когда заканчивался естественный корм для скота*, его массированно забивали. Мясо закладывали в погреба, но консервировать его можно было лишь с помощью засолки, копчения или вяления на солнце. Эти же способы использовались для консервирования рыбы; они делали пищевые продукты малосъедобными, а перец служил для того, чтобы замаскировать тухлятину. Использование приправ отвечало также кулинарным вкусам того времени, что можно сравнить с привычкой к кофе, который значительно позже стал потребляться в огромных количествах по всему миру. Таким образом, золото и специи являлись наиболее притягательным товаром в XV — XVI вв., хотя были и другие: рыба, мясо, драгоценная древесина, красители, целебные травы и вещества, использовавшиеся в медицине, а затем постепенно и живой товар — африканские невольники.

Завоевание Сеуты на западе Африки в 1415 г. принято считать отправной точкой морской экспансии Португалии. Последовательное проникновение на новые территории затронуло западное побережье Африки и острова Атлантического океана. Исследование западного побережья Африки свершилось вовсе не в мгновение ока. Оно заняло тридцать пять лет, от того момента, как в 1434 г. Жил

* Хотя автор говорит о Западной Европе, под «летом» понимается календарное лето Южного полушария, которое соответствует европейской зиме.

Еанеш оставил позади мыс Бохадор до того, как в 1487 г. Бартоломеу Диаш обогнул внушавший страх мыс Доброй Надежды. После выхода в Индийский океан стало возможным путешествие Васко да Гамы в Индию, в ту самую загадочную, манящую, полную специй страну. В дальнейшем португальцы достигли берегов Китая и Японии, где их влияние было настолько значительным, что японские историки называют период с 1540 по 1630 г. «христианским веком».

Не проникая вглубь африканского континента, португальцы устроили на побережье ряд факторий, которые служили для торговли, являясь при этом укрепленными пунктами. Португальская монархия организовала и упорядочила торговлю с африканским побережьем, введя королевскую монополию на куплю-продажу золота. Условием этой монополии была чеканка монеты на Монетном дворе. К 1481 г. королевская власть создала также Палату Минь* или Палату Гвинеи в качестве специальной таможни для торговли с Африкой. С западного побережья африканского континента португальцы вывозили незначительное количество золотого песка, слоновую кость (торговля ею до этого времени находилась в руках арабских купцов и осуществлялась через Египет), разновидность перца под названием «малагета» и, начиная с 1441 г., главным образом рабов. Их, как правило, перевозили в Португалию, где использовали в качестве домашней прислуги или как рабочую силу в городском ремесленном производстве.

Иначе происходило освоение островов Атлантического океана. Там португальцы приобрели важный опыт в устройстве масштабных сельскохозяйственных плантаций с применением рабского труда. После того, как в стычках с испанцами португальцам пришлось уступить им Канарские острова, они сумели закрепиться на других островах: Мадейре (приблизительно в 1420 г.), Азорах (около 1427 г.), островах Зеленого мыса (1460) и Сан-Томе (1471). На Мадейре параллельно существовали две системы ведения сельского хозяйства, конкурировавшие между собой. Традиционное возделывание пшеницы привлекало значительное число крестьян со скромным достатком, которые получали землю в собственность. В то же время по инициативе купцов и торговых агентов генуэзского и еврейского происхождения возникали плантации сахарного тростника, основанные на использовании рабского труда.

* *Мина (Mina или Costa da Mina)* — часть побережья Гвинейского залива, получившая название «Золотой берег» (территория современной Ганы)

В конечном счете, возобладали возделывание тростника и производство сахара, но этот успех был кратким. Быстрый упадок был связан как с внутренними факторами, так и с конкуренцией сахара из Бразилии и с Сан-Томе. На этом острове в Гвинейском заливе португальцы устроили систему крупных плантаций сахарного тростника, весьма схожую с той, что появится в дальнейшем в Бразилии. Близость Сан-Томе к африканскому побережью и в особенности к факториям Сан-Жоржи-да-Мина и Аксим* способствовала значительному притоку рабов. На острове существовали сахарные заводы-энженью, на которых, согласно описаниям 1554 г., трудилось от 150 до 300 невольников. Сан-Томе всегда был аванпостом работорговли, в ходе которой вывозимые из Африки невольники затем попадали в Америку и в Европу. Когда производство сахара в XVII в. оказалось в кризисе, работорговля стала основной «хозяйственной специализацией» острова.

* * *

В июле 1499 г. в Португалию вернулся первый корабль из экспедиции Васко да Гамы, чье прибытие вызвало необычайный энтузиазм. Несколько месяцев спустя, 9 марта 1500 г., из Лиссабона по реке Тежу отправилась флотилия из тринадцати судов (снаряжение этой экспедиции стало самым дорогостоящим из всех ранее предпринимавшихся). Считалось, что корабли направляются в Индию; командовал ими дворянин, которому было чуть больше тридцати лет, по имени Педру Алвареш Кабрал. Оставив позади острова Зеленого мыса, флотилия взяла курс на запад, отдаляясь от африканского побережья, до тех пор, пока 21 апреля на горизонте не показалась земля — страна, в дальнейшем ставшая Бразилией. В тот день моряки лишь ненадолго сошли на берег, и только на следующий день флотилия бросила якорь в Порту-Сегуру, на побережье современного штата Баия.

С XIX в. ведутся споры о том, было ли открытие Бразилии делом случая и результатом простого следования морским течениям, или же уже существовали какие-то сведения о Новом Свете и Кабрал взял курс на запад, выполняя некую секретную миссию. Все указывает на то, что экспедиция Кабрала действительно собиралась плыть в Индию. Это не исключает вероятности того, что

* Обе фактории находились на Золотом берегу

европейские мореплаватели, особенно португальцы, могли посещать Бразилию до 1500 г.

1.2. Индейцы

Когда европейцы прибыли в страну, ставшую впоследствии Бразилией, они встретили там коренное население со схожим уровнем развития и говорящее на родственных языках, которое занимало атлантическое побережье и бассейны рек Парана и Парагвай.

Признавая этно-лингвистическую однородность этого населения, выделим в ней два основных блока племен — тупи — гуарани и тапуя. Тупи-гуарани были распространены практически по всему бразильскому побережью, от современного штата Сеара на севере до лагуны Патус на юге страны. Племена тупи, также называвшиеся тупинамба, преобладали в прибрежных районах на севере вплоть до современного муниципалитета Кананейя на юге штата Сан-Паулу. Гуарани жили в основном в бассейне рек Парана и Парагвай, а также на участке побережья от Кананейи до южной границы нынешней Бразилии. Несмотря на различие в географическом распределении этого коренного населения, мы говорим о тупи — гуарани, имея в виду сходство их языка и культуры.

На некоторых участках побережья районы проживания тупи-гуарани перемежались с территориями, на которых жили другие племена — гойтака (в устье реки Параиба), айморé (на юге современного штата Баия и на севере штата Эшпириту-Санту), тремембе (на побережье на севере между Сеарой и Мараньяном). Эти племена называли общим словом «тапуя» — так племена тупи — гуарани определяли других индейцев, говоривших на иных языках.

Анализ общественного устройства и обычаев индейцев весьма непросто, потому что речь идет о народах, культура которых весьма отличается от нашей, и в отношении которых существовали и до сих пор существуют сильные предрассудки. Это в большей или меньшей степени отражается в описаниях различных племен, оставленных хронистами, путешественниками и миссионерами, в особенности иезуитами.

В этих описаниях индейцев «ранжируют» по положительным и отрицательным качествам, в соответствии с тем, насколько сильное сопротивление они оказывали португальцам. Например, индейцев айморе, отличавшихся воинственным и непокорным характером,

всегда оценивали отрицательно. Согласно описаниям, прочие индейцы жили в домах как люди; айморе же жили в лесу как звери. Тупинамба поедали тела врагов из чувства мести*; айморе — из-за пристрастия к человеческому мясу. Когда в 1570 г. был опубликован первый королевский закон о запрете обращать индейцев в рабство, для айморе было специально сделано исключение.

Существует также недостаток данных для анализа, связанный не с непониманием и не с предрассудками, а со сложностью получения информации. К примеру, неизвестно, какова была численность индейцев, проживавших на территории современных Бразилии и Парагвая к моменту прибытия португальцев в Новый Свет. Подсчеты весьма существенно разнятся: от 2 млн человек для всей территории до 5 млн человек для одной только бразильской Амазонии.

Индейцы тупи занимались охотой, рыболовством, сбором фруктов и возделыванием земли. Когда почва истощалась, они переходили на другие земли — на время или навсегда. Земледелие было подсечно-огневым, и этот способ в дальнейшем позаимствовали сами колонизаторы. Индейцы выращивали бобы, кукурузу, тыквы и в особенности — маниок**. Мука из него стала основой рациона и для европейцев на протяжении всего колониального периода. Производство не превышало потребления, шло исключительно на собственные нужды и, в первую очередь, было связано с простым выживанием. Каждая индейская община производила продовольствие для себя самой, оставляя лишь немного для обмена с другими общинами.

Контакты между отдельными группами индейцев существовали не только в виде обмена продовольствием, но и в виде перекрестных браков и обмена предметами роскоши, такими как перья тукана или полированные камни, которые продевались в уши или встав-

* Речь идет о ритуальной антропофагии, основанной на представлении о том, что убитый и съеденный врагами соплеменник символически возвращается к сородичам, если они сами захватили в плен и съели этих врагов. Таким образом, речь идет об определенной социальной практике, которая связана с самоидентификацией группы в противопоставлении другим группам и, в конечном счете, — со способом различения «свой — чужой». Ритуальная антропофагия играла важную социальную роль, строго регламентировалась и была направлена «вовне», т.е. применялась только по отношению к противнику и никогда — внутри собственной группы.

** *Маниок* — многолетнее вечнозеленое кустовое растение, корнеплоды которого употребляются в пищу в вареном или печеном виде. Сушеный маниок перемалывают в муку, из которой пекут тонкие лепешки.

лялись в специальное отверстие в нижней губе. Контакты приводили к союзам, в рамках которых одни общины выступали против других. Война и захват в плен врагов, которых умерщвляли в ходе особого ритуала (частью которого была антропофагия), являлись составными элементами общественной жизни тупи. Оба занятия предназначались для мужчин, являясь источником престижа среди соплеменников и возможностью взять себе новых жен.

Прибытие португальцев стало для индейцев настоящей катастрофой. Пришельцы из далеких земель, приплывшие на огромных кораблях, и особенно их священники стали отождествляться индейцами с великими шаманами, которые ходили от деревни к деревне, занимаясь целительством и проповедуя о некоем крае изобилия* (подобное отождествление с шаманами в особенности относилось к миссионерам-иезуитам). Белых одновременно почитали, боялись и ненавидели как людей, наделенных особыми способностями.

Вместе с тем, поскольку индейцы не представляли собой единой нации, а были разделены на многочисленные группы, зачастую враждовавшие друг с другом, португальцы сумели найти себе индейских союзников в борьбе против тех племен, которые оказывали им сопротивление. Так, если бы не помощь тупи, поселение Сан-Паулу-де Пиратининга в первые годы своего существования скорее всего было бы завоевано индейцами тамойо. Все это не означает, что индейцы не оказывали яростного сопротивления колонизаторам, особенно когда те пытались обратить их в рабство. Крайней формой сопротивления было обособление, выражавшееся в постоянных перемещениях во все более и более бедные районы страны. В довольно узких пределах этот способ позволил сохранить биологическое, социальное и культурное наследие коренного населения.

Индейцы, которые подчинились португальцам сами или были подчинены силой, страдали от культурного насилия со стороны белых, от болезней и эпидемий; их ждало вымирание. От смешанных браков с европейцами произошли метисы, чье молчаливое присутствие в ходе формирования бразильского общества заметно и сейчас.

* Среди индейцев тупи бытовало представление о мифической «земле без зла» и «крае изобилия», куда попадают души предков и героев, но который возможно достичь и при жизни. Это представление, созвучное идее христианского рая, широко использовалось миссионерами.

В целом же наиболее адекватно судьбу коренного индейского населения отражает понятие «катастрофа». В эпоху завоевания Бразилии на ее территории жили миллионы индейцев; в настоящее время их насчитывается едва лишь 300 — 350 тыс. человек.

1.3. Колонизация

Так называемое «обнаружение» Бразилии не вызвало и сотой доли того воодушевления, с которым была встречена весть о прибытии Васко да Гамы в Индию. Бразилия представляла как страна с непонятным потенциалом освоения и неизвестными географическими очертаниями. Некоторое время считалось, что это всего лишь большой остров. В описаниях страны, особенно исходивших от итальянских авторов, преобладали экзотические черты: индейцы и разноцветные попугаи разных видов и размеров, отчего она и получила название «Земля попугаев». Португальский король Мануэл предпочел другое название — «Земля Истинного (позже — Святого) креста». Название «Бразилия» встречается, начиная с 1503 г. Оно связывалось с главным богатством новооткрытой страны — красным деревом *paу бразил*. Его древесина насыщенного красного цвета служила для извлечения красителя; сама по себе она отличалась большой прочностью и использовалась для изготовления мебели и кораблей.

Любопытно также напомнить о существовании мифических «островов Бразил» в представлениях средневековой Европы. На географической карте 1367 г. показаны три таких острова, рассеянных между Азорами и побережьем Ирландии и лежащих на широте Бретани (Франция).

Первые попытки колонизации бразильского побережья основывались на системе факторий, уже опробованной португальцами на африканском побережье. Бразилия была «отдана в аренду» купеческому объединению из Лиссабона, руководил которым так называемый «новый христианин»* по имени Фернан Лоронья или Норонья: он получил монополию на торговлю с Бразилией, а взамен обязался посылать по шесть кораблей в год, чтобы исследовать побережье на расстоянии трехсот лиг (около двух тысяч ки-

* «Новый (или «новообращенный») христианин» — еврей, крещенный насильственно или принявший крещение во избежание религиозных преследований.

лометров) и построить там факторию. Это купеческое объединение снарядило несколько экспедиций в Бразилию, но, по всей видимости, когда в 1505 г. срок аренды истек, португальский король решил взять освоение новых земель в свои руки.

В первые десятилетия существования колонии, с 1500 по 1535 г., основной хозяйственной деятельностью была заготовка красного дерева *пау бразил*, которое выменивали у индейцев. Среди тупинамба было принято выполнять определенные работы сообща — в частности, рубить деревья. Таким образом, заготовка красного дерева оказалась схожей с традиционными занятиями индейцев и могла достаточно легко вписаться в их повседневную жизнь. Индейцы выставляли на обмен красное дерево и, в меньшей степени, маниоковую муку; взамен они получали ткани, ножи и другие металлические изделия.

Поначалу Бразилия «шла в одной связке» с Индией — либо как остановка на уже знакомом пути в Азию*, либо как возможный маршрут следования в Индию, который искали преимущественно испанцы. Известно, что, открыв Америку в 1492 г., Колумб, который достиг Антильских островов, считал, что он добрался до Китайского моря. Владение новой землей было оспорено Португалией, после чего серия переговоров привела к заключению Тордесильяского договора (1494). Мир был поделен на два полушария, разграниченных воображаемой линией, которая проходила на 370 лиг западнее островов Зеленого мыса. Земли, открытые к западу от этой линии, принадлежали Испании, к востоку — Португалии.

Разделение сфер влияния вызвало противоречия, поскольку невозможно было с точностью установить, где именно проходила демаркационная линия. Только в конце XVII в. голландцы выработали точную технику измерения долготы. К примеру, чьими являлись устье Амазонки на севере или устье Рио-де-Ла-Платы** на юге (обе реки рассматривались в качестве возможного западного пути в Индию) — испанскими или португальскими? Обе страны снаряжали экспедиции по исследованию южной части бразильского побере-

* Речь идет о маршруте вдоль африканского континента: в определенный момент плавания экспедиция, отклоняющаяся от побережья, чтобы воспользоваться благоприятными ветрами и течениями, оказывается недалеко от Бразилии.

** Строго говоря, Рио-де-Ла-Плата — обширный эстуарий рек Парана и Уругвай — сама по себе не является рекой: таковой ее сочли мореплаватели XVI в. (в том числе Хуан Диас Солис и Себастьян Кабот). Соответственно, термин «устье Рио-де-Ла-Платы» отсылает к представлениям авторов XVI в.

жья, пока, наконец, Фернан Магеллан, португалец на службе Испании, не пересек пролив, носящий ныне его имя, и не вышел в Тихий океан, добравшись до Филиппинских островов (1521). Это замечательное открытие в области мореплавания стало одновременно и разочарованием для испанцев. Западный путь в Индию был найден, но он оказался слишком долгим и сложным, чтобы стать экономически выгодным. Испанцы сосредоточили свое внимание на золоте и серебре, которые вскоре были обнаружены в их американских владениях.

Наибольшую угрозу португальскому господству в Бразилии представляли вовсе не испанцы, а французы. Франция не признала договоров по разделу мира и поддерживала принцип «*uti possidetis*», согласно которому владел землей тот, кто ее осваивал и физически на ней находился. Французы включились в торговлю красным деревом, а также стали заниматься пиратством, так как бразильское побережье было слишком обширным, чтобы португальские береговые патрули могли полностью взять его под охрану. Позже французам удалось основать свои колонии в заливе Гуанабара (1555 – 1560) и в Мараньяне (1612 – 1615).

Политические соображения побудили португальскую монархию признать необходимость колонизации новых земель. Переходом от прежнего периода к новому стала экспедиция Мартина Афонсу де Соуза (1530 – 1533). Задачей ее было патрулирование побережья, передача земли в ненаследственное пользование колонистам, которые прибыли с Мартимом Афонсу де Соуза в Бразилию (так было основано поселение Сан-Висенти в 1532 г.), и исследование территории с целью ее дальнейшей колонизации.

Есть сведения о том, что Мартин Афонсу еще находился в Бразилии, когда король Жуан III решил на создание там наследственных капитанств. Бразилия была разбита на пятнадцать областей путем проведения параллельных экватору линий; распределению подлежали территории от побережья до границы, установленной Тордесильясским договором. Каждая область передавалась в управление так называемому капитану-донатария. Капитаны представляли собой пеструю по социальному составу группу: там были и мелкие дворяне, и чиновники, и купцы; общим для них было наличие связи с королевским двором.

Среди капитанов-донатариев были: опытный мореплаватель Мартин Афонсу; Дуарте Козью, прославившийся военными подвигами в Индии, но оставшийся без средств к существованию (его

пребывание в Бразилии будет отмечено успехами в освоении Пернамбуку); секретарь королевской казны и крупный негоциант Жоржи Фигейреду Коррейя, который вошел в долю с Мемом де Са и Лукашем Жираддешем из семейства флорентийских банкиров и купцов по имени Джиральди; Перу де Кампу Тоуринью, который продал свои земли в Португалии и отправился в Бразилию с шестьюстами колонистами (не сумев ужиться с ними, он был выдан инквизиции и вернулся в Португалию). До 1532 г. Фернан де Норонья получил от короля первое бразильское капитанство — остров Сан-Жоржи, который ныне носит его имя. Среди капитанов-донатариев не было ни одного представителя крупной аристократии, потому что торговля с Индией, с атлантическими островами, да и в самой Португалии была в то время гораздо более привлекательной.

Донатарии получали от короля пожалование в виде капитанства, которым они владели, но не являлись собственниками земли. Они не могли продать свое капитанство или разделить его на несколько частей — лишь у короля было право изменять границы капитанств или вовсе их упразднить. Право владения давало капитанам обширные полномочия как в сфере хозяйствования и сбора налогов, так и в административной области. Право устраивать сахарные заводы-энженью, водяные мельницы или использовать солончаки облагалось выплатами. Часть королевских податей, связанных с заготовкой красного дерева, добычей драгоценных металлов и получением побочных продуктов рыболовства* также попадала в руки капитанов-донатариев. В области административного управления у них была монополия на судопроизводство и право основывать поселения, раздавать наделы земли для обработки (так называемые сесмари), рекрутировать колонистов для несения военной службы и командовать местным ополчением.

Право раздавать сесмари привело к образованию обширных латифундий. Сесмария понималась в Бразилии как надел ранее не обрабатывавшейся земли, право собственности на которую передавалось владельцу-сесмейру с обязательством возделывать ее в течение пяти лет и платить подати королю (впрочем, оно редко выполнялось). За королем закреплялась монополия на специи и

* Вероятно, имеется в виду добыча амбры — ароматического вещества животного происхождения. Авторы XVII в. отмечали значительный размах добычи амбры на северо-востоке Бразилии; этот промысел даже отдавали на откуп, в том числе иностранцам.

лекарственные вещества; ему также шла часть податей. Среди королевских прерогатив было и отправление правосудия в том случае, если речь шла о смерти или увечьях, причиненных представителем благородного сословия. Помимо этого, король мог назначать чиновников для сбора податей в казну.

Вводя систему капитанств, королевская власть использовала ряд практик, унаследованных от средневекового европейского общества. Речь, в частности, идет о праве донатария взимать плату за разрешение устроить сахарный завод-энженью — аналогом здесь является баналитет как форма зависимости крестьян от феодалов. При этом по существу, в своем исходном виде, капитанства представляли собой переходную и пока еще неустоявшуюся форму колонизации с целью встроить Бразилию в систему европейских торговых связей.

За исключением Сан-Висенти и Пернамбуку, другие капитанства в той или иной степени потерпели крах — из-за недостатка средств для освоения, внутренних раздоров, отсутствия опыта, набегов индейцев. Не случайно в наиболее успешных капитанствах производство сахара сочеталось с менее агрессивной политикой по отношению к индейцам. С течением времени корона выкупала капитанства; они сохранились в качестве единиц административного деления, но характер их изменился, так как они стали принадлежать не частным лицам, а государству. С 1752 по 1754 г. маркиз де Помбал практически полностью завершил процесс перехода капитанств из частно-правовой в публично-правовую сферу.

* * *

Решение короля Жуана III учредить капитанства пришлось на период, в который произошли некоторые значительные изменения, связанные как с самой португальской короной, так и с ее международной деятельностью. В первую очередь появились признаки кризиса в торговле с Индией. Помимо этого, Португалия потерпела несколько поражений в Марокко, хотя мечта о африканской империи еще не была изжита. В тот же год, когда в Бразилию был отправлен первый генерал-губернатор Томе де Соуза (1549), во Фландрии из-за убыточности закрылось торговое представительство Португалии. Наконец, по контрасту с Бразилией испанцы добились все возрастающих успехов в добыче драгоценных металлов в своих американских владениях. В 1545 г. они от-

крыли огромное месторождение серебра в Потоси (современная Боливия. — *Примеч. пер.*). Все эти факторы могли повлиять на политику португальской короны в Бразилии; не стоит забывать и то, что крах капитанств выявил проблемы неустойчивого и шаткого управления португальской Америкой.

Учреждение генерал-губернаторства стало важным шагом вперед в области административной организации колонии. Томе де Соуза — дворянин, уже обладавший опытом пребывания в Африке и Индии, прибыл в Баию* в сопровождении более тысячи человек (среди них было 400 высланных из Португалии преступников) и привез с собой обширные письменные инструкции. В них содержалось предписание обеспечить португальское владение новыми землями, колонизовать их и организовать сбор податей в казну. Для выполнения этих целей были созданы новые должности, самыми важными из которых были генеральный судья, которому надлежало отправлять правосудие, капитан-майор, отвечавший за патрулирование побережья и интендант финансов, ответственный за контроль и увеличение собираемых налогов.

Заметим, что в XVI в. Бразилия не приносила королевской казне значительных богатств. Наоборот, согласно расчетам бразильского историка Виторину Магальяеша Годинью, в 1558 г. налоги и сборы из Бразилии составляли всего лишь 2,5% от всех доходов короны, в то время как торговля с Индией представляла 26%.

С генерал-губернатором прибыли первые иезуиты (Мануэл да Нобрега с пятью спутниками), задачей которых было обращение индейцев в христианство и введение дисциплины среди малочисленного духовенства колонии, которое пользовалось к тому же дурной славой. В дальнейшем (1551) было создано епископство Сан-Салвадора, подчиненное архиепископу Лиссабона. Административная и церковная организация шли тем самым рука об руку. Введение генерал-губернаторства закрепляло статус административного центра колонии. В соответствии с полученными инструкциями, Томе де Соуза предпринял обширное строительство в г. Сан-Салвадор, столице Бразилии до 1763 г.

* *Баия* — сокращенное название Бухты всех Святых (Баия-де-Тодуш-уш-Сантуш) на северо-востоке Бразилии. Она получила свое название в честь католического праздника, в день которого была открыта (1 ноября 1501 г.). Первоначально относившийся к собственно бухте топоним затем перешел на окрестную местность, став названием капитанства, затем провинции, затем штата. С 1549 по 1763 г. столица Баии г. Салвадор являлся административным центром Бразилии.

Учреждение генерал-губернаторства представляло собой попытку административной централизации, однако генерал-губернатор не обладал всеми возможными полномочиями и даже в первые годы существования этой должности не мог осуществлять всеохватную деятельность. Связь между капитанствами оставалась достаточной неустойчивой, что ставило пределы деятельности губернаторов. Переписка иезуитов* дает ясное представление об этой обособленности. Так, в 1552 г. отец Франсишку Пиреш в письме из Баии к братьям по ордену, находящимся в Коимбре, сетует на то, что может рассказать лишь о местных событиях, ведь «порой проходит год, а мы ничего не знаем друг о друге из-за того, что непогода и малое количество кораблей затрудняют сношения на побережье; порой же мы чаще видим корабли из Португалии, чем из [соседних] капитанств». Годом позже Мануэл да Нобрега, направленный в сертаны Сан-Висенти**, утверждал практически то же самое: «В это капитанство легче добраться весточке из Лиссабона, чем из Баии».

* * *

Первые три десятилетия, прошедшие со времен открытия Бразилии, были отмечены стремлением гарантировать принадлежность новых земель Португалии. После 1530-х гг. колонизация страны начала приобретать более отчетливые формы. Как и в случае со всей Латинской Америкой, Бразилия станет колонией, основным предназначением которой будет поставка на европейские рынки продовольствия или драгоценных металлов и камней. Политика португальской метрополии станет заключаться в поощрении импорта из колонии (его будут составлять всего несколько видов товаров, вывозимых в больших объемах), и в организации

* Особенностью ордена иезуитов была налаженная система переписки членов ордена с вышестоящими иерархами. Составление ежегодных отчетов о деятельности миссий в том или ином регионе и описание повседневной работы по обращению местного населения в христианство даже вменялись иезуитам в обязанность.

** *Сертаны* — в широком смысле засушливые внутренние районы Бразилии, отдаленные от побережья. В дальнейшем это название стало относиться в большей степени к северо-востоку страны, хотя в широком смысле может применяться и к другим регионам (например, к Сан-Висенти — капитанству на юго-востоке страны). Говоря о сертанах Сан-Висенти, автор имеет в виду основание поселения, ставшего дальнейшим городом Сан-Паулу. Особенностью его является отсутствие прямого выхода к морю, в отличие от других крупных городов того времени.

производства этих товаров на основе крупной земельной собственности. Подобная политика была направлена на то, чтобы сосредоточить в метрополии вывозимые богатства в руках крупных негоциантов, королевского двора и приближенных к престолу. Но поскольку Португалия не могла контролировать те торговые потоки в Европе, которыми заправляли испанцы, голландцы и англичане, указанная политика в результате стала оказывать влияние на экономику не только одной Португалии, но и Европы в целом.

Выбор, сделанный в пользу крупной земельной собственности, оказался созвучным убеждению в преимуществах крупного производства. Помимо этого, мелкий автономный производитель стал бы производить продукцию для собственного потребления, отправляя на рынок лишь незначительные излишки, что противоречило бы задачам торгового оборота.

Наряду с особенностями торговли с Бразилией и с установившимся в ней режимом крупной земельной собственности, отметим третий важный элемент — принудительный труд. В этом отношении ситуация на остальной территории Латинской Америки была сходной, хотя и с некоторыми отличиями. В испанской Америке преобладали различные формы принудительного труда, в то время как в Бразилии господствовало рабство.

Почему же именно эпоха, пышно названная «зарей Нового времени», оказалась отмечена столь отвратительными для нас трудовыми отношениями, которые, к тому же, казалось бы, почти что отжили свой век? Комплексный ответ на этот вопрос заключается в том, что в то время было не так-то много работников, которые могли бы эмигрировать в колонию как полузависимые лица или лица наемного труда, да и сам по себе наемный труд не подходил для целей колонизации. Земель было много, но одно дело было пожаловать сесмарию, а другое — возделывать ее, и в этих условиях в крупных поместьях было бы сложно удержать наемных работников. Они стали бы перемещаться из района в район в поисках лучшей доли, создавая тем самым проблемы с рабочей силой в торговле, ориентированной на экспорт.

Если введение рабского труда можно в общих чертах объяснить этими соображениями, то почему же тогда выбор пал на негров, а не на индейцев? Основной причиной было то, что международная торговля африканскими невольниками сама по себе являлась весьма прибыльной. В дальнейшем она приобретет большой размах в Бразилии колониального периода. Португальцы, голландцы

и бразильцы (речь здесь идет о последних годах существования колониального режима, когда уже можно было говорить о складывающейся бразильской нации) оспаривали друг у друга контроль над этой деятельностью. Работоторговля, таким образом, представляла собой потенциальный источник накопления богатств, а не просто способ обеспечения рабочей силой крупного плантационного хозяйства, ориентированного на экспорт. Важно отметить также факт перехода от рабства индейцев к рабству негров, и переход этот отличался в различных регионах и в различные периоды. Переход был сравнительно быстрым в главной и самой доходной сфере производства на экспорт — в экономике, вращавшейся вокруг сахара. Высокая прибыльность экспорта сахара компенсировала затраты на покупку африканского раба, чья стоимость была намного выше, чем невольника-индейца. В периферийных регионах страны переход от рабства индейцев к рабству негров затянулся (к примеру, в Сан-Паулу африканские рабы стали регулярно и в значительных количествах ввозиться лишь в начале XVIII в., когда были открыты месторождения золота).

Помимо прибыльности торговли африканскими невольниками, обращение в рабство индейцев было сопряжено с трудностями, особенно имея в виду задачи колонизации. Традиционный уклад жизни индейцев был несовместим с интенсивным регулярным трудом, да еще из-под палки, как того требовали от них европейцы. Индейцы вовсе не были бездельниками и лентяями. Они трудились лишь для того, чтобы обеспечить себя пропитанием, что было нетрудно при обилии рыбы, дичи и фруктов. Большую часть своей энергии и силы воображения они тратили на ритуалы, праздники и на войны. Понятия постоянного длительного труда или то, что мы сейчас назвали бы производительностью, были для них чужды.

Можно выделить два основных способа, которые использовали португальцы для обращения индейцев в рабство. Один из них осуществлялся колонистами, был основан на голом расчете и заключался в порабощении без лишних церемоний. Второй практиковался религиозными орденами, в основном иезуитами, и отвечал их представлениям о целях и задачах миссионерской деятельности. Данный вид закрепощения заключался в том, что посредством обучения из индейцев предполагалось сделать «добрых христиан», объединив их в небольшие поселения или деревни. Быть «добрым христианином» означало также усвоить евро-

пейскую привычку к труду. Таким образом, из жителей поселения создавалась группа работников, которых можно было использовать в разных сферах деятельности, в зависимости от потребностей колонии.

Обе отмеченные тенденции не были равнозначными. Заслугой религиозных орденов была попытка защитить индейцев от порабощения со стороны колонистов, что приводило к многочисленным трениям между иезуитами и колонистами. Однако иезуиты не уважали индейскую культуру; они подчас даже сомневались, а являются ли индейцы людьми*. Мануэл да Нобрега, к примеру, говорил, что «индейцы являются псами, когда убивают и пожирают друг друга, и свиньями — в своих пороках и в способах обращаться друг с другом».

Индейцы сопротивлялись порабощению по-разному: воевали, подавались в бега, отказывались от принудительного труда. По сравнению с африканскими невольниками, коренному населению Бразилии сопротивляться было проще. Рабы попадали в огромную незнакомую страну, куда их привезли насильно; индейцы же были у себя дома.

Вторым обстоятельством, отодвинувшим обращение индейцев в рабство на второй план, оказалась демографическая катастрофа. Индейцы стали жертвами европейских болезней — кори, оспы, гриппа — к которым у них не было естественного иммунитета. На период 1562 — 1563 гг. пришлось две волны наиболее губительных эпидемий, унесших жизни более 60 тыс. индейцев, не считая тех, кто жил во внутренних областях страны. Вымирание коренного населения, которое частично было занято в производстве продуктов питания, привело к ужасающему голоду на северо-востоке Бразилии и к потере рабочей силы.

Не случайно с 1570-х гг. поощряется ввоз африканских невольников, а королевская власть начинает принимать различные за-

* Дискуссия о том, являются ли индейцы людьми и, соответственно, распространяются ли на них заветы христианства, велась, прежде всего, среди испанских теологов и юристов. Для португальской же богословской и юридической мысли подобные теоретические споры были менее характерны. Иезуиты в Бразилии несколько раз меняли свою позицию, исходя из результатов повседневной практики. Поначалу они с энтузиазмом описывали готовность индейцев принять крещение, затем наступило разочарование. Однако уже в 1558 г. М. да Нобрега составил программный документ — «Диалог об обращении язычников», в котором утверждалось наличие у индейцев бессмертной души и потенциальных способностей к восприятию христианства.

коны, чтобы попытаться запретить уничтожение индейцев и их безудержное порабощение. В законах, однако, содержались оговорки, что позволяло с легкостью обойти запреты. Индейцев обращали в рабство в результате так называемых «справедливых войн» (т.е. войн, которые считались оборонительными); в качестве наказания за ритуальную антропофагию; за выкуп (речь шла о том, что португальцы выкупали захваченных в плен в ходе межплеменных стычек; в обычных условиях их ждали бы смерть и ритуальное съедение, а так победители получали за них выкуп). Только в 1758 г. королевская власть провозгласила окончательное освобождение индейцев. В основном же от порабощения индейцев отказались намного раньше, так как оно было связано с перечисленными выше сложностями, и к тому же ему существовала альтернатива.

Исследуя африканское побережье в XV в., португальцы начали торговлю невольниками. Ее облегчало то обстоятельство, что племена, с которыми они столкнулись, уже знали о ценности рабов в качестве объектов продажи. В последние десятилетия XVI в. значение имела не только работорговля, прибыльность которой была показана выше. Колонизаторы узнали о навыках и способностях негров, особенно о возможности выгодно использовать их на плантациях сахарного тростника на островах Атлантического океана. Многие невольники происходили из племен, где были привычными обработка металла и скотоводство. Тем самым их производительность труда была намного выше, чем у индейцев. Согласно существующим расчетам, в первой половине XVII в., когда экономика, основанная на производстве сахара, находилась в расцвете, приобретение чернокожего раба окупалось за период от 13 до 19 месяцев. Даже впоследствии, когда цены на невольников резко возросли, африканский невольник окупался за 30 месяцев работы.

Интенсивность ввоза африканцев с «Черного континента» в Бразилию была неодинаковой. Подсчеты общего количества ввезенных рабов также весьма различаются. Считается, что за период с 1555 по 1855 г. через бразильские порты было ввезено около четырех миллионов невольников, по преимуществу молодых мужчин.

Регион происхождения невольников зависел от особенностей организации торговли, от местных африканских условий и, в меньшей степени, от предпочтений бразильских плантаторов. В XVI в.

большинство рабов происходили из Гвинеи (Биссау и Кашеу*), а также с Золотого берега и из четырех портов на побережье королевства Дагомея (современный Бенин). С XVII в. стало возрастать значение областей африканского побережья, находившихся южнее — Конго и Анголы. Важными портами здесь являлись Луанда, Бенгела и Кабинда. В XVIII в. больше всего ввозили ангольцев; вероятно, они составляли 70% от общего количества ввезенных в Бразилию в этом столетии рабов.

Традиционно африканские народы делят на две обширные этнические группы: «суданцев», преобладающих в западной Африке, в египетском Судане и на северном побережье Гвинейского залива, и «банту» экваториальной и тропической Африки, части побережья Гвинейского залива, Конго, Анголы и Мозамбика. Это общее деление не должно заслонять собой того обстоятельства, что невольники, привезенные в Бразилию, происходили из многих племен и царств с собственной культурой — например, йоруба, жеже, тапа, хауса среди «суданцев» и анголы, бенгелы, монжоло, мозамбики среди «банту».

В Бразилии крупными центрами ввоза рабов были Салвадор и, позднее, Рио-де-Жанейро; в каждом из них процесс был организован по-своему, и они нещадно конкурировали между собой. Работоторговцы из Баии использовали в Африке ценную «валюту» — табак, который выращивали в окрестностях Салвадора. Они традиционно были связаны в основном с Золотым берегом, Гвинеей и заливом Бенина (в последнем случае речь идет о второй половине 1770-х гг., когда торговля с Золотым берегом пришла в упадок). Рио-де-Жанейро обычно получал невольников из Анголы. В связи с открытием золотых рудников, развитием производства сахара и значительным развитием Рио-де-Жанейро как города с начала XIX в. общее число ввезенных через его порт рабов превысило их ввоз в Баию.

Было бы ошибкой полагать, что если индейцы сопротивлялись порабощению, то африканцы безропотно с ним согласились. Одиночные или массовые побеги, нападения на рабовладельцев, повседневное сопротивление — все это с самого начала присутствовало в отношениях между рабовладельцами и чернокожими рабами. В Бразилии колониального времени насчитывались сотни так

* Оба этих населенных пункта находятся на территории современной Гвинеи-Бисау.

называемых киломбу — поселений беглых рабов, в которых воспроизводились формы социального устройства, принятые на родине беглецов. Самым значительным киломбу был Палмареш*. Он представлял собой сеть поселений, частично расположенных на территории современного штата Алагоас на северо-востоке страны. Этот киломбу возник в начале XVII в. и почти столетие отражал нападения как португальцев, так и голландцев, пока не был захвачен в 1695 г.

О киломбу Палмареш мало что известно. В основном информация исходит из нескольких португальских источников, сообщающих о пленении и повешении предводителя восставших, Зумби, в последний период существования киломбу. С течением времени Зумби превратился в символ сопротивления африканских рабов. В настоящее время его образ присутствует во всех движениях за права чернокожего населения. Недавние археологические раскопки на месте существования поселений, входивших в киломбу Палмареш, указывают на неоднородный социальный состав его обитателей. Среди них были не только бывшие негры-рабы, но и белые, подвергавшиеся преследованиям со стороны центральной власти за религиозные убеждения или за совершенные преступления.

Оказывая сопротивление в разных формах, африканские (или афро-бразильские) невольники не могли поколебать систему принудительного труда, по крайней мере, до последних десятилетий XIX в. До этого времени им приходилось так или иначе к ней приспособливаться. Среди факторов, затруднявших возможность коллективных восстаний, напомним то обстоятельство, что в отличие от индейцев, африканцы оказывались вырванными из привычной среды, их самоуправно отделяли от соплеменников и посылали жить и работать на незнакомой территории.

С другой стороны, ни церковь, ни королевская власть не противились порабощению африканцев. Религиозные ордена, например, бенедиктинцы, сами были крупными рабовладельцами. Для оправдания рабства приводились различные аргументы. Говорилось, что оно уже существовало в Африке до европейцев, и речь шла лишь о том, чтобы перевезти пленников в христианский мир, где их приобщат к цивилизации и обеспечат спасение души через постиже-

* В отечественной историографии принято также наименование «Республика Палмарес». См., например: Очерки истории Бразилии. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. С. 44 — 47; История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века. М.: Наука, 1991. С. 108 — 109.

ние истинной религии. Кроме того, в расовом отношении негров считали существами низшего порядка. В течение XIX в. этот предубеждение усилился благодаря «научным теориям»: величина и форма черепа, размер головного мозга и т.д. «демонстрировали», что негроидная раса обладала низким интеллектом, была эмоционально неустойчивой и ее биологический тип предназначался для подчинения.

Напомним также о том, как трактовалось положение негров в законодательстве. В этом отношении контраст с индейцами очевиден. У них были законы о защите от обращения в рабство, хотя и мало применявшиеся на практике и содержавшие множество оговорок. Чернокожий невольник же не обладал никакими правами хотя бы потому, что в юридическом отношении считался вещью.

В демографическом плане, несмотря на расхождение приводимых цифр, существуют данные о том, что уровень смертности среди африканских рабов, особенно детей и тех, кто лишь недавно был привезен в Бразилию, превышал смертность среди рабского населения в США. Наблюдатели начала XIX в. высчитали, что убыль рабов составляла от 5 до 8% в год. Современные данные показывают, что длительность жизни раба мужского пола, родившегося в 1872 г., составляла около 20 лет при общей длительности жизни всего населения в среднем 27,4 года. В свою очередь, продолжительность жизни раба, родившегося в США около 1850 г., составляла 35,5 лет.

Несмотря на эти кричащие цифры, нельзя сказать, что чернокожих рабов постигла такая же огромная демографическая катастрофа, как та, что выкосила индейцев. По всей видимости, африканцы из Конго, с севера Анголы и из Дагомеи (на территории современного Бенина) были менее подвержены инфекционным болезням, таким, как оспа. В любом случае, даже когда негры физически истощались раньше времени, у плантаторов всегда была возможность пополнить запас рабочей силы за счет ввоза новых невольников. Система рабского труда в Бразилии оказалась полностью зависима от ввоза. За редкими исключениями не предпринималось попыток увеличить воспроизводство уже ввезенных рабов. Уровень рождаемости среди рабынь был низким. Кроме того, тратить на содержание ребенка в течение 10 или 12 лет считалось рискованным вложением средств из-за высокой смертности, связанной с условиями содержания рабов.

Способы, которыми в течение нескольких веков португальская монархия пыталась получить наибольшую прибыль от своих колоний, связаны с господствовавшими в то время принципами меркантилизма в экономической политике. В рамках этих представлений колонии должны были способствовать самодостаточности метрополии. Тем самым в условиях международной конкуренции между колониальными державами владения каждой из них превращались в зону ее исключительного влияния. Для этого необходимо было установить нормы и практики, которые оградят бы извлечение прибыли из той или иной колонии от иностранных конкурентов. Так складывалась колониальная система, основным вектором которой была «исключительность прав метрополии» или, иными словами, право колонии вести внешнюю торговлю исключительно с метрополией.

Речь шла о том, чтобы максимально запретить перевозку товаров из колонии на иностранных кораблях и особенно — прямую продажу этих товаров другим европейским странам, а также, наоборот, препятствовать ввозу в колонию товаров (особенно тех, которые не производились на ее территории) на иностранных кораблях. Проще говоря, предпринимались попытки сбить цену на закупаемые в колонии товары как можно ниже, чтобы с наибольшей выгодой перепродать их в метрополии. Пытались также максимально нажиться и на свободной от конкурентов продаже товаров, ввозимых в колонию. «Исключительные права метрополии» могли принимать форму аренды, прямого извлечения прибыли государством, создания привилегированных торговых компаний, которые способствовали обогащению определенных групп купцов из метрополии и т.п.

В случае Португалии меркантилистские принципы последовательно не применялись. Удивительно, но наиболее последовательно меркантилистская политика стала проводиться в жизнь только с середины XVIII в., при маркизе Помбале, когда в остальных странах Западной Европы ее постулаты уже стали подвергаться сомнению. Королевская власть сама создала бреши в меркантилистских принципах, в основном потому, что не могла в полной мере претворить их в жизнь. Речь идет не только о контрабанде (она была просто-напросто нарушением правил игры), но, в первую очередь, о положении Португалии среди остальных европейских стран. Португальцы в свое время находились в авангарде морской экспансии, однако у них не было возможности монополизировать торговлю со своими колониями. Уже в XVI столетии крупные торговые цент-

ры находились отныне не в Португалии, а в Голландии. Голландцы были важными торговыми партнерами Португалии, покупая португальские соль и вино и бразильский сахар в обмен на сбыт своих промышленных товаров, сыров, меди и тканей. Голландия также воключилась в международную работоторговлю.

В дальнейшем, на протяжении XVII в., португальской монархии придется вступить в неравноправные отношения с одной из новых восходящих колониальных держав — Англией. Получалось, что исключительный характер прерогатив португальской метрополии варьировался в зависимости от обстоятельств, колеблясь между относительной свободой и централизованной системой управления, дополненной предоставлением особых уступок. Эти последние, по существу, являлись участием других стран в прибылях от эксплуатации португальских колоний.

Не вдаваясь в детали, рассмотрим лишь несколько примеров. Период с 1530 по 1571 г. был эпохой относительной свободы торговли. В 1571 г. король Себастьян издал закон о торговле с Бразилией исключительно на португальских кораблях. Эта мера совпала с началом бурного развития производства сахара. В период Иберийской унии (1580 — 1640), когда испанские монархи занимали также и португальский престол, стали возрастать ограничения для других стран по участию в торговле с Бразилией: это было направлено в первую очередь против Голландии, которая в то время воевала с Испанией. Несмотря на подобную ситуацию, есть данные о прямой регулярной торговле между Бразилией и немецким Гамбургом, относящиеся примерно к 1590 г.

После окончания Иберийской унии и провозглашения королем Португалии Жуана IV наступила краткая фаза «свободной торговли», когда регламентирование было необременительным, а контроль за импортом в Бразилию отсутствовал. Но в 1649 г., с введением системы флотов, был предпринят переход на новый вид централизованной и управляемой торговли. На основе капитала, полученного в основном от «новых христиан», была создана Генеральная компания по торговле с Бразилией. Она должна была содержать флот из 36 кораблей, которые два раза в год конвоировали бы торговые корабли, прибывающие в Бразилию или возвращающиеся обратно. В обмен на это компания получала монополию на ввоз в колонию вина, муки, оливкового масла и трески, а также право устанавливать цены на данные товары. С 1694 г. компания была преобразована в орган правительства.

Между тем учреждение Генеральной компании не помешало Португалии предоставить уступки Голландии и особенно Англии. Португальская монархия искала политической поддержки Англии в обмен на торговые преференции. Хорошим примером этого является договор, навязанный Кромвелем в 1654 г., по которому англичанам гарантировалось право торговать с Бразилией теми товарами, которые не являлись монополией Генеральной компании. От системы флотов отказались лишь в 1765 г., когда Помбал решил стимулировать торговлю и сдерживать возрастающую роль англичан. Это выразилось в создании новых торговых компаний («Компания Гран-Парá и Мараньяна», «Компания Пернамбуку и Параибы»*), что стало последним проявлением меркантилистской политики в Бразилии.

* * *

Двумя основными институтами, которые по своей природе были предназначены для упорядочения колонизации Бразилии, являлись государство и католическая церковь. Они были тесно связаны друг с другом, так как католицизм являлся государственной религией. В принципе, между обоими институтами существовало и разделение обязанностей. Государство взяло на себя обеспечение португальского владычества над колонией, организацию управления на местах, проведение в жизнь политики заселения новых земель, а также решение таких базовых проблем колонизации, как, например, обеспечение рабочей силой; государство определяло, какого рода отношения должны связывать колонию и метрополию. Эти задачи предполагали признание власти государства со стороны переселявшихся в Бразилию колонистов — признание, полученное силой, убеждением или и тем и другим вместе.

В этом отношении роль церкви становилась особенно важной. Поскольку церковь удерживала в своих руках контроль над образованием, «надзор над душами» являлся чрезвычайно эффективным инструментом для проведения мысли о послушании в целом и о послушании государству в частности. Функции церкви этим не ограничивались. Она сопровождала жизнь и смерть человека, регламентировала такие важнейшие стороны человеческого су-

* Гран-Парá, Мараньян, Пернамбуку, Параиба — провинции, примыкавшие к северному и северо-восточному побережью Бразилии.

ществования, как рождение, вступление в брак, смерть. Вступление в общину верующих, следование правилам достойной жизни, безгрешный уход из «юдоли слез» (т.е. земной жизни) зависели от совершения обрядов и таинств, монополией на которые владела церковь: крещения, миропомазания, таинства брака, исповеди, соборования на пороге смерти и, наконец, похорон на кладбище, которое по-португальски выразительно обозначается как «святое поле» (*campo santo*).

Как известно, в истории Западной Европы и западного мира в целом взаимоотношения церкви и государства весьма различались от страны к стране, а в самой стране изменялись от эпохи к эпохе. В случае Португалии произошло подчинение церкви королю посредством так называемого королевского патроната. Он заключался в значительных уступках со стороны римско-католической церкви в обмен на обеспечение португальской монархией присутствия церкви, гарантию ее прав и организацию новых приходов на всех открытых землях. Португальский король обладал правом сбора церковной десятины, т.е. десятой части прибыли от любой деятельности, а также правом создания новых диоцезов и назначения епископов.

Многие обязанности королевской власти по отношению к церкви вели — по крайней мере, в теории — к большому подчинению этой последней, как, например, в случае с обязанностью государства выплачивать содержание духовенству, а также строить церкви и заботиться об их сохранности. Для наблюдения за выполнением всех этих задач португальское правительство учредило своеобразный «департамент по делам религии» под названием «Собрание по делам веры и религиозных орденов» (*Mesa da Consciência e Ordens*).

Контроль государства над церковью был частично ограничен из-за того, что орден иезуитов вплоть до эпохи правления маркиза Помбала (1750 — 1777) оставался весьма влиятельным при дворе. В Бразилии же этот контроль подвергся ограничениям иного рода. С одной стороны, было очень сложно надзирать за деятельностью клира, остававшегося в миру, поскольку члены его были рассеяны по всей колонии; с другой стороны, религиозные ордена добились значительной автономии. Подобная автономия францисканцев, мерседариев, бенедиктинцев, кармелитов и особенно иезуитов сложилась под влиянием разных обстоятельств. Члены ордена подчинялись собственному уставу и проводили определенную политику

по важнейшим вопросам колонизации, как, например, по вопросу обращения индейцев. Кроме того, по мере превращения в крупных земельных собственников и сельскохозяйственных производителей ордена стали сами обеспечивать себя и больше не зависели в этом отношении от королевской власти.

Члены клира, остававшиеся в миру, пытались — каждый по-своему и в меру возможностей — избежать давления государства и собственной церкви. С 1789 г. они участвовали практически во всех восстаниях; это продолжалось и после получения Бразилией независимости вплоть до середины XIX в. Впрочем, было бы ошибкой приписать всему духовенству подобный бунтарский дух; он был ярко выражен у отдельных его представителей, но оставался исключением из правил. В повседневной же деятельности церковь молчаливо (а порой и с большой помпой) старалась исполнить свою миссию по обращению в христианство индейцев и негров и внушить населению необходимость повиноваться как собственным установлениям, так и предписаниям государства.

* * *

Португальское государство в эпоху колонизации Бразилии представляло собой абсолютную монархию. В теории, монарх, согласно божественному праву, сосредотачивает в своих руках всю власть. Ему принадлежит все королевство, т.е. земля, подданные и их имущество; все это является его наследственной собственностью (*patriptnio*). Вот почему речь идет об патримониальном абсолютистском государстве. Это не означает, что король не должен принимать во внимание интересы различных социальных слоев — дворянства, купцов, духовенства, простого народа, — или что он правит в одиночку. Последнее обстоятельство показывает, насколько предпочтительным является обозначение португальской монархии как «корона», а не как «король». Если окончательное слово остается за королем, при принятии решения большое значение имеет мнение избранного им чиновничества, которое образует правящий класс. Даже принцип неразличения государственного и частного был ограничен (особенно в сфере налогообложения) рядом мер, направленных на установление границ действий короля. Появилась новая идея «общего блага», которая оправдывала ограничение королевской власти, когда та навязывала займы или отчуждала частную собственность в свою пользу.

Установление колониальной администрации во многом дублировало полномочия короны и ослабляло ее власть. Конечно, основополагающие решения принимались в метрополии. Однако у глав колониальной администрации была своя сфера полномочий, и им зачастую приходилось действовать на свой страх и риск в новых, непредвиденных ситуациях, лавируя между насущными требованиями колонизаторов и инструкциями из далекого Лиссабона.

1.4. Колониальное общество

В социальной структуре колониальной Бразилии существовал основной принцип определения различных категорий общества методом исключения; он просуществовал по меньшей мере до принятия хартии 1773 г. Речь идет о принципе чистоты крови. Нечистыми считались «новые христиане», негры (даже свободные), в определенной степени индейцы, а также различные категории полукровок, произошедших от смешанных браков. Из этого расового принципа проистекал запрет на занятие должностей, получение дворянских титулов, вступление в престижные религиозные сообщества и братства и т.п. Хартия 1773 г. упразднила различие между «новыми» и «старыми» христианами, хотя это не означает, что с той поры сам принцип чистоты крови был изжит.

Дискриминация относилась в основном к людям как к лицам; более фундаментальное деление ставило по разные стороны людей и не-людей, т.е. свободных и рабов, которые с юридической точки зрения считались вещью. Статус свободного или зависимого во многом был связан с этнической принадлежностью и цветом кожи, поскольку рабами в первую очередь были негры, затем индейцы и полукровки. В отношении этих последних существовала целая номенклатура: различали мулатов (потомков белых и негров), мамелоков, курибока или кабоклу (потомков белых и индейцев) и кафузу (потомков негров и индейцев).

Необходимо также различать рабство негров и индейцев. С начала колонизации до официального упразднения рабства индейцев среди коренного населения были «пленные» (*cautivos*) и те, кого называли свободными (*forros*) или «находящимися под управлением» (*administrados*). Так обозначали индейцев, которых после захвата помещали под опеку колонизаторов. Их положение не слишком отличалось от статуса «пленных». Тем не менее, хотя

в целом положение индейцев было очень тяжелым, оно не могло сравниться с тем, как жили негры. Защита поселений индейцев со стороны религиозных орденов ставила пределы неприкрытому угнетению коренного населения. Даже королевская власть позаботилась о принятии менее дискриминационных законов в его отношении.

Так, по королевской грамоте от 1755 г. даже стали поощряться смешанные браки между индейцами и белыми; утверждалось, что в этом нет «никакого бесчестия». Для потомков таких союзов предусматривалось преимущественное наделение «должностями и почестями», их запрещалось называть «кабоклу» и иными схожими прозвищами, которые могли бы расцениваться как «оскорбительные». Годы спустя вице-король Бразилии распорядился сместить индейца с должности капитана-майора, поскольку тот «опустился столь низко, что женился на негритянке, загрязнив подобным союзом свою кровь, и стал тем самым недостойн занимать вышеуказанную должность».

Значительное присутствие африканцев и афро-бразильцев в бразильском обществе может быть прослежено по переписям конца колониального периода. В четырех самых крупных регионах — в Минас-Жерайсе, Пернамбуку, Баие и Рио-де-Жанейро — негры и мулаты составляли, соответственно, около 75%, 68%, 79% и 64% населения. Лишь в Сан-Паулу белое население составляло большинство (56%). Невольники работали на полях, на сахарных заводах, в рудниках и в качестве прислуги в господских домах. В городах они были заняты на тяжелых работах, в перевозке людей и грузов, в вывозе зловонных отходов или в строительстве. Они были также ремесленниками, зеленщиками, уличными торговцами, посыльными и т.п.

Рабовладельческие отношения не сводились лишь к отношениям рабов и господ, а включали в свою орбиту и другие категории лиц. Были невольники, которых отдавали в услужение третьим лицам, а в городах существовала целая категория «доходных рабов». В Рио-де-Жанейро начала и первой половины XIX в. они были весьма обычными персонажами. Рабовладельцы позволяли рабам зарабатывать, т.е. получать «доход», оказывая какие-либо услуги или занимаясь торговлей, а в обмен те ежедневно или еженедельно выплачивали установленную сумму. «Доходных рабов» использовали как поодиночке, так и группами до 30 или даже 40 человек. Большинство работало на улице, занимаясь разными видами дея-

тельности вплоть до проституции и попрошайничества с согласия своих господ, но существовали и цирюльники, работавшие в помещении, и ремесленники, занятые в мастерских.

Даже среди рабов не переставали существовать различия. Некоторые были связаны с характером выполняемой работы: прислуживать с господском доме или работать на плантациях, быть рабом в крупном поместье или работать на отхожем промысле в городе — все это было не одно и то же. Другие различия были связаны с национальностью, временем пребывания в стране или оттенком кожи. Так, недавно привезенный африканец, не понимавший ни португальского языка, ни обычаев, назывался «босал» (дословно «чурбан», «невежа»); тот, кто уже более или менее адаптировался к новым условиям, понимал язык и мог сам объясняться — «ладину», что можно приблизительно перевести как «находчивый», «изворотливый»; негр, родившийся в Бразилии, назывался креолом. Угольно-черный африканец и мулат, чья кожа была лишь немного смуглей, чем у белого, также относились к разным категориям. Как правило, мулатов и креолов предпочитали использовать для работы в господском доме, для занятий ремеслом и в качестве надсмотрщиков, а рабов с наиболее темным цветом кожи, особенно африканских, направляли на самые тяжелые работы.

* * *

Помимо различных категорий рабского населения, в колониальной Бразилии было также много свободных или освобожденных из рабства африканцев и афро-бразильцев. Согласно данным, относящимся к концу колониальной эпохи, к этой группе относилось около 42% негров и мулатов. Их положение было двойственным. Формально они считались свободными, но на деле их зачастую произвольно обращали в рабство, особенно негров с характерной внешностью и цветом кожи. Они не могли быть членами муниципального собрания или престижных светских братств, таких, как ассоциация мирян при ордене францисканцев. Даже статус вольноотпущенника мог быть пересмотрен, если в поведении такого лица усматривались признаки неуважения к бывшему господину.

Рабство являлось институтом, распространенным на всей территории страны. Оно пронизывало все общество, обуславливало

действия и мысли. Желание быть хозяином рабов, стремление получить их было присуще всем, от господствующих классов до скромных городских ремесленников. Были хозяева сахарных заводов-энженью и владельцы рудников с сотнями рабов, мелкие сельскохозяйственные рабочие с двумя-тремя невольниками и семьи, в которых был один-единственный раб. Предубеждение против негров пережило отмену рабства и в измененном виде дожило до наших дней. Вплоть до времени массового притока европейских работников в центральные и южные регионы Бразилии, ручной труд в обществе презирался как «занятие для негров».

Теоретически свободные люди в колонии относились к сословиям, которые образовывали собственную иерархию. Разделение на сословия — дворянство, духовенство, крестьянство — было характерно для европейского Старого порядка. Перенос в Бразилию этого деления общества, действовавшего в Португалии, не имел большого практического значения. Белая элита стремилась к получению дворянских титулов, но наследственной аристократии не было. Настоящие дворяне-фидалгу* были редкостью, а большинство составляли простые смертные с претензией на благородное происхождение.

Как уже отмечалось выше, колониальное общество состояло не только из рабов и рабовладельцев. В сельской местности жили мелкие земледельцы и землепашцы, аграрные рабочие, крестьяне; в немногочисленных городах — уличные торговцы, мелкие коммерсанты, ремесленники. Подобное положение вещей не оставалось статичным и неизменным. Расширение международной работорговли привело к появлению важной группы среди элиты — крупных работорговцев из Рио-де-Жанейро и Салвадора. Открытие золота и алмазов в Минас-Жерайсе, Гойясе и Мату-Гроссу в начале XVIII в., а также переезд королевского двора из Португалии в Рио-де-Жанейро в начале XIX в. явились факторами, каждый из которых по-своему способствовал диверсификации социальной структуры и изменению отношений между городом и деревней. Так, по отношению к районам золотодобычи (Минас-Жерайс) и крупным городам, подобным Рио-де-Жанейро и Салвадору, мы можем говорить о существовании прослойки чиновничества, образо-

* *Fidalgu* — название дворянина в Португалии, образованное по тому же принципу, что и «идальго» в Испании: дословно означает «сын того, кто что-то собой представляет».

ванных горожан и так называемых лиц свободных профессий, в первую очередь адвокатов.

* * *

Различные сферы деятельности ценились в обществе по-разному. Первоначально наибольшим престижем обладала даже не сама деятельность, а статус владельца сахарного завода-энженью («сеньора энженью»). По известному определению автора-иезуита А.Ж. Антонила в его произведении «Культура и изобилие в Бразилии, даваемое рудниками и растительными богатствами», «быть сеньором энженью — титул, к которому многие стремятся, так как это значит, что тебе многие служат и многие тебя уважают... В Бразилии статус сеньора энженью ценится так же, как в королевстве* дворяне-фидалгу ценят титулы».

Менее престижным считалось занятие торговлей; формально купцы и коммерсанты были исключены из муниципальных собраний и почетных объединений. Тот факт, что многие из них происходили из «новых христиан», усиливал дискриминацию. Непрестижным было и ремесленное производство, так как ручной труд считался «низким» занятием. Ремесленники почти всегда оставались за пределами муниципальных собраний, и лишь иногда им удавалось отстаивать свои интересы через так называемого «внешнего судью», назначаемого королевской властью и возглавлявшего муниципальное собрание в крупных городах.

* * *

Среди свободного населения на вершине социальной пирамиды, помимо элиты работоторговцев, находились крупные землевладельцы и купцы, вовлеченные во внешнюю торговлю. Таков был типичный расклад на Северо-Востоке Бразилии** и позже в Рио-де-Жанейро. Выполняя стратегически важные функции в коло-

* То есть в Португалии.

** Здесь и далее упоминание северо-востока Бразилии подразумевает области, специализировавшиеся на выращивании сахарного тростника и на производстве сахара. В XVI—XVII вв. это были наиболее динамично развивающиеся регионы. В их отношении определение «Северо-Восток» теряет исключительно географический смысл; отсюда — принятые в бразильской традиции заглавные буквы в обозначении этой области.

ниальный период, крупные торговцы не подвергались дискриминации, которую теоретически предполагал их род деятельности. Напротив, с середины XVII в. начинается их социальный и политический взлет. Они все чаще избираются в муниципальные собрания, становятся членами престижных братств и занимают важные должности в местном ополчении.

Между двумя вышеописанными группами элиты существовали как факторы, способствующие сближению, так и соперничество. С одной стороны, в массе своей они составляли господствующий класс колонии по отношению к множеству рабов и тех свободных людей, которые занимали более низкое положение. Рост экономического преуспевания купцов облегчал их вхождение в колониальную элиту. С помощью заключения браков и покупки земли многие купцы становились владельцами сахарных заводов-энженью на Северо-Востоке, вплоть до того, что различие между двумя группами порой стиралось.

С другой стороны, существовала и почва для конфликтов. Крупные коммерсанты влияли на цены импортируемых и экспортируемых товаров, особенно в том случае, когда им удавалось получить должности в привилегированных торговых компаниях, созданных по инициативе королевской власти. Кроме того, они ссужали крупных землевладельцев деньгами на устройство плантаций, покупку рабов и инвентаря, делая это под залог их земель. Вопросы долгов и споры по отсрочке платежей были частым явлением в среде сахарозаводчиков Северо-Востока. Трения еще больше усиливались, если им сопутствовало разделение по происхождению между рожденными в Бразилии владельцами сахарных заводов-энженью и коммерсантами из Португалии.

Наивысшим проявлением противоречий стала так называемая «война бродячих торговцев» (*Guerra dos Mascates*) в Пернамбуку (1710 — 1711). Соперничество двух городов — Олинды и Ресифе — отразило более глубинные противоречия между старой Олиндой владельцев энженью и Ресифе «бродячих торговцев», которые на деле имели мало общего с бродячими торговцами, а были крупными коммерсантами. Некоторые из них обогатились и усилили свое влияние, став откупщиками налогов.

Другим вариантом деления общества на категории, напрямую связанным с принципом чистоты крови, было разделение по религиозному признаку. По определению, подданные португальского короля, живущие в Бразилии, являлись католиками. Но среди них были, если можно так выразиться, более и менее правоверные католики. К последним относились «новые христиане», т.е. евреи или их потомки, принужденные принять христианство по указу португальской короны (1497). Над ними, помимо прочего, постоянно нависало подозрение в том, что они тайно продолжают исповедовать иудаизм. «Новые христиане» играли значительную роль в жизни Бразилии, особенно в первый период колонизации: они были купцами, ремесленниками или владельцами сахарных заводов-энженью, а также занимали государственные и церковные должности. Несмотря на эту значительную роль, а быть может и из-за нее, «новые христиане» подвергались дискриминации, некоторые из них были арестованы и казнены инквизицией. Однако в сравнении с преследованиями, развязанными в испанских колониях в Новом Свете, ситуация в Бразилии была не такой напряженной. Здесь не было собственного «подразделения» инквизиции, она лишь являлась с наводившими ужас инспекционными объездами. За исключением посещения Гран-Пара в 1763 — 1769 гг., большинство из них пришлось на время Иберийской унии. Трибунал святой инквизиции находился в Баие и Пернамбуку в 1591 — 1595 гг. и вновь вернулся в Баию в 1618 г.

* * *

Наконец, не стоит забывать о делении на мужчин и женщин; здесь мы подходим к сфере компетенции такой дисциплины, как история и социология семьи. Традиционно и в особенности под влиянием работ Жилберту Фрейре* семья в колониальную эпоху воспринимается как патриархальная, т.е. семья расширенного типа, включавшая в себя кровных родственников, свойственников, приближенных и тех, кому оказывалось покровительство. Главой семьи непременно являлся мужчина. Патриархальная семья играла важную роль, обозначая отношения между обществом и госу-

* Жилберту Фрейре (1900 — 1987) — видный бразильский историк и социолог, автор ставшей классической работы о рабстве в колониальной Бразилии («Casa-grande e senzala», первое издание 1933 г.).

дарством. Однако такой тип семьи был характерен лишь для правящих классов, а точнее — для элиты Северо-Востока Бразилии. Среди низших сословий расширенной семьи не было, а женщины (особенно те, у кого не было мужей или спутников) стремились к большей независимости. Например, в провинции Оуру-Прету в 1804 г. из 203 домохозяйств лишь 93 возглавлялись мужчинами.

Даже среди господствующего класса подчиненное положение женщин в семье имело исключения. В определенных обстоятельствах они могли играть важную роль в экономической деятельности. Так произошло в капитанстве Сан-Паулу, где женщины, которых местный губернатор охарактеризовал в 1692 г. как «прекрасных и мужественных», взяли на себя управление домом и всем имуществом, пока мужчины пропадали в длительных походах вглубь региона, длившихся иногда по несколько лет.

Подавляющее большинство населения колонии жило в сельской местности. Немногочисленные города росли медленно и зависели от сельской округи. Столицу колонии автор XVI в. Висенти де Салвадор описал как «странный город, где дома стояли без жителей, которые проводили большую часть времени на своих наделах, а в город приезжали лишь на праздники. Городское население состояло из ремесленников, занятых своим делом, торговцев и чиновников судебного, налогового и военного ведомства, которым по службе полагалось там жить». Священник-иезуит отмечает в XVII в. бедность маленького в те времена города Сан-Паулу, связывая ее «с постоянным отсутствием жителей, которые, за исключением трех-четырёх главных праздников, остаются в своих наследственных владениях или рыщут по лесам и полям в погоне за индейцами, тратя на это всю жизнь».

Подобное положение частично изменилось в связи с возрастанием роли крупных коммерсантов (в эту категорию входила и элита работоторговцев) и с расширением административного аппарата. Все это в совокупности привело к увеличению количества городов и городского населения. Такие факторы, как вторжение голландцев и в особенности переезд королевского двора в Рио-де-Жанейро, также были важны и для роста городов.

* * *

В бразильской историографии встречаются два противоположных взгляда на вопрос о взаимоотношениях государства и об-

щества. Один из них отводит доминирующую роль государству. Это превосходство, по мысли сторонников данной теории, восходит к периоду формирования португальского государства, которое в силу ранней централизации и действия определенного свода законов уже с XIV в. характеризуется как патримониальное. В Бразилии же, полагают приверженцы этой концепции, государственная бюрократия, сосредоточив в своих руках власть и возможность подавления недовольных, усилила свое значение в деле централизации. Ее власть, как они считают, простиралась вплоть до отдаленных сертанов, поскольку бандейранты, речь о которых пойдет ниже, в конечном счете действовали от имени государства.

Противоположная точка зрения, сформировавшаяся раньше, чем рассмотренное выше мнение, отдает пальму первенства обществу, действовавшему в условиях существования рыхлого и малоинициативного государства. Доминирующую роль, согласно этой теории, играли крупные землевладельцы. Именно они управляли, принимали законы, вершили правосудие, воевали с индейцами во внутренних районах Бразилии и защищали население, жившее вокруг их фазенд, которые становились подобием феодальных замков и сеньориальных центров.

Однозначно принять первую либо вторую точку зрения невозможно по двум основным причинам: во-первых, обе они представлены в виде шаблона, накладываемого на различные регионы и различные исторические периоды; во-вторых, радикальное разделение государства и общества приводит к исключению из анализа возможных взаимодействий между двумя этими уровнями. Так, отвечая на более раннюю теорию замещения государства отдельными группами лиц, скажем, что отсутствие государства и исполнение его функций такими группами действительно имело место в некоторых регионах, например, во внутренних районах Северо-Востока, но этого недостаточно, чтобы характеризовать подобным образом положение дел во всей колониальной Бразилии.

С другой стороны, португальская монархия не соответствует образу все подавляющей на своем пути бюрократической машины, которая затем с успехом была перенесена в Бразилию. Попытка перенести в Новый Свет административное устройство метрополии столкнулась с многочисленными препятствиями из-за протяженности страны, удаленности ее от метрополии и новизны тех проблем, с которыми пришлось столкнуться колонизаторам. С течением времени — или, лучше сказать, на протяжении столетий —

государство увеличивало свое присутствие, будучи в большей степени представленным в тех регионах, которые являлись основой экспортной экономики. До середины XVII в. действия центральной колониальной администрации имели эффект лишь в столице генерал-губернаторства и в окрестных капитанствах. В других регионах преобладали религиозные ордена (особенно иезуиты, считавшиеся «государством в государстве») или же крупные землевладельцы и охотники на индейцев.

С открытием в начале XVIII в. золота и алмазов государство увеличило свой контроль с целью упорядочить быстро растущее общество и обеспечить сбор налогов с новых богатств. Но даже тогда лишь Дистриту Диамантину* (округ, учрежденный в Минас-Жерайсе) соответствовал образу государства, господствующего над обществом и карающего всех, кто сопротивляется его всевластию.

Это не означает, что невозможно сформулировать в основных чертах такую схему взаимодействия общества и государства в колониальной Бразилии, в которой учитывались бы все региональные и конкретно-исторические различия. В первую очередь, если речь идет о высших уровнях государственной политики, практически всегда возможно различить действия государства и интересы господствующего класса. Корона и ее представители в Бразилии играли роль общего распорядителя жизни в колонии, что не всегда отвечало этим интересам. Например, меры по ограничению обращения в рабство индейцев или попытки обеспечить запасы продовольственных продуктов путем устройства обязательных плантаций на фазендах встречались охотниками за индейцами и землевладельцами с таким недовольством, которое доходило до бунтов.

Но государство и общество не были двумя чуждыми мирами. Напротив, между ними существовало обоюдное движение навстречу друг другу, выразившееся в неразличении публичной и частной сферы. Если, с одной стороны, государство проникнуто интересами частных лиц, то с другой стороны, его действия не имеют четких пределов, которые накладываются соблюдением индивидуальных прав гражданина. Черты патримониального португальского государства, где, в конечном счете, все является собствен-

* *Дистриту Диамантину* (*Distrito Diamantino*) — дословно «Алмазный округ». В свою очередь, название капитанства (затем провинции, затем штата) Минас-Жерайс, где были открыты основные месторождения драгоценных металлов и камней, также является «говорящим» и означает «главные рудники».

ностью монарха, совместились с чертами колониального общества, в котором действие от лица своего класса, рассматриваемое как коллективное представительство социального слоя, уступает место семейной солидарности.

Семья или союз нескольких семей из господствующего класса выступают как сети, образуемые не только кровными родственниками, но и патронами и клиентами, протеже и друзьями. Для короны же государство является собственностью короля, и управители должны избираться из числа лиц, верных королю. В свою очередь, господствующие классы стремятся получить доступ к государственной машине или получить милости от губернаторов в пользу собственного клана.

Различными путями из всего этого образуется правящий класс, который руководствуется не принципом «обезличенности» управления и уважения к закону, а соображениями лояльности. Известная поговорка «для друзей — все, для врагов — закон» наилучшим образом характеризует вышеописанное положение дел как в теории, так и на практике.

1.5. Экономическая деятельность

Для экономического развития колониальной Бразилии были характерны значительные региональные различия.

На побережье первым центром колонизации и городского развития был Северо-Восток. Нынешнее положение этого региона — не фатальная предопределенность, а результат длительного исторического процесса*. До середины XVIII в. именно на Северо-Востоке были в основном сосредоточены экономическое развитие и общественная жизнь всей колонии. В ту эпоху Юг** представлял

* После того, как в XVIII в. были открыты крупные месторождения золота и алмазов, вектор экономического развития сместился с аграрного Северо-Востока в центральные регионы страны. В XIX в. экономика Северо-Востока, продолжавшая базироваться на монокультуре, начинает приходить в упадок в связи с появлением нового конкурента — кофе, который выращивают на плантациях юго-восточных провинций. В XX в. Северо-Восток ассоциируется с бедностью, значительной концентрацией афро-бразильского населения и преобладанием сельского хозяйства.

** Как и Северо-Восток, Юг и Юго-Восток представляют собой не столько географическое понятие, сколько обозначение целого региона со специфическим социально-экономическим укладом. В данном случае речь идет о Минас-Жерайс и Сан-Паулу, не имеющих выхода к побережью.

собой периферию, в меньшей степени охваченную урбанизацией, без прямых связей с экспортной экономикой. Салвадор был столицей Бразилии до 1763 г. и долгое время являлся ее единственным крупным городом. Хотя для периода до середины XVIII в. нет точных данных о численности населения, согласно подсчетам, в 1585 г. там проживало 14 тыс. человек, в 1724 г. — 25 тыс. человек, в 1750 г. — около 40 тыс. человек, половину из которых составляли рабы. Эти цифры могут выглядеть скромными, но в сравнении с показателями в других регионах они оказываются весьма значимыми: так, в 1600 г. в Сан-Паулу насчитывалось меньше 2 тыс. жителей.

Стержнем социально-экономического развития было выращивание сахарного тростника и производство сахара. Оно имеет долгую историю, связанную как с географическими особенностями, так и со способами употребления конечного продукта. В XV в. сахар еще был разновидностью специй; его употребляли как лекарство или как экзотическую приправу. В XVI в. поваренные книги свидетельствуют, что у европейской аристократии сахар начинает пользоваться успехом. В дальнейшем он перейдет из разряда предметов роскоши в категорию предметов широкого потребления.

Производство сахара укоренилось в Бразилии в 1530–1540-х гг. В свою экспедицию 1532 г. Мартин Афонсу взял знатока производства сахара, не уступавшего португальцам, итальянцам и фламандцам на Мадейре. Во всех капитанствах, от Сан-Висенти на юго-востоке до Пернамбуку на северо-востоке, высаживали сахарный тростник и устраивали сахарные заводы-энженью. Одной из основных целей учреждения генерал-губернаторства в Бразилии было поощрение производства сахара во временно заброшенном капитанстве Баия. В королевских инструкциях, которые привез Томе де Соуза, упоминались меры, направленные на поощрение выращивания и переработки сахарного тростника; среди прочих стимулирующих инициатив было освобождение от податей на определенный срок. Кроме того, генерал-губернатор, выполняя королевское распоряжение, устроил энженью для короны в Пиражá, в окрестностях Салвадора.

В капитанстве Сан-Висенти Мартин Афонсу вошел в долю с несколькими португальцами и иностранцами и устроил энженью, который, вероятно, был самым крупным на юге Бразилии. Этот энженью получил название Сан-Жоржи-душ-Эразмуш, по имени

немца Эразма Шетца, который выкупил его у первых пайщиков. В регионе Рио-де-Жанейро также возделывался сахарный тростник, особенно в районе Кампуш, однако до середины XVIII в. из него получали главным образом кашасу*, а не сахар. Кашаса же использовалась как основная «валюта» при покупке невольников в Анголе.

Крупными центрами производства сахара в Бразилии являлись Пернамбуку и Баия на Северо-Востоке. Это было связано с климатическими, географическими, политическими и экономическими факторами. Оба капитанства, расположенные на побережье, могли похвастаться как плодородными почвами, так и подходящим режимом выпадения осадков. Они находились ближе всего к европейским центрам ввоза сахара и могли сравнительно легко регулировать поставки продукции по мере того, как их столицы — Салвадор и Ресифе — становились важными портами.

* * *

Устройство сахарного завода-энженью представляло собой значительное предприятие. Как правило, энженью включал в себя плантации сахарного тростника, инструменты для их обработки, постройки, рабов, а также скот, пастбища, повозки, и наконец, господский дом. Переработка тростника в сахар была сложной и многоступенчатой. Уже в самом начале производства требовались определенные усилия по организации процесса, а также использование соответствующей технологии, которая со временем совершенствовалась. Сначала из тростника отжимали сок, затем его очищали в несколько приемов. Стебли перемалывали с помощью системы жерновов, которые приводились в движение либо силой воды, либо с помощью животных. Энженью, работавшие по принципу водяной мельницы, отличались большим размером и производительностью; их именовали «королевскими энженью».

Как в Бразилии колониального периода, так и в Португалии того времени не было предприятий по очистке и рафинированию сахара. Бразильский сахар называли «глиняным», так как в процессе его производства использовалась глина. Это не означает, что он был низкого качества. Из «глиняного сахара» затем получался белый сахар, высоко ценившийся в Европе, а также патока

* Кашаса — крепкий алкогольный напиток.

светло-коричневого цвета, которую в то время считали менее качественным продуктом. Получение белого сахара с помощью глины частично искупало отсутствие рафинирования.

Устройство энженью и обеспечение его работы требовали существенных вложений, зависевших от предоставления займов. В XVI в. основными кредиторами в этой области были иностранцы (фламандцы и итальянцы) или же португальцы из метрополии. В дальнейшем подобные источники инвестиций потеряли свое значение. По крайней мере в Баие основными источниками финансирования энженью стали в первую очередь религиозные и благотворительные учреждения, а затем коммерсанты. У этих последних существовали особые отношения с владельцами энженью. Они вкладывали деньги в устройство производства, предоставляли средства на развитие дела и, пользуясь своим положением, снабжали ввозимыми в колонию товарами. Расчет производился по окончании сезона уборки тростника. Часто коммерсанты соглашались взять сахар в счет долга, но тогда принимали его по цене ниже рыночной. Дальнейшее же распространение сахара и доставка его конечному потребителю уже не зависело от местных производителей, да и по большому счету от португальцев. Крупные центры закупки сахара находились в Амстердаме, Лондоне, Гамбурге и Генуе. Именно там во многом формировались рыночные цены, несмотря на все усилия Португалии монополизировать доступ к самому прибыльному товару своей американской колонии.

Именно в сфере производства сахара постепенный переход от рабства индейцев к рабству негров проявился с наибольшей отчетливостью. В 1550–1560-е гг. в энженью Северо-Востока практически не было африканцев. Рабочую силу составляли обращенные в рабство индейцы и — в значительно меньшей степени — индейцы из опекаемых иезуитами поселений, которые получали за свою работу мизерную плату. Если обратиться к примеру крупного энженью Сержипе-ду-Конде в Баие, чьи регистры сохранились до наших дней, то можно будет получить представление о подобном переходе. В 1574 г. африканцы составляли лишь 7% от общего числа рабочих-невольников; в 1591 г. их было 37%, а около 1638 г. африканцы и афро-бразильцы составляли уже 100% рабочей силы.

Рабы выполняли множество обязанностей, но большинство невольников было занято на тяжелых сельскохозяйственных работах. Положение тех, кто работал на перемалывании тростника,

у печей или при перегонных котлах могло быть еще хуже. Раб, приставленный к жерновам, нередко терял кисть или всю руку; печи и котлы, источавшие невыносимый жар, грозили ожогами. Многих рабов с раннего возраста приучали работать на этих производствах; такие работы служили также наказанием для взбунтовавшихся невольников. Однако в исключительных случаях раб мог подняться по иерархической лестнице и дослужиться до так называемого «банкомета», помощника главы производства, или до самого «главного технолога»*. Это был специальный работник, отвечавший за финальную стадию выработки сахара и, в конечном счете, за его качество.

Владельцы энженью обладали экономической, социальной и политической властью в колонии. Это была аристократия богатства и власти, но не родовая знать, подобная той, что существовала в Европе. Конечно, король жаловал дворянские титулы за службу или за определенную плату, но такие титулы не были наследственными. Не стоит, однако, преувеличивать устойчивость социального положения владельцев энженью и их богатство, распространяя на весь этот социальный слой характеристики, относившиеся лишь к отдельным кланам. Сахарное дело было связано с рисками: оно зависело от колебания цен, от правильной организации производства, от контроля над массой рабов. Энженью как предприятия были более постоянными, чем их хозяева. Они существовали под одними и теми же названиями сотни лет, при этом неоднократно переходя из рук в руки.

Кем являлись первые владельцы энженью? Это были некоторые знатные семьи или представители высшей португальской администрации, зажиточные иммигранты, коммерсанты, которые одновременно с торговлей занимались еще и производством. Мало кто из них был дворянином-фидалгу, и далеко не все — потомственными католиками. Среди владельцев энженью в Баие насчитывалось немало «новых христиан». Из 41 энженью, владельцев которых удалось установить в период 1587—1592 гг., 12 принадлежали «новым христианам». С течением времени из-за заключения браков в одной и той же среде, среди определенного круга семейств, социальный слой владельцев энженью стал однородным классом. Наиболее влиятельные его представители стремились вы-

* Разумеется, при обозначении этой должности речь идет о наиболее близком современном аналоге.

вести свое знатное происхождение от португальских дворян-фигу.

Между двумя полюсами — рабовладельцами и рабами — в энженью находились вольноотпущенники и белые работники, занятые ремесленным трудом (кузнецы, плотники, слесари), а также «технологи» сахарного производства. Самой многочисленной группой свободных работников, связанных с энженью, были те, кто выращивал тростник; это были независимые производители, у которых не хватало средств на устройство собственного энженью. Они зависели от владельцев сахарных заводов, хотя могли иногда настаивать на своих условиях, если в самом энженью не хватало имеющегося тростника. Мулаты или негры-вольноотпущенники редко занимались выращиванием тростника. С учетом этой «расовой исключительности» экономическое значение производителей тростника значительно различалось в каждом конкретном случае. Среди них были как скромные производители с небольшими наделами и двумя-тремя рабами, так и те, кто владел двумя-тремя десятками невольников и мог претендовать на то, чтобы стать владельцем энженью.

Не входя в конкретные подробности истории сахарного производства в Бразилии, выделим несколько основных этапов, относящихся к колониальной эпохе; хронологическими границами здесь служат войны, иностранные вторжения и периоды конкуренции. Так, период с 1570 по 1620 г. благоприятствовал развитию производства сахара, поскольку в Европе он пользовался большим спросом, а конкуренции практически не было. В дальнейшем положение осложнилось тем, что в 1618 г. в Европе началась Тридцатилетняя война, а на Северо-Восток Бразилии вторглись голландцы.

Это вторжение оказало в целом негативный эффект, хотя необходимо сделать и ряд оговорок. Захват Салвадора (1624 — 1625) имел разрушительные последствия для сахарного производства в окрестностях города, но не для Пернамбуку в целом. В свою очередь, когда Пернамбуку страдал от последствий борьбы с голландскими захватчиками в 1630 — 1637 гг., Баия воспользовалась резким уменьшением предложения сахара на международном рынке и связанным с этим значительным повышением цен на него.

В 1630-е гг. появилась конкуренция. На Малых Антильских островах Англия, Франция и Голландия начали устраивать крупномасштабные плантации сахарного тростника, что привело к ряду негативных последствий для сахарного производства на Северо-

Востоке Бразилии. Ценообразование все больше ускользало от португальских коммерсантов и бразильских сахарозаводчиков. Производство сахара на Антильских островах, также основанное на рабском труде, привело к росту цен на рабов и подстегнуло конкуренцию в африканской работорговле между голландцами, французами и англичанами. Никогда больше сахарная промышленность в Бразилии не вернется к «старым добрым временам».

При этом в колониальную эпоху доходы от экспорта сахара всегда стояли на первом месте. Даже на пике вывоза золота сахар продолжал оставаться самым важным колониальным товаром (по крайней мере, в сфере законной торговли, а не контрабанды). Так, в 1760 г. он составлял 50% от общей стоимости всего экспорта, а золото — 46%. Кроме того, уже в конце колониальной эпохи производство сахара обрело «новое дыхание», и не только на Северо-Востоке. Этому способствовали меры, предпринятые маркизом Помбалом, а также ряд международных событий. Отметим среди них восстание рабов в 1791 г. во французской колонии на Антилах — Санто-Доминго. В течение десяти лет войны с восставшими Санто-Доминго, крупный производитель сахара и кофе, сошел с международной арены. В начале XIX в. регионами-производителями сахара (в порядке убывания их значимости) были Баия, Пернамбуку и Рио-де-Жанейро. Сан-Паулу уже начал пробивать себе дорогу, но пока еще как скромный экспортер.

С точки зрения экономического и социального развития Северо-Восток Бразилии в колониальную эпоху не сводился исключительно к сахару, в том числе и потому, что само по себе сахарное производство породило определенную хозяйственную диверсификацию. Тенденция максимально использовать земли под плантации тростника привела к систематической нехватке продуктов питания, и это стимулировало их производство, в особенности выращивание маниока. Другим занятием, частично связанным с нуждами сахарной промышленности, стало разведение скота.

* * *

Вторым по значимости экспортируемым товаром являлся табак, хотя до сахара ему было далеко. Крупным центром его производства были окрестности Салвадора. Выращивались разные сорта табака — от утонченных разновидностей, экспортировавшихся в Европу, до грубых сортов, служивших «валютой» в торговле на

африканском побережье. Производство даже в небольших масштабах оставалось прибыльным, и это породило прослойку мелких землевладельцев (бывших производителей маниока или небогатых иммигрантов из Португалии), занятых в данной отрасли экономики. С течением времени таким видом деятельности все чаще стали заниматься мулаты. Регистр из 450 производителей табака в Баие в период с 1684 по 1725 г. показал, что только 3% из них были мулатами, в то время как схожая перепись, относящаяся к концу XVIII в., выявила рост этого показателя до 27%.

* * *

Разведение скота началось поблизости от энженью, но стремление занять лучшие земли под плантации сахарного тростника вытеснило скотоводов во внутренние районы. В 1701 г. португальская администрация запретила разводить скот в зоне ближе 80 км от побережья. Животноводство повлекло за собой освоение «больших сертанов» во внутренних районах Бразилии. Скотоводы появились в таких регионах, как Пиауи, Мараньян, Параиба, Риу-Гранди-ду-Норти, Сеарá и, двигаясь от района реки Сан-Франсишку, достигли рек Токантинс и Арагуайя. Именно для этих областей (в большей степени, чем для прибрежных районов) были характерны необъятные латифундии, где стада заполняли пастбища насколько хватало глаз. В конце XVII в. некоторые поместья по площади превосходили площадь Португалии, а один крупный землевладелец оказался собственником более 1 млн гектаров земли.

1.6. Иберийская уния и ее последствия для Бразилии

Смена внешнеполитического курса португальской монархии имела важные последствия для Бразилии. В результате кризиса, оставившего вакантным португальский престол*, дворянство и крупная буржуазия признали королем Португалии испанского монарха

* После гибели короля Себастьяна в 1578 г. в битве при Алкасер-Кибире (современный Марокко) править стал его дядя, король-кардинал Генрих. Как духовное лицо, он не мог иметь законных наследников. После его смерти в 1580 г. на португальский престол предъявили права несколько претендентов, в том числе испанский король Филипп II; именно он и одержал верх.

Филиппа II, положив тем самым конец Авишской династии (1580). Испанские Габсбурги находились на португальском престоле до 1640 г. Помимо тесных связей между дворянством обеих стран, на это решение повлияли их колониальные интересы. С союзом двух корон торговая буржуазия Португалии рассчитывала получить больше доступа на испанский рынок в Америке, получая американское серебро взамен поставляемых рабов и продовольствия.

Иберийская уния привела к временному «аннулированию» границы, установленной Тордесильясским договором. Это позволило португальским первопроходцам проникнуть в Амазонию и в области, составляющие ныне центральную Бразилию, в направлении современных штатов Гойяс и Мату-Гроссу.

С точки зрения институциональных изменений, одной из наиболее значимых мер данного периода стало принятие Филиппинских ордонансов (1603) — комплекса законов, дополнявших и расширявших португальское законодательство. Ордонансам была суждена в Бразилии долгая жизнь, вплоть до того, что некоторые их положения были отменены только вступившим в силу Гражданским кодексом (1917).

Самое важное последствие унии относилось к сфере международных отношений. Близость Португалии и Нидерландов уступила место открытому конфликту между ними, ставшему следствием противостояния Нидерландов и Испании. В американских колониях борьба шла за контроль над рынком сахара и работорговлей.

Именно в этом контексте произошли голландские вторжения* в Бразилию, ставшие самым крупным политическим и военным конфликтом колониальной эпохи. Голландцы начали свои нападения с разграбления португальских факторий на африканском побережье (1595) и г. Салвадор (1604). Однако «двенадцатилетнее перемирие» между Испанией и Нидерландами (1609—1621) дало Португалии относительную передышку. Окончание перемирия и создание голландской Вест-Индской компании изменили ситуацию. Компания, образованная на базе государственного капитала и вложений частных финансистов, стремилась занять регионы производства сахара в португальской Америке и поставить под свой контроль работорговлю.

* Поскольку речь идет о нескольких вторжениях, в бразильской историографии принято использование множественного числа для общей характеристики данного явления («invasões holandesas»).

Вторжения начались с захвата г. Салвадора в 1624 г. Голландцам потребовалось немногим более суток, чтобы захватить город, однако им практически не удалось выйти за его пределы. Так называемые «добрые люди» бежали в свои загородные поместья, находившиеся неподалеку от Салвадора, и организовали там сопротивление, которое возглавил избранный ими губернатор Матиаш де Албукерке и епископ дон Маркуш Тейшейра. Используя тактику партизанской войны и опираясь на подкрепления, прибывшие из Европы, они воспрепятствовали дальнейшему продвижению захватчиков. К войскам, сражавшимся с голландцами, присоединились флот из 52 кораблей и более 12 тыс. пехотинцев. После упорных боев голландцы сдались (май 1625 г.). Они были в Баие около года.

Нападение на Пернамбуку началось в 1630 г. с захвата г. Олинда. Начиная с этого события войну можно разделить на три периода. С 1630 по 1637 г. шла оборонительная война, закончившаяся утверждением господства голландцев над всей территорией между капитанством Сеарá и рекой Сан-Франсиску. Этот период был отмечен негативной (с точки зрения лузо-бразильских авторов*) ролью Домингуша Фернандеша Калабара, уроженца Порту-Калву (Алагоас). Он был прекрасным знатоком мест, где разворачивались сражения, но перешел на сторону голландцев, оказав им множество услуг, пока его не схватили и не казнили.

Второй период (1637–1644) был сравнительно мирным временем, пришедшимся на правление немецкого графа (позже принца) Мауриция де Нассау. Его имя связано с рядом важных политических инициатив и достижений. Намереваясь вывести экономику региона из ступора и наладить связи с местным обществом, он распорядился продать в кредит те энженью, владельцы которых их бросили и бежали в Баию. Он озаботился предупреждением дефицита продовольствия, заставив землевладельцев выращивать

* Имеются в виду авторы португальского происхождения, родившиеся или проведшие значительную часть жизни в Бразилии. Корень «лузо-» происходит от наименования «Лузитания» (древнеримская провинция, располагавшаяся на большей части территории сегодняшней Португалии). «Лузитания» может выступать в качестве синонима «Португалии»; от этого корня образованы определения, имеющие отношение к Португалии и всему португальскому (например, название эпической поэмы Луиша де Камознша «Лузиады» о героических событиях португальской истории; термин «лузофон» — носитель португальского языка и тот, кто говорит на нем не только в Европе, но и за ее пределами).

«туземный хлеб» (маниок) в количествах, пропорциональных числу имевшихся у них рабов.

Кальвинист по вероисповеданию, принц Нассау терпимо относился к католикам и иудеям (несмотря на все противоречия с последними). Так называемые «скрытые евреи», то есть те, кто продолжал втайне исповедовать иудаизм после крещения, получили право открыто следовать своей религии. В 1640-е гг. в Ресифе было две синагоги, а из Голландии приехали многие евреи. Когда голландцы ушли из Бразилии, одним из условий их сдачи стало позволение евреям, находившимся на их стороне, свободно выехать из страны. Они отправились в Суринам, на Ямайку и в Новый Амстердам (Нью-Йорк) или вернулись в Голландию.

Нассау способствовал приезду в Пернамбуку художников, натуралистов и просвещенных людей. Среди художников отметим Франца Поста, одним из первых запечатлевшего пейзажи и сцены бразильской жизни. С именем принца Нассау связаны также усовершенствования в Ресифе, который голландцы возвели в ранг столицы капитанства вместо Олинды. Рядом со старым Ресифе был построен город Мауриция с геометрическим расположением улиц и каналов — попытка воспроизвести в тропиках далекий Амстердам. Из-за разногласий с Вест-Индской компанией Нассау вернулся в Европу в 1644 г.

Третий этап войны (1645 — 1654) стал своеобразной «Реконкистой» — отвоеванием захваченных земель. Окончание Иберийской унии как союза двух корон не принесло мира. Общий контекст прежних — сложившихся еще до испанского владычества — отношений Португалии и Голландии к тому времени изменился. Автоматически вернуться к мирным отношениям, существовавшим до 1580 г., было бы невозможно. Отныне голландцы оккупировали часть территории Бразилии и не собирались оттуда уходить.

Основным центром восстания против голландцев стал Пернамбуку, где отличились Андре Видал де Негрейруш и Жуан Фернандеш Виейра (последний был одним из самых богатых землевладельцев Пернамбуку). К ним присоединились негр Энрике Диаш и индеец Фелипе Камаран. После нескольких начальных побед, одержанных лузо-бразильскими войсками, война вступила в затяжную стадию, длившуюся несколько лет. Лузо-бразильские силы контролировали внутренние области Пернамбуку, а его столица Ресифе оставалась в руках голландцев. Затяжная стадия войны была прервана двумя сражениями при Гуарарапеш, которые при-

несли победу восставшим (в 1648 и в 1649 гг.). Помимо этого, положение захватчиков было осложнено некоторыми другими обстоятельствами. Вест-Индская компания переживала кризис, и никто не хотел помещать в нее капитал. В Голландии существовали силы, выступавшие за мир с Португалией и указывавшие на то, что торговля португальский солью была необходима для голландского рыбного промысла и представляла больше выгоды, чем сомнительные доходы от заморской колонии. Наконец, начавшаяся в 1652 г. война Голландии с Англией сократила ресурсы для ведения военных операций в Бразилии. На следующий год португальская эскадра окружила Ресифе с моря; в конце концов, в 1654 г. голландцы капитулировали.

История голландской оккупации Пернамбуку — это наглядный пример связи между колониальным производством и работоторговлей. Пока голландцам удавалось стабилизировать производство сахара на Северо-Востоке, они стремились гарантировать приток рабов, поставив под контроль источники работоторговли. На самом деле было два фронта борьбы, весьма отдаленных друг от друга географически, но остававшихся взаимосвязанными. Несколько пунктов на африканском Золотом берегу были заняты голландцами в 1637 г. Перемирие между Голландией и Португалией после восстановления независимости последней в 1640 г. было нарушено принцем Нассау, который захватил Луанду и Бенгелу в Анголе в 1641 г. Ангола была отвоевана в 1648 г. лузо-бразильскими войсками под командованием Салвадора Коррейя де Са. Не случайно, что такие люди, как Жуан Фернандеш Виейра и Андре Видал де Негрейруш, занимали руководящие посты в администрации этой африканской колонии.

Местные ресурсы, привлеченные для ведения войны на Северо-Востоке, составляли две трети всех затрат в период сопротивления и почти 100% в период отвоевания земель. Подобным же образом в первый период войны основными по численности были войска, состоявшие из португальцев, испанцев и неаполитанских наемников, а во второй период — местные силы; более того, численный перевес имели солдаты именно из Пернамбуку. Сходная ситуация сложилась и в командовании войсками. Именно местные военачальники возглавляли партизанские операции и летучие отряды; с подобной «бразильской войной», которая противопоставлялась регулярной, ведущейся по правилам «европейской войне», были связаны решающие победы над голландцами.

Подчеркивание роли местных войск не значит, что они представляли собой демократическую армию, образец «союза трех рас»*. Случай с Калабаром, который остался в исторической памяти как «великий предатель» в первый период войны, оказался наиболее значимым, но не исключительным. В действительности голландцы все время опирались на поддержку местных жителей, будь то сеньоры энженью или производители сахарного тростника, или же на такие слабо или вовсе не вписанные в колониальное португальское общество группы, как «новые христиане», африканские рабы, индейцы тапуйя, бедные и влачившие жалкое существование метисы. Конечно, не вызывает сомнений, что индейцы под руководством Камарана и негры во главе с Энрике Диашем сражались вместе с лузо-бразильскими войскам. Но мобилизация этих сил оставалась незначительной. К примеру, в 1648 г. контингент Энрике Диаша составлял 300 человек, что представляло собой 10% от всех солдат и 0,75% от численности негров-рабов в Пернамбуку.

Та форма, которую приняло изгнание голландцев, породило чувство «пернамбуканского патриотизма». На протяжении двух столетий — до «Революции Прайера»** (1848) — Пернамбуку превратился в центр выступлений за автономию и за независимость, доходивших до открытых восстаний. До получения независимости основной мишенью патриотов была метрополия; после ее обретения стало преобладать требование автономии провинции, зачастую окрашенное в тона социальной борьбы. Идейное наполнение «пернамбуканского патриотизма» менялось на протяжении времени и зависело от конкретно-исторических условий и от участия конкретных социальных групп, однако такой патриотизм оставался отправной точкой для свойственных Пернамбуку представлений о должном социальном устройстве.

* Речь идет о сформировавшемся в традиционной бразильской историографии представлении, согласно которому победа над голландцами олицетворялась союзом представителей трех рас — белой (Жуан Фернандеш Виейра и Андре Видал де Негрейруш), негритянской (Энрике Диаш) и индейской (Фелипе Камаран).

** Республиканское движение в Пернамбуку, получившее название по имени улицы в г. Ресифе, на которой находилась редакция местной газеты — оплота республиканских воззрений.

1.7. Колонизация периферийных областей

Находясь вдалеке от центра колониальной администрации, север Бразилии жил жизнью, весьма отличавшейся от той, что шла на Северо-Востоке. Процесс колонизации там шел медленно, включение в европейский рынок до XVIII в. оставалось весьма относительным, а принудительный труд индейцев преобладал над рабством негров.

До 1612 г., когда французы основали свою колонию в Мараньяне (будущий г. Сан-Луиш), португальцы не демонстрировали ни особого интереса, ни возможностей укрепиться в этом северном регионе. Угроза потери территории привела к изгнанию французов и к основанию в 1616 г. города Белем. Это был период постепенного проникновения вглубь региона по Амазонке: поднявшись по ней, экспедиция Жуана Тейшейры в 1637 г. достигла Перу. В 1690 г. португальцы основали небольшой форпост в устье р. Риу-Негру, недалеко от нынешнего г. Манаус. Португальская корона учредила особую администрацию для северных территорий, создав государство Мараньяна и Гран-Пара со своим губернатором и органами управления. Это государство, формально отделенное от остальной Бразилии, просуществовало (с перерывами) до 1774 г.

Присутствие индейцев наложило явственный отпечаток как на численность населения, так и на культуру региона. Даже в XVIII в. общеупотребительным языком все еще оставалась разновидность языка тупи. Процент смешанных браков был очень высок, в том числе и потому, что белые женщины оставались редкостью, несмотря на попытку переселить в Сан-Луиш эмигрантов с Азорских островов.

Если все бразильские регионы страдали от недостатка монетного обращения, на севере это явление приобрело ярко выраженный характер. До середины XVIII в. нередким был прямой обмен одних товаров на другие или использование в качестве замены денег хлопчатобумажных тканей или какао-бобов. Попытки наладить сельское хозяйство, ориентированное на производство и вывоз сахара и хлопка, в большинстве случаев терпели неудачу до последних десятилетий XVIII в. С этого времени Мараньян быстро превращается в крупный центр производства хлопка, плантации которого распространяются и на Северо-Востоке. В целом же с севера получали то, что можно назвать «дарами джунглей»: ваниль, сасса-

париль* и в особенности бобы дикорастущего какао, которые индейцы и метисы собирали по берегам рек, а затем свозили в Белем.

Благодаря значительному количеству индейцев северные территории стали обширным полем деятельности религиозных орденов, в первую очередь иезуитов. Считается, что около 1740 г. в деревнях под опекой иезуитов и францисканцев проживало приблизительно 50 тыс. индейцев. Здесь следует отметить деятельность отца Антониу Виейры, прибывшего в 1653 г. в Бразилию в качестве провинциала ордена иезуитов и ставшего известным благодаря многочисленным проповедям, целью которых было положить предел злоупотреблениям в отношении индейцев. Между представителями королевской администрации, колонизаторами и миссионерами на севере постоянно существовали трения. Иезуиты вызывали значительное недовольство своими планами по «окультуриванию» коренного населения и контролю над ним, поскольку эти замыслы отличались от того, к чему стремились колонизаторы. К тому же иезуиты владели обширными поместьями, где выращивался скот, производились хлопок и сахар. Они также активно участвовали в торговле «дарами джунглей». Иезуиты столкнулись с рядом проблем; в конце концов в 1684 г. их выслали из Мараньяна. С помощью королевской власти они вернулись двумя годами позже, однако равновесие между миссионерами и колонистами останется шатким вплоть до окончательного изгнания иезуитов в 1759 г.

Составляя в 1627 г. первую «Историю Бразилии», брат Висенти де Салвадор сокрушался о хищническом характере колонизации и о том, что португальцы до описываемого времени оказались неспособны освоить внутренние регионы страны, «цепляясь за побережье, подобно крабам». Это последнее утверждение во многом соответствовало действительности, но в некоторых районах, особенно в центральных и южных областях Бразилии, положение начало меняться.

Колонизация капитанства Сан-Висенти началась с побережья, где были устроены плантации сахарного тростника и энженью. Но такая деятельность продлилась недолго. Сахар, произведенный в Сан-Висенти, не мог конкурировать с продукцией Северо-Востока как из-за качества почвы, так и из-за большей удаленности от европейских портов.

* Кустарники или лианы семейства лилейных, используемые в медицине.

С другой стороны, населенный значительным числом индейцев регион привлек иезуитов. Миссионеры и колонисты, руководствуясь различными целями, устремились вглубь капитанства. Преодолев горную гряду Серра-ду-Мар, они, следуя по пятам за индейцами, оказались на плоскогорье Пиратининга на высоте 800 метров над уровнем моря. В 1554 г. иезуиты Нобрега и Аншьета основали здесь Сан-Паулу, получивший в 1561 г. статус поселения, и учредили училище (коллегию) иезуитов. Оказавшись отделенными от побережья естественными преградами, первые колонизаторы и миссионеры все больше сосредотачивались на внутренних областях Сан-Висенти, продвигаясь вглубь с помощью индейцев или используя для передвижения речную сеть (реки Тьетé, Паранаиба и другие).

На раннем этапе развития у области Сан-Паулу и северных территорий существовали некоторые черты сходства: сельское хозяйство, ориентированное на вывоз, оставалось слабо развитым; среди жителей было много индейцев, контроль над которыми оспаривали колонизаторы и миссионеры; монетное обращение было редким, и вместо него использовался прямой обмен. Особенно примечательным являлся высокий процент индейского населения. Многочисленные смешанные браки, связанные с очень ограниченным числом белых женщин, привели к появлению так называемых мамелюков* (потомков белых и индейцев). Преобладающим языком вплоть до XVIII в. оставался тупи. Португальцы из региона Сан-Паулу переняли многие обычаи и навыки индейцев, научившись обращаться с луком и стрелами не хуже, чем с огнестрельным оружием.

И опять колонизаторы и миссионеры столкнулись между собой — и вновь это было связано с различием в методах и конечных целях подчинения индейцев. Решения папы римского и португальского короля (1639 — 1640), в которых вновь подтверждались ограничения в деле порабощения индейцев, вызвали яростное негодование в Рио-де-Жанейро, Сантусе и Сан-Паулу. Иезуиты были изгнаны из Сан-Паулу и вновь вернулись туда лишь в 1653 г.

Помимо сходства с северными областями на начальном этапе развития, регион Сан-Паулу, вероятно, уже с конца XVI в. стал вы-

* Российскому читателю термин «мамелюк» или «мамлюк» знаком в связи с историей Османской империи: там подобным образом называли юношей-воинов, рекрутированных из бывших рабов. В Бразилии данный термин использовался по отношению к смешанному населению еще в конце XVI в.

деляться рядом специфических черт. Его жители сочетали выращивание винограда, хлопка и, в особенности, пшеницы с другими видами деятельности, позволившими им углубиться во внутренние — малоизученные или вовсе неизвестные — районы страны. Скотоводы из Сан-Паулу рассеялись по Северо-Востоку, добравшись до долины реки Сан-Франсишку и достигнув современного штата Пиауи. На юге своеобразным продолжением Сан-Паулу стал современный штат Паранá, где уже предпринимались попытки разведать залежи полезных ископаемых. Скотоводство распространилось в Санта-Катарине, Риу-Гранди-ду-Сул и на Восточном берегу (современный Уругвай)*.

Частная инициатива колонистов по освоению земель сочеталась с политикой короны, заинтересованной в утверждении собственного владычества в регионе и в том, чтобы как можно дальше отодвинуть границу с испанскими колониями на юге. Жители Сан-Паулу и переселенцы, привезенные с Азорских островов, основали г. Лагуна в Санта-Катарине (1684). Несколькими годами ранее, в 1680 г., португальцы основали на берегу Рио-де-Ла-Плата, напротив Буэнос-Айреса, так называемую «Колонию Сакраменто», рассчитывая тем самым включиться в торговлю с Верхним Перу и особенно получить доступ к вывозу серебра, который осуществлялся через Рио-де-Ла-Плату, чтобы затем попасть на внешний рынок.

1.8. Бандейры и общество в Сан-Паулу

Значительный след, оставленный жителями региона Сан-Паулу в колониальной истории Бразилии XVII в. связан с бандейрами**. Речь идет об экспедициях, которые включали в себя подчас тысячи индейцев и устремлялись во внутренние районы страны, проводя там от нескольких месяцев до нескольких лет в поисках туземцев, которых можно было бы обратить в рабство, а также месторождений драгоценных металлов. Несложно заметить, что в этих вылазках участвовали и уже захваченные ранее индейцы, поскольку

* Территория современного Уругвая до 1830 г. называлась «Восточным берегом», что указывало на ее положение относительно Рио-де-Ла-Платы.

** *Бандейра* (bandeira) — досл. «флаг, знамя» (порт.). Речь идет о флаге отряда, который в дальнейшем стал фигуральным обозначением самого отряда. В свою очередь, название «бандейрант» означает «участник бандейры», т.е. участник «отряда под флагом».

именно война, а вовсе не возделывание земли являлась основным занятием мужчин в традиционном индейском обществе. В подобных экспедициях мамелюки и индейцы всегда превосходили по численности белых. К примеру, большой отряд (бандейра) Мануэла Прету и Рапозу Тавареша, напавший на область Гуаира в 1629 г., состоял из 69 белых, 900 мамелюков и 2 тыс. индейцев.

Отряды бандейрантов направлялись в различные регионы: в Минас-Жерайс, Гойяс, Мату-Гроссу, а также в районы, где проживали индейцы гуарани под опекой испанских иезуитов. Среди них выделяется Гуаира, расположенная к западу от реки Парана, между реками Паранапанема и Игуасу. В эту область бандейранты совершили ряд набегов, грабя и разрушая деревни и захватывая в плен индейцев. Некоторые отряды предпринимали вылазки на громадные расстояния; дух приключений в таких походах смешивался с жадной наживы. Уже будучи ветераном, Рапозу Тавареш прошел в 1648—1652 гг. около 12 тыс. км: он двигался по направлению к Парагваю, достиг отрогов Анд, затем взял курс на северо-восток, пересек территорию современного штата Рондония, спустился по рекам Маморе и Мадейра и, выйдя к Амазонке, приплыл по ней к Белему.

Соотношение между интересами португальской короны и движением бандейрантов было непростым. Некоторые отряды получали прямое поощрение колониальной администрации, другие действовали на свой страх и риск. В общих чертах поиск залежей драгоценных металлов, захват индейцев (в определенные периоды) и территориальная экспансия отвечали целям метрополии. Бандейранты служили также средством устроения зависимого населения северных и северо-восточных областей Бразилии. Выходцы из Сан-Паулу Домингуш Жоржи Велью и Матиаш Кардозу де Алмейда участвовали в подавлении длительного индейского восстания в Риу-Гранди-ду-Норти, известного под названием «Война с варварами» (1683—1713). Тот же Домингуш Жоржи Велью руководил финальной операцией по разгрому киломбу Палмареш в Алагоасе (1690—1695).

Наблюдатели из числа иезуитов оценивали число захваченных индейцев только в испанских миссиях* в Парагвае в 300 тыс. чело-

* Миссия — в XVI—XVII вв. в испанской и португальской Америке представительство того или иного религиозного ордена на определенной территории. В дальнейшем земли миссии могли превращаться в своеобразную территориальную единицу. Это нашло отражение, например, в названии одной из северных провинций Аргентины — Мисьонес (Misiones).

век. Эта цифра может быть преувеличена, но и другие подсчеты тоже дают весьма высокие показатели. Какой могла быть дальнейшая судьба этих индейцев? Наиболее вероятным было то, что их продали в качестве рабов в Сан-Висенти и, в особенности, в Рио-де-Жанейро, где на протяжении XVII в. развивалось производство сахара. По данным из Конгрегации Сан-Бенту, от четверти до трети всех работников энженью, принадлежавших ордену бенедиктинцев в Рио-де-Жанейро, составляли индейцы. Необходимо также принять во внимание, что с 1625 по 1650 г. приток невольников из Африки значительно уменьшился из-за голландских вторжений. Не стоит считать простым совпадением тот факт, что именно на эти годы приходится активизация движения бандейрантов.

В исследованиях последнего времени показано, что значительная часть захваченных индейцев использовалась в экономике самого Сан-Паулу, в особенности в выращивании пшеницы. Это обстоятельство относится в основном к XVII в. и связано с голландскими вторжениями. Захват и уничтожение португальского флота привели к уменьшению импорта зерна из метрополии, в то время как присутствие многочисленных иностранных войск на Северо-Востоке увеличило потребность в продовольствии. С окончанием войны производство зерна пришло в упадок и в конце концов изжило себя в условиях оскудения «резервов» индейской рабочей силы и конкуренции со стороны импортируемой пшеницы.

* * *

В своих скитаниях по сертанам бандейрантам суждено было наконец осуществить давнишнюю мечту португальских колонизаторов. В 1695 г., на берегах реки Риу-даш-Вельяш, неподалеку от современных муниципалитетов Сабарá и Казтэ (штат Минас-Жерайс), были найдены первые крупные месторождения золота. По традиции это открытие связывается с именем Борба Гату, зятя Фернана Диаша, по прозвищу «охотник за изумрудами». В последовавшие сорок лет золото было найдено в Минас-Жерайсе, Баие, Гойясе и Мату-Гроссу. Помимо золота, около 1730 г. были также обнаружены алмазы (Серру-Фриу, на севере Минас-Жерайса), однако их экономическое значение было меньшим.

Добыча драгоценных металлов имела важные последствия как для колонии, так и для метрополии. Погоня за золотом породила в Португалии первую крупную волну переселения в Бразилию.

С 1700 по 1760 г. из Португалии и с островов Атлантического океана приехали 600 тыс. человек, в среднем по 8 – 10 тыс. человек в год. Это были люди самого разного социального положения: мелкие собственники, священники, купцы, проститутки и авантюристы всех мастей.

С другой стороны, поступление золота на время смягчило финансовые проблемы Португалии. Отрицательное сальдо в торговле с Англией, ставшее структурным явлением с начала XVIII в., в течение некоторого времени компенсировалось золотом из Бразилии. Обращение драгоценных металлов можно представить в виде треугольника: одна часть оставалась в Бразилии, став залогом относительного процветания горнодобывающих областей; вторая часть шла в Португалию, где в период долгого правления короля Жуана V (1706 – 1750) она была потрачена в основном на расходы королевского двора и на строительство (в частности, на сооружение гигантского дворца-монастыря в Мафре); наконец, третья часть напрямую (через контрабанду) или окольными путями оседала в руках англичан, ускорив процесс первоначального накопления капитала в Англии.

Бум золотодобычи негативно отразился на экономике Северо-Востока, основанной на производстве сахара. Уже за 20 лет до открытия золота она испытывала сложности, но не угасла окончательно. При этом нет сомнений, что отток рабочей силы и особенно рост цен на рабов, вызванный увеличением спроса на них, отрицательно сказался на сахарной отрасли. В административном отношении центр колонии сместился с Северо-Востока к центральным и южным областям, в особенности к Рио-де-Жанейро, через который ввозили рабов и продовольствие, а вывозили золото. В 1763 г. столица Бразилии, ставшей к тому времени вице-королевством, была перенесена из Салвадора в Рио-де-Жанейро. Оба города насчитывали примерно одинаковое количество жителей (около 40 тыс. чел.), но одно дело — быть столицей, а другое — всего лишь главным городом Северо-Востока.

Экономика, связанная с добычей золота, породила определенные хозяйственные связи между различными регионами колонии. Скот и продовольствие шли из Баии в Минас-Жерайс; установилась торговля и в обратном направлении. С юга поступал не столько мясной скот, сколько мулы, столь необходимые при перевозке товаров. Город Сорокаба, в глубине провинции Сан-Паулу, со своей знаменитой ярмаркой, стал обязательным пунктом на пу-

ти перегона гуртов скота, расходившихся затем в основном по Минас-Жерайсу.

* * *

Добыча золота и алмазов привела к более широкому вмешательству и регулированию со стороны королевской власти. Португальское правительство прикладывало большие усилия, чтобы собирать налоги. Оно также предприняло ряд мер по упорядочению жизни в горнодобывающих районах и в других областях колонии, как ради собственной выгоды, так и для того, чтобы погоня за золотом не привела к хаосу. Стремясь уменьшить контрабанду и увеличить свои доходы, корона ввела такие способы взимания налогов, при которых ставки менялись год от года

В общих чертах существовало два основных вида налогообложения: пятина и подушное обложение. Первый способ заключался в том, что пятая часть всех извлеченных из породы металлов отходила королю. Эта часть вычиталась из золотого песка и самородков, свозившихся к местам переплавки. Подушное обложение, введенное короной вместо пятины ради увеличения сборов, было значительно более масштабным. В случае с золотоискателями оно заключалось в том, что налогом облагался каждый раб старше 12 лет, независимо от пола и трудоспособности. Те старатели, которые обходились без рабов, также платили подушную подать — теперь уже за себя самих. Кроме того, налог собирался с мастерских, магазинов, постоянных дворов, боен и т.п.

Другой заботой короны было ограничение въезда в районы золотодобычи. В первые годы разработки рудников муниципальный совет Сан-Паулу потребовал от короля, чтобы лишь жителям поселения Сан-Паулу, с именем которых было связано открытие золота, было позволено получать концессии на старательскую деятельность. Последовавшие за этим события показали несостоятельность подобных претензий: к рудникам ринулись не только португальцы из метрополии, но и жители других областей Бразилии, особенно Баии. В 1708—1709 гг. даже разразилась гражданская война, получившая название «война Эмбоабаш»*, в которой сошлись жители Сан-Паулу («паулисты»), с одной стороны, и ино-

* Эмбоаба — прозвище португальцев, уходивших в поисках золота во внутренние районы страны

странцы и выходцы из Баии — с другой. Паулисты не получили признания своих притязаний, но добились создания в 1709 г. отдельного от Рио-де-Жанейро капитанства Сан-Паулу-э-Минас-де-Оуру* и возведения Сан-Паулу из ранга городского поселения в ранг города (1711). В 1720 г. Минас-Жерайс стал отдельным капитанством.

Хотя паулисты не получили монополию на разработку приисков, королевская власть позаботилась о том, чтобы район золотодобычи не стал свободной территорией. Она попыталась воспрепятствовать обезлюдению Португалии, установив правила эмиграции в Бразилию. Был запрещен въезд монахов в Минас-Жерайс, а губернатору капитанства королевским указом предписывалось арестовывать любых клириков, находящихся на его территории «без определенной службы и разрешения» (1738). Ювелиры также оказались в зоне повышенного внимания в силу самой своей профессии: их обязали отказаться от нее под угрозой высылки из районов золотодобычи.

Другими мерами королевская власть попыталась воспрепятствовать большому дисбалансу между областью приисков и остальными регионами Бразилии. Была запрещена внутренняя перепродажа товаров, прибывших из Португалии, и были установлены квоты на ввоз рабов в Минас-Жерайс для того, чтобы хозяйства Северо-Востока не лишились притока невольников.

В стремлении обеспечить «закон и порядок» корона создала собрания (жунты) присяжных и стала назначать судей, которым зачастую поручалось не столько заниматься собственно судебными разбирательствами, сколько надзирать за уплатой пятой части золота в казну (эта обязанность, в сущности, должна была исполняться главным сборщиком акциза). Чтобы держать под контролем рабов, сопровождать перевозку золота и подавлять беспорядки, в Минас-Жерайс из Португалии в 1719 г. были посланы два отряда драгунов (профессиональных военных). Наряду с этим, на случай необходимости, в капитанстве создавались местные ополчения под командованием белых и с участием не только белого населения, но и негров и свободных мулатов.

Португальская администрация не сумела в полной мере добиться осуществления своих основных целей в районах золотодобычи. Огромные расстояния, коррупция чиновников на местах,

* Сан-Паулу-э-Минас-де-Оуру — досл. «Сан-Паулу и золотые рудники»

само положение местных властей между метрополией и колонией как между молотом и наковальней, конфликты при назначении должностных лиц — вот лишь некоторые из тех факторов, которые затрудняли проведение политики португальского правительства. Кроме того, директивы из Лиссабона не всегда были выдержаны в одном ключе. Сомнения, проволочки, смена курса способствовали увеличению разрыва между замыслами и реальностью.

* * *

Люди всех сословий устремлялись в Минас-Жерайс не только из Португалии. После того, как сюда прибыли жители Сан-Паулу со своими индейскими рабами, в этот край стали съезжаться выходцы из разных регионов Бразилии. Так в Минас-Жерайсе сформировалось пестрое по своему составу общество, включавшее в себя не только старателей, но и негоциантов, адвокатов, священников, владельцев фазенд, ремесленников, чиновников, военных. У многих из них интересы были тесно связаны с колонией, а не с метрополией, и не случайно именно это капитанство стало ареной нескольких заговоров и восстаний против колониальных властей. Хотя самым зажиточным слоем местного населения были владельцы фазенд, которые при этом еще и вкладывали средства в золотодобычу в различных, порой удаленных районах, центрами общественной жизни стали города, где люди постоянно жили, вели дела, отмечали праздники. Именно в городах происходили значимые культурные события в области искусств, литературы и музыки. Поскольку доступ религиозных орденов в Минас-Жерайс был запрещен, это стало толчком для возникновения религиозных ассоциаций мирян — братств и светских ассоциаций при том или ином монашеском ордене. Они покровительствовали строительству церквей в стиле барокко, в украшении которых особую роль сыграл мулат Антониу Франсишку Лишбоа по прозвищу Алейжадинью, незаконнорожденный сын португальского зодчего и рабыни.

В основании общественной пирамиды находились рабы. Самым тяжелым трудом была работа с рудой, особенно когда иссякали золотой песок и самородки, встречавшиеся в руслах рек, и пришлось перейти к добыче руды в подземных галереях. Нередкими были болезни (малярия, дизентерия и заболевания легких), а также смерть в результате несчастных случаев. По некоторым под-

счета, раб на рудниках мог работать 7–12 лет, после чего умирал. Для пополнения запасов рабочей силы ввозили новых рабов, в том числе и для того, чтобы заменить тех работников, которых больше нельзя было использовать. Общее количество ввозимых в Бразилию невольников в 1720–1750 гг. возросло, хотя производство сахара (традиционного «потребителя» рабской рабочей силы. — *Примеч. пер.*) находилось в кризисе. Данные о населении Минас-Жерайс в 1776 г. указывают на значительное преобладание негров и мулатов. Из примерно 320 тыс. жителей негры составляли около 52%, мулаты — 26, а белые — 22%.

С течением времени население стало активно смешиваться в расовом отношении, повысилась доля женщин в общем составе населения (в 1776 г. их было 38%), а также получил распространение феномен, который не поддается однозначной оценке — освобождение рабов. Чтобы дать представление о его масштабах, приведем несколько цифр: в 1735–1749 гг. вольноотпущенники составляли менее 1,4% от общего числа всех негров и мулатов, а около 1786 г. их был уже 41%, что представляло собой 34% всего населения капитанства. Наиболее вероятной гипотезой для объяснения этих показателей, превосходивших данные других регионов (например, Баии), является то, что в золотодобывающих районах истощение горных пород привело к тому, что для многих рабовладельцев обладание рабами либо отошло на второй план, либо стало и вовсе экономически невыгодным.

Жизнь в тех краях, где находились прииски, ассоциируется с золотом, т.е. с богатством. Однако если присмотреться внимательнее, у этого богатства была оборотная сторона. Первоначально (т.е. в последнее десятилетие XVII — начале XVIII вв.) поиск драгоценных металлов, не подкрепленный другой хозяйственной деятельностью, привел к нехватке продовольствия и инфляции, охвативших всю Бразилию. Голод достиг крайних пределов, и многие лагеря старателей были заброшены. В дальнейшем возделывание земли и диверсификация хозяйства изменили положение к лучшему. Населению капитанства удалось скопить богатство, свидетельством которого остаются архитектурные сооружения и произведения искусства в городах, ныне ставших памятниками истории.

Это богатство, впрочем, оставалось в руках немногих: тех, кто не полагался только на изменчивую фортуна в деле получения золота, а включался в различные виды деятельности вокруг золото-

добычи и не пренебрегал открывавшимися возможностями, в том числе в сфере административного управления. Вслед за этой группой шла другая, достаточно обширная категория свободного населения. Это были небогатые люди: мелкие чиновники, предприниматели или коммерсанты, чьи экономические возможности были ограничены. Несомненно, общество, связанное с добычей золота, было более открытым и более сложным, чем общество, порожденное производством сахара. Но и при этом оно не переставало быть бедным. Расцвет добычи золота приходится на 1733 — 1748 гг., после чего начинается упадок. В начале XIX в. добыча золота уже не имеет преимущественного значения для бразильской экономики в целом. Упадок горнодобывающих районов стал отчетливо заметен хотя бы в том, что города, бывшие центрами активной жизни, превратились в памятники истории с оттенком застоя и стагнации. К примеру, город Оуру-Прету*, насчитывал в 1740 г. 20 тыс. жителей, а в 1804 г. — всего лишь 7 тысяч.

Однако упадок не затронул всего капитанства Минас-Жерайс. Не все там было подчинено работе на рудниках. Даже во времена расцвета золотодобычи работа на приисках часто сочеталась со скотоводством, производством сахара, выращиванием пшеницы и маниока. Благодаря животноводству, возделыванию зерновых, а затем и мануфактурному производству регион Минас-Жерайс не пришел полностью в упадок. Напротив, в течение XIX в. данные отрасли станут все больше развиваться, что позволит удерживать на высоком уровне ввоз рабов. Эта провинция в дальнейшем будет представлять собой любопытный образец сочетания рабовладения и экономики, которая не являлась ни плантационной, ни ориентированной в основном на внешний рынок.

1.9. Итоги развития колониальной экономики.

Внутренний рынок

Традиционно (и в особенности после работ Кайо Прадо Жуниора**) большинство историков сходятся во мнении, что глубинный смысл

* *Оуру-Прету* — досл. «черное золото».

** *Кайо Прадо Жуниор* (1907 — 1990) — бразильский историк и экономист марксистского направления. Одна из его работ переведена на рус. яз.: *Жуниор К.П.* Экономическая история Бразилии. М.: Иностранная литература, 1949.

колонизации Бразилии был предопределен стремлением португальской метрополии сделать из нее такую колонию, которую можно было бы эксплуатировать себе на пользу. Целью было наладить колониальное производство таким образом, чтобы большая часть полученного продукта шла на экспорт, который обеспечил бы прибыль и накопление капиталов в метрополии.

Несомненно, что португальская корона действительно лелеяла такие замыслы, но исследования последнего времени подвергают сомнению то, что их удалось осуществить. По крайней мере один сектор экономики, жизненно важный для колонии, не укладывается в эту схему. Речь идет о крупной работоторговле. Исследования Мануэла Флорентину и Жуана Луиша Фрагозу, показали, что по меньшей мере с конца XVIII в. работоторговцы Рио-де-Жанейро составляли весьма влиятельную группу, состоявшую из бразильцев и осевших в колонии португальцев. Начиная, как правило, с доходов от недвижимости, они затем занимались предпринимательством в разных областях, которые оказывались связанными друг с другом; сюда включались поставки рабов и «сопутствующие» виды им деятельности, например, закупка товаров в Азии, чтобы выменять на них невольников в Африке. Катя Маттозу в своих исследованиях выявила наличие схожей социальной группы в Салвадоре.

Помимо приведенных доказательств того, что в так называемой торговле живым товаром господствующие позиции занимали именно уроженцы колонии, в историографии также получило новое развитие такое направление (его крупным представителем в прошлом был Капистрану де Абреу), которое вернулось к изучению хозяйственной деятельности, связанной с внутренним рынком. В рамках этого историографического течения тезис о значительной роли внутреннего рынка и связанным с этим все большим обособлении колонии от метрополии получил наибольшее развитие в работах Жоржи Калдейру.

Он напоминает о значении животноводства в южных областях Бразилии, продукты которого (мясной и выючный скот, вяленое мясо) наряду с пшеницей поставлялись на ярмарку в Сорокабе, во внутренних районах Сан-Паулу; упоминает об уже приведенном выше примере развития Минас-Жерайса в условиях упадка золотодобычи; указывает на внутренние поставки рабов, ввезенных через основные порты страны, и делает вывод о том, что Бразилия обрела хозяйственную самостоятельность намного раньше, чем было принято считать.

Большая заслуга современных исследований заключается в демонстрации того факта, что экономическое развитие Бразилии не может быть постигнуто в рамках представления о сменяющих друг друга циклах («цикл сахара», «цикл золота» и т.п.)*, но обладает значительно более сложными характеристиками. Здесь также важно подчеркнуть роль работорговли, породившей сословие людей, чей социальный и экономический вес в результате превзошел значимость крупных землевладельцев.

При этом не стоит слишком увлекаться и отказывать во внимании экспорториентированной экономике. Она была жизненным нервом экономики и часто стимулировала работавшие на внутренний рынок отрасли не только в колониальный период, но и после него — вспомним центральную роль производства и экспорта кофе с середины XIX в. вплоть до 1930 г.

1.10. Кризис колониальной системы

Последние десятилетия XVIII в. были отмечены значительными изменениями в Западной Европе — как в сфере идей и представлений, так и в плане событийной истории. «Старый порядок» (*Ancien Régime*) или совокупность абсолютистских монархий, правивших в Европе с начала XVI в., а также существовавшие в связи с этим определенные концепции и социальные практики начали переживать кризис. Благодаря взглядам французских философов и английских экономистов идеология Просвещения и либерализма начала завоевывать умы и все шире распространяться в обществе.

Трансформация западного мира была отмечена и определенными событиями политической истории. В 1776 г. английские колонии в Северной Америке провозгласили свою независимость. С 1789 г. Французская революция смела «Старый порядок» во Франции, распространив затем — в том числе и силой оружия — свои идеи по всей Европе. В это же время в Англии происходила «молчаливая» революция, не связанная с конкретными датами, но не

* Речь идет о достаточно распространенной в историографии своеобразной периодизации экономической истории Бразилии в соответствии с основным продуктом, идущим на экспорт: «цикл красного дерева» (XVI в.), «цикл сахара» (XVI—XVII вв.), «цикл золота» (XVIII в.), «цикл кофе» (XIX в.) и «цикл каучука» (конец того же столетия).

уступавшая, а то и превосходившая по своему значению упомянутые выше события — промышленная революция. Использование новых источников энергии, изобретение машин, внедренных, главным образом, в текстильную отрасль, развитие сельского хозяйства, контроль над международной торговлей — вот факторы, превратившие Великобританию в главную мировую державу своего времени.

В поисках новых рынков сбыта Англия навязет миру концепции свободной торговли и необходимость отхода от принципов меркантилизма. Одновременно она стремилась защитить собственный рынок и свои колонии с помощью протекционистских тарифов. Развивая отношения с испанскими и португальскими владениями в Америке, англичане пробивают все новые и новые бреши в колониальной системе посредством торговых соглашений, контрабанды, договоров с местными коммерсантами. Значительное воздействие на колониальный мир окажет и другой важный фактор — тенденция к ограничению или полной отмене рабства, проявившаяся в политике Англии и Франции, ведущих мировых держав того времени. В феврале 1794 г. революционная Франция провозгласила отмену рабства в своих колониях; Англия сделает то же самое в 1807 г. Заметим, однако, что в случае с Францией Наполеон вернет рабство в 1802 г.

* * *

Международная обстановка отразилась и на отношениях португальской монархии со своей самой большой колонией. В середине XVIII в. Португалия превращается в отсталую страну по сравнению с ведущими европейскими державами. Она зависела от Великобритании, которая обеспечивала ей защиту от Испании и Франции. Даже при этом португальская корона стремилась сохранить колониальную систему и ограничить растущее английское присутствие в Бразилии.

Важной вехой данного периода стало восшествие на престол в 1750 г. короля Жозе I. Это событие имеет значение не столько из-за самого короля, сколько из-за его министра Себастьяна Жозе де Карвалью-э-Мела, будущего маркиза де Помбала. До назначения министром в возрасте более пятидесяти лет карьера Помбала проходила в сравнительной безвестности: он был представителем Португалии в Англии и дипломатом при австрийском дворе. Его

деятельность на министерском посту на протяжении долгих лет (1750—1777) — это огромные усилия, направленные на повышение эффективности португальской администрации и на изменение в отношениях метрополии и колонии. Преобразования Помбала станут причудливой смесью старого и нового, что объяснялось особенностями развития Португалии, сочетавшей просвещенный абсолютизм с попытками последовательно воплощать в жизнь доктрины меркантилизма. Эта общая формула нашла отражение в серии конкретных мер. Рассмотрим их, уделяя особое внимание тем инициативам, которые относятся к Бразилии.

Вооружившись принципами меркантилизма, Помбал создал две привилегированные торговые компании: Генеральную торговую компанию Гран-Пара и Мараньяна (1755) и Генеральную компанию Пернамбуку и Параибы (1759). В задачу первой компании входило развитие северных территорий Бразилии путем установления привлекательных цен на производившиеся там товары (какао, гвоздика, корица и — уже тогда — хлопок и рис), которые вывозились отсюда для потребления в Европе исключительно на кораблях компании. Она также ввозила в регион африканских рабов, однако из-за бедности этих областей невольников в большинстве своем реэкспортировали в Мату-Гроссу на рудники. Вторая компания стремилась подобным же образом оживить экономическую жизнь Северо-Востока.

Политика Помбала нанесла ущерб бразильским купцам, оказавшимся в неравном положении по отношению к привилегированным компаниям, однако целью ее не было наступление на колониальную элиту. Напротив, Помбал назначал ее представителей в административные и налоговые органы правительства, в суды и в армию.

Экономическая программа Помбала во многом потерпела неудачу, поскольку с середины XVIII в. в колонии началась экономическая депрессия, продлившаяся до конца 1770-х гг. Основными ее причинами был кризис сахарного производства и, начиная с 1760 г., — падение добычи золота. В то же самое время, когда доходы короны падали, возросли ее внеочередные затраты на восстановление Лиссабона, разрушенного землетрясением 1755 г., и на ведение войны с Испанией за контроль над обширными территориями к югу от Сан-Паулу до Рио-де-Ла-Плата.

Помбал стремился обуздать контрабанду золота и алмазов и улучшить налогообложение. В Минас-Жерайсе подушное обложение было заменено старинной пятиной с требованием отдавать в коро-

левскую казну не менее 100 арроб* золота в год. После серии неудач корона взяла на себя прямое управление добычей алмазов (1771). В то же время она попыталась уменьшить зависимость Португалии от импорта промышленных товаров и стала поощрять устройство собственных мануфактур в метрополии и даже в Бразилии**.

Одной из наиболее противоречивых мер администрации Помбала стало изгнание иезуитов из Португалии и ее колоний (1759) с конфискацией имущества ордена. Такое решение можно объяснить стремлением централизовать управление и воспрепятствовать проведению религиозными орденами, чьи цели отличались от целей монархии, собственной автономной политики. Помимо иезуитов, эта мера коснулась и мерседариев, занимавших второе место после иезуитов в Амазонии; в середине 1760-х гг. их изгнали из региона и конфисковали их имущество. Однако основной мишенью были все же иезуиты, обвиненные в создании «государства в государстве».

Укрепление португальского господства на севере и на юге Бразилии, по мысли Помбала, должно было обеспечиваться путем интеграции индейцев в португальскую культуру. Если бы не то население, которое родилось в Бразилии и отождествлялось с целями португальской политики, было бы невозможно обеспечить контроль над обширными и малолюдными областями. Отсюда ряд мер, касавшихся индейцев. Их рабство было отменено в 1757 г.; многие индейские деревни в Амазонии, находившиеся ранее под опекой религиозных орденов, были преобразованы в поселения со светским управлением; были приняты законы, поощрявшие смешанные браки между белыми и индейцами. Подобная политика ассимиляции сталкивалась с патернализмом иезуитов, что было ключевой причиной конфликта.

В это же время испанских иезуитов обвинили в подстрекательстве индейцев к восстанию в регионе под названием «Восточные миссии»***, направленному против передачи этой территории

* Арроба — португальская мера веса, равная 15 кг.

** Как и в испанских колониях в Америке, налаживание собственного мануфактурного производства в Бразилии без соответствующей санкции центральной администрации не поощрялось. Метрополия должна была выступать единственным поставщиком промышленных товаров, чтобы крепче привязать к себе свою колонию. На этом фоне инициатива Помбала в отношении Бразилии стала изменением традиционного курса.

*** Территории современного штата Риу-Гранди-ду-Сул, находившиеся то в испанской, то в португальской сфере влияния. В португальской традиции они обозначаются как «Sete Povos das Missões».

португальцам. Так называемая «война гуарани» длилась с 1754 по 1756 г. Нельзя также забывать, что обширные земельные владения иезуитов разжигали алчность как представителей колониальной элиты, так и самой португальской короны.

Большинство этих владений как в городе, так и в сельской местности после конфискации были куплены на торгах крупными фазендейро и коммерсантами. Основные церкви иезуитов перешли в управление епископов, не принадлежавших к религиозным орденам. Многие здания иезуитских училищ-коллегий превратились во дворцы губернаторов или военные госпитали. В целом же конфискация привела к значительным утратам, особенно касавшимся культурных ценностей, (таких, например, как библиотеки, которые не считались ценным имуществом).

Изгнание иезуитов нанесло удар по и без того скромному образованию в Бразилии. В отличие от испанской монархии, королевская власть в Португалии опасалась появления в собственной колонии прослойки образованной элиты. Уже в XVI в. Испания создала в Америке несколько университетов: университет в Санто-Доминго в 1538 г., университет Св. Марка в Лиме и университет в Мехико в 1551 г. За весь колониальный период в португальской Америке не было создано ничего подобного. Так же обстояли дела и с печатью: в основных городах испанской Америки она появилась в XVI в.; в Бразилии же, за исключением типографии, открытой в 1747 г. в Рио-де-Жанейро, а затем закрытой по королевскому приказу, печать появится только в XIX в. с приездом в страну из Португалии короля Жуана VI.

Чтобы смягчить ситуацию, сложившуюся в сфере образования после изгнания иезуитов, португальская монархия предприняла ряд мер. Был введен особый налог, дословно называвшийся «литературной субсидией», для развития образования, предоставляемого государством. Епископ Пернамбуку создал в Олинде семинарию, частично занявшуюся преподаванием естественных наук и математики. В Рио-де-Жанейро и Баие возникли небольшие кружки интеллектуалов.

Меры, предпринятые Помбалом против религиозных орденов, были частью проводившейся в Португалии политики подчинения церкви государству. При этом оно стремилось избежать прямых конфликтов с папой римским. В свою очередь, церковь согласилась с изгнанием иезуитов. Более того, в 1773 г. папа Климент XIV распустил орден иезуитов, будучи убежденным в том, что про-

блем от него было больше, чем выгод. Орден был воссоздан лишь в 1814 г.

* * *

Острая дискуссия в португальской историографии в защиту Помбала или против него породила представление о глубоком разрыве между эпохой Помбала и последовавшим периодом правления королевы Марии I. Само определение «поворот», используемое для характеристики эпохи после смерти короля Жозе I в 1797 г. и падения Помбала, свидетельствует о подобном представлении. Произошло много изменений: торговые компании были распущены, в колонии было запрещено устраивать фабрики или мануфактуры, за исключением производства грубых хлопчатобумажных тканей для рабов. Это обстоятельство, а также преследование участников заговора под названием «Инконфиденсия минейра», о котором речь пойдет ниже, привело к крайне негативной оценке бразильской историографией периода, последовавшего за правлением Помбала.

При этом несомненным является тот факт, что в период с 1777 по 1808 г. португальская монархия продолжила попытки осуществления реформ, чтобы приспособиться к новым временам и спасти колониальную систему, основанную на меркантилизме. В отличие от правления Помбала, на период царствования Марии I и принца-регента Жуана пришлось оживление сельскохозяйственного производства в Бразилии: как мы уже видели, производство сахара увеличилось и стало более доходным вследствие восстановления рабов на Санто-Доминго и временного отсутствия конкуренции со стороны этого региона. Кроме того, распространилось возделывание другой культуры — хлопка; его поощряла созданная Помбалом торговая компания, а затем спрос на хлопок увеличился из-за Войны за независимость североамериканских колоний. Производство хлопка на определенный период времени превратило Мараньян в самый процветающий регион португальской Америки.

1.11. Восстания и зарождение национального самосознания

В то время, когда в Португалии монархия проводила политику реформирования абсолютизма, в колонии созрели заговоры против метрополии и обозначились попытки обрести независимость. Они были связаны с новыми идеями и событиями, произошедшими на международной арене, но при этом отражали и местные реалии. Можно даже сказать, что речь шла о региональных восстаниях, а не о революции в национальном масштабе. Именно это было общей чертой таких различных событий, как «Инконфиденсия минейра» (1789), «заговор портных» и революция 1817 г. в Пернамбуку.

Когда именно уроженцы колонии и даже жившие в ней португальцы начинают воспринимать Бразилию как нечто отдельное по отношению к Португалии? Другими словами, к какому времени относится возникновение бразильского самосознания?

Сама природа этих вопросов не позволяет дать однозначного ответа. Национальное сознание формируется по мере того, как у различных слоев колониального общества появляются интересы, отличные от интересов метрополии, или когда в метрополии начинают усматривать источник своих проблем. Эти слои, вовсе не образуя однородной по социальному составу группы, включали в себя и крупных землевладельцев, и ремесленников или плохо оплачиваемых солдат, не говоря уже об образованных и просвещенных людях. Все они отнюдь не разделяли одни и те же взгляды. Источником вдохновения служили «французские идеи» или либерализм Американской революции, но господствующие классы стремились их ограничить, подходу, к примеру, с большой осторожностью к идее отмены рабства, которая могла бы ущемить их интересы. Напротив, для угнетенных слоев идея независимости шла рука об руку с пожеланиями уравнилельных социальных реформах.

Так называемая «война бродячих торговцев» в Пернамбуку (1710), бунты в Минас-Жерайсе, последовавшие за восстанием Фелипе душ Сантуша в 1720 г., и в особенности заговоры и «революции», происшедшие в последние десятилетия XVIII — первую четверть XIX в., часто рассматривают как подтверждение наличия национального самосознания. Если и считать, что это

так, важно помнить, что до эпохи обретения независимости и даже после нее национальное сознание формируется через чувство принадлежности к определенному региону. В рассматриваемый период восставшие определяли себя как жителей Минас-Жерайса, Баии, Пернамбуку или, в некоторых случаях, называли себя «бедняками» в той же мере (а то и больше), чем «бразильцами».

Самым значительным проявлением непокорности, произошедшим в Бразилии в конце XVIII в., стала так называемая «Инконфиденсия минейра»* 1789 г. Значимость произошедшего проявилась не в событийном, а в символическом измерении. Движение было напрямую связано с нарастанием социальных проблем в Минас-Жерайсе того времени. В то же время участники движения находились под влиянием новых идей, возникших в Европе и Северной Америке. Многие представители региональной элиты путешествовали по миру и учились в Европе. Например, бывший студент университета Коимбры, Жозе Жоахим да Майя, в 1786 г. поступил на медицинский факультет университета Монпелье, во Франции. В 1786—1787 гг. он встречался с Томасом Джефферсоном, тогдашним послом США во Франции, и просил поддержать революцию, которая, по его словам, замышляется в Бразилии. Другой участник заговора, Жозе Алвареш Масизл, получил образование в Коимбре, а затем прожил полтора года в Англии. Там он познакомился с техникой фабричного производства и обсуждал с английскими негодьями возможности поддержки движения за независимость Бразилии.

Подавляющее большинство заговорщиков принадлежало к колониальной элите, состоявшей из золотопромышленников и фазендейро, а также из лиц духовного звания, занявшихся коммерцией, чиновников, известных адвокатов и высокопоставленных офицеров. Все они были связаны с колониальной администрацией Минас-Жерайса и некоторые из них занимали посты в судебном ведомстве.

Определенным исключением в этом смысле стал Жозе Жоахим да Силва Шавьер. Его родители рано умерли, оставив семерых детей. Он потерял свое имущество из-за долгов и безуспешно попытался заняться торговлей. В 1775 г. он поступил на военную службу, получив должность младшего лейтенанта, т.е. самый нижний офи-

* Дословно — «вероломный заговор в Минас-Жерайсе»

церский чин. В свободное время он занимался ремеслом дантиста, откуда к нему и пришло несколько презрительное прозвище «Тирадентис»*.

В последние десятилетия XVIII в. общество Минас-Жерайса переживало упадок, связанный с продолжающимся сокращением добычи золота и действиями португальской короны по обеспечению сбора пятины. В то же время связи между местной элитой и колониальной администрацией оказались в значительной мере нарушенными из-за назначения нового губернатора Луиша да Кунья Менезеша в 1782 г. Он подверг опале самых видных представителей местной элиты, возвысив собственных друзей. Хотя Тирадентис не принадлежал к элите, ему тоже довелось пострадать от действий губернатора, поскольку его отстранили от командования воинским подразделением, патрулировавшим стратегически важную дорогу в горах Мантикейра, по которой въезжали в район рудников.

Ситуация ухудшилась с назначением на пост губернатора виконта де Барбасены взамен Кунья Менезеша. Он получил от португальского министра Мелу-э-Каштру инструкции по обеспечению ежегодного сбора в казну 100 арроб золота. Чтобы получить это количество драгоценного металла, губернатор мог завладеть всем имеющимся в капитанстве золотом, а если и этого оказалось бы недостаточно — ввести особый режим налогообложения, при котором специальную подать платили бы все жители капитанства. Он также получил предписание навести справки о должниках королевской казны и о контрактах, заключенных местной администрацией с частными лицами. Эти инструкции представляли собой общую угрозу капитанству и были особенно опасны для элиты, в среде которой и находились самые большие должники казны.

Участники заговора начали готовить его в последние месяцы 1788 г.; их подгоняла перспектива введения особого режима налогообложения. Впрочем, им не удалось добиться воплощения своих планов. В марте 1789 г. Барбасена издал указ о приостановке особого режима налогообложения, а заговорщиков выдали властям. Последовали аресты и заключение в тюрьмы Минас-Жерайса; Тирандентиса отправили в тюрьму Рио-де-Жанейро. Длительный судебный процесс, проходивший в столице колонии, закончился

* *Тирадентис* — досл. «зубодер».

только 18 апреля 1792 г. Тирандентиса и еще нескольких заговорщиков приговорили к повешению. Несколько часов спустя помилование, подписанное королевой Марией, заменило все наказания участникам заговора высылкой из Бразилии. Исключением был Тирандентис. Утром 21 апреля 1792 г. состоялось его публичное повешение, устроенное по всем правилам «Старого порядка»; сценарий этого публичного действия включал в себя присутствие войск, речи, воззвания к королеве. Затем последовало четвертование и отсечение головы, которую после этого демонстрировали на главной площади Оуру-Прету.

Чего добивались заговорщики? Ответить на этот вопрос не просто, поскольку сведения об их планах во многом почерпнуты из их показаний на следствии, а также из заявлений свидетелей на инициированном короной суде, где решался вопрос — в прямом смысле слова — о жизни и смерти. По всей видимости, большинство участников заговора хотели провозгласить республику, взяв за образец конституцию США. Дистриту Диамантину был бы освобожден от наложенных на него ограничений, должников короны помиловали бы, в капитанстве поощрялось бы устройство мануфактур. Постоянного войска бы не было. Вместо этого оружие должны были бы носить все граждане, которые, в случае необходимости, служили бы в национальном ополчении. Самая интересная из многих предложенных мер относилась к рабству. Разрываясь между необходимостью выдерживать единую идеологическую линию и собственными интересами, заговорщики избрали средний путь и открыто поддержали освобождение рабов, родившихся в Бразилии.

«Инконфиденсия минейра» — пример того, как исторические события на первый взгляд незначительного масштаба могут повлиять на историю страны. Строго говоря, заговор так окончательно и не оформился, а вероятность его победы практически равнялась нулю. В этом смысле революция 1817 г., распространившаяся из Пернамбуку на значительные территории Северо-Востока, имела большее значение. Но значимость заговора «Инконфиденсия минейра» заключалась в символическом воздействии этого события: Тирандентис превратился в национального героя, и даже в школах с волнением и ужасом рассказывали о его казни, четвертовании, демонстрировании отсеченной головы. Конечно, это произошло не сразу, а в результате долгого формирования мифа, за которым стояла своя история.

Поначалу, когда Бразилия еще не обрела независимость, возобладал взгляд колониальных властей. Это показывает само название «Инконфиденсия минейра», которым в то время обозначили события и которое удивительным образом по традиции используется и в наши дни. «Инконфиденсия» — слово с негативной окраской, означающее вероломство, неверность, нарушение долга, в первую очередь по отношению к суверену или к государству. Когда Бразилия была империей*, заговор в Минас-Жерайсе оставался «неудобным» событием, ведь участники его не испытывали симпатий к монархическому способу правления. Кроме того, оба бразильских императора являлись прямыми потомками королевы Марии, ответственной за осуждение революционеров**.

Провозглашение республики в 1889 г. способствовало проецированию движения XVIII в. на события XIX столетия и превращению Тирадентиса в республиканского мученика. Для этого существовали реальные основания. Есть сведения о том, что публичное действо, устроенное королевской властью из казни Тирадентиса для запугивания населения колонии, возымело обратный эффект, сохранив в памяти как само событие, так и симпатию к заговорщикам. Поведение Тирадентиса, взявшего в определенный момент судебного процесса всю ответственность на себя, и финальное самопожертвование облегчили превращение его в мифологическую фигуру уже после провозглашения Республики. 21 апреля стало праздничным днем, а Тирадентиса изображали на портретах, с каждым разом придавая ему все больше сходства с чертами Христа. Так Тирадентис превратился в одного из немногих национальных героев, которых почитают как мучеников не столько правые или левые, сколько простой народ.

* * *

Независимость Бразилии станет результатом не революционного отделения от метрополии, а плодом исторического развития, сочетавшего в себе как изменения по отношению к колониальному периоду, так и многие черты преемственности. Вехами на этом

* 1822 — 1889 гг.

** Первый император Бразилии, Педру I, приходился королеве Марии внуком, а второй, Педру II — правнуком.

пути станет переезд португальской королевской семьи в Бразилию и открытие бразильских портов для торговли с иностранцами, что положит конец колониальной системе.

Война Наполеона с Англией, которую он вел в Европе в начале XIX в., оказалось чреватой последствиями для судеб португальской монархии. После установления контроля практически над всей Западной Европой Наполеон ввел блокаду торговли Англии с европейским континентом. Португалия представляла собой брешь в данной блокаде, и эту брешь необходимо было заткнуть. В ноябре 1807 г. французские войска пересекли границу между Испанией и Португалией и двинулись к Лиссабону.

Принц Жуан, правивший в стране с 1792 г., когда его мать, королева Мария, была официально объявлена безумной, в срочном порядке принял решение о переезде двора в Бразилию. За несколько дней, с 25 по 27 ноября 1807 г., от 10 до 15 тыс. человек погрузились на португальские корабли, которые взяли курс на Бразилию. Охраняли их суда английского флота. В колонию прибыли все представители высшей администрации: министры, советники, члены Верховного суда, чиновники казначейства, офицеры армии и флота, члены высшего духовенства. Были также переправлены королевская казна, государственный архив, печатный станок и несколько книжных собраний, ставших основой Национальной библиотеки Рио-де-Жанейро.

После прибытия в Бразилию во время краткой остановки в Баие принц-регент Жуан подписал указ об открытии бразильских портов для дружественных стран (28 января 1808 г.). Даже принимая во внимание, что в тот момент выражение «дружественные страны» обозначало практически одну Англию, этот акт положил конец трехвековой колониальной системе. Находясь уже в Рио-де-Жанейро, в апреле того же года, Жуан отозвал декреты о запрещении устройства мануфактур в Бразилии, избавил от обложения пошлинами ввоз сырья для промышленности, предоставил субсидии на производство шерсти, шелка и железа, стал поощрять изобретение и внедрение новых машин.

Открытие портов было событием, исторически предсказуемым, но в то же время и обусловленным конкретными обстоятельствами. Португалия была занята французскими войсками, и торговать через нее с остальными странами было невозможно. Для короны предпочтительнее было узаконить обширную контрабандную торговлю с Англией и взимать положенные пошлины.

Основные выгоды от открытия портов получила Англия. Рио-де-Жанейро превратился в порт ввоза британских промышленных товаров не только для Бразилии, но и для региона Рио-де-Ла-Плата, а также для побережья Тихого океана. Уже в августе 1808 г. в Рио-де-Жанейро проживало от 150 до 200 английских коммерсантов и торговых агентов. Открытие портов стало также выгодным для землевладельцев, производивших товары на экспорт (в основном сахар и хлопок); они избавились от торговой монополии Португалии. Отныне стало возможным продавать что угодно кому угодно без ограничений, накладывавшихся колониальной системой.

Коммерсанты Рио-де-Жанейро и Лиссабона, напротив, восприняли эту меру в штыки, и принцу-регенту даже пришлось сделать для них некоторые исключения. По декрету от июня 1808 г. свободная торговля была ограничена портами Белема, Сан-Луиша, Ресифе, Салвадора и Рио-де-Жанейро. Так называемая каботажная торговля (торговля между бразильскими портами), могла осуществляться только на португальских кораблях. Пошлина на ввозимый товар, составлявшая 24% его стоимости, снижалась до 16%, если речь шла о португальских судах. Реальное значение имела только последняя мера, но в дальнейшем она оказалась превзойдена.

Рост английского влияния в сфере контроля над колониальным бразильским рынком достиг кульминационной точки в «Договоре о плаваниях и торговле», подписанном после долгих переговоров в феврале 1810 г. У португальской монархии поле для маневра было весьма ограниченным. Для возвращения себе Португалии корона зависела от исхода войны с Наполеоном, а ее колонии находились под защитой британской эскадры. По договору 1810 г. устанавливалась пошлина в 15% на английские товары, ввозимые в Бразилию. Тем самым они оказались в преимущественном положении, даже обойдя португальские. Даже когда тарифы уравнили, преимущество английских товаров оставалось огромным. Продукция отсталой страны, в которую превратилась Португалия, без протекционистской тарифной политики не могла соперничать по цене и разнообразию с товарами из Англии. Первые инициативы Жуана по поощрению промышленности также, за редкими исключениями, остались на бумаге.

Один из пунктов британской политики станет предметом озабоченности для различных слоев колониального общества. После того, как в прошлом Англия сама извлекала немалую выгоду от рабо-

торговли, с конца XVIII в. она перейдет к борьбе с рабством. По «Договору о союзе и дружбе», подписанному одновременно с «Договором о плаваниях и торговле» 1810 г., португальская монархия обязывалась ограничить работорговлю на подвластных ей территориях и давала расплывчатое обещание принять меры по ее сокращению. Несколькими годами позже, когда державы-победительницы в войне с Наполеоном собрались на Венский конгресс (1815), португальское правительство подписало новый договор, соглашаясь прекратить работорговлю к северу от экватора. В принципе, это должно было покончить с ввозом в Бразилию рабов с Золотого берега. Дополнительный пункт договора предоставил Англии «право визита» в открытом море на корабли, заподозренные в том, что они перевозят невольников, а также право задерживать такие суда. Ни одна из этих мер не воспрепятствовала работорговле, которая, напротив, приобрела с начала 1820 г. еще больший размах по сравнению с началом XIX в. На горизонте уже вырисовывалось будущее столкновение британского правительства с бразильскими властями и господствующими классами — столкновение, которое обретет особую остроту после того, как Бразилия станет независимой.

Перемещение центра пребывания португальской монархии из Старого в Новый Свет изменило расстановку сил в Южной Америке. Отныне внешняя политика Португалии определялась в колонии, поскольку именно в Рио-де-Жанейро теперь находились военное и внешнеполитическое ведомства. Помимо экспедиции во Французскую Гвиану, получившую поддержку Англии, корона сосредоточила свое внимание на регионе Рио-де-Ла-Платы, особенно на Восточном берегу (нынешний Уругвай): эту область португальцы и испанцы оспаривали друг у друга с конца XVII в.

Жуан VI* предпринял две попытки присоединить военным путем Восточный берег к Бразилии: одна состоялась в 1811 г., а другая началась в 1816 г. Поражение генерала Хосе Артигаса — главного действующего лица в борьбе за независимость Уругвая — позволило португальцам установить свою власть в регионе и присоединить Восточный берег к Бразилии под названием Сисплатинская провинция (1821). Тем не менее, конфликт на Рио-де-Ла-Плате был далек от завершения.

* Принц-регент Жуан стал королем Жуаном VI в 1815 г.

Переезд королевской семьи окончательно переместил центр административного развития Бразилии в Рио-де-Жанейро, одновременно изменив облик города. Среди прочих перемен там возникла культурная жизнь, появился доступ к книгам и определенный обмен идеями. В сентябре 1808 г. вниманию публики была представлена первая собственная бразильская газета; открылись театры и библиотеки, появились литературная и естественнонаучная академии для удовлетворения запросов двора и быстрорастущего городского населения. Достаточно сказать, что за время пребывания Жуана VI в Бразилии число жителей столицы удвоилось с примерно 50 до 100 тыс. человек. Многие из новых жителей были иммигрантами, причем не только из Португалии, но и из Испании, Франции и Англии; они в дальнейшем образуют средний класс, состоящий из профессионалов и квалифицированных ремесленников.

Помимо них в Бразилию приехали иностранные ученые и путешественники, такие как английский натуралист и специалист в области минералогии Джон Мейв, немцы — зоолог Спикс и ботаник Марциус (оба из Баварии), французский натуралист Сент-Илер. Они оставили работы, являющиеся важнейшим источником по изучению той эпохи. В марте 1816 г. в Бразилию прибыла французская художественная миссия, в составе которой находился архитектор Гранжан де Монтины, автор проектов городских зданий, и художники Тонэй и Дебре. Они запечатлели в рисунках и акварелях пейзажи, облик и нравы жителей Рио-де-Жанейро первых десятилетий XIX в.

Переехав в Бразилию, монархия продолжала оставаться португальской и покровительствовать португальским интересам в стране. Один из основных очагов недовольства этим положением находился в вооруженных силах. Жуан VI призвал войска из Португалии для того, чтобы расставить гарнизоны в основных городах Бразилии, и организовал армию таким образом, что самые лучшие должности оставались за португальской аристократией. Возрос налоговый гнет, поскольку колонии приходилось теперь в одиночку финансировать расходы двора и военные кампании, проводимые королем в Рио-де-Ла-Плата.

К этому добавилась проблема, связанная с неравенством регионов. На Северо-Востоке господствовало убеждение, что с переездом королевской семьи политическое управление колонией переместилось из одного иностранного города в другой иностран-

ный город, т.е. из Лиссабона в Рио-де-Жанейро. Во время революции марта 1817 г. это чувство смешалось с различными проявлениями недовольства экономической ситуацией и предоставлением привилегий португальцам. Революция охватила широкие слои населения: военных, землевладельцев, судей, ремесленников, коммерсантов и большое число священников; она даже получила название «революции священников». Обращает на себя внимание участие в ней крупных бразильских коммерсантов, связанных с внешней торговлей, которые начали конкурировать с португальцами в той сфере, которая прежде в значительной мере контролировалась последними.

Другой важной особенностью революции 1817 г. стало то, что она переместилась из Ресифе во внутренние области страны, распространившись на Алагоас, Параибу и Риу-Гранди-ду-Норти. Единым знаменателем в этом подобии общего восстания всего Северо-Востока стало чувство обездоленности целого региона, к которому примешивались сильные анти-португальские настроения. При этом различные слои населения не ставили одинаковых целей. Для бедных слоев городского населения независимость связывалась с идеей равенства. Для крупных же землевладельцев главной целью было покончить с централизацией, навязанной королевской властью, и взять в свои руки управление если не всей колонией, то, по крайней мере, Северо-Востоком.

Революционеры захватили Ресифе и установили временное управление, основанное на «органическом законе»*. Была провозглашена республика, установлено равенство прав и религиозная веротерпимость, однако проблема рабства не затрагивалась. В другие капитанства и страны (США, Англию, Аргентину) были посланы эмиссары в поисках поддержки и признания республики. Восстание перекинулось на внутренние области Пернамбуку, однако затем последовала атака португальских сил: Ресифе был осажден, а в Алагоасе высадились войска. Сражения стали разворачиваться во внутренних районах, что выявило неготовность и разногласия в рядах восставших. В конце концов в мае 1817 г. португальские войска заняли Ресифе. Лидеры восстания были арестованы и казнены. Движение продолжалось

* *Органический закон* — закон об организации того или иного института; часто используется в качестве синонима для конституционного закона или Конституции.

еще два месяца; ему суждено будет оставить на Северо-Востоке глубокий след.

* * *

Того, кто сказал бы в 1817 г., что через пять лет Бразилия станет независимой, сочли бы автором весьма сомнительного прогноза. Пернамбуканская революция, ограниченная пределами Северо-Востока, была подавлена. Корона предпринимала шаги по объединению Португалии и Бразилии в рамках единого королевства. В 1814 г. закончилась война в Европе, и Наполеон был повержен. Видимых причин для дальнейшего пребывания двора в Бразилии больше не оставалось. Тем не менее, Жуан решил остаться в Новом Свете и в декабре 1815 г. возвел Бразилию в ранг составной части Объединенного королевства, включавшего в себя также Португалию и Алгарви*. Несколько месяцев спустя, после смерти королевы Марии, Жуан взшел на престол, став королем Португалии, Бразилии и Алгарви под именем Жуана VI.

Провозглашение независимости объясняется совокупностью как внутренних, так и внешних факторов. Но ветры извне сообщили событиям тот непредсказуемый ход, которого не ожидало большинство главных действующих лиц. События стали развиваться по нарастающей: от защиты автономии Бразилии к альтернативному решению — независимости.

В августе 1820 г. в Португалии произошла либеральная революция, вдохновленная идеями Просвещения. Революционеры пытались найти выход из глубокого кризиса, охватившего все стороны жизни: политического кризиса, связанного с отсутствием короля и правительственных органов; экономического кризиса, отчасти вызванного свободой торговли, от которой выиграла Бразилия; военного кризиса, последовавшего за назначением на высокие должности английских офицеров и обходом португальских офицеров при производстве в чин. Напомним, что в отсутствие Жуана Португалия управлялась регентским советом под председательством английского маршала Бересфорда. После войны Бересфорд стал командующим португальской армией.

* *Алгарви* — историческая часть Португалии; традиционным официальным названием государства со времен Реконкисты было «королевство Португалии и Алгарви».

Португальская революция 1820 г. сочетала в себе противоречивые черты. Ее можно определить как либеральную, поскольку ее сторонники рассматривали абсолютную монархию как устаревший и репрессивный режим и пытались вдохнуть новую жизнь в такие органы представительства, как кортесы. Одновременно с этим они защищали интересы португальской буржуазии, стремились ограничить английское влияние и хотели сделать все возможное, чтобы Бразилия вновь стала полностью подчиняться Португалии.

В конце 1820 г. революционеры учредили в Португалии Временный совет (жунту), чтобы править от имени короля, и потребовали его возвращения в метрополию. Было решено созвать кортесы, в составе избранных представителей «португальского мира» (Португалии и Бразилии). Целью кортесов должна была стать разработка и принятие конституции. В Бразилии в различных капитанствах, которые стали называться провинциями, предполагалось создать правительственные жунты, верные революции.

Движение 1820 г. в Португалии началось среди недовольных военных. В той же среде (включая португальских офицеров), но уже в Бразилии проявились первые отклики на события в метрополии. В Белеме и Салвадоре взбунтовались войска и были учреждены правительственные жунты. В Рио-де-Жанейро народные выступления и требования португальских войск побудили короля пересмотреть состав правительства, создать жунты там, где их не было, и подготовить не прямые выборы в кортесы.

В то время водоразделом в обществе был вопрос о том, вернется ли Жуан VI в Португалию или останется в Бразилии. В Рио-де-Жанейро за возвращение выступала так называемая «португальская фракция» из высокопоставленных офицеров, чиновников и коммерсантов, заинтересованных в подчинении Бразилии метрополии, и по возможности — в духе прежней колониальной системы. За то, чтобы король остался в Бразилии, ратовала «бразильская партия», руководствовавшаяся противоположными соображениями. Ее составляли крупные землевладельцы соседних со столицей капитанств, чиновники и члены судебного ведомства, родившиеся в Бразилии. К ним примкнули португальцы, чьи интересы стали отныне связаны с колонией, коммерсанты, приспособившиеся к условиям свободной торговли; те, кто вкладывал деньги в земли и городскую собственность; зачастую они уже были связаны с жителями Бразилии родственными узами, возникшими

в результате браков. Мы говорим о «бразильской партии» в кавычках, потому что речь здесь идет не о партии в современном значении слова, а о течении в общественном мнении. Политические образования в ту эпоху формировались на базе масонских лож, наиболее радикально настроенные члены которых выступали за независимость.

В дальнейшем вопрос о возвращении короля Жуана VI потерял свою актуальность. Опасаясь потерять корону в случае невозвращения в Португалию, король в результате решил вернуться. Он отплыл в Португалию в апреле 1821 г в сопровождении 4 тыс. португальцев. Вместо себя он оставил в качестве принца-регента своего сына Педру (будущего императора Педру I). В последовавшие за этим месяцы в Бразилии прошли выборы представителей в португальских кортесах. Почти все избранные родились в Бразилии. Среди них были некоторые радикальные (или ранее бывшие радикальными) сторонники независимости, такие, как Сиприану Барата (Баия), Муниш Тавареш (Пернамбуку) и Антониу Карлуш Рибейру де Андрада (Сан-Паулу), участвовавшие в пернамбуканской революции 1817 г.

Кортесы начали свою работу в январе 1821 г., за несколько месяцев до прибытия бразильских депутатов. Был принят ряд мер, вызвавших глубокое недовольство в колонии. Основные провинции освобождались от подчинения Рио-де-Жанейро и переходили в прямое подчинение Лиссабону. Была предпринята попытка отозвать торговые соглашения с Англией, которые были выгодны как англичанам, так и крупным бразильским землевладельцам и городским потребителям. К тому же лидеры либеральной революции подлили масла в огонь пренебрежительными и высокомерными отзывами о Бразилии. Для многих из них это была «страна макак, бананов и пойманных в Африке негров», которой нужна была хорошая сторожевая собака, «чтобы «привести ее в чувство».

В конце сентября — начале октября 1821 г. новые решения, принятые кортесами, укрепили в Бразилии выбор в пользу независимости, который до этого был лишь едва намечен. Кортесы постановили вернуть в Португалию основные учреждения, созданные в Бразилии Жуаном VI, направить в Рио-де-Жанейро и Пернамбуку новые контингенты войск и главное — отозвать в Португалию принца-регента.

«Бразильская партия» сосредоточила свои усилия на том, чтобы принц Педру остался в Бразилии. Решение принца, торжественно

принятое в «День, в который было произнесено «Я остаюсь»* (9 января 1822 г.), означало выбор пути, с которого уже нельзя было свернуть. Действия, предпринятые принцем после того, как он заявил «Я остаюсь», были уже действиями, ведущими к разрыву с Португалией. Португальские войска, отказавшиеся присягнуть на верность Педру, были вынуждены оставить Рио-де-Жанейро. С этого момента начинается формирование бразильской армии. Педру созвал новое министерство, состоявшее из португальцев, но под председательством бразильца, Жозе Бонифасиу де Андрада-э-Силва.

Братья Андрада — Антониу Карлуш, Мартим Франсишку и особенно Жозе Бонифасиу — были в те годы центральными фигурами бразильской политики. Жозе Бонифасиу родился в одной из самых богатых семей Сантуса, где его отец занимался экспортом сахара. Он учился в Коимбре и жил в Европе с 1783 по 1819 г. В Португалии он занимал важные административные должности, будучи университетским профессором в Коимбре. По возвращении в Бразилию его призвали возглавить в марте 1821 г. временную жунту Сан-Паулу. Отнести взгляды Жозе Бонифасиу к какой-то одной категории непросто. В социальной сфере он отстаивал прогрессивные идеи, как, например, постепенную отмену работорговли и рабства, аграрную реформу и свободный въезд иммигрантов в Бразилию. В политическом отношении он был либеральным консерваторм, противником «рваных знамен грязной и хаотичной демократии», как он сам однажды выразился. Наиболее соответствующей условиям Бразилии он считал монархическую форму правления, укрепленную представительством граждан; такое представительство должно было затрагивать только правящие и образованные классы.

По мере развития событий, приведших к провозглашению независимости, в «бразильской партии» достаточно четко обозначились консервативное и радикальное течения. В период, непосредственно предшествовавший обретению независимости, консервативное течение отстаивало большую автономию Бразилии в отношениях с Португалией; лишь затем консерваторы стали разделять идею независимости. Для них желательной формой правления была конституционная монархия с ограниченным предста-

* Заявление принца Педру по-португальски звучит так: «Скажите народу, что я остаюсь» («Digam ao povo que fico»). Соответственно, и день, когда было произнесено слово «Fico» («я остаюсь»), стал называться «день Fico» («Dia do Fico»).

вительством как гарантия порядка и социальной стабильности. Радикальное течение охарактеризовать сложнее, поскольку его составляли люди разных взглядов, от монархистов, заботившихся о наиболее широком народном представительстве и о свободах, особенно свободе печати, до так называемых «крайних», для которых независимость была связана с идеей республики, народного голосования и, в ряде случаев, с социальной реформой.

После решения созвать Учредительное собрание шаги в направлении отделения от Португалии ускорились, хотя еще и упоминалось о такой цели, как «союз с Португалией». В качестве необходимого условия для принятия на государственную службу стали требовать присоединения к делу борьбы за независимость. Провинциальным администрациям было рекомендовано не принимать на службу чиновников, прибывших из Португалии. В августе 1822 г. принц-регент объявил декретом, что войска из метрополии будут считаться неприятельскими; Гонсалвеш Леду и затем Жозе Бонифасиу направили манифесты дружественным странам.

Прибытие из Лиссабона распоряжений, отменявших декреты принца-регента, снова требовавших его возвращения в Португалию и обвинявших министров в измене, ускорило окончательный разрыв. Супруга принца принцесса Леопольдина и Жозе Бонифасиу спешно послали весть о полученных документах принцу, который находился в отъезде и подъезжал в тот момент к Сан-Паулу. Когда гонцы догнали его 7 сентября 1822 г. на берегу ручья под названием Ипиранга, принц издал так называемый «клич Ипиранги»*. Так была установлена независимость Бразилии. 1 декабря принца, которому едва исполнилось 24 года, короновали как императора под именем Педру I. Бразилия получила независимость, но сохранила монархическую форму правления. Более того, на троне в новой стране окажется португальский король.

1.12. Бразилия в конце колониального периода

Какими были территория и население Бразилии в преддверии обретения ею независимости?

* По легенде, он воскликнул: «Независимость или смерть!» В дальнейшем в окрестностях Ипиранги был возведен монумент и сооружен мемориальный комплекс, посвященный этому событию.

С начала XVIII в. географическое расширение колонии больше не имело отношения к трудноустановимому «Тордесильяскому меридиану». Вылазки отрядов бандейрантов из Сан-Паулу в западном направлении, экспансия скотоводов и военные походы в юго-западные области де-факто расширили границы страны. Устремившиеся вглубь страны золотоискатели с начала XVIII в. придали этому процессу дополнительный импульс, и очертания Бразилии стали в достаточной степени походить на современные.

Оставалось де-юре признать новые границы и уладить этот вопрос главным образом с Испанией. Между королями обеих стран был подписан Мадридский договор, согласно которому признавался принцип *uti possidetis*, выгодный португальцам. Исключение было сделано для границы испанских и португальских владений на юге. Португалия отказывалась от «Колонии Сакраменто», основанной на берегу Рио-де-Ла-Платы, неподалеку от Монтевидео. Взамен она получала область на правом берегу реки Уругвай — так называемые «Восточные миссии», где жили индейцы и иезуиты.

Несмотря на заключение договора, территориальные споры относительно границ на юге Бразилии не прекратились. Договор 1761 г. отменил Мадридский договор. Затем по договору Санто-Ильдефонсо (1777) Территория Семи Миссий была возвращена испанцам. Португальцы продолжали претендовать на Колонию Сакраменто, стратегически важный пункт для контрабанды серебра, перевозимого из Боливии и Перу по реке Паранá.

Даже при том, что шел процесс уточнения внешних границ, обширные территории в самой стране оставались практически неисследованными или продолжали быть населенными индейцами, которые не вступали в контакт с колонизаторами. Точных данных о населении Бразилии в конце колониального периода нет. Подсчеты, производившиеся по распоряжению королевской власти, часто не учитывали детей до семи лет, индейцев, а порой и рабов. Считается, что в 1819 г. в Бразилии жило около 3,6 млн человек, сосредоточенных (в порядке убывания) в провинциях Минас-Жерайс, Рио-де-Жанейро, Баия, Пернамбуку. Юг страны пока еще оставался периферией.

С точки зрения расового состава, данные по основным провинциям позволяют предположить, что белые составляли менее 30% от всего населения.

Таков в самых общих чертах облик Бразилии в конце колониального периода с точки зрения территории и населения. Жители страны уже не цеплялись, «подобно крабам», за побережье, хотя все еще сосредотачивались вокруг основных портов, через которые шла экспортная торговля, и в прибрежных провинциях Рио-де-Жанейро, Баия, Пернамбуку и Параиба (около 74%).

2. Бразилия в эпоху монархии (1822–1889)

2.1. Упрочение независимости и создание государства

Упрочение независимости в Бразилии заняло всего несколько лет. Португальские войска еще оказывали сопротивление в Сисплатинской провинции, но в ноябре 1823 г. они были оттуда окончательно выведены. С этого момента началась долгая война за независимость будущей Уругвая: война, которая отныне велась не с португальцами, а с бразильцами. Еще один очаг противостояния находился в Баие, где бразильцы нанесли португальцам поражение.

На международной арене США признали независимость Бразилии в мае 1824 г. Неофициальным образом независимость государства была признана и Великобританией, заинтересованной в поддержании порядка в бывшей португальской колонии. Таким образом, Великобритания сохраняла свои торговые преференции в стране, которая на тот момент была для нее третьим по величине зарубежным рынком. Официальное признание откладывалось лишь по той причине, что Лондон пытался добиться от Бразилии немедленного прекращения работорговли. При этом англичане сыграли свою роль — и прямо, и косвенно — в упрочении независимо-

сти страны, выступив посредниками в деле признания нового государства Португалией.

Это признание произошло в августе 1825 г. и было закреплено в договоре, по которому Бразилия соглашалась выплатить своей бывшей метрополии 2 млн фунтов стерлингов в качестве компенсации потери колониального владения, а также обязалась не вступать в союз с какой бы то ни было другой португальской колонией. Необходимость выплаты компенсации Португалии явилась причиной первого внешнего заимствования Бразилии: кредитором стал Лондон. Второе условие данного договора поначалу кажется странным, однако объясняется тем, что интересы бразильских работорговцев были тесным образом связаны с определенными регионами африканского побережья. Когда до Анголы дошли известия об отделении Бразилии от Португалии, в административном центре колонии г. Бенгела появились напечатанные в Бразилии памфлеты с призывом «последовать бразильскому примеру». Таким образом, упреждающие меры, предпринятые Португалией, имели под собой определенные основания.

* * *

В бразильской историографии стало традицией противопоставлять сравнительно легкое обретение независимости Бразилией и сложный процесс освобождения из-под власти метрополии испанских колоний в Америке. Историки также подчеркивают, что Бразилия сохранила при этом единство страны, в то время как на территории Испанской Америки образовались различные государства. Оба этих соображения связаны между собой. Тем не менее в последующем изложении мы рассмотрим их по очереди, так как бразильский способ сохранения территориального единства станет яснее при анализе событий, произошедших в период между 1822 и 1840 гг.

Впрочем, с самого начала стоит задаться вопросом, остается ли правомочной упомянутая историографическая традиция. Возражения против нее весьма многочисленны. Критики этой традиции подчеркивают, что независимость страны как союза провинций, объединившихся вокруг Рио-де-Жанейро, была обретена в результате борьбы, а не благодаря общему согласию. В ходе этой борьбы в провинциях потерпели поражение как местные движения за автономию, так и те движения, которые выступали за сохранение союза с Португалией (так, в частности, произошло в провинции Парá).

Подобные возражения справедливо привлекают внимание к тому факту, что обретение независимости Бразилией не было сугубо мирным процессом. Однако они не отменяют того обстоятельства, что становление независимости произошло всего за несколько лет и не повлекло большого кровопролития, несмотря на использование военной силы и связанные с этим потери. Более того, освобождение Бразилии из-под власти метрополии не привело к значительным изменениям сложившегося к тому моменту социально-экономического строя или формы государственного управления. В истории Латинской Америки XIX в. Бразилия осталась единственным примером монархии среди республик.

Одной из основных причин этой относительной преемственности эпох является переезд королевской семьи в Бразилию и форма, которую принял процесс провозглашения независимости. Открытие бразильских портов установило своего рода мост между метрополией и влиятельными группами в самой колонии, которые были сосредоточены в Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и Минас-Жерайсе. Доходы провинции Рио-де-Жанейро, возросшие в связи с пребыванием в Бразилии королевского двора, способствовали бурному экономическому развитию региона, связанному с производством сахара и кофе, а также с работоторговлей.

Конечно, недовольство королевским двором в Рио-де-Жанейро сохранялось, но оно не шло ни в какое сравнение с неудовлетворенностью некоторых северо-восточных провинций, где стали набирать силу республиканские идеи. Политическая элита, ставшая движущей силой провозглашения независимости, не была заинтересована в том, чтобы провоцировать слом системы, способный подвергнуть риску стабильность устоявшихся форм жизни в прежней колонии. Важно напомнить, что борьба за автономию, вылившаяся в дальнейшем в движение за независимость, концентрировалась вокруг фигуры короля (Жуана VI. — *Примеч. пер.*), а в дальнейшем — принца-регента (будущего Педру I. — *Примеч. пер.*). В первые годы после получения независимости монархия стала символом власти, даже когда фигура императора превратилась в мишень для выражения недовольства.

Утверждение, что обретение независимости произошло в краткие сроки и без значительных потрясений, не должно привести нас к двум ошибочным выводам. Одним из них было бы положение об отсутствии изменений, поскольку на смену косвенной (через Португалию) зависимости от Великобритании Бразилия пере-

шла к прямой зависимости от нее. Другим ошибочным выводом стало бы предположение о наличии в Бразилии однородной политической элиты, опирающейся на структурированную социальную базу и выражающей четко сформулированные цели развития молодого государства.

Первый вывод ошибочен по двум причинам. Новый тип зависимого положения, сформировавшийся после открытия портов в 1808 г., представлял собой нечто большее, чем просто смена названий; речь шла о том, каким именно образом бывшая колония включится в международную экономическую систему. Кроме того, обретение независимости вызвало к жизни необходимость создания национального государства для устройства страны и гарантии ее целостности. Второй упомянутый выше вывод также ошибочен, ведь даже среди узкого круга вдохновителей независимости во главе с Жозе Бонифасиу не было единства по вопросу об основных направлениях государственного устройства. Напротив, период с 1822 по 1840 гг. стал временем значительных политических колебаний и непостоянства, был отмечен целым рядом восстаний и характеризовался противоречивыми попытками консолидировать власть.

* * *

Основные политические дискуссии в первые два года после провозглашения независимости были сосредоточены вокруг принятия конституции. Выборы в Учредительное собрание были намечены еще до провозглашения независимости. Они состоялись после 7 сентября 1822 г., а с мая 1823 г. в Рио-де-Жанейро начались заседания Учредительного собрания. Затем возникли разногласия между Учредительным собранием и императором Педру I (которого поначалу поддержал его министр Жозе Бонифасиу), по вопросам разделения полномочий исполнительной власти (в данном случае императора) и законодательной власти.

Депутаты Учредительного собрания не желали, чтобы император получил право роспуска будущей палаты депутатов, что позволяло бы ему самостоятельно объявлять новые выборы. Они также не хотели, чтобы он обладал правом абсолютного вето, т.е. возможностью отклонить любой закон, предварительно принятый депутатами. Императору же и поддерживавшим его политическим кругам было необходимо создать сильную исполнительную власть,

способную противостоять «демократическим и центробежным» тенденциям, что оправдывало максимальное сосредоточение власти в руках императора. То были времена политической неопределенности. Не прошло и года с момента провозглашения независимости, как в июле 1823 г. Жозе Бонифасиу был смещен с поста министра. Он оказался как мишенью для критики со стороны либералов, так и объектом недовольства консерваторов: последних раздражало, что Жозе Бонифасиу лишал их прямого доступа к императору.

Распри между будущими двумя ветвями власти закончились тем, что Педру I при опоре на армию распустил Учредительное собрание. Некоторые депутаты были арестованы, в том числе трое представителей семейства Андрада. После этого император лично занялся подготовкой проекта конституции; она была принята 25 марта 1824 г. Эта конституция не сильно отличалась от проекта, предложенного Учредительным собранием перед своим роспуском. Однако нужно указать на одно важное отличие: первая конституция страны рождалась не «снизу», а была спущена «сверху» королем, который навязал ее «народу» (под самим словом «народ» следует понимать то меньшинство белых и метисов, которое обладало правом голоса и тем или иным способом участвовало в политической жизни).

Положение значительной доли населения страны — рабов — в статьях конституции не оговаривалось. В лучшем случае о них упоминалось вскользь, когда заходила речь о вольноотпущенниках. Кроме того, необходимо принимать во внимание и значительное расхождение между провозглашенными принципами и действительностью. Конституция, предусматривавшая порядок действия ветвей власти, определявшая полномочия и гарантировавшая права индивидуума, представляла собой шаг вперед. Но проблема заключалась в том, что область ее применения, особенно в части гарантии прав и свобод, оставалась весьма ограниченной. Декларации прав противостояла действительность, когда массы даже свободного населения зависели от крупных сельских землевладельцев, а образование имела лишь малая часть жителей страны, в которой существовала авторитарная традиция.

С некоторыми изменениями Конституция 1824 г. просуществовала до конца Империи. Она определила политическое устройство страны как наследственную конституционную монархию. В стране существовало благородное сословие, но не аристократия: ины-

ми словами, император мог жаловать титулы, но они не переходили по наследству, что могло бы положить начало формированию «аристократии по крови». Римско-католическая религия по-прежнему оставалась официальной; отправление других культов разрешалось лишь в частном порядке.

Законодательная власть распределялась между палатой депутатов и Сенатом. Обе палаты были выборными, но между ними имелись существенные различия: если мандат депутата нижней палаты был временным, то избранный сенатор оставался таковым пожизненно. Кроме того, при выборах сенатора в каждой провинции избирались три кандидата, из которых император сам выбирал сенатора. На практике эти ограничения привели к тому, что сенат стал органом, пожизненных членов которого назначал император.

Голосование не было прямым, существовал имущественный ценз. Непрямой характер выражался в том, что на выборах, получивших название первичных, имеющие право голоса (что по меркам сегодняшнего дня соответствует массе избирателей) избирали коллегию выборщиков, а те избирали депутатов. В первичных выборах имели право участвовать жители Бразилии с годовым доходом не менее 100 милрейсов* (источником дохода могли быть недвижимость, промышленность, торговля или занимаемая должность). Они имели право голоса, а также избирали коллегию выборщиков. Кандидаты в коллегию выборщиков должны были обладать годовым доходом не менее 200 милрейсов и не являться вольноотпущенниками. Для кандидатов в депутаты имущественный ценз поднимался до 400 милрейсов в год; помимо прочих требований необходимо было исповедовать католическую религию. Участие женщин в выборах специально не оговаривалось, но существовавшие общественные нормы не признавали за женщинами политических прав. Удивительно, но до 1882 г. обычной практикой было участие в выборах большого числа неграмотных, так как в конституции ничего не говорилось на этот счет.

Страна делилась на провинции, главу каждой назначал император. Провозглашались индивидуальные права и свободы, в частности, равенство перед законом, свобода вероисповедания (за исключением упомянутых выше ограничений), свобода мысли и свобода собраний.

* *Милрейс* — денежная единица Бразилии с колониальных времен до 1942 г.; дословно ее название значит «тысяча реалов».

Важным элементом политической структуры страны являлся Государственный совет. Его члены — жители Бразилии, назначавшиеся императором на пожизненный срок, — должны были быть не моложе 40 лет (почтенный возраст для той эпохи), обладать доходом не менее 800 милрейсов и являться «мудрыми, дееспособными и добродетельными мужами». В Государственном совете должны были рассматриваться «важные дела и общегосударственные меры управления», такие, как объявление войны, изменение налогов, ведение переговоров, в которых император прибегнул бы к своим полномочиям носителя «посреднической власти» (Poder Moderador).

Идея подобной власти принадлежала французскому писателю Бенжамену Констану*; его книги читал как сам Педру I, так и многие политики той эпохи. Бенжамен Констан отстаивал принцип разделения исполнительной власти, осуществляемой королевскими министрами, и собственно императорской власти, которую он обозначал как «нейтральную» или «посредническую». Король не должен был вмешиваться в политику и в повседневные дела управления страной; ему полагалось выступать посредником в дискуссиях по самым серьезным и общим проблемам и истолковывать «волю нации и ее интересы».

В Бразилии «посредническая власть» не была столь четко отделена от исполнительной, что привело к сосредоточению многих полномочий у императора. Согласно определению «посреднической власти», данной в конституции, фигура императора объявлялась неприкосновенной, священной и никому не подвластной. Среди прочего, император получал право назначать сенаторов, распускать палату депутатов, объявлять новые выборы, а также утверждать постановления как палаты депутатов, так и Сената, либо накладывать на них вето.

* * *

Действия Педру I, который распустил Учредительное собрание и собственным декретом ввел в действие конституцию, символизировали политическое превосходство императора и входивших в его ближний круг сановников и негоциантов, многие из кото-

* Бенжамен Констан (1767 – 1830) — французский писатель, публицист и политик, один из идеологов либерализма и парламентаризма.

рых были португальцами. В Пернамбуку эти действия подлили масла в огонь, и без того тлевший с 1817 г. или даже раньше.

В беспокойной провинции ширилось распространение республиканских и антипортугальских идей, а также идей провозглашения федерации. Среди главных критиков империи выделяется фигура брата Жоакима ду-Амор-Дивину*, вошедшего в историю под именем брат Канека. Это имя указывает на его скромное происхождение и род занятий: мальчиком он продавал кружки** на улицах Ресифе. Получив образование в семинарии Олинды — города, ставшего центром распространения либеральных идей, — он стал эрудированным интеллектуалом и человеком дела. Недовольство, охватившее провинцию Пернамбуку после назначения неугодного губернатора, открыло путь к восстанию. Явным главой его стал Мануэл де Карвалью, провозгласивший 2 июля 1824 г. создание «Конфедерации Экватора». Карвалью представлял собой весьма любопытную фигуру: он был женат на американке и являлся горячим поклонником США. В день принятия Конституции 1824 г., т.е. еще до восстания, он отправил госсекретарю США депешу с просьбой направить небольшую эскадру американских кораблей в Ресифе, чтобы нейтрализовать угрозу свободе Бразилии, связанную с присутствием в порту английских и французских военных кораблей. В депеше Карвалью ссылался на недавно провозглашенную президентом США Монро доктрину о недопущении вмешательства европейских держав в дела стран американского континента.

Конфедерация Экватора должна была объединить в форме федеративной республики провинции Пернамбуку, Параиба, Риу-Гранди-ду-Норти, Сеарá и возможно также Пиауи и Парá. Движущими силами мятежа стали городские и шире — народные слои, в отличие от пернамбуканской революции 1817 г., которая носила характер широкого регионального движения под предводительством землевладельцев и некоторых коммерсантов. Английская путешественница Мэри Грэхэм, находившаяся в Ресифе и пытавшаяся примирить противоборствующие стороны, сравнила (с поправкой на масштаб событий) атмосферу, царившую в губернаторском дворце, который заняли восставшие, с обстановкой Национального Конвента во время Французской революции. Она видела, что на-

* Амор Дивину (Amor Divino) — божественная любовь (порт.).

** По-порт. *сапеса*.

родные массы — настоящие санкюлоты — заняли дворцовые службы, предполагая предательства и ловушки; путешественница смотрела на происходящее широко раскрытыми глазами и ловила каждое слово.

«Конфедерация Экватора» не смогла в достаточной мере укрепиться и противостоять правительственным войскам; она потерпела поражение в нескольких провинциях и была окончательно разгромлена в ноябре 1824 г. Наказание революционеров оказалось более суровым, чем ожидалось. Суд, которым манипулировал император, приговорил к смерти брата Канеку и других участников восстания. Брата Канеку, приговоренного к повешению, в результате расстреляли, так как палач отказался вздернуть его на виселицу.

Следы революции 1824 г. не удалось с легкостью стереть. Фактически она может рассматриваться как составная часть целой серии восстаний и бунтов в Пернамбуку в 1817 – 1848 гг., что сделало эту провинцию центром прорывающегося наружу недовольства всего Северо-Востока.

Недавно созданная бразильская империя получила в наследство проблемы, связанные с оккупацией восточного берега Рио-де-Ла-Платы. В 1825 г. в ходе происшедшего там восстания было объявлено о выходе этой территории из состава Бразилии и присоединении ее (фактически речь шла о будущем Уругвае) к Объединенным провинциям Рио-де-Ла-Платы*. Это ускорило войну между Бразилией и Буэнос-Айресом, начавшуюся в декабре 1825 г.

Для бразильской стороны конфликт в военном отношении обернулся катастрофой (поражение при Итузаинго в 1827 г.); в финансовом же плане противоборство стало разорительным для обеих враждующих сторон. Мир был заключен при посредничестве Англии, которая была заинтересована в восстановлении условий для прерванных войной нормальных торговых сношений. Положивший конец конфликту мирный договор гарантировал возникнове-

* Объединенные провинции Рио-де-Ла-Платы — несколько провинций бывшего вице-королевства Рио-де-Ла-Платы, взявшие себе это название после начала Войны за независимость (в Аргентине началась в 1810 г.). В состав Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы с центром в Буэнос-Айресе входили будущий Уругвай и будущая Боливия. В 1831 г. на смену названию «Объединенные провинции Рио-де-Ла-Платы» пришло название «Аргентинская конфедерация», однако прежнее обозначение как синоним Аргентины еще встречалось в официальных документах.

ние Уругвая как независимого государства, а также свободную навигацию по Рио-де-Ла-Плате и впадающим в нее рекам. В этом последнем пункте были заинтересованы европейские державы, особенно Англия, а также Бразилия. Для нее соображения геополитики соединялись с экономическими расчетами, так как речной путь был главным способом добраться до провинции Мату-Гроссу.

Во внутривойсковом отношении война привела к непопулярному и вызывавшему страх рекрутскому набору среди населения, проводившемуся насильственными способами. Кроме того, император решил набрать солдат извне — в дополнение к уже имевшимся войскам. Эти солдаты были в большинстве случаев бедняками, не имевшими ничего общего с профессиональными военными; их набирали в Европе, обещая сделать их в Бразилии мелкими собственниками. Как и следовало ожидать, такие подкрепления никак не способствовали тому, чтобы склонить чашу весов в войне в пользу империи. Более того: в июле 1828 г. несколько сотен немецких и голландских наемников взбунтовались в Рио-де-Жанейро. События приняли серьезный оборот, и правительство было вынуждено прибегнуть к унижительной защите со стороны английских и французских судов.

Военные расходы углубили уже существовавшие финансово-экономические проблемы. На протяжении 1820-х гг. значительно увеличивался физический объем экспорта некоторых видов продукции, например кофе. Однако цены на хлопок, кожу, какао, табак и тот же самый кофе снижались. Доходы центрального правительства, в значительной мере зависевшие от налога на импорт, были недостаточными. В августе 1827 г. Англия навязала Бразилии торговый договор, по которому таможенная пошлина на английские товары удерживалась на уровне 15%. В дальнейшем эта мера была распространена на другие страны-импортеры.

Банк Бразилии, основанный королем Жуаном VI в 1808 г., с 1821 г. стал испытывать затруднения после того, как монарх перед возвращением в Португалию изъяс хранившееся там золото. В результате в 1829 г. банк закрылся. Педру I прибегнул к массированному выпуску медной монеты, что привело к подделкам и росту цен, особенно в городах. В те времена еще не употреблялся термин «инфляция», но речь шла именно об этом; современники намекали на «вздутие» находившейся в обращении денежной массы.

Бумажные банкноты, выпускавшиеся Банком Бразилии и казначейством, не пользовались доверием за пределами Рио-де-Жа-

нейро. В 1829 г. бумажные деньги принимались в Сан-Паулу за 57% от номинала. С другой стороны, бразильская национальная валюта в 1820-е гг. обесценилась по отношению к фунту стерлингов. Это благоприятствовало экспорту, но одновременно с этим приводило к подорожанию импортируемых товаров, столь желанных для элит и нарождающихся городских слоев.

Недовольство разного рода усиливало трения между бразильцами и португальцами. Португальцы, контролировавшие большую часть розничной торговли, были излюбленной мишенью патриотов. Политические же противоречия, хоть и отражали раскол в обществе, все же не сводились только к противостоянию с португальцами. В эпоху Педру I политическая элита разделялась на либералов и абсолютистов — сторонников абсолютной власти монарха. Они защищали порядок и собственность, гарантом которых выступал император; его сторонники хотели видеть его сильным и уважаемым. Они опасались, что «излишняя свобода» подвергнет риску их привилегии, и во имя сохранения порядка признавали за императором право поступать вопреки имеющимся законам. Как и абсолютисты, либералы также защищали порядок и собственность. Однако способом их обеспечения они полагали конституционную свободу. Кроме того, они являлись сторонниками «новаций», в особенности в том, чтобы быть в оппозиции к правительству и к самому монарху.

Многие представители бразильской элиты приняли сторону Педру I, так как либерализм не внушал им доверия, и, кроме того, они заняли высокие посты в администрации и получили почетные титулы, щедро раздававшиеся императором. В то же время, по мере разворачивания событий, среди бразильцев ширилась критика режима со стороны либералов, а португальцы все более завладевали помыслами императора. При этом среди городского населения и в войсках антипортугальские настроения служили мощным мобилизирующим началом. В воздухе носилось подозрение, что Педру I может вернуться к временам Объединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгарви, в особенности в связи с тем, что после смерти Жуана VI в 1826 г. он как старший сын мог претендовать на португальский престол.

Армия отдалялась от императора. Основная часть вооруженных сил рекрутировалась в среде бедняков-горожан, в большинстве своем мулатов, недовольных низким уровнем жизни, задержка-ми выплаты жалования, навязанной дисциплиной. Верхушка же

армии была недовольна военными неудачами и тем, что командные посты занимали португальские офицеры.

С середины 1830 г. события стали сменять друг друга в ускоренном темпе. Падение Карла X во Франции и начало Июльской монархии, воспринимавшейся как либеральный режим, отозвались в Бразилии; эти события обсуждались даже в Государственном совете. В марте 1831 г. в Рио-де-Жанейро резко подскочила «политическая температура». Император возвращался из поездки в Минас-Жерайс, где был весьма сдержанно принят. Португальцы же решили продемонстрировать ему свою поддержку и устроить празднества в его честь; их организовало тайное общество «Столп престола». Последовала реакция со стороны бразильцев, переросшая в беспорядки, которые продолжались пять дней. Были предприняты попытки сформировать новое министерство, встреченные новыми акциями протеста. Пользовавшиеся наибольшим престижем в войсках высшие офицеры, как, например, братья Лима-э-Силва (один из них станет отцом будущего герцога де Кашиаса), примкнули к восстанию. В конце концов 7 апреля 1831 г. Педру I был вынужден отречься от трона в пользу своего сына, Педру II.

В стране появился шанс короновать монарха, родившегося на бразильской земле, но прошло почти десятилетие, и этого так и не произошло. Педру II было от силы пять лет, когда его отец отрекся от трона и отправился в Англию, мечтая вернуть себе другой престол — португальский, который занимал его брат, дон Мигел.

* * *

Последовавший за отречением Педру I период получил название Регентства: в это время страной от имени императора управляли различные политические деятели. Это продолжалось до 1840 г., когда императора досрочно объявили совершеннолетним. Поначалу регентов было трое, но с 1834 г. остался один.

Период Регентства стал одним из наиболее беспокойных в истории Бразилии. В те годы на карту была поставлена территориальная целостность страны, а в центре политических дебатов были такие проблемы, как централизация и децентрализация власти, степень автономии провинций, организация вооруженных сил. Проведенные регентами реформы являют собой хороший пример того, с каким трудом приживалась либеральная практика, которая не повторяла бы пороков абсолютизма. В условиях Бразилии многие меры,

нацеленные на придание политической системе хоть какой-то гибкости и обеспечение индивидуальных свобод, в результате привели к яростным столкновениям в среде элит и к возобладанию интересов местных групп. Не все было решено в период Регентства; централизованная монархия окрепла лишь приблизительно с 1850 г., когда закончились последние восстания в провинциях.

Для оценки сложностей этого периода важно подчеркнуть то обстоятельство, что элиты не пришли к согласию, на основе которого было бы возможно выработать наиболее адекватные институциональные принципы. Неясной оставалась и роль государства как проводника общих интересов, жертвующего для этого в определенных обстоятельствах специфическими интересами какой-либо социальной группы.

После 7 апреля 1831 г. восторжествовала политическая линия умеренных либералов, которые, в соответствии с масонской традицией, организовали «Общество защиты свободы и национальной независимости». Среди них было много политиков из Минас-Жерайса, Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро. Присутствовали также священники и некоторые выпускники университета Коимбры. Многие владели землями и рабами. Среди выдающихся представителей этого течения назовем таких деятелей, как Бернарду Перейра де Васконселуш, магистрат из Минас-Жерайса, получивший образование в Коимбре; падре Диогу Фейжб, уроженец Сан-Паулу и будущий регент; Эваристу да Вейга, издававший в Рио-де-Жанейро самую влиятельную либеральную газету «Аура Флуминенсе».

В оппозиции оставались, с одной стороны, так называемые «восторженные» («экзалтадус»), а с другой — абсолютисты. «Восторженные» защищали идею федерации, индивидуальные свободы и в некоторых случаях выступали за республику. Абсолютисты, получившие прозвище «карамуру»* (многие из них были португальцами и занимали посты в управлении, армии и крупной торговле), боролись за возвращение на престол Педру I. Однако мечты о реставрации продлились недолго: Педру I умер в Португалии в 1834 г.

* * *

* Вероятно, это прозвище восходит к имени «Карамуру», которое индейцы дали потерпевшему кораблекрушение португальцу Диогу Алварешу Коррейя в начале XVI в. Его жизнь стала легендой, вдохновившей бразильского автора XVIII в. на создание одноименной эпической поэмы.

Реформы периода Регентства были направлены на то, чтобы уничтожить или ограничить полномочия органов власти монархии и создать новую структуру вооруженных сил, уменьшив значение уже существовавшей армии.

В 1832 г. вошел в силу Уголовно-процессуальный кодекс, установивший нормы применения Уголовного кодекса 1830 г. По нему большие полномочия получили мировые судьи, которых еще во времена Педру I выбирали на местах; теперь же они могли, к примеру, арестовывать и судить обвиняемых в мелких правонарушениях. Одновременно с этим для принятия решений по большинству дел создавались суды присяжных по американскому и английскому образцу; незаконно арестованным лицам или тем, чья свобода находилась под угрозой, разрешалось требовать распоряжения суда, подтверждающего законность ареста (*habeas corpus*).

Закон от августа 1834 г., названный «Дополнительным актом» (он дополнял и изменял положения Конституции 1824 г.) предусматривал, что «посредническая власть» не может осуществляться в период регентства. Кроме того, упразднялся Государственный совет. Глав провинций продолжало назначать центральное правительство, однако на смену прежним Генеральным советам провинций были созданы Ассамблеи провинций с большими полномочиями.

Помимо этого, законодательным образом решался вопрос о распределении доходов между центральным правительством, провинциями и муниципалитетами. Ассамблеи провинций получили право устанавливать уровень расходов провинций и муниципалитетов, а также взимать налоги, необходимые для покрытия подобных трат (с условием, что такие сборы не отразятся на налогах, предназначенных для центрального правительства). Эта обтекаемая формулировка позволила провинциям обзавестись собственными источниками доходов ценой ослабления центральной власти. Одним из наиболее важных полномочий, данных Ассамблеям провинций, стала возможность назначать и смещать государственных служащих. Таким образом, в руках региональных политиков оказывалось сильное оружие как для получения голосов в обмен на назначения, так и для преследования политических противников.

В начале Регентства армия была плохо организована, и правительство относилось к ней с изрядным подозрением. Даже после отречения Педру I количество португальских офицеров продолжало оставаться значительным. Однако наибольшие хлопоты достав-

ляла основная часть армии — плохо оплачиваемая, недовольная и готовая примкнуть к народу во время городских восстаний.

Законом от августа 1831 г. взамен прежних ополчений была образована Национальная гвардия. Идея заключалась в том, чтобы создать вооруженный корпус из внушающих доверие граждан; этот корпус мог бы, с одной стороны, уменьшить «эксцессы» центральной власти на местах, а с другой — противостоять угрозе, которую представляли «опасные классы». На практике новый институт был призван поддерживать порядок в том округе, в котором он был создан; в отдельных случаях его призывали для подавления восстания в других областях или для охраны границ под командованием регулярной армии.

В Национальную гвардию в обязательном порядке входили, как правило, все граждане, имевшие право голоса на первичных выборах, в возрасте от 21 года до 60 лет. Обязательный призыв в Национальную гвардию уменьшил ряды армии, так как те, кто проходил службу в гвардии, освобождался от набора в регулярную армию. До 1850 г. нижние чины Национальной гвардии избирались членами всей корпорации; председательствовал на выборах мировой судья. Однако местные реалии и необходимость иерархии вытеснили принцип выборности. Выборы превратились в пустую формальность и исчезли из обихода еще до того, как был изменен соответствующий закон.

* * *

Восстания периода Регентства не укладываются в единую схему. Они были связаны с трудностями повседневной жизни и неопределенностью политического устройства. При этом каждое восстание проистекало из местных специфических реалий, будь то в масштабах провинции или отдельной области. Многие волнения, особенно в период до середины 1830-х гг., происходили в крупных городах, и их основными участниками были войска и народ. В Рио-де-Жанейро в 1831 – 1832 гг. беспорядки вспыхивали пять раз. В 1832 г. ситуация стала настолько серьезной, что в Государственном совете стали обсуждаться необходимые меры по спасению малолетнего императора, в случае если в городе воцарится анархия и северные провинции страны отделятся от южных.

По контрасту с этими волнениями в Пернамбуку в 1832 – 1835 гг. разразилась так называемая «война неимущих» (*Guerra dos Caba-*

pos). Это было преимущественно сельское движение, которое при этом отличалось по своему содержанию от предшествующих восстаний в Пернамбуку. Среди «неимущих» были мелкие собственники, сельскохозяйственные рабочие, индейцы, рабы и поначалу даже некоторые владельцы сахарных заводов-энженью. В определенных аспектах это движение стало предтечей восстания в Канудусе в первые годы существования Республики (1890-е гг.). Участники движения неимущих боролись за религию и за возвращение императора с так называемыми «якобинскими карбонариями» (в этом обозначении переплелись названия как французских революционеров, так и членов подпольных освободительных обществ в Европе XIX в.).

Именно таким образом беднейшие слои сельского населения выражали свой протест против перемен, которых они не понимали и которые были чужды тому миру, в котором они жили. Учитывая непосредственные цели восстания, «неимущие» получили неожиданную поддержку со стороны португальских коммерсантов из Ресифе и политиков из Рио-де-Жанейро, выступавших за возвращение Педру I.

После серии военных столкновений в форме герильи восставшие были разбиты. По иронии судьбы, победителем их был Мануэл де Карвалью Паиш де Андраде, тот самый человек, который в 1824 г. провозгласил создание Конфедерации Экватора, а теперь стал главой провинции.

После принятия Дополнительного акта произошло несколько восстаний в различных провинциях Бразилии: «Кабанада» в Парá (несмотря на сходство названий «Cabanagem» и «Guerra dos Cabanos», не следует путать эти движения: первое произошло в провинции Парá в 1835—1840 гг., а второе — в Пернамбуку в предшествующий период); «Сабинада» в Баие (1837—1838), «Балайяда» в Мараньяне (1838—1840), «Фарроупилья» в Риу-Гранди-ду-Сул (1836—1845).

Так как известно сколько давнишних жалоб провинций и проявлений их недовольства обрушивалось на центральное правительство, возникновение стольких протестных движений в один и тот же период кажется удивительным, ведь в период Регентства Ассамблеям провинций старались предоставить определенную автономию и обеспечить распределение доходов между органами власти в центре и на местах. Однако, действуя в этом направлении, регенты в результате разожгли соперничество региональных элит за контроль над теми провинциями, значение которых возра-

стало. Кроме того, правительство утратило ту ауру легитимности, которая худо-бедно окружала власть, когда на троне находился один-единственный император. Дело довершили некоторые неудачные назначения на должность главы провинции.

Движение «Кабанада» возникло в провинции Парá, относительно слабо связанной со столицей Рио-де-Жанейро. Ее социальная структура не отличалась устойчивостью, в отличие от других провинций; кроме того, там отсутствовал укорененный слой землевладельцев. Это была область, населенная индейцами, метисами, рабами и зависимыми работниками; белые составляли меньшинство и были представлены португальскими купцами и немногочисленными англичанами и французами. Подобное белое меньшинство было сосредоточено в маленьком городке Белем, насчитывавшем всего 12 тыс. жителей. Сюда стекались скромные плоды земледелия и собирательства: табак, какао, каучук и рис.

Поводом для народного восстания стал спор между представителями местных элит о кандидатуре главы провинции. Была провозглашена независимость провинции. Войско, состоящее из негров, метисов и индейцев, атаковало Белем и после ожесточенной борьбы захватило город. Оттуда восстание перекинулось на внутренние районы провинции. Среди предводителей восставших выделялся Эдуарду Анжелим, уроженец провинции Сеарá всего двадцати одного года от роду; он переехал в Парá после обширной засухи, поразившей его родную провинцию в 1827 г. Анжелим попытался организовать правительство, а в свои секретари взял священника — одного из немногих, умевших свободно писать.

Участники движения «Кабанада» не смогли предложить альтернативного способа политического устройства провинции; их усилия были сосредоточены на нападении на иностранцев и масонов, а также на защите католической религии, бразильцев, Педру II, провинции Парá и свободы. Хотя среди участников движения было много рабов, рабство не отменили. Анжелим даже подавил восстание рабов.

После блокады устья Амазонки и ряда затяжных и кровавых столкновений с верными правительству войсками «Кабанада» была разгромлена. Белем был практически полностью разрушен, экономика провинции понесла значительный ущерб. Считается, что жертвами конфликта стали 30 тыс. человек, или около 20% всего населения Парá.

Название другого движения — «Сабинада» — происходит от имени его основного лидера, Сабину Баррозу, журналиста и преподавателя медицинского училища. Движение развернулось в Бание, которая со времен провозглашения независимости Бразилии стала местом действия нескольких городских восстаний, включая восстания рабов или мятежи с их участием. Движение «Сабинада» получило широкую поддержку, в том числе со стороны некоторых представителей среднего класса и торговых кругов Салвадора, выступавших за идею федеративной республики.

По отношению к рабам восставшие выработали определенный компромиссный подход. Тех, кто родился на территории Бразилии и участвовал в движении, следовало освободить; остальные должны были оставаться рабами. Участникам «Сабинады» не удалось выйти за пределы Салвадора, так как сахарозаводчики соседних с городом областей поддерживали правительство. После того как Салвадор был окружен с суши и с моря, правительственные войска отбили город в результате рукопашной схватки с восставшими; погибло около 1800 человек.

Движение «Балайяда» в Мараньяне началось с череды конфликтов внутри местной элиты. Соперничество обернулось народным восстанием. Оно сосредоточилось на юге провинции Мараньян, на границе с соседней провинцией Пиауи, где жили мелкие производители хлопка и скотоводы. Во главе движения встали Раймунду Гомеш, вовлеченный в местную политику, и Франшишку душ Анжуш Феррейра, ремеслом которого было производство и продажа плетеных корзин*. От этого слова произошло название всего движения. Феррейра примкнул к восстанию, чтобы отомстить за честь дочери, над которой надругался капитан полиции. Одновременно с этим возник еще один лидер движения — негр по имени Косме (его фамилии в исторических хрониках не сохранилось), который встал во главе трех тысяч беглых рабов.

Восставшим удалось занять город Кашиас, второй по величине в провинции. В немногочисленных печатных прокламациях движения содержатся здравницы католической религии, конституции, Педру II и «святому делу свободы». Социальные и экономические темы не поднимаются, однако сложно себе представить, чтобы Косме и его люди не боролись бы за свою личную свободу, вне зависимости от того, святым было это дело или нет.

* По-порт. *balaio*.

Различные устремления, существовавшие среди восставших, привели к недопониманию и разногласиям. Действия же правительственных войск оказались скорыми и эффективными. Движение было подавлено в середине 1840 г. За разгромом последовала амнистия, условием которой было возвращение восставших рабов в их прежнее состояние. Косме был повешен в 1842 г. Среди командующих имперскими войсками фигурировал офицер, чье имя будет постоянно встречаться при упоминании политических столкновений и военных действий времен Второй империи — Луиш Алвеш де Лима-э-Силва; по случаю разгрома «Балайяды» ему был присвоен титул барона Кашиаса.

В тысячах километров от Севера и Северо-Востока в 1835 г. разразилось еще одно восстание — «Фарроупилья» или «война оборванцев», ареной которой стала южная провинция Бразилии Риу-Гранди-ду-Сул. Два определения восставших («фарроупилья», «фаррапуш») синонимичны и обозначают оборванцев, людей, одетых в лохмотья. Таким презрительным прозвищем наделили восставших их противники. Но если низовых участников движения еще и можно было так охарактеризовать, то к руководителям его это явно не относилось: они принадлежали к цвету местного общества, к элите в среде скотоводов и скотопромышленников.

С колониальных времен Риу-Гранди-ду-Сул занимал особое место среди бразильских провинций. По своему географическому положению, экономическому развитию и социальным связям этот регион тяготел к Рио-де-Ла-Плате и в особенности к Уругваю. Предводители военизированных группировок в пограничных областях — каудильо, которые также занимались скотоводством, обладали широкими связями в Уругвае. Они владели там землями и путем заключения браков входили в состав многих местных влиятельных семей.

С другой стороны, с точки зрения сбыта производимых товаров, экономика Риу-Гранди-ду-Сул была традиционно ориентирована на внутренний рынок. Здесь разводили мулов, которым до эпохи железных дорог отводилась важная роль в перевозке товаров в центральных и южных регионах. В период возрождения и оживления сельскохозяйственной деятельности конца XVIII в. прибывшие сюда с Азорских островов колонисты стали выращивать пшеницу, которую потребляли в основном в Бразилии. После получения независимости рост производства пшеницы стал сходиться на нет, так как

посевы губили вредители, а другие американские производители зерна обостряли конкуренцию.

Основным занятием жителей провинции, которых называли «гаушу»*, стало скотоводство. Другим важным видом деятельности являлась заготовка вяленого мяса — жизненно важного продукта питания, предназначенного для бедняков и рабов южных и центральных регионов. Скотоводы и производители вяленого мяса представляли собой две разные группы: первые действовали в области Кампанья, на границе с Уругваем, а вторые — на побережье, в районе лагун, где находились города Риу-Гранди и Пелотас и где они располагали свои предприятия. И скотоводы, и производители вяленого мяса использовали помимо зависимых работников еще и рабов.

Недовольство жителей провинции центральным правительством уходило своими корнями в прошлое. Уроженцы Риу-Гранди-ду-Сул считали, что, несмотря на вклад их региона в бразильскую экономику, сам он является объектом эксплуатации посредством непомерного налогообложения. Требования автономии или даже отделения имели долгую историю и часто выражались как консерваторами, так и либералами.

Регентство и принятие Дополнительного акта не смягчили недовольства. Провинции, которые не могли самостоятельно покрыть все свои расходы, получали субсидии от центрального правительства; субсидии эти частично состояли из отчислений других провинций. Так было до Дополнительного акта, так происходило и после него. Риу-Гранди-ду-Сул последовательно отчислял средства для покрытия расходов Санта-Катарины и других провинций.

Между тем в восстании принимали участие не все социальные группы провинции. «Фарроупилью» подготовили скотопромышленники приграничных областей и некоторые представители городского среднего класса; движение получило поддержку в основном именно в приграничье и в городах. Производители же вяленого мяса, которые зависели от Рио-де-Жанейро как важнейшего центра сбыта их продукции, а также кож, остались на стороне центрального правительства.

* Особенности произношения португальского языка не скрывают явной связи между «гаушу» и южноамериканским испанским «гаучо», обозначающим скотоводов и пастухов аргентинской и уругвайской пампы. Термин «гаушу» в дальнейшем стал расширительно толковаться как обозначение любого уроженца и жителя провинции (в дальнейшем штата) Риу-Гранди-ду-Сул.

Помимо уже указанных поводов для недовольства, у скотопромышленников были особые причины для раздражения. Они хотели покончить с налоговым и таможенным обложением перегоняемого скота на границе с Уругваем или уменьшить выплаты, чтобы добиться свободного перемещения своих гуртов (которыми они владели как в Бразилии, так и в Уругвае) по обе стороны границы. Кроме того, располагая собственной военной организацией (настоящими маленькими частными армиями, командование которыми основывалось на безоговорочном подчинении), скотоводы полагали создание Национальной гвардии с ее принципом выборности офицеров опасным новшеством.

Участники движения опирались на поддержку некоторых армейских офицеров, недавно переведенных в Риу-Гранди-ду-Сул. В отрядах «оборванцев» выделялись также не менее двух десятков итальянских революционеров, нашедших убежище в Бразилии: самым известным из них был Джузеппе Гарибальди. Наиболее значимой фигурой движения был Бенту Гонсалвеш, сын богатого скотопромышленника, обладавший солидным опытом ведения боевых действий в регионе. Он организовал на границе масонские ложи и использовал пути передачи масонских писем для отправки собственной секретной корреспонденции.

Борьба «оборванцев» была долгой; основой ее были действия кавалерии. Гарибальди и Дави Канабарру вели войну на севере провинции; на некоторое время им удалось взять под контроль Санта-Катарину. На территории, контролируемой восставшими, в 1838 г. в городе Пиратини была провозглашена Республика Пиратини; президентом ее стал Бенту Гонсалвеш.

Позиция центрального правительства по отношению к восставшим сочетала в себе как боевые действия, так и уступки. Руководителями «Фарроупильи» были представители элиты, а область, где разворачивались события, представляла для империи значительную стратегическую важность. К примеру, в начале 1840 г. правительство выполнило одно из основных экономических требований «оборванцев» и ввело пошлину в 25% на ввозимую солонину из Рио-де-Ла-Платы, которая конкурировала с местной.

Важным этапом на пути преодоления конфликта стало назначение в 1842 г. на пост главы провинции и командующего войсками Риу-Гранди-ду-Сул барона Кашиаса. Он умело сочетал военные действия и меры по умиротворению восставших. В конце концов в 1845 г., добившись сепаратных соглашений с различными пред-

водителями движения, Кашиас подписал мир с Канабарру. Речь не шла о безоговорочной капитуляции: всем участникам восстания была дарована амнистия, офицеры армии «оборванцев» получали соответствующие их званию назначения в имперскую армию, а центральное правительство брало на себя погашение долгов Республики Пиратини.

Невозможно утверждать со всей уверенностью, что участники движения действительно хотели отделиться от Бразилии и образовать новое государство, включающее Уругвай и области Ла-Платы. Как бы то ни было, восставшие сходились в том, чтобы сделать из Риу-Гранди-ду-Сул по меньшей мере автономную провинцию с собственными источниками дохода, избавленную от диктата центральной власти из Рио-де-Жанейро.

Движение «Фарроупилья» заставило Бразилию проводить в районе Рио-де-Ла-Платы внешнюю политику, отличную от традиционной. На протяжении нескольких лет Бразилия была вынуждена воздерживаться от агрессивной политики в регионе и искать соглашений с Буэнос-Айресом, чтобы иметь возможность сосредоточиться на подавлении восстания на границе. С концом «Фарроупилья» вновь активизировались притязания Бразилии на поддержание своего значительного влияния в Уругвае и опасения, что некая иная единая власть будет контролировать оба берега Рио-де-Ла-Платы. Подобные опасения возрастали по мере того, как аргентинский диктатор Хуан Мануэль Росас, вставший во главе Буэнос-Айреса и других аргентинских провинций, стремился укрепить свою власть.

Возникла коалиция, направленная против Росаса; в нее входили Бразилия, ее традиционные союзники в Уругвае — так называемая партия «колорадос» (речь о ней пойдет ниже), а также аргентинские провинции Коррьентес и Энтре-Риос, восставшие против Росаса. В 1851 г., когда Педру II уже взошел на престол, началась война, основную роль в которой играла Бразилия. В конфликте участвовало около 24 тыс. бразильских солдат, набранных главным образом в Риу-Гранди-ду-Сул. После того как в Уругвае была гарантирована власть «колорадос», войска Росаса потерпели поражение на территории Аргентины (сражение при Монте-Касерос, февраль 1852 г.).

Пока Бразилию сотрясали восстания, среди правящего класса страны продолжали оформляться политические течения. Появились зачатки двух крупных партий периода Империи — консервативная и либеральная. Консерваторами были магистраты и сановники, часть землевладельцев, в особенности из Рио-де-Жанейро, Баии и Пернамбуку, а также крупные коммерсанты, среди которых было много португальцев. Либералы объединяли под своими знаменами малочисленный городской средний класс, некоторых священников и землевладельцев из иных, менее традиционных регионов — Сан-Паулу, Минас-Жерайс и Риу-Гранди-ду-Сул.

Однако при этом политическая система не пришла в равновесие. В ходе выборов единственного регента, прошедших в апреле 1835 г., отец Фейжó одержал победу над своим основным соперником, землевладельцем из Пернамбуку Оланда Кавалканти. Чуть более двух лет спустя, в сентябре 1837 г., Фейжó отказался от своего поста. Он испытывал давление со стороны Конгресса, так как его обвинили в том, что он не приложил достаточно сил для подавления восстания «оборванцев», одним из предводителей которых был его двоюродный брат.

В последовавших за этим выборах победу одержал Педру де Араужу Лима, будущий маркиз Олинды, бывший председатель палаты депутатов и сахарозаводчик из Пернамбуку. Победа Араужу Лимы олицетворяла начало «возвращения». Этим термином обозначалась политика консервативного крыла, представители которого хотели «вернуть» политическую централизацию и усилить власть. Одним из первых законов в этом направлении стало «новое толкование» Дополнительного акта (май 1840 г.), по которому провинции лишались различных полномочий, в особенности тех, которые касались назначения госслужащих.

2.2. Вторая империя

Парадоксальным образом (как это случается в политике) восхождение Педру II на престол ускорили не консерваторы, а либералы. Подавленные инициативами по «возвращению» сильной власти, они провели через Конгресс решение о досрочном наступлении совершеннолетия императора, приняв очередную измененную версию Дополнительного акта. Так, будучи подростком, в возрасте 14 лет Педру II взошел на трон в июле 1840 г.

Меры по «возвращению» продолжали реализовываться и после 1840 г. Был воссоздан Государственный совет, в 1841 г. были внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс. Управление всем административным и судебным аппаратом возвращалось в руки центрального правительства. Исключением оставались мировые судьи, но их значение уменьшилось и перешло к полиции.

В столице каждой провинции был теперь свой глава полиции, назначаемый министром юстиции. В приходах и муниципалитетах создавались должности первого и второго заместителя главы полиции. Они выполняли многие функции, ранее принадлежавшие мировым судьям, включая право судить за мелкие правонарушения. Таким образом, в отдельных случаях полиция занималась не просто расследованием, но и возбуждением судебных дел и наложением наказаний.

Процесс политической централизации и усиление фигуры императора — основные цели политики «возвращения» — дополнились реформой Национальной гвардии. Принцип выборности, переставший действовать на практике, был полностью упразднен. Офицеров гвардии отныне выбирали правительство или главы провинций; был увеличен имущественный ценз для получения этих чинов. Иерархия в рядах гвардии была восстановлена, и набор офицеров отныне гарантированно проходил в более узких кругах. После этого вместо конкуренции между Национальной гвардией и армией возникло разделение функций. Гвардия поддерживала порядок и защищала правящие классы на местном уровне, а армия выступала арбитром в спорах, охраняла границы и поддерживала общую стабильность в стране.

* * *

Хотя либералы во время своего нахождения у власти улучшили собственное положение благодаря мерам по укреплению централизации, не все в стране проходило гладко. В начале 1840-х гг. правительству империи все еще не хватало прочной социальной базы поддержки. В мае-июне 1842 г. произошли либеральные восстания в провинциях, слабо охваченных протестным движением, — Сан-Паулу и Минас-Жерайс, откуда протесты перекинулись на долину Параибы в провинции Рио-де-Жанейро. Крупные землевладельцы разделились на два лагеря. В Рио-де-Жанейро лидером восстав-

ших был Жоаким де Соуза Бревеш, владелец кофейных плантаций и самый богатый человек в провинции. Он выступил против правительства, так как оно стало предпринимать меры против уклонения от уплаты налогов на кофе, а также шаги по борьбе с работорговлей.

Несколько лет спустя, в 1848 г. в Пернамбуку началась так называемая Революция Прайера. Ее название связано с либеральной газетой «Диариу Нову», которая находилась на улице Прайя* в Ресифе. 1848 г. был не простым годом, на протяжении его по Европе прокатилась серия демократических революций. Атмосфера в Олинде и Ресифе была наполнена тем, что за много лет до описываемых событий анонимный автор, отрицательно относившийся к революциям, назвал «зловредным пернамбуканским испарением». Теперь к этому «испарению» добавлялись также социальная критика и социалистические идеи. В качестве последовательного социального критика можно назвать Антониу Педру де Фигейреду, который на страницах своего журнала «Прогресс», выходившего в 1846–1848 гг., клеймил как огромное социальное зло аграрную структуру провинции, при которой земля сосредотачивалась в руках немногих владельцев, а в торговле монополию удерживали иностранцы. Социалистические идеи высказывались такими разными людьми, как Луи Вотье, французский архитектор, которого глава провинции пригласил для украшения Ресифе, и генерал Абреу-э-Лима, позже написавший небольшую книгу под названием «Социализм». В ней говорилось не о социализме Маркса, мало известного в то время и в Европе, а о воззрениях социалистов-утопистов: Прудона, Фурье и Оуэна.

Однако революция Прайера не была социалистической. Ей предшествовали выступления против португальцев, в ходе которых в Ресифе погибли люди. В сельской местности основой движения являлись сахарозаводчики, связанные с либеральной партией. Их недовольство было связано с переходом контроля над провинцией к консерваторам. В городской среде сторонниками движения, среди которых выделялся старый республиканец Боржес да Фонсека, поддерживались лозунги федерализма, упразднения «посреднической власти», изгнания португальцев и национализации контролируемой по большей части именно ими розничной торговли. Новым лозунгом была защита всеобщего голосования

* Пляж (порт.).

с такими ограничениями, как минимальный возраст предоставления права избирать и быть избранным, но без минимального имущественного ценза. Около двух с половиной тысяч человек напали на Ресифе, но были разбиты. Борьба, принявшая форму партизанских вылазок, продолжалась до 1850 г., не доставляя, однако, серьезных проблем имперскому правительству.

* * *

Революция Прайера была последним восстанием в провинциях. Одновременно с этим она знаменовала собой конец революционного цикла в Пернамбуку, который начался с войны против голландцев в XVII в., а закончился включением провинции в имперскую систему.

Еще до того как разразилось это восстание, элиты империи стремились упорядочить правила политической игры. Достигнутое наконец важное соглашение основывалось на усилении фигуры императора (восстановление «посреднической власти» и воссоздание Государственного совета) и на комплексе писаных и неписаных норм. Эти последние составляли то, что нарочито расплывчато именовалось «духом режима». Начавшая действовать система управления была схожа с парламентской, но уподобить ее парламентаризму в прямом смысле слова нельзя. Во-первых, в Конституции 1824 г. не было ничего от парламентской системы. Согласно конституции, исполнительная власть возглавлялась императором и осуществлялась министрами, которых он волен был выбирать сам. В период Первой империи и Регентства еще не было парламентской практики, она начала вырисовываться лишь с 1847 г., да и тогда принимала своеобразную, достаточно ограниченную форму. В 1847 г. был опубликован декрет об учреждении поста председателя совета министров, назначаемого императором.

Этому новому действующему лицу предстояло формировать министерство, которое в своей совокупности представляло собой совет министров или кабинет, облеченный исполнительной властью. Функционирование системы подразумевало, что для нахождения у власти кабинет должен был располагать доверием как палаты депутатов, так и императора. Были случаи, когда состав министерства менялся под нажимом палаты депутатов. Но император благодаря «посреднической власти» удерживал в своих руках достаточно важных полномочий, и тем самым система управления

империи отличалась от парламентаризма даже в 1850 — 1889 гг. Император использовал прерогативы «посреднической власти», когда палата депутатов не поддерживала предпочитаемый им кабинет. В этом случае он, используя «посредническую власть», распускал палату, заслушав предварительно мнение Государственного совета, и назначал новые выборы. Так как в деле выборов влияние правительства было весьма велико, императору удавалось избирать такую палату, которая соответствовала предпочитаемому им кабинету.

С помощью вышеописанного механизма за период в пятьдесят лет сменилось тридцать шесть министерств, каждое из которых действовало в среднем год и три месяца. На первый взгляд это могло бы означать значительную нестабильность. Но на деле, несмотря на кризисы, политическая система допускала чередование в правительстве двух основных партий. Тому, кто находился в оппозиции, всегда можно было надеяться на то, что его призовут к власти. Прибегать к оружию для этого оказалось не нужно.

* * *

Две основные партии периода Империи — консервативная и либеральная — оформились в конце 1830-х гг. Но существовали ли между ними идеологические или социальные противоречия? Не шла ли в конечном счете речь о практически идентичных группах, разделяемых личным соперничеством? Многие современники утверждали именно это. В ставшей знаменитой фразе, приписываемой политику из Пернамбуку Оланде Кавалканти, утверждалось, что ничто так не похоже на «сакарема», чем находящийся у власти «лузия». «Сакарема» было прозвищем консерваторов в первые годы Второй империи. Оно происходило от названия городского округа Сакарема в провинции Рио-де-Жанейро, где у одного из основных лидеров партии, виконта Итаборай, находилось поместье. Обозначение «лузия» относилось к либералам и было связано с названием городка Санта-Лузия в провинции Минас-Жерайс, откуда началась революция 1842 г. Мысль об отсутствии различий между партиями, казалось бы, подтверждается фактом частого перехода политиков из одного лагеря в другой.

Однако, рассматривая этот вопрос, необходимо иметь в виду, что политика в то время, да и не только тогда, в значительной степени проводилась не для того, чтобы добиться важных идеологи-

ческих целей. Оказаться во власти означало добиться престижа и выгоды для себя и своего окружения. На выборах от кандидата ждали выполнения не программных лозунгов, а того, что он обещал своим сторонникам. Консерваторы и либералы использовали для достижения победы на голосовании одни и те же методы: предоставляли блага друзьям и использовали силу по отношению к еще не определившимся избирателям или противникам. Различие между либералами и консерваторами, таким образом, во многом носило характер противоборства двух клиентелистских групп, которые соревновались за различные блага или за то, чтобы подобрать крошки со стола власти.

В то же время политика не сводилась к личным интересам, так как политической элите империи нужно было работать по таким значительным вопросам, как государственное устройство, публичные свободы, представительство, рабство. Разделялись ли мнения по этому вопросу согласно партийному признаку и если да, то что это означало? Оставим сейчас в стороне вопрос о рабстве, так как он требует специального рассмотрения, и обратимся к другим перечисленным проблемам.

Вопрос о централизации или децентрализации власти разделял консерваторов и либералов. При этом на практике это разделение было значимым в 1830-е гг., когда оба политических течения еще не стали партиями. Политика «возвращения» и провозглашение совершеннолетия Педру II, проводившиеся самими либералами, означали победу централизаторской модели. В дальнейшем к ней присоединились обе партии, хотя либералы продолжали вполголоса защищать децентрализацию.

Защита свобод и более широкого политического представительства граждан были лозунгами либеральной партии. По этим вопросам позиция партии менялась. Только с 1860-х гг. эти вопросы обрели значимость, одновременно с вновь озвученными предложениями децентрализации. У так называемой новой либеральной партии, возникшей в 1870 г. при поддержке известных консервативных политиков Набуко де Араужо и Закариаса де Гоиша, в программе значились прямые выборы в крупных городах, ограничение срока мандата сенаторов, уменьшение полномочий Государственного совета, гарантия свободы совести, образования, торговли и производства, а также постепенная отмена рабства.

Если между двумя партиями и существовала определенная разница в идеологии, рассмотрим, с чем это связано. Историк Жозе

Мурилу де Карвалью, проанализировав состав имперских кабинетов, пришел к некоторым важным выводам. По его мнению, в 1840-е и в особенности в 1850-е гг. консервативная партия представляла собой коалицию землевладельцев и правительственных чиновников, к которым примыкал слой крупных коммерсантов, озабоченных волнениями в городах. Либеральная же партия объединяла преимущественно землевладельцев и лиц свободных профессий.

Важное различие коренилось в региональной базе обеих партий. Консерваторы получали свое основное влияние и силу из таких провинций, как Баия и Пернамбуку, а либералы превосходили их в Сан-Паулу, Минас-Жерайс и Риу-Гранди-ду-Сул. Ядром централизаторской политики, которую отстаивали консерваторы, был союз между чиновниками (в особенности судейскими) и крупными землевладельцами Рио-де-Жанейро.

Идея устойчивой и сплоченной империи, исходившая от правительственных сановников, разделялась землевладельцами провинции Рио-де-Жанейро, тесно связанными с делами двора как географически, так и благодаря деловым связям. Землевладельцы Баии и Пернамбуку, принадлежавшие к консервативной партии, уже знали по своему прошлому и нынешнему опыту, что такое борьба за автономию провинции, связанная с народными движениями. Это могло быть их основным мотивом для поддержки идеи центрального правительства, облеченного значительной властью.

В свою очередь, поначалу либеральные предложения о децентрализации исходили из таких областей, как Сан-Паулу и Риу-Гранди-ду-Сул, где у правящих классов была традиция автономии. В случае с провинцией Минас-Жерайс либерализм исповедовался как землевладельцами, так и населением тех старых городов, которые были обязаны своим появлением горнорудной промышленности.

С другой стороны, обращение к теме большего политического представительства и упор на роль общественного мнения были связаны с присутствием в рядах либеральной партии лиц свободных профессий из городов. Подобное присутствие стало значимым лишь с 1860-х гг., когда стали развиваться города и увеличилось число лиц с высшим образованием.

Отметим, наконец, что на рубеже 1870-х гг. в особенности в Сан-Паулу в ходе социально-экономических изменений возникла прослойка производителей кофе, которые со всей последовательнос-

тью приняли к исполнению один из лозунгов децентрализации — выступление в защиту автономии своей провинции. Одновременно с этим среди таких различных социальных групп, как подобная новая кофейная буржуазия и городской средний класс, возникло новое убеждение: неверие в то, что реформы по децентрализации или увеличение политического представительства могут происходить в рамках монархии. Так зарождалось республиканское движение.

* * *

Почему же Бразилия не раскололась на части, а сохранила территориальное единство, унаследованное со времен колонии? Восстания в провинциях и сомнения относительно формы организации центральной власти показывают, что целостность страны во все не была гарантирована после провозглашения независимости. Сохранение территориального единства стало результатом разрешения конфликтов как силой, так и ловкостью, а также следствием проводившейся правящими кругами политики, нацеленной на создание централизованного государства. В любом случае, несомненно то, что в этом процессе возможность отделения провинций всегда была менее вероятной, чем поддержание единства.

В бразильской историографии существуют достаточно противоречивые мнения на этот счет; высказываются конфликтующие между собой точки зрения, где упор делается на разных элементах — от социокультурных явлений до природы элит. Но представить себе некий комплексный ответ, учитывающий все подобные объяснения, все же возможно. В структурном плане основой такого объяснения станет указание на систему рабовладения. Стремление сохранить рабовладение побудило наиболее значимые провинции отвергнуть возможность отделения от империи, так как это безмерно ослабило бы их в условиях международного давления в пользу отмены рабства (возглавляла и направляла этот нажим Англия). В то же время Англия поощряла сохранение территориального единства страны, которая представляла собой ее самый обширный латиноамериканский рынок и являлась относительно стабильной монархией, окруженной бурлящими и неспокойными республиками.

В свою очередь, формирование однородной элиты, получившей образование сначала на факультете права университета Коимбры, а затем на факультетах учебных заведений Олинды-Ресифе и Сан-

Паулу, воспитанной в духе иерархии и консерватизма, способствовало осуществлению такой политики, целью которой было создание централизованной империи. Перемещение этой элиты по стране, занятие ею административных постов в различных провинциях способствовало включению ее в аппарат центральной власти и ослаблению влияния, которое на нее могли оказывать различные региональные интересы.

2.3. Социально-экономическая структура и рабство

Значительным новшеством бразильской экономики в первые десятилетия XIX в. стало возникновение производства кофе на экспорт. Внедрение кофейного дерева в Бразилии связано с именем Франсишку де Мелу Пальеты: в 1727 г. он привез первые семена этого растения в провинцию Парá. Поначалу его использовали для внутреннего потребления; на рубеже 1760-х гг. кофе добрался до Рио-де-Жанейро, где его возделывали на маленьких участках в садах в окрестностях столицы.

При этом необходимые условия для первого значительного распространения производства кофе в рыночных масштабах сложились в обширной долине реки Параиба, пересекающей часть провинций Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Эта местность была известна; ее пересекали дороги и пути, которые со времен горно-промышленного бума вели в Минас-Жерайс; здесь наличествовали незанятые земли и благоприятный климат. Кроме того, близость порта Рио-де-Жанейро (несмотря на сложности с транспортом) облегчала вывоз конечного продукта производства и позволяла поддерживать необходимые контакты для получения кредитов, закупки товаров и т.п.

Появившиеся фазенды приняли традиционную форму крупного поместья, использующего принудительный труд рабов. Как в дальнейшем показал опыт Колумбии, производство кофе в рыночных масштабах было возможно и в рамках небольших хозяйств. Однако свойственные Бразилии условия доступа к земле и снабжения рабочей силой предопределили господство именно крупных поместий.

История занятия земель следовала модели, унаследованной из прошлого и затем еще не раз повторявшейся на протяжении

всей истории Бразилии. Не делалось никакого различия между границами поместий и многими не введенными в оборот землями. Права собственности (в случае, если они существовали) всегда могли быть оспорены, потому что, в числе прочего, одни права накладываются на другие. В этих условиях господствовал закон сильнейшего. Только у него были условия для того, чтобы силой удерживать землю, изгонять других собственников, лишившихся средств, нанимать хороших адвокатов, воздействовать на судей и узаконивать таким образом владение землей.

Чтобы устроить фазенду с кофейной плантацией, собственник должен был пойти на значительные вложения, включавшие в себя расчистку леса, подготовку почвы, посадки, закупку инвентаря и рабов. Помимо этого, если кофейное дерево и является многолетним растением — по меньшей мере, в краткосрочной перспективе посадки не нужно возобновлять, — первые урожаи можно собирать только через четыре года. Похоже, что средства для устройства плантаций в основном черпались из накоплений, связанных со значительным ростом торговли после переезда короля Жуана VI в Бразилию. Со временем источниками инвестиций стали доходы от собственно кофейного производства, а также — с 1850 г. — капиталы, высвободившиеся после отмены работорговли.

В течение практически всего периода монархии возделывание кофе осуществлялось с помощью достаточно простых способов. Некоторые из таких методов обработки (или в некоторых аспектах истощения) почвы существуют и поныне. Производство было экстенсивным, т.е. никто не заботился о производительности земли. Когда из-за нехватки удобрений и ухода за почвой она истощалась, плантацию переносили на новую территорию, а старую забрасывали или приспособляли под производство продуктов питания.

Основными и чуть ли не единственными орудиями труда на больших кофейных плантациях были мотыга и серп. Рабам приходилось привыкать к этим традиционным для сельскохозяйственных рабочих Бразилии инструментам; их использованию благоприятствовало топографическое положение долины Параибы. Использование сохи на кофейных плантациях распространится только на рубеже 1870-х гг. в новых областях Сан-Паулу.

Если отбросить исключительные случаи, виды работ на плантации распределялись следующим образом. После расчистки леса часть древесины шла в дело, остальное сжигали. Сажали не семена, а ростки, причем плантаторы даже не делали рядов. По обычаю,

завезенному с Антильских островов, между молодыми кофейными деревцами высаживали сельскохозяйственные культуры (фасоль, кукурузу, маниок). Такие посадки давали росткам необходимую тень и снабжали продовольствием плантаторов, их служащих и рабов.

Уход за кофейными деревьями заключался по большей мере в выпалывании сорной травы вокруг них. Когда деревце начинало плодоносить, рабы ежегодно вручную собирали урожай. Подсчитано, что в среднем на плантациях Рио-де-Жанейро один раб обрабатывал от 4 до 7 тыс. кофейных деревьев, что указывает на не слишком тщательный уход за посадками. Способ сбора и обработки урожая были до-индустриальными. Транспортировка после укладки собранных зерен в мешки для дальнейшего экспорта также отличалась ненадежностью. До строительства железных дорог перевозка товаров к портам осуществлялась с помощью караванов ослов с проводником и рабами-погонщиками. Подобные караваны несколько раз в год двигались по дорогам, ведущим из долины Парайбы к Рио-де-Жанейро. На пути туда они перевозили товары, произведенные на плантации, а на пути обратно — такие припасы, как треску, вяленое мясо, свиной шпик и металлические инструменты и орудия. С течением времени среди закупавшихся плантаторами в Рио-де-Жанейро товаров стали появляться мебель и предметы роскоши, в том числе стеклянная и фарфоровая посуда.

Важной фигурой в деле продажи кофе был комиссионный агент. Такие агенты жили в портах, в основном в Рио-де-Жанейро (позже также и в Сантусе), и действовали как посредники между производителями и экспортерами. Комиссионный агент получал товар, чтобы продать его экспортерам в наиболее благоприятный момент. В счет полученного кофе (или того кофе, который он получит в будущем) он снабжал владельцев фазенд товарами потребления и инструментами, получая процент от сделки. Тем самым между плантатором и агентом устанавливались доверительные отношения. Агент открывал фазендейро текущий счет, где подсчитывал дебет и кредит. Порой доверительные отношения достигали такой стадии, что агенты направляли и сопровождали своих клиентов, когда те посещали Рио-де-Жанейро, или же помогали сориентироваться в городе их сыновьям, приехавшим на учебу. Производители и агенты, как правило, были бразильцами. Но экспорт кофе с самого начала находился в руках крупных американских или английских компаний.

Хотя в Бразилии и распространился обычай пить кофе, внутреннего рынка для сбыта производимой в больших масштабах продукции не хватало. Кофейный бизнес как тогда, так и теперь продолжает зависеть от внешнего рынка. Рост производства шел рука об руку с расширением привычки пить кофе среди растущего среднего класса США и стран Европы. США превратились в главного потребителя бразильского кофе, который также экспортировался в Германию, Нидерланды и Скандинавию.

Англия, в которой укоренилась привычка пить чай, никогда не была значительным потребителем кофе: то небольшое его количество, которое расходилось в стране, привозилось из английских колоний в Карибском бассейне, Центральной Америке и Южной Азии. Получаемый оттуда кофе попадал на английский рынок после уплаты сниженной пошлины, что преграждало доступ для продукции из Бразилии. Это обстоятельство являлось важной характеристикой положения Бразилии в международной финансово-экономической сфере в XIX и частично в XX вв. В деле получения кредитов и займов страна зависела в основном от Англии. Таким образом, ее внешний долг зависел от английских банкиров. Но от торговых сделок с Англией Бразилия не получала той прибыли, которая могла бы покрыть расходы на импорт товаров и на обслуживание внешнего долга.

Увеличение производства кофе и значимость его для внешней торговли Бразилии могут быть проиллюстрированы одним простым фактом: если в 1821 — 1830 гг. кофе составлял 18% стоимости бразильского экспорта, то в 1881 — 1890 гг. он достиг 61%.

С точки зрения социально-экономического анализа, производство кофе охватывало комплекс хозяйственных занятий, который окончательно переместил центр развития страны в центрально-южные регионы*. Оснащались порты, возникали новые механизмы кредитования, создавались новые рабочие места, революционным образом развивался транспорт — и все это в связи с кофе. Конечно, это произошло не в мгновение ока. Речь идет о сравнительно долгом упадке Северо-Востока и укреплении Центро-Юга; этот процесс стал необратимым с рубежа 1870-х гг.

* Здесь и далее автор использует принятую в Бразилии географическую классификацию составляющих страну регионов: центрально-южный регион или Центро-Юг (Centro-Sul) включает в себя, среди прочих, провинции (затем штаты) Минас-Жерайс, Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Санта-Катарина, Риу-Гранди-ду-Сул.

Владельцы крупных фазенд в долине Парайбы получали уступки и щедроты от центрального правительства; их тщеславие удовлетворялось пожалованием им дворянских титулов. История крупного фазендейро из Рио-де-Жанейро, Жоакима де Соузы Бревеша, возглавившего либеральное восстание 1842 г., канула в прошлое. В середине XIX в. империя добилась поддержки со стороны крупных коммерсантов и землевладельцев, среди которых выделялись «кофейные бароны» из провинции Рио-де-Жанейро. Это утверждение, впрочем, не нужно понимать как заявление о том, что данные социальные классы «присвоили» себе государство. Между государством и господствующими классами существовали разногласия. На это указывает, в числе прочего, тот факт, что президентов провинций избирали не из среды местных элит. Это предотвращало безусловное сращивание назначаемого главы провинции с местными интересами. С помощью такого приема центральное правительство могло действовать независимо в каждой провинции и проводить там свою политику.

Император и чиновничество империи отвечали основным интересам господствующих классов, поддерживая общий порядок в стране, постепенно решая проблему рабства и т.д. Но действуя в этом направлении, император и его сановники порой противоречили установкам собственной социальной базы. Примером тому может стать принятие «закона о свободном чреве»*: император предложил его, несмотря на практически общую оппозицию плантаторов. Согласно представлению упоминавшегося выше историка Жозе Мурилу де Карвалью, советники императора воспринимали империю как гелиоцентрическую систему, главным в которой было солнце (государство), вокруг которого вращались крупные планеты (консервативно настроенные классы), а в отдалении — мириады звезд (основная масса народа).

Бразилия — это кофе, а кофе является черным. Данная фраза, которая нередко звучала в правящих кругах первой половины XIX в., верна лишь отчасти. Бразилия не сводилась исключительно к кофе, как раньше не сводилась и к сахару. Кроме того, в дальнейшем развитие производства кофе будет происходить без использования рабского труда. Однако несомненно, что в рассматриваемый

* Закон 1871 г., по которому все рождавшиеся на территории Бразилии дети рабов становились свободными.

период значительная доля увеличения работорговли приходилась на нужды кофейного производства.

После обретения независимости бразильское правительство находилось в сложном положении. За исключением нескольких отдельных голосов не только крупные землевладельцы и работорговцы, но и все свободное население было уверено, что отмена работорговли в краткосрочной перспективе приведет к коллапсу в обществе. При этом Англия, от которой зависела Бразилия, осуществляла все более жесткий нажим в противоположном направлении. Раздоры и соглашения Англии и Бразилии по этом вопросу показали, что, несмотря на зависимость Бразилии, не все могло немедленно решаться в соответствии с английскими интересами.

В десятилетие, когда была провозглашена независимость, работорговля увеличилась (в сравнении с предшествующим периодом). Согласно официальной статистике, среднегодовое количество ввезенных рабов составляло в 1811 — 1820 гг. 32 700 человек, а в 1821 — 1830 гг. — 43 100 человек.

Концентрация ввозимых в страну рабов через порты южных регионов (в особенности через Рио-де-Жанейро) многократно увеличилась. Эти порты принимали 53% от общего количества ввозимых рабов в 1811 — 1820 гг. и 69% — в 1821 — 1830 гг. Большинство рабов отправляли в дальнейшем на плантации долины Параибы; многие из них оседали в Рио-де-Жанейро. Именно импорт новых рабов, а не перемещение рабов из Минас-Жерайса, как полагали некоторое время назад, служил основным источником притока новых невольников в этой фазе кофейного производства.

В 1826 г. Англия буквально вырвала у Бразилии договор, по которому через три года после ратификации ввоз в Бразилию рабов из любого региона мира должен был быть объявлен вне закона. Англия оставляла за собой право досматривать в открытом море корабли, заподозренные в незаконной перевозке невольников. Договор вошел в силу в марте 1827 г., и эта мера должна была начать действовать с марта 1830 г. Закон от 7 ноября 1831 г. предусматривал выполнение положений договора, вводя суровое наказание для работорговцев и объявляя свободными всех рабов, которых ввезут в Бразилию после этой даты. Закон был принят в период временного спада в притоке рабов. В дальнейшем этот приток вновь стал расти, а нормы закона так и не стали применяться на практике.

Работоторговцы пока еще не вызывали отрицательных эмоций у правящих классов, к тому же они воспользовались мерами по децентрализации, которые были приняты в период Регентства. Суды присяжных на местах, которые контролировались крупными землевладельцами, оправдывали тех немногих работоторговцев, которые шли под суд. Закон 1831 г. был воспринят как мера «для того чтобы англичане посмотрели и успокоились» («para inglês ver»). В дальнейшем это выражение (ныне вышедшее из моды) стало нарицательным для обозначения какой-либо меры, принимаемой для видимости и для отвода глаз, а не для реального воплощения.

Причины, по которым правящие классы так цеплялись за подневольный труд, различны. Отметим среди них тот факт, что подлинной альтернативы труду рабов на крупных плантациях не существовало, и что всеобщих восстаний рабов не было. Частичным исключением здесь были город Салвадор и окружающая его местность (Recôncavo). С начала XIX в. восстания рабов стали там постоянным явлением и превратились в часть повседневной жизни региона. Однако отсутствие рабов, родившихся в Бразилии, среди участников различных движений показывает их ограниченный характер. Наиболее значительное восстание произошло в 1835 г., когда в Салвадоре взбунтовались сотни африканских негров — как рабов, так и вольноотпущенников, исповедовавших ислам. Негро-мусульман называли «малé»; отсюда происходит название всего восстания. Его жестоко подавили, при этом погибло около семидесяти восставших. На участников (более пятисот человек) обрушилась расправа — от смертных приговоров (правда, немногочисленных) до заключения под стражу, порки и высылки из страны.

Положение Баии было исключительным, но даже там после 1835 г. не произошло других крупных восстаний. В Рио-де-Жанейро, где доля рабов составляла 40% всего населения, не случилось ничего подобного. Этому способствовали такие факторы, как гонения, надежда получить свободу, разногласия между рабами, находившимися в лучшем и в худшем положении, между невольниками и вольноотпущенниками, между родившимися в Бразилии и африканцами.

Видя инертность бразильского правительства, Англия не опустила рук. Многие суда, перевозившие невольников, были задержаны. В 1846 г. договор, дававший Англии право досмотра кораблей, должен был закончиться, и Бразилия не была расположена его продлевать. Перед лицом этого факта английский парламент одобрил

акт, ставший известным в Бразилии как «билль Абердина», по имени лорда Абердина, министра иностранных дел в британском правительстве. По данному биллю английский военно-морской флот получил право поступать с кораблями работорговцев как с пиратскими судами, т.е. захватывать их и передавать нарушителей английским трибуналам. В Бразилии билль Абердина послужил мишенью для националистических по своему содержанию нападок. Даже в Англии многие возвысили голос против того, что страна присвоила себе роль «мирового хранителя морали».

В сентябре 1848 г. к власти в Бразилии пришел консервативный кабинет под председательством маркиза Монте-Алегре (с октября 1849 г.). Правительство представляло собой союз сановников, магистратов и крупных землевладельцев, в особенности кофейных плантаторов провинции Рио-де-Жанейро. Министром юстиции был назначен Эусебиу де Кейрош. Он был сыном лузо-ангольского судьи, родился в Анголе и женился на девушке из семьи, связанной с городским предпринимательством в Рио-де-Жанейро. Из министерства юстиции в парламент был направлен законопроект о более эффективных мерах по борьбе с работорговлей, что усиливало действие закона 1831 г. Среди прочего, Бразилия признавала работорговлю равной пиратству, а также то, что нарушителей должны были судить специальные трибуналы. Законопроект был одобрен в сентябре 1850 г., став законом. И он-то как раз и сработал. Количество ввозимых в страну рабов упало с 54 тыс. человек в 1849 г. до менее 23 тыс. в 1850 г. и до примерно 3,3 тыс. человек в 1851 г.; после чего ввоз невольников практически прекратился.

Что же случилось в период между 1831 и 1850 гг.? Почему второй закон сработал, а первый нет? Ответ на этот вопрос связан с обстоятельствами, сложившимися к концу 1840-х гг., и в первую очередь с усилением давления Англии. Опираясь на билль Абердина, английский военно-морской флот не ограничивался задержанием в открытом море кораблей, заподозренных в перевозке рабов, но проникал в территориальные воды Бразилии и угрожал даже заблокировать основные порты страны. Британская эскадра стала причиной ряда инцидентов на побережье, самым серьезным из которых стала перестрелка английского корабля с фортом Паранагуа в провинции Паранá. Возможность противостоять этому огромному давлению у правительства империи была мала, тем более, что южным регионам страны угрожало вторжение Аргентины, и она нуждалась в защите Англии.

Основным условием прекращения работорговли стал тот факт, что внешнее давление дополнилось отказом от использования рабов внутри страны. После многих лет усиленного ввоза рабов бразильский рынок в конце 1840-х гг. оказался перенасыщен. Плантаторы из Рио-де-Жанейро заложили свои владения крупным работорговцам, чтобы получить средства на покупку рабов. На работорговцев стали смотреть с неудовольствием и обидой. Внутренний антибританский фронт потерял свою целостность.

Помимо этого, усиление центрального правительства, достигнутое при консерваторах, облегчило применение карательных мер. К примеру, Набуко де Араужо, министр юстиции в 1853 – 1857 гг., добился замены президента провинции Пернамбуку на другого, более решительного человека, когда в провинции была предпринята одна из последних попыток ввезти рабов.

После принятия действенных мер по борьбе с работорговлей само рабство было обречено на отмирание. Рабовладельцы в Бразилии никогда не заботились о естественном воспроизводстве невольников, полагаясь лишь на ввоз. Как только прекратился, количество рабов постепенно стало недостаточным для выполнения всех многочисленных работ, на которых они были заняты. Кроме того, прекращение работорговли явилось водоразделом и в политическом и идеологическом плане. Если ввоз рабов в Бразилию становился незаконным, поддержание рабства в стране теряло легитимность. С этого момента возникали вопросы. В какой срок и в какой форме будет покончено с рабством? Кто заменит подневольную рабочую силу?

Отвечая на эти вопросы, отметим прежде всего закон о земле, принятый в 1850 г. через две недели после закона о прекращении работорговли. В законе предпринималась попытка положить конец неразберихе в вопросах земельной собственности. По закону государственные земли надлежало в будущем не раздавать, а продавать, как когда-то наделы-сесмари; устанавливались правила легализации владения землей и делались попытки принудительно вести реестр землевладений. Закон задумывался как способ преградить доступ к земле со стороны будущих иммигрантов. Государственные земли должны были продаваться по достаточно высокой цене, чтобы отпугнуть бедных держателей и иммигрантов. Иностранцам, которым оплачивался приезд в Бразилию, запрещалось приобретать землю в течение трех лет после прибытия.

Иными словами, крупные плантаторы хотели привлечь иммигрантов, чтобы заменить рабов, но при этом старались сделать так,

чтобы те не превратились в собственников земли. Впрочем, до масштабной иммиграции было еще далеко. Широко используемым методом, к которому будут прибегать плантаторы Центр-Юга, станет покупка рабов на внутреннем рынке, в переживавших упадок регионах.

2.4. Модернизация и расширение кофейного производства

1850 год означал для Бразилии не только приход новой половины века. Он стал годом прекращения работорговли, закона о земле, централизации Национальной гвардии, принятия первого торгового кодекса. Он устанавливал нововведения, но одновременно с этим включал в себя разрозненные установления, шедшие еще со времен колонии. Среди прочего, кодекс определял типы коммерческих компаний, которые разрешалось учреждать в Бразилии, и регулировал их операции. Как и в случае с законом о земле, торговый кодекс отталкивался от прекращения работорговли.

Высвобождение капиталов после отмены ввоза рабов породило бурную деловую и спекулятивную активность. Возникали банки, предприятия, пароходные компании и т.п. Благодаря объявленному в середине предыдущего десятилетия (1844) повышению тарифов на импорт, доходы центрального правительства возросли. В 1852 — 1853 гг. они удвоились по сравнению с 1842 — 1843 гг.

В политическом отношении либералы и консерваторы временно достигли согласия в масштабах страны, что выразилось в создании «правительства примирения» (1853 — 1856) во главе с маркизом де Паранá. В определенном смысле соглашение продолжало действовать и в последующих кабинетах до 1861 г.

В наиболее динамично развивавшихся районах страны наметились изменения в русле капиталистической модернизации; иными словами, появились первые попытки создать рынок труда, земельный рынок, а также рынок доступных ресурсов.

Модернизация должна была затронуть отсталую систему транспортного сообщения. В середине XIX в. современный транспорт — это в первую очередь пароходы и железные дороги. Одновременно с этим начинается самое значительное за все столетие дорожное строительство: по инициативе Мариану Проко-

пиу сооружается шоссе «Союз и промышленность», соединившее Петróполис* в провинции Рио-де-Жанейро и город Жуиз-де-Фора в Минас-Жерайсе. Строительство началось в 1856 г., и только в 1861 г. шоссе достигло г. Жуиз-де-Фора; его общая длина составила 144 км.

Это было шоссе, вымощенное дробленным или, как говорили в то время, «макадамизированным» камнем (по имени изобретателя, британского инженера Мак Адама). Оно поражало железными мостами и почтовыми станциями со сменными лошадьми для обслуживания регулярной линии дилижансов. Шоссе «Союз и промышленность» обошлось очень дорого, а поддерживать его в хорошем состоянии оказалось сложно. В дальнейшем его обходят в конкурентной борьбе железные дороги.

Главный импульс в деле строительства железных дорог был связан с необходимостью улучшить условия доставки основных предметов экспорта к важнейшим портам Бразилии. Необходимо было преодолеть неудобства, связанные с плохим состоянием дорог, с перевозкой товаров на вьючных ослах, т.е. с тем, что удорожало доставку и препятствовало нормальному перемещению товаров.

На Северо-Востоке основное строительство в данной сфере концентрировалось в Пернамбуку, где главной задачей был вывоз сахара. Здесь появились железнодорожные линии, основанные на английском капитале: ставшая пионерской линия Ресифе — Сан-Франсишку, строительство которой началось в 1855 г. и значительно позже, уже в 1880-х гг., — «Грейт Вестерн». В центральных и южных регионах страны главной целью строительства железных дорог был вывоз кофе, что становилось все более насущной проблемой по мере того, как кофейные плантации удалялись от места пребывания двора и смещались в район провинции Минас-Жерайс на границе провинций Рио-де-Жанейро и Эшпириту-Санту (так называемая «лесная зона», Zona da Mata) и затем в область так называемого «Паулистского Запада» (т.е. западной части провинции Сан-Паулу).

Железные дороги и пароходы произвели революцию в экономике Великобритании в 1840—1880 гг., увеличив производство железа, стали и угля. Накопление капиталов позволило осуществ-

* *Петróполис* — императорская резиденция в горах недалеко от г. Рио-де-Жанейро. Ныне — город в штате Рио-де-Жанейро.

лять инвестиции за пределами страны, причем вложения в железнодорожное строительство были наиболее привлекательны. Многие линии в Бразилии были построены с привлечением финансирования, материально-технического обеспечения, оборудования и контрагентов из Англии.

Приблизительно к 1850 г. кофейная экономика долины Параибы достигла апогея. Проблема транспорта была по большей части решена после сооружения железной дороги имени Педру II, позже названной «Центральной бразильской линией». Строительство началось в 1855 г.; в дальнейшем открывались все новые участки дороги, которая лишь в 1875 г. достигла территории штата Сан-Паулу с конечным пунктом в г. Кашозэйра. В будущем созданная в Сан-Паулу компания соединит железной дорогой Кашозэйру и столицу провинции, довершив тем самым систему транспортного сообщения между Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу.

* * *

В это же самое время кофейные плантации распространялись в новом районе в глубине провинции Сан-Паулу — на так называемом «Паулистском Западе». Кофейные деревья были завезены туда, чтобы частично заменить сахарный тростник на прежних фазендах. В рамках всей бразильской экономики Сан-Паулу никогда не являлся лидером производства сахара. Тенденция к снижению цен на сахар в условиях роста цен на кофе подтолкнула производителей к смене одной сельскохозяйственной культуры на другую. Успех кофейной экономики «Паулистского Запада» зависел в основном от транспорта и от наличия действующего порта на побережье, так как Рио-де-Жанейро был слишком далеко. Главной сложностью было пересечь горную гряду Серра-ду-Мар и выйти к побережью. Это затруднение было преодолено после сооружения железной дороги от Сантуса до Жундиай английской концессионной компанией «Сан-Паулу Рэйлуэй Ко. Лимитед» (СПР), которая начала действовать в 1868 г. Кофе, выращенный на побережье провинции Сан-Паулу, в небольших количествах вывозился через Сантус еще с конца XVIII в. Сооружение железной дороги означало большой рывок для утверждения города в качестве центра экспорта.

У СПР была концессия на продолжение железнодорожной ветки от Жундиай до Риу-Клару. Тем не менее компания не проявила

интереса к строительству, ссылаясь на сложности на рынке капиталов в Лондоне. Возможно, при принятии этого решения возобладали соображения стратегического порядка, так как на практике компания монополизировала доступ к порту из внутренних районов провинции. После того как в 1868 г. были предприняты первые меры, возникла «Паулистская компания железных дорог», образованная с помощью бразильских капиталов, имевших отношение к производству кофе. За ней последовали компании «Можияна», «Итуана», «Сорокабана»*. Последняя стала исключением, так как капиталы компании были связаны не с кофе, а с хлопком, производство которого стало развиваться в 1860-х гг. в районе г. Сорокаба.

Кофейная экономика двух областей — долины Параибы и «Паулистского Запада» — развивалась в противоположных направлениях. В последние два десятилетия существования империи (т.е. в 1870–1880-е гг.) можно констатировать упадок первой и явно выраженный подъем второй. И там, и там речь шла об экстенсивном сельском хозяйстве. Но на «Паулистском Западе» было значительно больше доступных земель, позволявших постоянно вводить в оборот новые территории, в то время как долина Параибы имела свои географические границы и расширяться дальше определенных не могла. В результате земли там были истощены, почвы подвержены эрозии, что снизило урожайность плантаций и их стоимость. Накануне отмены рабства основные вложения местных плантаторов в производство заключались в рабах, что само по себе свидетельствует о том воздействии, которое произведет на регион прекращение рабовладения.

Помимо наличия доступных земель, существовали и другие обстоятельства, стечение которых обусловило восхождение «Паулистского Запада»; речь идет о природно-географическом положении области, технологии кофейного производства и конкретно-исторических обстоятельствах. На обширном плоскогорье в глубине провинции Сан-Паулу почва и климат оказались самыми благоприятными для возделывания кофе. Местный краснозем обеспечивал высокую производительность плантаций и позволял получать урожай с кофейного дерева до тридцати лет, в то время как на других почвах этот показатель не превышал четверти века. Этот краснозем италья-

* Все эти названия образованы от названия соответствующих городов или муниципалитетов провинции Сан-Паулу: Можы-Мирим, Иту, Сорокаба.

янские эмигранты называли «росса»*. Не преувеличивая технологического прогресса на «Паулистском Западе», отметим, что именно здесь стали применять соху и устройство для очистки кофейных зерен, что стало настоящим прорывом в этой области.

Наконец, не будем забывать о конкретно-исторических обстоятельствах. В новом регионе накопление капиталов происходило в тот момент экономического развития Бразилии, когда необходимость найти альтернативу рабскому труду стала очевидной. Кофейное же производство долины Параибы зародилось раньше, когда никаких преград для рабовладения не ожидалось. Регион уже достиг апогея своего развития, и лишь тогда была прекращена работорговля. По мере того, как производительность плантаций падала, все сложнее становилось найти альтернативу подневольному труду рабов, и эта трудность так и не была преодолена.

В этих условиях сформировались два региональных социальных сектора, судьба которых оказалась различной. Плантадоры долины Параибы поддерживали монархию и стали отдаляться от нее по мере того, как начали приниматься меры, нацеленные на постепенную отмену рабства. Этот процесс получил логическое завершение в момент отмены рабства в 1888 г., но тогда кофейные бароны долины Параибы уже не имели значительного политического и общественного веса.

* * *

Экономика «Паулистского Запада» породила новый класс, который обычно называют «кофейной буржуазией». С последних десятилетий XIX в. в провинции Сан-Паулу начались трансформации, связанные со становлением капиталистической системы. Это произошло не мгновенно. В отдельных аспектах внедрение капитализма завершилось лишь недавно. На протяжении многих десятилетий происходили процессы накопления капиталов, диверсификации экономики, формирования рынка земель, средств производства и товаров потребления.

Накопление капиталов первоначально происходило в связи с производством кофе и дополнялось инвестициями в железные дороги, банки и торговлю. Экспансия кофе породила сеть небольших городских центров, в которых развивалось мелкое производ-

* *Rossa* — красный (ит.).

ство и потребление, с чего началась диверсификация экономики. Массовый приток иммигрантов с начала 1880-х гг. в дальнейшем придаст импульс формированию производственного и потребительского рынка, а также рынка рабочей силы.

Было бы ошибочным полагать, что социальные группы долины Парайбы и «Паулистского Запада» полностью разнятся между собой и представляют одна — некую «старую» аристократию, приходящую в упадок, а вторая — предпринимательскую буржуазию. Обе группы исходили из одних и тех же убеждений и различались между собой лишь в силу окружавших их природно-географических и социальных реалий. Обе группы вели экстенсивное сельское хозяйство и широко прибегали к труду рабов. Плантаторы Сан-Паулу обратились к найму иммигрантов не потому, что верили в преимущества свободной рабочей силы или в большую производительность труда именно свободных людей, а потому, что альтернатива (т.е. рабский труд) исчезала, и необходимо было найти решение этой проблемы. В 1887 г., менее чем за год до отмены рабства, Сан-Паулу занимал третье место среди провинций по количеству рабов: 107 тыс. невольников (на первом месте был Минас-Жерайс со 192 тыс. рабов, затем следовал Рио-де-Жанейро со 162 тыс. невольников).

После 1850 г. пополнение контингента рабов происходило посредством торговли между провинциями. В Бразилии начались внутренние миграции, принявшие постыдную форму насильственного перемещения рабов из одного региона в другой. Появились новые работоторговцы и новая профессия: разъездной скупщик рабов. Он ездил по провинциям и уговаривал наиболее бедных плантаторов или городских жителей продать ему своих рабов. В районы основного производства кофе невольники попадали не только морским путем, но и по суше. Вероятно, для того, чтобы не платить налог, взимаемый в порту назначения, рабов заставляли двигаться своим ходом: чтобы добраться до кофейных регионов, они пересекали внутренние области провинций Баия и Минас-Жерайс.

Точных данных об объеме работоторговли между провинциями нет. Общие подсчеты указывают на то, что в 1850 – 1888 гг. из районов производства сахара на Северо-Востоке в центральные и южные области было перемещено от 100 до 200 тыс. рабов. С 1864 по 1874 г. количество рабов на Северо-Востоке уменьшилось с 774 тыс. человек (45% всех рабов в Бразилии) до 435 тыс. человек (28% всех

рабов). В тот же период количество рабов в кофейных регионах выросло с 645 тыс. (43% всех рабов в стране) до 809 тыс. человек (56% всех рабов). Только в одной провинции Сан-Паулу количество рабов более чем удвоилось — с 80 тыс. до приблизительно 174 тыс. человек.

Так как отмена закупок рабов за пределами Бразилии взвинтила цены на невольников, даже традиционные сельскохозяйственные регионы, такие как Баия и Пернамбуку, экспортировали рабов в значительных количествах. С 1874 г. количество рабов по всей стране стало снижаться; эта тенденция отчетливее проявилась с 1885 г. Даже при этом снижение число рабов на Северо-Востоке было бóльшим по сравнению с Центро-Югом. Если в целом по стране уменьшение числа рабов составило в 1874—1884 гг. 19%, то в центральных и южных областях этот показатель был равен 9%, а на Северо-Востоке — 31%. Южный регион также был затронут значительным снижением количества рабов: первым в этом ряду оказался Риу-Гранди-ду-Сул, где число рабов в данный период уменьшилось на 39%.

2.5. Начало большой иммиграции

На пути к полной отмене рабства большая или меньшая зависимость регионов от труда рабов получила политическое выражение. В то же время важное значение имела возможность и способность решить проблему альтернативным образом (типичным примером здесь является Сан-Паулу).

Этим альтернативным решением являлось привлечение на кофейные плантации рабочей силы из Европы. Почему же не было попыток превратить в свободных работников бывших рабов или привлечь бедное, но свободное население Северо-Востока?

Ответ на первый вопрос будет состоять из нескольких частей. С одной стороны, убеждения плантаторов затрудняли или же делали откровенно невозможным изменение трудового режима массы рабов. С другой стороны, сомнительно, чтобы после многих лет рабства бывшие рабы захотели бы вновь оставаться в положении, которое не слишком отличалось от их прежних условий жизни. Напомним здесь, что иммигранты были вынуждены оказывать давление на плантаторов (особенно в период до отмены рабства), чтобы получить лучшие условия по сравнению с рабами.

Ответ на второй вопрос связан с первым. Согласно расистским убеждениям, захватившим умы правящих кругов империи и базировавшимся на работах таких авторов, как Бокль и Гобино, презрения заслуживали не только настоящие и бывшие рабы. Смешанное население, появлявшееся за всю историю португальской колонизации Бразилии, также признавалось «низшими существами», которых необходимо было как можно скорее «европеизировать». Помимо этого соображения культурного порядка существовали и другие факторы. Так, владельцы сахарных заводов-энженью и собственники хлопковых плантаций в недавнем прошлом оказались в ситуации, когда количество рабов уменьшалось, и они вряд ли отнеслись бы благожелательно к перемещению рабочей силы в южные и центральные районы страны.

Конечно, некоторые области Северо-Востока периодически страдали от засухи, которая порождала массу обездоленных. Но многие из них так и остались в бедственном положении, а других рекрутировали на сбор каучука на севере Бразилии или на работы на плантациях какао в Баие. Таким образом, в последние годы XIX в. мечты о богатстве или, по крайней мере, о лучшей доле связывались не с далеким Центро-Югом, а с Амазонией на севере или с отдельными областями собственно Северо-Востока.

История массированной иммиграции в кофейные районы провинции Сан-Паулу не соотносится с периодизацией политических событий. Эта иммиграция началась во времена Второй империи, но приобрела наибольшую значимость в годы, последовавшие за провозглашением Республики (1889).

Поощрение трудовой иммиграции шло путем проб и ошибок. В 1847 г. Николау де Кампуш Вергейру, бывший регент Бразильской империи и состоятельный плантатор, богатство которого было нажито в значительной мере благодаря работорговле, предпринял первую попытку. При финансовой поддержке правительства он вывез немецких и швейцарских иммигрантов для работы на своих фазендах и в других хозяйствах на «Паулистском Западе»; этим работникам предстояло образовать подобие артелей.

Первый опыт выявил множество трудностей и помех. Члены товариществ, хотя и происходили из наиболее пострадавших от продовольственного кризиса регионов Европы, не смирились с условиями существования, которые ждали их в Бразилии. Им была навязана строгая дисциплина, включавшая цензуру переписки и запрет на передвижение по фазендам. В конце концов в 1856 г. на фазенде

«Ибикаба», принадлежавшей Вергейру, вспыхнул бунт. После этого попытки устроить артели были отброшены.

Новые усилия по привлечению иммигрантов стали предприниматься с 1871 г., что совпало с принятием так называемого «закона о свободном чреве». Теперь, помимо землевладельцев, инициативу проявило и правительство провинции. По закону от марта 1871 г. правительство Сан-Паулу получило право ссужать плантаторов средствами из государственной казны с целью внедрить на фазендах труд свободных сельскохозяйственных рабочих. Для привлечения иммигрантов предусматривалась оплата их приезда в Бразилию. Так началась иммиграция, субсидируемая Сан-Паулу, т.е. приезд иммигрантов на средства государства. На протяжении времени размер субсидии менялся; в нее включалось проживание в течение недели в столице (в здании, построенном на государственные средства) и проезд к фазендам.

До начала 1880-х гг. количество въехавших в Сан-Паулу иммигрантов было небольшим. С 1875 по 1879 г. было зарегистрировано всего 10 455 человек, прибывших в этом качестве; подобная цифра далеко не удовлетворяла потребностей кофейного производства. Итальянцы, которые с 1874 г. мало-помалу начали приезжать в Бразилию, не могли смириться с условиями жизни в стране, и многие из них уезжали обратно. В 1885 г. итальянское правительство распространило циркуляр, в котором Сан-Паулу рисовался как негостеприимный, вредный для здоровья регион, и рекомендовало не ехать в Бразилию.

Наиболее значительные представители элиты Сан-Паулу отреагировали на подобное положение вещей в переломный момент, когда разложение системы рабовладения становилось очевидным. «Общество поощрения иммиграции», основанное в 1886 г. по инициативе, в числе прочих, братьев Мартинью Праду Жуниор и Антониу да Силва Праду, предприняло ряд мер для привлечения мигрантов на кофейные плантации.

Общество опубликовало брошюры на португальском, немецком и итальянском языках, превозносившие преимущества иммиграции в Сан-Паулу. Оно проводило сравнения в пользу Бразилии с другими странами, принимавшими иммигрантов (США, Аргентина) и являвшимися более привлекательными. О существовании рабства, равно как и о прочих недостатках, не упоминалось. Мартинью Праду Жуниор съездил на север Италии, чтобы изучить способы, которыми можно было бы прельстить иммигрантов. В Генуе

было открыто представительство «Общества по поощрению иммиграции в Сан-Паулу».

В конечном счете массовому притоку иммигрантов способствовали обстоятельства, сложившиеся как по одну, так и по другую сторону Атлантического океана. Основопологающим фактором был кризис в Италии, последовавший за объединением страны и капиталистическими преобразованиями; он с наибольшей силой обрушился на беднейшие слои населения. В этих условиях оплата проезда и возможность бесплатного проживания представляли более или менее действенный стимул.

Большинство иммигрантов, прибывших в Сан-Паулу до начала XX в., составляли сельскохозяйственные рабочие и мелкие земледельцы с севера Италии (в основном из Венето и Ломбардии), которые не могли прокормиться со своего клочка земли.

В последние годы существования империи иммиграция в Сан-Паулу (из любой страны мира) резко возросла с 6,5 тыс. человек в 1885 г. до почти 92 тыс. человек в 1888 г. В этот год итальянцы составляли практически 90% всех приезжих. Это означало, что для сбора урожая кофе 1888 г., последовавшего за отменой рабства в мае того же года, было достаточно рабочих рук.

2.6. Парагвайская война

Пока кофе шел победным маршем по «Паулистскому Западу», а предложения по постепенной отмене рабства только набирали силу, произошло событие международного масштаба, которому суждено будет наложить важный отпечаток на историю Второй империи. Этим событием стала Парагвайская война, продолжавшаяся более пяти лет: с 11 ноября 1864 г., когда начались военные действия, до 1 марта 1870-го.

Чтобы правильно представить этот конфликт в контексте эпохи, рассмотрим основные характеристики вовлеченных в него стран и их взаимоотношения. В первые десятилетия XIX в., когда в Южной Америке рухнула испанская колониальная система, прекратило свое существование в качестве политического образования и вице-королевство Рио-де-Ла-Плата*. На этой террито-

* Вице-королевство Рио-де-Ла-Плата — политическая и административная единица, выделенная в 1776 г. из состава вице-королевства Перу; де-факто просуществовало до 1810 г., де-юре — до 1816 г.

рии после долгих конфликтов возникли Аргентина, Уругвай, Парагвай и Боливия. Рождение Аргентинской республики произошло после многих колебаний, откатов назад и конфликтов между унитариями и федералистами.

Унитарии были представлены в основном коммерсантами из Буэнос-Айреса: они отстаивали модель централизованного государства под управлением столицы бывшего вице-королевства*. Контролируя порт Буэнос-Айреса, коммерсанты смогли бы осуществлять контроль над внешней торговлей Аргентины и присваивать себе доходы от таможенных пошлин на импорт.

Федералисты объединяли в своих рядах представителей региональных элит, крупных собственников, мелких производителей и коммерсантов, более обращенных в сторону внутреннего рынка. Они защищали идею децентрализованного государства, чтобы гарантировать свои доходы и не зависеть от налогов, установленных торговой буржуазией Буэнос-Айреса.

Уругвай возник как государство в 1828 г., после трех лет борьбы между сторонниками независимости, аргентинцами, бразильцами. К созданию страны благосклонно отнеслась Англия, так как возникновение Уругвая должно было стабилизировать обстановку в районе Рио-де-Ла-Платы, где у англичан были свои торговые и финансовые интересы. История Уругвая в XIX в. была бурной. Группировки «бланкос» и «колорадос»** огнем и мечом оспаривали друг у друга власть. «Колорадос» были связаны с торговыми кругами и с европейскими державами, их привлекали либеральные идеи. «Бланкос», состоявшие в основном из сельских собственников, унаследовали испанскую властную традицию и с недоверием относились к проникновению в страну новых европейских держав.

Жители бывшей провинции Парагвай, многие из которых происходили от индейцев гуарани, не согласились на то, чтобы ими управляла буржуазия Буэнос-Айреса, и с 1810 г. стали действовать

* То есть собственно Буэнос-Айреса.

** «Бланкос» (*Blancos* — досл. с исп. «белые») — либеральные сторонники аргентинского генерала Мануэля Орибы, члены созданной им Национальной партии. «Колорадос» (*Colorados* — досл. с исп. «цветные») — сторонники генерала Ф. Риверы, первого президента Уругвая. Названия обеих группировок, ставших затем партиями, связаны со сражением 1836 г., в ходе которого сторонники Орибы использовали знаки отличия белого цвета, а их противники — цветные (первоначально голубые, затем красные).

самостоятельно. Эта автономия не была признана Буэнос-Айресом, который в 1813 г. практически перекрыл внешнюю торговлю Парагвая. Аргентинцы перекрыли доступ в открытое море через Рио-де-Ла-Плату, к которой из Парагвая можно было добраться по рекам Парагвай и Паранá. Блокада заставила парагвайского лидера Жозе Гаспара де Франсиа изолировать страну от внешнего мира и стать пожизненным диктатором. Государство провело экспроприацию земель, принадлежавших церкви и тем представителям элит, которые выступали за соглашение с Буэнос-Айресом; именно государство стало главным действующим лицом в сфере производства и торговли.

Определение Парагвая как страны мелких собственников, управляемых прозорливым государством (распространенное в левой историографии 1970-х гг.), относится в основном именно к эпохе Франсии. Действительно, в контексте всей Латинской Америки он принял исключительные меры. Но было бы упрощением назвать их прогрессивными. На конфискованных землях правительство организовало так называемые «поместья родины», которые управлялись либо им самим, либо мелкими арендаторами. В хозяйствах, управлявшихся государством, использовался труд рабов или заключенных. В экономике перестало действовать денежное обращение: как доходы с земли, так и налоги выплачивались продуктами, а не деньгами.

После смерти Франсии президентом был назначен Карлос Антонио Лопес, который формально провозгласил независимость Парагвая в 1842 г. Лопес добился преодоления изоляции страны: при нем появилась железная дорога и стала стимулироваться внешняя торговля. Его сын Франсиско Солано Лопес был приглашен в Англию, где закупал военное оборудование и набирал европейских специалистов для помощи в модернизации страны. Постепенно Парагвай стал развиваться, получив доступ к внешнему рынку. Выросла его заинтересованность в контроле за речным сообщением по рекам Парагвай и Паранá и в свободном перемещении товаров через порт Буэнос-Айреса. В этих условиях Солано Лопес пришел к власти в 1862 г., после смерти отца.

Политику Бразилии по отношению к своим соседям в первой половине XIX в. можно определить следующим образом. Основное беспокойство и озабоченность правительства империи вызывала Аргентина. В Бразилии опасались объединения страны и того, что она сможет стать сильной республикой, способной свести

на нет бразильскую гегемонию в регионе и привлечь на свою сторону беспокойную провинцию Риу-Гранди-ду-Сул.

Проводимая в отношении Уругвая политика исходила из поддержания влияния Бразилии в этой стране. Скотоводы из Риу-Гранди-ду-Сул — «гаушу» — имели собственные экономические интересы в Уругвае и болезненно реагировали на попытки пресечь контрабанду на границе. Бразилия встала на сторону «колорадос», чья политика была созвучна ее интересам. Правительство империи даже заключило секретный договор с «колорадос» — противниками Росаса, по которому обязывалось оказывать им поддержку в виде ежемесячных выплат.

Отношения Бразилии и Парагвая в первой половине XIX в. зависели от состояния отношений Бразилии с Аргентиной. Когда соперничество обеих стран обострялось, правительство империи склонялось к сближению с Парагваем. Когда отношения налаживались, становились более заметны разногласия Бразилии и Парагвая. Эти разногласия были связаны с вопросами границы и с настойчивостью Бразилии в требовании гарантий свободного плавления по реке Парагвай — основному каналу доступа в провинцию Мату-Гроссу.

На первый взгляд, возможность создания альянса Бразилии, Аргентины и Уругвая против Парагвая и, более того, перспектива войны с таким составом участников казались далекими и маловероятными. Однако все произошло именно так. Сближение будущих союзников началось в 1862 г., когда к власти в Аргентине пришел Бартоломео Митре, одержавший верх над федералистами. Страна была вновь объединена под названием Аргентинская Республика, и Митре был избран ее президентом. Он начал проводить политику, которую положительно оценили бразильские либералы, в этом же году пришедшие к власти. Митре сблизился с уругвайскими «колорадос» и превратился в защитника свободных переговоров о режиме судоходства по рекам.

Эти успехи привели к оживлению соперничества между Бразилией и Парагваем. Обе страны конкурировали за рынки *мате**, но с точки зрения бразильского правительства противоречия носили по преимуществу геополитический характер (граница, свобода су-

* *Мате* — очень распространенный в Южной Америке тонизирующий напиток из высушенных листьев падуба парагвайского, который выращивался на специальных плантациях еще с колониальных времен.

доходства по рекам). Стремясь преодолеть изоляцию Парагвая и одновременно с этим заявить о себе в масштабах региона, Солано Лопес примкнул к «бланкос» и к противникам Митре — лидерам аргентинских провинций Энтре-Риос и Коррьентес.

Отказываясь действовать в начале 1860-х гг. в качестве проводника английских интересов, правительство империи оказалось замешано в нескольких инцидентах с Великобританией, получивших название «вопрос Кристи» (по имени британского посла в Бразилии). После того как корабли британского военного флота, стоявшие в порту Рио-де-Жанейро, захватили несколько торговых бразильских кораблей, Бразилия в начале 1863 г. разорвала дипломатические отношения с Англией. В стране воцарилась атмосфера патриотической экзальтации, которая подогревалась сообщениями о том, что бразильские подданные терпят притеснения в Уругвае, где у власти находились «бланкос». В сентябре 1864 г. правительство империи вторглось в Уругвай с целью помочь «колорадос» получить бразды правления.

В этот момент Солано Лопес решил перехватить инициативу. 11 ноября 1864 г. парагвайская канонерка захватила на реке Парагвай бразильское судно «Маркиз Олинды»; за этим действием последовал разрыв дипломатических отношений. Военные действия начались 23 декабря 1864 г., когда Солано Лопес начал наступление на Мату-Гроссу. После этого он направил запрос Аргентине на право переброски своих войск через провинцию Коррьентес, чтобы атаковать бразильские силы в Риу-Гранди-ду-Сул и в Уругвае. Запрос был отклонен.

Существует множество предположений относительно причин, побудивших Солано Лопеса начать конфликт, рискуя спровоцировать объединение против Парагвая двух старых соперников — Бразилии и Аргентины. По видимости, он надеялся нейтрализовать угрозы, исходившие от его могущественных соседей, и превратить Парагвай в игрока на политической арене в масштабах континента. Для достижения этой цели в его активе была победа в лишенном гарнизона Мату-Гроссу (что побудило Бразилию заключить с ним договор) и поддержка уругвайских «бланкос» и аргентинских противников Митре.

Эти ожидания не оправдались. Поддержка аргентинских провинций провалилась; в Уругвае бразильское правительство силой привело к власти представителя «колорадос» Венансио Флореса. В марте 1865 г. Парагвай объявил войну Аргентине, а первого мая

правительства Аргентины, Бразилии и Уругвая подписали договор о тройственном союзе. Командование союзными войсками возглавил аргентинский президент Митре.

Экономический и демографический потенциал трех участников альянса во много раз превосходил возможности Парагвая. В Бразилии и Аргентине полагали — как часто бывает в начале многих вооруженных конфликтов, — что война станет прогулкой. Но этого не произошло. В отличие от своих противников, Солано Лопес хорошо подготовился в военном отношении. По всей вероятности (точных данных нет), в начале войны численность войск составляла 18 тыс. человек в Бразилии, 8 тыс. в Аргентине и 1 тыс. человек в Уругвае, в то время как в Парагвае численность доходила до 64 тыс. человек, не считая резервистов-ветеранов (28 тыс. чел.). Правда, у Бразилии был солидный перевес во флоте в случае сражений на реках.

С течением времени численность войск тройственного союза увеличилась; бразильские соединения составляли по меньшей мере две трети от общего состава. В Бразилии было мобилизовано от 135 тыс. до 200 тыс. человек (численность всех мужчин в стране в 1865 г. оценивалась в 4,9 млн человек). Эти соединения состояли из частей регулярной армии, батальонов Национальной гвардии, а также отрядов рекрутов, которых в большинстве случаев забирали насильно, по старой традиции, шедшей еще с колониальных времен. Кроме того, многие записывались в корпус «волонтеров Родины».

Рабовладельцы передавали своих рабов, чтобы те служили в войсках в качестве солдат. Законом 1866 г. таким «рабам нации» предоставлялась свобода. Закон распространялся также на негров, которых незаконно ввезли в страну после запрета работорговли и которые были «конфискованы» и находились под охраной имперского правительства.

В ходе войны бразильская армия постепенно консолидировалась. До этого в империи был ограниченный по численности корпус профессиональных офицеров, и пополнение личного состава было сопряжено со значительными трудностями. Обязательной военной службы не существовало, вместо этого практиковалась жеребьевка, по результатам которой шли в армию. Служившие в Национальной гвардии (т.е. подавляющее большинство белого населения), от службы в армии освобождались. До Парагвайской войны ополчение из Риу-Гранди-ду-Сул уже имело опыт военных

кампаний в районе Рио-де-Ла-Плата, но оно оказалось неспособным сражаться с современной армией, такой как парагвайская.

В истории войны военные свершения с обеих сторон соседствуют с картинами лишений, смерти в бою или от болезней, особенно от холеры. В начале кампании (июнь 1865 г.) бразильский флот разбил парагвайский на территории Аргентины (битва при Риашуэло). В результате союзники блокировали Парагвай, отрезав ему единственный путь сообщения с внешним миром по реке Паранá. Однако союзники не сумели в полной мере воспользоваться этим преимуществом. Парагвайские укрепления вдоль реки Паранá (особенно крепость Умайтá) внушали им опасения, и они на несколько лет оказались скованными системой оборонительных сооружений противника.

В то же самое время (июнь 1865 г.) парагвайские силы, укрепившиеся в аргентинской провинции Коррьентес, вторглись на территорию Риу-Гранди-ду-Сул, после чего оказались разбиты. С ноября 1865 г. военные действия разворачивались на территории Парагвая (исключением являлась бразильская провинция Мату-Гроссу, ставшая второстепенным театром войны). В Тиуити в мае 1866 г. произошло самое масштабное сражение за всю войну. Хотя парагвайцы потерпели поражение, союзники не смогли воспользоваться ситуацией, после чего парагвайцы взяли над ними серьезный реванш при Курупаити. Оба сражения имели целью захватить крепость Умайтá.

Важную роль в развитии событий сыграло назначение герцога Кашиаса на пост командующего бразильскими войсками в октябре 1866 г. Оно состоялось благодаря усилиям консервативной партии, находившейся в тот момент в оппозиции и обвинявшей либералов в том, что исход войны так и остается неясным. В начале 1868 г. Кашиас также принял командование всеми союзными войсками. Митре был вынужден вернуться в Буэнос-Айрес, чтобы уладить проблемы во внутренней политике, самой серьезной из которых было нежелание провинций отправлять войска в Парагвай. С этого момента Бразилия вела войну практически самостоятельно.

Перед тем как идти на штурм крепости Умайтá, Кашиас сосредоточился на организации необходимой инфраструктуры для армии. Только после этого он отдал приказ к наступлению. Умайтá сдалась в августе 1868 г., и в январе 1869 г. бразильская армия вошла в Асунсьон. Больной Кашиас, желавший заключить мир, так

как продолжение войны в этих условиях могла преследовать лишь цель окончательного разгрома, подал в отставку с поста командующего. На смену ему пришел граф д'Э*, супруг наследной принцессы Изабеллы.

После нескольких сражений бразильская армия разбила последнее малочисленное парагвайское войско, состоявшее из стариков, детей и больных. Солано Лопеса окружили в его лагере; он был убит бразильскими солдатами 1 марта 1870 г.

Парагвай вышел из войны полностью обескровленным; он потерял часть территории, отошедшей к Бразилии и Аргентине, и собственное будущее. Модернизация страны осталась в прошлом, и Парагвай превратился в экспортера малозначимых товаров. Наиболее убедительные подсчеты говорят о том, что погибла половина всего населения страны: в 1864 г. численность его была 406 тыс., а в 1872 г. — 231 тыс. человек. Большинство выживших составляли старики, женщины и дети.

Бразилия закончила войну, оказавшись еще бóльшим должником Англии (обе страны восстановили дипломатические отношения в начале кампании). Но самым значительным последствием войны стало то, что армия превратилась в институт с собственными взглядами и собственными целями. Давнее недовольство правительством получило новое воплощение. В конечном счете, армия сражалась на передовой и испытывала на себе все превратности войны, а в это время гражданские элиты — «сюртуки», как их стали презрительно называть, — оставались целыми и невредимыми, а иногда еще и обогащались на поставках в войска.

2.7. Кризис Второй империи

С 1870-х гг. появились признаки кризиса Второй империи, такие как начало движения за республику и конфликты правительства с армией и церковью. Кроме того, политика по вопросу о рабовладении породила конфликты в отношениях государства с поддерживавшими его социальными группами. Все эти факторы имели различное влияние на падение монархического строя, ко-

* Луи Филипп Фердинанд Гастон *г'Орлеан, граф г'Э* — представитель младшей ветви Орлеанского дома и внук по отцовской линии французского короля Луи-Филиппа.

торое можно объяснить совокупностью причин, среди которых будут социально-экономические изменения, породившие новые социальные группы, а также восприимчивость общества к идее реформ.

Меры по отмене рабства предпринимались в несколько этапов, вплоть до конца в 1888 г. Наибольшая сложность в осуществлении законодательных мер пришлось не на 1888 г., а на 1871 г., когда правительство предложило так называемый «закон о свободном чреве». Законопроект объявлял свободными тех детей рабынь, которые родились после вступления закона в действие; эти дети оставались в распоряжении владельцев их матерей до 8 лет, после чего хозяева могли выбрать из двух вариантов — получить от государства компенсацию или продолжать пользоваться трудом таких рабов, пока им не исполнится 21 год.

Законопроект исходил от консервативного кабинета, который возглавлял виконт Рио-Бранко; тем самым консерваторы перехватили у либералов знамя борьбы за отмену рабства. Что же побудило их предложить закон, который, вовсе не будучи революционным, создавал проблемы во взаимоотношениях правительства со своей социальной базой?

Наиболее разумным объяснением данного факта может являться то, что эта инициатива отталкивалась от решения императора и его советников. Хотя крупных восстаний рабов пока не было, после Парагвайской войны в правящих кругах бытовало убеждение, что Бразилия уязвима изнутри, так как не может рассчитывать на верность и лояльность значительной части населения. Решение вопроса об отмене рабства, даже ущемляя важные экономические интересы, рассматривалось как меньшее зло по сравнению с этой проблемой и возможным риском восстаний рабов.

Правящий же класс, напротив, усмотрел в законопроекте серьезную угрозу ниспровержения порядка. Освобождение рабов по доброй воле хозяина обязывало тех к признательности и послушанию. Освобождение в силу закона порождало у рабов идею права, что привело бы страну к межрасовой войне.

Отношение депутатов к принятому в конце концов закону достаточно красноречиво. Если представители Северо-Востока в масе проголосовали «за» (39 голосов «за» и 6 «против»), то депутаты Центро-Юга приняли противоположное решение (30 голосов «против» и 12 «за»). Эти результаты отчасти отражают тот факт, что ра-

боторговля между провинциями ослабила зависимость Северо-Востока от рабочей силы невольников.

Важным фактором также являлись профессии голосовавших депутатов. По преимуществу речь шла о государственных чиновниках, в особенности о членах судейского сословия. Они в большинстве своем происходили с Северо-Востока или с Севера*, следовали курсу правительства и голосовали с ним заодно. С точки зрения распределения по партиям, четкого раздела между голосованием либералов и консерваторов не было. Депутаты обеих партий голосовали как «за», так и «против» законопроекта. В действительности эффект от применения закона 1871 г. был невелик. Лишь немногих детей после 8 лет передали государству, а в основном рабовладельцы продолжали использовать труд своих рабов.

С 1880-х гг. движение за отмену рабства (аболиционизм) набирает силу: появляются ассоциации и газеты, растет уровень пропаганды в целом. В кампаниях аболиционистов принимают участие люди разного происхождения и различных убеждений. Среди представителей элиты выделяется Жоаким Набуко, видный парламентарий и писатель, выходец из семьи политиков и крупных землевладельцев с Северо-Востока. Центральными фигурами движения за отмену рабства были также негры и метисы из бедняков, такие как Жозе де Патросиниу, Андре Ребоусас и Луиш Гама.

Родителями Ж. Патросиниу был священнослужитель, владевший плантациями и рабами, и негритянка, торговавшая фруктами. Ж. Патросиниу владел изданием «Газета да Тарде», органом аболиционистов Рио-де-Жанейро, и прославился своими эмоциональными выступлениями.

Инженер Ребоусас представлял собой противоположный тип личности: он был замкнутым человеком и преподавал ботанику, арифметику и геометрию в политехнической школе при императорском дворе. Он связывал отмену рабства с установлением «сельской демократии», отстаивая необходимость распределить землю между освобожденными рабами и ввести земельный налог, который побудит продавать и разделять на части обширные латифундии.

* Как и в случае с уже упоминавшимися Северо-Востоком и Центро-Югом, географическое положение северных территорий порождает определенный социально-экономический, политический, культурный уклад региона. В данном случае речь идет об Амазонии и граничащих с ней областях.

Биография Луиша Гамы достойна романа. Его отец принадлежал к богатой португальской семье из Баии, а мать, Луиза Маин, по горделивому утверждению сына, была «свободной негритянкой, которая всегда отвергала крещение и христианское вероучение». Обедневший отец незаконно продал Гаму как раба; его отправили в Рио-де-Жанейро, а затем в Сантус. Вместе с сотней других рабов, босой и голодный, он пересек горную гряду Серра-ду-Мар. Он сбежал от своего хозяина, стал солдатом, а затем, уже позднее, — поэтом, адвокатом и журналистом в Сан-Паулу.

По мере того как ширилось движение за отмену рабства, северные провинции утратили заинтересованность в сохранении рабовладения, вплоть до того, что Сеарá заявила в 1884 г. о прекращении рабовладения по собственной инициативе и за свой счет. В этих условиях в 1885 г. был принят «закон о шестидесятилетних», также названный законом Сарайвы-Котежипе. Законопроект был предложен либеральным кабинетом во главе с советником Сарайвой, а затем одобрен в Сенате после того, как к власти вернулись консерваторы во главе с бароном Котежипе. В общих чертах суть закона заключалась в предоставлении свободы рабам старше 60 лет и в установлении норм по постепенному освобождению всех рабов за выкуп. Закон задумывался как мера по сдерживанию радикального аболиционизма, но не достиг своей цели.

В 1885—1888 гг., после непродолжительного перерыва, кампания за отмену рабства получила новый импульс. Теперь наиболее важным фактом стала дезорганизация работы на плантациях Сан-Паулу, вызванная массовыми побегам рабов. Активисты во главе с Антониу Бенту, выходцем из богатой семьи из Сан-Паулу, отправлялись на фазенды и в города во внутренних районах провинции и подстрекали рабов к бунту. В скором времени Сантус превратился в центр, где укрывались беглые рабы. В это же время кофейная элита провинции, понимая, что система рабовладения быстро разлагалась, поспешила принять меры для поощрения иммиграции.

В 1888 г. за рабство цеплялись лишь представители старых кофейных районов долины Параибы, чьи расстроенные состояния были основаны на владении рабами. В проекте, который предложил консервативный сенатор из Сан-Паулу, связанный с «Паулистским Западом», была предпринята попытка приспособиться к ситуации. Предлагалось немедленно освободить рабов за выкуп,

но они должны были отработать на плантациях еще 3 месяца, чтобы гарантировать сбор ближайшего урожая. В условиях оппозиции со стороны либералов глава кабинета консерватор Жуан Алфреду решил предложить отмену рабства без дополнительных ограничений. Инициативу поддержало широкое парламентское большинство; 13 мая 1888 г. ее утвердила принцесса Изабелла, выполнявшая в тот период регентские функции. Из девяти депутатов, проголосовавших против законопроекта, восемь представляли провинцию Рио-де-Жанейро. В Сенате робкое сопротивление закону возглавил барон Котежипе, заявивший о нависшей угрозе: «Совсем скоро зазвучат требования раздела земель, и государство сможет по-настоящему провести экспроприацию без выкупа».

Дальнейшая судьба бывших рабов была различной и зависела от региона. На Северо-Востоке они, как правило, стали зависимыми работниками крупных землевладельцев. Исключением стала провинция Мараньян: там освобожденные рабы ушли с плантаций и начали хозяйствовать на незанятых землях, превратившись в их владельцев.

В долине Параибы бывшие рабы стали членами артелей, работавших на приходящих в упадок кофейных плантациях, а позже — работниками в небольших поместьях или пеонами в скотоводческих хозяйствах. На «Паулистском Западе» характерным явлением стало массовое бегство рабов, но это происходило еще до отмены рабства. Приток негров в столицу провинции — г. Сан-Паулу — и в другие регионы продолжался еще по меньшей мере десять лет. В таких городах, как Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, ситуация была различной. В Сан-Паулу постоянная работа доставалась в основном иммигрантам, а бывшим рабам приходилось довольствоваться нерегулярными и плохо оплачиваемыми подработками. В Рио-де-Жанейро, напротив, у работников из числа бывших рабов было сравнительно больше перспектив, так как в городе традиционно использовали рабов и свободных негров в ремесленном и мануфактурном производстве, а иммигрантов было меньше. К примеру, около 30% фабричных рабочих в Рио-де-Жанейро в 1891 г. были неграми, в то время как в 1893 г. в Сан-Паулу среди рабочих на производстве было 84% иммигрантов.

В Риу-Гранди-ду-Сул, как и в Сан-Паулу, иммигранты заменили рабов и вольноотпущенников на постоянных рабочих местах.

Несмотря на то что положение бывших рабов различалось в разных провинциях, отмена рабства не разрешила проблемы с негра-

ми. Привлечение иммигрантов в качестве рабочей силы в наиболее динамично развивавшихся регионах и ограниченность возможностей по поиску работы для бывших рабов в других областях породили огромное социальное расслоение в среде негров. Подобное расслоение частично проистекало из предубеждения против негров, и в результате оно же усилило это расслоение. Так, в районах, куда активно стекались иммигранты, негров считали существами низшего порядка, способными приносить пользу только в закрепощенном состоянии, опасными по своей природе, склонными к бродяжничеству и совершению преступлений.

* * *

Никакая другая проблема бразильской истории не вызвала столько обсуждений и исследований, как рабство. Уровень смертности рабов во время перевозки через Атлантический океан, возможность для рабов создать семью, значение предоставления рабам вольных грамот (т.е. освобождение до 1888 г.), оценка практики выделения рабам небольших участков земли в рамках плантации, чтобы они сами выращивали себе продовольственные культуры (так называемая «сельская брешь»), занятость рабов в различных профессиях — все это вызывает острые споры.

Подобные дискуссии позволили ярче высветить тот факт, что система рабовладения не сводилась к открытому насилию (хотя оно и являлось основополагающим). Рабовладение просуществовало так долго еще и по причине своей всеохватности, из-за дифференциации между рабами, из-за реальных ожиданий или воображаемых путей получения свободы. В этой связи особо выделяются два вопроса: так называемая «сельская брешь» и проблема вольных грамот.

Существование на практике «сельской бреши» отстаивается авторами (в первую очередь Сиру Кардозу), которые подчеркивают важность внутреннего рынка в экономике Бразилии колониального периода и XIX в. Их аргументация основывается на констатации того факта, что на плантациях сахарного тростника и особенно кофе рабы получали разрешение обрабатывать небольшие наделы рядом со своими хижинами или возделывать маленькие клочки земли, чтобы выращивать продовольственные культуры для собственного потребления и для продажи на внутреннем рынке. Из этого делается вывод, что раб, производящий собственными силами

продукцию для рынка, становится также крестьянином, что пробивает брешь в системе рабовладения. Подчеркивается и то обстоятельство, что если с юридической точки зрения раб являлся вещью, то на практике в процессе социальных отношений он получал некоторые права, проистекавшие из обычаев и традиций.

Проблема вольных грамот связана с тем, что в испанских колониях и в Бразилии было больше вольноотпущенников, чем в английских и французских колониальных владениях. Мы уже затрагивали этот вопрос в главе о колониальной Бразилии, особо выделяя Минас-Жерайс и горное дело. Несмотря на неполноту цифр, мы отмечали, что к концу колониального периода вольноотпущенники и свободные представляли 42% всех негров и мулатов и 28% всего населения страны. Рабы же составляли 38% всего населения. Согласно данным переписи 1872 г., вольноотпущенники и свободные представляли 73% всех негров и мулатов и 43% всего населения страны, а рабы — 15% всего населения.

Рабу давали вольную, когда он сам или третье лицо выкупали его свободу, или же когда его хозяин решал его освободить. То обстоятельство, что рабы чаще выкупали себя сами в городах, указывает, что там у них было больше возможностей скопить необходимую сумму.

Самым простым объяснением освобождения рабов самими владельцами станет то, что на волю отпускали лишь старых и больных, что связано с экономическими причинами. Тем не менее некоторые исследования подвергают сомнению данную гипотезу. Так, изучение положения 7 тыс. вольноотпущенников в Салвадоре, освобожденных в 1684 — 1785 гг., показало, что их средний возраст составлял всего 15 лет.

Все это не означает, что нужно исключить экономические мотивы из числа причин большого количества освобождений рабов. Существующие исследования позволяют сделать вывод, что при сравнении развивавшихся регионов с регионами, находившимися в упадке, количество освобожденных рабов больше именно в последнем случае. На решение об освобождении могли значительно повлиять и доводы из области чувств и эмоций: среди вольноотпущенников отмечалось явное преобладание женщин. К примеру, в г. Рио-де-Жанейро в 1807 — 1831 гг. женщины составляли 64% отпущенных на волю. Этот показатель достаточно высок, если иметь в виду, что в целом среди рабов было намного больше мужчин, чем женщин.

Наконец, не будем забывать, что положение вольноотпущенников не было таким же, что у свободных. До 1865 г. акт выкупа на волю или безвозмездного дарования свободы мог быть оспорен бывшим владельцем, которому достаточно было всего лишь заявить о «неблагодарности» бывшего раба. Помимо этого, как на бумаге, так и на практике освобождение во многих случаях связывалось с ограничениями и обязательствами, в особенности с обязательством работать на бывшего хозяина. Этот обычай вошел в принятые после 1870 г. законы, что выразилось в оговаривании условий освобождения детей и стариков.

Хотя среди участников восстаний рабов мы можем встретить вольноотпущенников, в целом эта категория занимала промежуточное положение между свободными и рабами, приближаясь в социальном отношении к статусу белых бедняков. Предоставление и получение воли смягчали тем самым прямое столкновение двух рас. Кроме того, в условиях большой концентрации негритянского населения вольноотпущенники играли важную роль в сохранении традиций общины. Самый типичный случай представляет собой Баия, где в XIX в. благодаря вольноотпущенникам сохранялась община, сочетавшая в себе африканскую и европейскую культуру.

2.8. Республиканизм

С конца XVIII в. республиканизм присутствовал в двух освободительных движениях в Бразилии, смыкаясь с идеей революции и переустройства общества. Некоторые участники движения за республику, зародившегося в Рио-де-Жанейро в 1870 г., унаследовали такое понимание республиканизма. Деятели, подобные Лопешу Тровану, подписавшему «Республиканский манифест» 1870 г., и Силве Жардиму уже в последние годы существования империи, отстаивали идею народной революции как пути к установлению республики. Большинство же республиканцев следовали мнению Кинтину Бокаювы, сторонника мирной смены режима, по возможности после смерти Педру II.

Социальной базой республиканизма в городах являлись в основном лица свободных профессий и журналисты (эта группа появилась в связи с развитием городов и распространением образования), а также военные. Республиканцы из Рио-де-Жанейро связывали республику с большим политическим представительством, с правами

и свободами индивида, с федеративным устройством страны и с отменой рабства.

Новым явлением стало зарождение в 1870-х гг. консервативного республиканизма в провинциях, что нашло свое наибольшее отражение в создании Паулистской республиканской партии (ПРП — *Partido Republicano Paulista*, PRP), основанной в 1873 г. Члены ее происходили в основном из кофейной буржуазии. Основным пунктом программы партии заключался в защите федеративного устройства, при котором у провинций была бы широкая автономия. Хотя один из видных деятелей республиканизма — Тавареш Бастуш — поддерживал идею федеративной монархии, республиканцы Сан-Паулу были убеждены в том, что принцип федерации несовместим с империей. Федеративное устройство, в числе прочего, означало бы контроль провинций над местной банковской сферой и над иммиграцией, а также децентрализацию доходов.

Республиканизм Сан-Паулу отличался от движения за республику в Рио-де-Жанейро большим упором на идею федерализма, меньшим вниманием к защите гражданских и политических свобод и формой решения проблемы рабства. Учитывая социальный состав ПРП, не случайным стало то, что партия избегала принятия каких-либо определенных решений относительно рабовладения или даже просто обсуждения этой проблемы вплоть до последнего момента перед отменой рабства. Недовольство республиканцев Сан-Паулу центральным правительством относилось, в числе прочего, к недостаточному представительству провинции в Сенате и в органах исполнительной власти. Нарекания вызывали также установленные правительством налоги. Подчеркивалось, что активно развивавшаяся провинция Сан-Паулу с каждым годом платила в казну империи все больше, не получая взамен тех выгод, которые соответствовали бы ее вкладу.

Несмотря на большую активность в ведении пропаганды и в издании газет, республиканское движение Рио-де-Жанейро не смогло организовать в политическую партию. Из более или менее значительных республиканских партий отметим партии в Сан-Паулу (уже упоминавшуюся ПРП) и в Минас-Жерайсе (*Partido Republicano Mineiro*, PRM). В 1884 г., присоединившись к находившимся в оппозиции консерваторам, ПРП добилась избрания в палату депутатов Пруденти ди Мораиса и Кампуса Салиса, которые в дальнейшем будут двумя первыми гражданскими президентами Бразилии. По оценкам 1889 г., четверть электората

Сан-Паулу (3600 чел.) была республиканской; во главе шли либералы (6600 чел.), за ними консерваторы (3900 чел.).

* * *

В 1870-е гг. отношения между государством и церковью оказались натянутыми. Союз «трона и алтаря», предусмотренный Конституцией 1824 г., сам по себе скрывал потенциальный источник конфликтов. Католицизм был государственной религией, но право утверждать или не утверждать церковные декреты (в зависимости от того, противоречили они конституции или нет) было закреплено за государством.

Конфликт был связан с новыми указаниями Ватикана, появившимися с 1848 г., в период понтификата Пия IX. Папа заклеил «современные свободы» и попытался утвердить духовное владычество католической церкви в мире. В 1870 г. власть папы укрепилась после того, как на Ватиканском соборе была принята догма о его непогрешимости*. Подобная позиция церкви вызвала различную реакцию к миру. К примеру, в США она совпала с массовой иммиграцией в страну ирландцев-католиков, и в правящих кругах, состоявших из протестантов, опасались, что США превратятся в католическую страну. В Бразилии позиция церкви содействовала тому, что священнослужители стали проявлять большую строгость в вопросах религиозной дисциплины и в выражении самостоятельной позиции перед лицом государства.

Конфликт разгорелся, когда епископ Олинды дон Витал, в соответствии с распоряжениями папы, решил запретить масонам вступать в религиозные братства. Хотя масоны были немногочисленны, они обладали влиянием в правящих кругах. Виконт Рио-Бранко, который в то время был главой кабинета, являлся масоном. Цепочка недопониманий привела к тому, что с доном Виталом обошлись как с «мятежным чиновником»: его арестовали и осудили, после чего схожие меры были приняты в отношении другого епископа. Буря улеглась благодаря соглашению сторон (1874 – 1875), что выразилось в отставке кабинета Рио-Бранко, амнистии епископов и приостановке папой запретов, касавшихся масонов.

* * *

* Догмат о непогрешимости папы относится к его высказываниям *ex cathedra* по вопросам вероучения и нравственности.

Участие военных в правительстве оставалось значительным вплоть до отречения Педру I, после чего оно стало сокращаться. То, что военные принимали участие в народных волнениях после провозглашения независимости, способствовало подозрительности, с которой стали относиться к армии. Либералы эпохи Регентства, и в первую очередь регент Диогу Фейжо, сократили армию и создали Национальную гвардию. Это обосновывалось тем, что многочисленная регулярная армия породит маленьких Бонапартов, как произошло в Аргентине и Мексике.

В отличие от армии, флот пользовался бóльшим престижем; его рассматривали как аристократическую корпорацию, в том числе и потому, что в первые годы после получения независимости там служили английские офицеры.

Несмотря на различное отношение к себе со стороны государства и общества, офицеры как армии, так и флота оставались до 1850 г. элитным сообществом. В последующие десятилетия его социальный состав значительно изменился. Низкое жалование, плохие условия жизни и медленное продвижение по иерархической лестнице отвращали отпрысков богатых и знатных семей от военной карьеры. Одновременно с этим выросло количество сыновей военных и чиновников, которые претендовали на офицерское звание.

С точки зрения происхождения из того или иного региона, большинство новых офицеров были выходцами из внутренних районов Северо-Востока и из Риу-Гранди-ду-Сул. Как правило, военные с Северо-Востока происходили из обедневших традиционалистских семей, которые не могли оплатить учебу своих сыновей. В Риу-Гранди-ду-Сул, который был пограничным районом, где концентрировались воинские части, военная служба являлась достаточно престижной. На это указывает тот факт, что именно здесь в 1853 г. правительство основало Военную академию для офицеров пехотных и кавалерийских войск.

Изменение социального состава армии способствовало ее размежеванию с политической элитой империи и в особенности с «бакалаврами» — выпускниками юридических факультетов. «Закононики» («легисты», как их прозвали военные) служили для последних воплощением бесполезной культуры и тормозили развитие страны своей паутиной законов и постановлений.

В 1850-е гг., ставшие временем процветания и благоденствия, правительство приняло несколько мер по реформированию ар-

мии. В сентябре 1850 г. был принят закон, изменивший структуру офицерского корпуса: по нему выпускники Военной академии получали преимущество перед всеми остальными, особенно в технических областях. В Военной академии, созданной при дворе еще в 1810 г., преподавалось гражданское инженерное дело, в дополнение к сугубо военному образованию. В 1858 г. министр обороны разделил оба эти направления, переведя военное образование в Военную школу Прайя-Вермелья* (до 1904 г.).

До Парагвайской войны среди офицеров уже раздавалась критика в адрес правительства. Она относилась как к сугубо внутренним делам (критерий производства в чин и дальнейшей выслуги, право вступать в брак, не испрашивая согласия министра обороны), так и к более общим вопросам, связанным с развитием Бразилии. Молодые военные отстаивали развитие образования и поощрение промышленности, строительство железных дорог и отмену рабства.

После реорганизации Военной академии и окончания Парагвайской войны армия как корпорация усилилась. Начиная заниматься политикой, многие офицеры позиционировали себя именно как военных, а не как гражданских, которые одновременно являлись политическими деятелями. Наиболее яркими примерами, иллюстрирующими разницу в поколениях, служат Кашиас и Флориану Пейшоту**. Кашиас, несомненно, обладал большим престижем в армии, но также был одним из лидеров Консервативной партии, который еще до Парагвайской войны возглавлял кабинет министров. Флориану Пейшоту, несмотря на свои связи с верхушкой Либеральной партии, которые помогали ему в военной карьере, изъяснялся как военный и как гражданин. В основе своей он присягал на верность именно армии.

* *Прайя-Вермелья* (досл. «красный пляж») — район г. Рио-де-Жанейро на побережье Атлантического океана у подножия горы Сахарная голова (Пан-де-Асукар). По преданию, в первые годы основания города здесь произошло ожесточенное сражение португальцев с индейцами, после которого весь берег был залит кровью; в память о том этот район получил свое название. По другой версии, название связано с тем, что в песке пляжа были вкрапления кристаллов багряного и розового цвета, окрашивавшие весь пляж в красный цвет в лучах закатного солнца.

Со второй половины XIX в. этот район прославился благодаря открытой там Военной школе; в настоящее время на Прайя-Вермелья до сих пор находятся престижные военные учебные заведения (Высшая военная школа ВМФ Бразилии, Военно-инженерный институт сухопутных сил), а также Главный штаб сухопутных сил.

** *Флориану Пейшоту* — первый вице-президент (февраль-ноябрь 1891 г.) и второй президент Бразилии после провозглашения Республики (1891 – 1894).

Военная школа Прайя-Вермелья, задуманная поначалу как военное образовательное учреждение, превратилась на практике в центр изучения математики, философии и гуманитарных наук. Именно здесь нападки на правительство превратились в критику самого монархического строя. Распространялись республиканские идеи. Этому очень способствовало влияние позитивизма, который приобрел все большую значимость с 1872 г., когда преподавать в военной школе Прайя-Вермелья стал Бенжамен Констан*.

Взгляды родоначальника позитивизма Огюста Конта** широко распространились в Латинской Америке — в Мексике, Чили, Аргентине и Бразилии. Казалось, что доктрина Конта дает научный ответ и рационально упорядочивает реальность в условиях политических и социальных тупиков, в которые завел олигархический либерализм. Подчеркивая ценность технических нововведений и развития промышленности, континанство особенно привлекало нарождающиеся элиты, которые критиковали сухое формальное знание выпускников юридических училищ.

В Бразилии позитивизм включал в себя формулирование идеи консервативной модернизации, основанной на действиях государства и на нейтрализации традиционных политических сил; подобные представления были весьма созвучны взглядам военных. В военных кругах влияние позитивизма редко было связано с безоговорочным принятием его принципов. В основном офицеры армии воспринимали те идеи, которые больше всего отвечали их собственным убеждениям. Республиканская диктатура приняла форму защиты сильной исполнительной власти, вмешивающейся в дела государства и способной модернизировать страну, т.е. просто форму военной диктатуры.

* * *

Помимо отмены рабства, одним из наиболее значительных преобразований, проведенных империей в 1880-х гг., стала реформа

* Бенжамен Констан Ботелью де Магальянс (свое имя он получил в честь французского писателя и политического деятеля первой трети XIX в.) — военный, педагог и государственный деятель Бразилии, видный участник республиканского движения, один из авторов Конституции 1891 г. и один из основателей Первой республики.

** Огюст Конт — французский философ, создатель социологии и сторонник идеи наличия объективных законов, управляющих социальными явлениями.

избирательного законодательства, известная также как «закон Сарайвы» (январь 1881 г.). Было введено прямое голосование на выборах в законодательные органы, что покончило с разграничением (и ограничением) полномочий между голосующими и выборщиками. Сохранился имущественный ценз (требование минимального дохода для права голоса), а с 1882 г. к нему добавился образовательный ценз (неграмотные не могли голосовать). Право голоса было предоставлено не-католикам, натурализованным подданным и вольноотпущенникам.

«Закон Сарайвы», который был представлен как мера по приданию выборам большей моральности и по расширению гражданских прав, начал с успехом применяться на выборах 1881 г. Казалось, с единогласным голосованием было покончено: Консервативная партия, хоть и оставалась в меньшинстве, сумела сформировать впечатляющую фракцию из 47 депутатов. Впрочем, в последовавшие годы вернулись старые пороки: фальсификации и давление на избирателей. Надежда добиться «электоральной истины», к которой стремились в городских и просвещенных кругах империи, угасла. В то же время нельзя не отметить, что запрет голосовать неграмотным в стране неграмотных привел к резкому сокращению числа тех, кто принимал участие в выборах. К примеру, на выборах 1872 г. голосовало 10,8% всего населения страны. На выборах 1886 г. голосовало лишь 0,8% всего населения.

* * *

С 1883 г. начались разногласия между правительством, депутатами и военными. Одной из наиболее значительных размолвок стал случай с подполковником по имени Сена-Мадурейра, влиятельным военным и другом самого императора. Он пригласил одного из лодочников, который участвовал в борьбе за освобождение рабов в провинции Сеарá, посетить возглавляемую им стрелковую школу в Рио-де-Жанейро. После того как Сена-Мадурейра был переведен в Риу-Гранди-ду-Сул, он опубликовал в республиканской газете «Федерация» статью с рассказом о событиях в Сеарá.

Помимо случая с Сена-Мадурейра, были и другие; все они вызвали полемику в прессе. Тогда министр обороны издал приказ о запрете военным обсуждать в печати вопросы политики или дела, касающиеся их корпорации.

Офицеры, расквартированные в Риу-Гранди-ду-Сул, устроили большое собрание в г. Порту-Алегри*, протестуя против запрета министра. Возглавлявший в то время провинцию Деодору да Фонсека отказался их наказать и был вызван в Рио-де-Жанейро. В конце концов стороны пришли к соглашению, оказавшемуся благоприятным для военных. Запрет на высказывания в печати был снят, а кабинет был подвергнут критике со стороны Конгресса.

Приблизительно в это время (июнь 1887 г.) офицеры основали Военный клуб — постоянную ассоциацию для защиты своих интересов. Президентом его был избран Деодору да Фонсека. Одновременно с этим Деодору да Фонсека обратился к министру обороны с прошением о том, чтобы армия более не использовалась для облав на беглых рабов. Хотя министр отказался удовлетворить прошение, оно стало применяться на практике.

Недовольство военных и республиканская пропаганда возросли, когда в июне 1889 г. император поручил сформировать правительство либералу, виконту де Оуру-Прету. Он предложил ряд реформ, но взволновал умы тем, что на должность главы провинции Риу-Гранди-ду-Сул назначил личного врага Деодору да Фонсеки.

Встречи лидеров республиканского движения Сан-Паулу и Риу-Гранди-ду-Сул для обсуждения планов свержения монархии происходили с 1887 г., но они были единичными. 11 ноября 1889 г. военные и гражданские деятели, такие как Руй Барбоза, Бенжамен Констан, Аристидеш Лобу и Кинтино Бокаюва, собрались на встречу с маршалом Деодору да Фонсекой, чтобы убедить того возглавить движение против действующего строя. Слухи, распространенные молодыми офицерами об аресте Деодору, о сокращении численности армии или даже о ее расформировании, побудили маршала к тому, чтобы решиться выступить по меньшей мере против главы кабинета Оуру-Прету.

Ранним утром 15 ноября 1889 г. он принял командование войсками и направился к министерству обороны, где находились лидеры монархистов. Дальнейшие события не вполне ясны, так как существуют различные версии произошедшего, и точно неизвестно, провозгласил ли в этот день Деодору республику или просто счел низложенным министерство. Как бы то ни было, на следу-

* *Порту-Алегри* (*Porto Alegre* — досл. «радостный (или веселый) порт») — столица провинции Риу-Гранди-ду-Сул.

щий день падение монархии стало свершившимся фактом. Спустя несколько дней императорская семья отправилась в ссылку.

2.9. Падение монархии

Падение монархии произошло в силу ряда факторов, каждый из которых имеет большее или меньшее значение. В первую очередь необходимо выделить действие двух весьма различных сил: армии и той части кофейной буржуазии, которая нашла свое политическое выражение в ПРП. События 15 ноября 1889 г. были связаны с практически единоличной инициативой армии, которая произвела небольшой, но значимый толчок, ускоривший падение монархии. С другой стороны, кофейная буржуазия дала провозглашенной республике устойчивую социальную базу, которой ее не могли обеспечить сами по себе ни армия, ни городское население Рио-де-Жанейро.

Необходимо также учитывать и «человеческий фактор». Болезнь императора, страдавшего от диабета, лишила общество важной примиряющей и стабилизирующей силы в политических разногласиях. Личный авторитет Педру II вкупе с престижем его положения смягчали раздоры военных. Отсутствие императора привело к открытому противостоянию офицеров и представителей элиты империи, на которых военные накладывали множество ограничений. Элита же, со своей стороны, не желала отказаться от убеждения в превосходстве гражданской власти, что выражалось, в числе прочего, в назначении гражданских лиц во главе военного ведомства, когда благоразумнее было бы воздержаться от такого выбора.

Еще одной проблемой было отсутствие вдохновляющей перспективы Третьей империи. После смерти Педру II на трон взошла бы принцесса Изабелла, чей муж — граф д'Э — был французом и по меньшей мере спорной личностью.

В прошлом было принято придавать важную роль в падении монархии двум другим факторам: конфликту церкви и государства и отмене рабства. Первый из этих факторов в той или иной мере способствовал ослаблению режима, но его роль не стоит преувеличивать. После падения монархии он свелся к разногласиям среди правящих элит, а влияние церкви не было особенно сильным ни среди монархистов, ни среди республиканцев. Напротив,

позитивисты — как убежденные, так и умеренные — от нее дистанцировались.

Что же касается отмены рабства, то инициативы императора по постепенному отказу от рабовладения вызвали сильное недовольство среди землевладельцев, и не только них. Обладатели кофейных плантаций в долине Параибы также разочаровались в Империи, от которой ожидали защиты своих интересов. Так режим потерял свою основную социальную базу поддержки. Но сама по себе отмена рабства как событие не имела большого значения для падения монархии. Бароны из провинции Рио-де-Жанейро — единственные непримиримые противники отмены рабства — в 1888 г. не имели уже веса и влияния в качестве социальной силы.

2.10. Экономика и демография

В рассматриваемый период были проведены две всеобщие переписи населения — в 1872 г. и в 1890 г. При всех их недостатках они стали давать более точные и заслуживающие доверия результаты, чем существовавшие до той поры данные. Население страны, оцененное в 1819 г. в 4,6 млн человек (из них 800 тыс. индейцев), выросло до 9,9 млн в 1872 г. и до 14,3 млн человек в 1890 г. По данным 1872 г., Минас-Жерайс продолжал оставаться самой густонаселенной провинцией (2,1 млн чел.); за ним следовала Баия (1,38 млн чел.). Численность населения провинций Пернамбуку и Сан-Паулу была примерно одинаковой — около 840 тыс. человек. Самыми заметными изменениями стали рост населения Сан-Паулу и переход Рио-де-Жанейро со второго на пятое место в списке.

В расовом отношении мулаты составляли около 42% населения, белые 38%, негры 20%. Таким образом, численность белых возросла (в 1819 г. они составляли менее 30% населения), что связано с притоком иммигрантов. С 1846 по 1875 г. в страну въехали чуть более 300 тыс. человек, в среднем 10 тыс. человек в год (половину из них составляли португальцы).

Первые общие данные об образовании показывают огромные провалы в этой области. В 1872 г. уровень неграмотности среди рабов достигал 99,9%, а среди свободного населения — около 80% (данный показатель возрастает до 86%, если рассматривать только женщин). Даже принимая во внимание, что эти данные относятся ко всему населению, и сюда входят, в том числе, малолетние дети,

показатели неграмотности все равно остаются достаточно высокими. Подсчитано также, что лишь 17% населения в возрасте от 6 до 15 лет посещали школу. В средние учебные заведения были записаны всего 12 тыс. учеников. Высшее образование имели 8 тыс. человек.

Просвещенную элиту и огромную массу неграмотных или малограмотных людей с начатками образования разделяла подлинная пропасть. Хирургические школы и другие медицинские училища возникли в Баие и Рио-де-Жанейро с приездом в Бразилию Жуана VI. Эти заведения, как и инженерные училища, были первоначально связаны с военными учреждениями. Наиболее важным шагом в деле формирования национальных элит стало создание юридических факультетов в Сан-Паулу (1827) и Олинде/Ресифе (1828). Выпускниками их стали бакалавры права, которые затем стали магистратами и адвокатами, из числа которых выходили политические деятели времен Империи.

Бразилия продолжала оставаться преимущественно сельскохозяйственной страной. В 1872 г. из всего трудоспособного населения 80% было занято в сельском хозяйстве, 13% — в сфере услуг и 7% — в промышленности. Отметим, что в категории «услуги» более половины данных относятся к домашним слугам. Приведенные цифры указывают также на то, насколько робкими были шаги промышленности: в общие показатели занятости в данной сфере включались и горные разработки.

Рио-де-Жанейро с 522 тыс. жителей в 1890 г. представлял собой единственный крупный городской центр. В столице империи были сосредоточены политическая жизнь и развлечения; здесь вкладывались средства в транспорт, освещение и украшение города. Вслед за Рио-де-Жанейро шли Салвадор, Ресифе, Белем и лишь затем — Сан-Паулу со скромными 65 тыс. жителей. Однако в этом городе, который постепенно превращался в центр кофейного бизнеса и привлекал все больше иммигрантов, начинался стремительный рост населения: в период с 1872 по 1886 г. ежегодный прирост составлял 3%, а в 1886 – 1890 гг. — 8%.

На рубеже 1870-х гг. укрепилась тенденция роста экономики Центрo-Югa и упадка Северо-Востока. Во многом это было связано с разнoнаправленным внешним спросом на сельскохозяйственную продукцию. В странах-потребителях кофе значительно возросли число жителей и их доходы. С 1850 по 1900 г. население основного потребителя — США — почти утроилось; привычка пить

кофе распространилась среди большего количества людей. Это обстоятельство, вкупе с другими факторами, позволяло производителям переносить колебания цен: перед лицом все возрастающего спроса стало возможным нести некоторые убытки в те периоды, когда цены на кофе на мировом рынке падали.

Основному сельскохозяйственному продукту Северо-Востока — сахару — не суждена была та же судьба, хотя роль его продолжала оставаться заметной. В структуре бразильского экспорта сахар находился на втором месте (после того как его опередил кофе, а в 1861 — 1870 гг. — хлопок).

Однако положение бразильского сахара на мировом рынке было непростым. С ним конкурировали два серьезных соперника: свекловичный сахар, который с середины XIX в. стали в больших объемах производить в Германии, и сахар с Карибских островов (особенно с Кубы). В отличие от Бразилии, Куба страдала от недостатка рабочей силы. Однако плодородие почвы и приток инвестиций (испанских и затем североамериканских) вывели Кубу в лидеры не только в сфере производства, но и в деле модернизации процесса изготовления сахара. Другой заслуживающий упоминания фактор заключается в географической близости Кубы к центрам потребления. На рубеже 1860-х гг. 70% сахарных заводов на Кубе использовали паровые машины, в то время как в Пернамбуку — только 2%.

На Северо-Востоке Бразилии модернизация производства, проводившаяся с помощью правительства, шла медленно, и результаты ее носили ограниченный характер. Неудивительно, что к 1875 г. доля Бразилии в поставках сахара на мировой рынок, традиционно составлявшая 10%, упала до 5%.

Еще с колониальных времен возделывание хлопка в Бразилии распространилось на Севере и Северо-Востоке (в основном в Пернамбуку, Мараньяне, Алагоасе и Параибе). Хлопок выращивали мелкие и средние производители, сочетая это с возделыванием продовольственных культур — для собственного пропитания и для продажи на местных рынках.

С начала XIX в. конкурировавший с бразильским американский хлопок начал теснить бразильский товар на главном рынке — в текстильной промышленности Великобритании. Гражданская война в США (1861 — 1865) привела к значительному росту поставок из Бразилии — настолько, что в 1861 — 1870 гг. хлопок даже вышел на второе место среди предметов национального экспорта.

Однако этот подъем был недолгим, и за ним последовал спад. Дальнейший импульс производству хлопка был связан с внутренним рынком и развитием бразильской легкой промышленности.

В Амазонии начало приобретать значимость производство натурального каучука*: этим стали заниматься местные жители, рассеянные по огромной территории, и работники с Северо-Востока. Мировой спрос на каучук возник после 1839 г., когда Чарльз Гудьир усовершенствовал процесс вулканизации, благодаря которому каучук становится устойчивым к жаре и холоду и используется в дальнейшем в различных областях (в изготовлении шин, шлангов, обуви, водонепроницаемых плащей и т.п.).

До 1850 г. экспорт каучука был несущественным. С течением времени он начал расти, а в 1880-е гг. вышел на третье место и стал представлять собой 8% от стоимости всего бразильского экспорта, приближаясь по этому показателю к сахару (10%). В это время начинается каучуковый бум. Речь идет не только о росте экспорта, но и о формировании регионального экономического полюса развития. До этого момента бизнес в данной области был сосредоточен в руках небольшой группы португальских посредников и, в отдельных случаях, — иностранных экспортеров. Бум породил возникновение сети банков, увеличилось число посредников и фирм, занимавшихся ввозом товаров потребления; результатом всего этого стало развитие городов Белем и Манаус. Лишь участь работника и сборщика каучука не стала лучше.

До 1870-х гг. среди основных получателей товаров из Бразилии лидировала Великобритания (хотя главным потребителем бразильского кофе являлись США). В 1870 – 1873 гг. на долю Великобритании приходилось почти 40% стоимости бразильского экспорта, затем шли США, на которые приходилось 29%. Взяв для наглядности те же годы, но обратившись к анализу импорта в Бразилию, мы убедимся, что иностранные товары ввозились преимущественно из Англии (53% от общей стоимости импорта), а второе место со значительным отставанием приходится на Францию (12%).

Как и во времена колонии, не весь объем производимой продукции предназначался для экспорта. Различные регионы страны специализировались на скотоводстве и производстве продовольствия, как для потребления, так и для сбыта на внутреннем рынке.

* Имеется в виду сбор млечного сока каучуконосных растений.

В этом отношении особенно выделяются две области: провинция Минас-Жерайс и юг Бразилии, в особенности Риу-Гранди-ду-Сул.

Территория Минас-Жерайса включала в себя различные, весьма отличавшиеся между собой области, слабо связанные между собой путями сообщения, которых к тому же не хватало. На побережье (уже упоминавшаяся «лесная зона») возделывали кофе и были связаны с Рио-де-Жанейро. В долине реки Сан-Франсиску выращивали скот и были теснее связаны с Баией и Пернамбуку, чем с соседними областями собственной провинции. На юге провинции поддерживали связи с Сан-Паулу и со столицей страны.

Несмотря на рост производства кофе, который вывозился через Рио-де-Жанейро, Минас-Жерайс не был ориентирован преимущественно на внешний рынок. Основу экономики провинции составляли скотоводство и производство продуктов питания. Похоже, что основная часть растительных культур (кукуруза, фасоль и маниок) потреблялись внутри провинции, а говядина, свинина, кожи и иные продукты скотоводства представляли собой основную статью экспорта в другие регионы страны.

До отмены рабства Минас-Жерайс был наиболее густонаселенной провинцией Бразилии с наибольшим количеством рабов (хотя в соотношении числа рабов к числу жителей Рио-де-Жанейро выходил вперед). Расширение производства кофе поглотило значительную часть подневольной рабочей силы, но в тех областях провинции, которые не были связаны с кофе, продолжала отмечаться самая высокая концентрация рабов. Таким образом, сохранялась отличительная особенность экономики Минас-Жерайса, шедшая еще с колониальных времен: сочетание рабовладения и ориентации на внутренний рынок.

На юге Бразилии производство для внутреннего рынка связано с традиционным скотоводством и притоком иммигрантов. Этот регион стал привлекать переселенцев раньше, чем Сан-Паулу, и интерес этот носил иной характер. Если в Сан-Паулу задачей было обеспечить рабочими руками крупное сельскохозяйственное производство, то на Юге речь шла о колонизации и освоении незанятых земель на основе мелкой собственности.

Незадолго до провозглашения независимости Жозе Бонифасиу и тогда еще наследный принц Педру, исходя из социальноэкономических и военных задач, предприняли первые шаги по привлечению переселенцев из германских земель на юг Бразилии, особенно в провинции Санта-Катарина и Риу-Гранди ду-Сул. Жозе

Бонифасиу надеялся стимулировать подобным образом появление в стране сельского среднего класса.

Вблизи от г. Порту-Алегри возникла самая успешная из всех переселенческих колоний — немецкая колония Св. Леопольда (1824). В дальнейшем немецкая колонизация распространилась на северовосток провинции Санта-Катарина, где возникли колонии Блюменау (1850), Бруске и Дона Франшишка (нынешний г. Жоинвиль).

Иммигранты занимались разведением свиней, кур, молочных коров, выращивали картофель, овощи и фрукты, ранее не известные в Бразилии (например, яблоки). Они также сыграли важную роль в основании фирм и разного рода производств. Так появились поначалу скромные по масштабам производства по переработке свиного сала, изготовлению молочных продуктов, мясных консервов, пива и других напитков.

Благодаря притоку переселенцев на юг Бразилии, в 1846 — 1875 гг. немцы занимали второе место среди иммигрантов. Однако после 1860 г. приток начал уменьшаться. Среди прочих причин это было связано с плохим обращением с новоприбывшими, особенно со швейцарцами и немцами, нанятыми в качестве эксперимента в хозяйство сенатора Вергейру из Сан-Паулу. В 1871 г. в объединенной Германии правительство приостановило помощь тем, кто собирался выехать в Бразилию. Данные по Риу-Гранди-ду-Сул наглядно показывают разницу между двумя периодами: немцы составляли около 93% иммигрантов, приехавших в 1824 — 1870-х гг., и всего лишь 15% переселенцев в 1889 — 1914 гг.

После 1870 г. бразильское правительство стало поощрять приезд в Риу-Гранди-ду-Сул итальянцев. Мелкие фермеры, преимущественно из Тироля, Венето и Ломбардии, основали ряд поселений, из которых наиболее значительным была колония Кашиас. В своей экономической деятельности итальянцы последовали путями, схожими с теми, что наметили немцы, но помимо всего прочего стали специализироваться на выращивании винограда и производстве вина. В период с 1882 по 1889 г. из 41 тыс. иммигрантов, въехавших в провинцию, 34 тыс. составляли итальянцы.

Единственным сходством между экономикой, основанной на труде иммигрантов, и традиционным скотоводческим хозяйством было то, что оба работали на внутренний рынок. В остальном все было различным, начиная со времени освоения территорий и кончая структурой собственности. Обширные скотоводческие хозяйства-эстансии сосредотачивались (и продолжают быть сосредото-

ченными и в наши дни) в области Кампанья в Риу-Гранди ду-Сул и на территории Уругвая. От скота получали кожи, которые затем дубились, и в особенности мясо, которое шло на потребление или заготавливалось в виде вяленого мяса или солонины в специальных мастерских на побережье. Такой продукт предназначался для бедняков и рабов Центрo-Юга. Скотоводы и производители солонины и вяленого мяса работали таким образом преимущественно на внутренний рынок. Их головной болью была конкуренция аргентинского и уругвайского мяса, способного соперничать с бразильской продукцией на бразильском же рынке.

Слабость внутренних связей между регионами и в целом экономической интеграции страны (несмотря на относительное развитие транспорта), унаследованная со времен колонии, сохранилась и в получившей независимость Бразилии. Как и в колониальную эпоху, центральная власть была сильна по соседству с резиденцией двора* и в некоторых столицах провинций, ослабевая в более отдаленных районах. Даже в рамках отдельных провинций существовали различные не всегда связанные между собой области. При организации своего политического управления Первая республика приняла во внимание эти региональные различия, которые легли в основу федеративного устройства.

* То есть в соседних с Рио-де-Жанейро регионах

3. Первая республика (1889–1930)

3.1. Годы консолидации

С точки зрения событийной истории переход от Империи к Республике был легким, как прогулка; напротив, последующие годы были отмечены большой неопределенностью. Различные группы, оспаривавшие власть, руководствовались разными интересами и расходились во взглядах на то, как должна быть устроена республика. Политические представители правящих кругов основных провинций — Сан-Паулу, Минас-Жерайс и Риу-Гранди-ду-Сул — отстаивали идею федеративной республики, которая обеспечила бы регионам значительную автономию.

Однако они расходились по другим вопросам организации власти. ПРП и политики из Минас-Жерайс поддерживали либеральную модель. Республиканцы Риу-Гранди-ду-Сул были позитивистами. Не вполне ясны причины, по которым Риу-Гранди-ду-Сул, возглавлявшийся Жулиу ди Кастильясом, стал основным центром влияния позитивизма. Возможно, этому способствовали военная традиция в данной провинции и тот факт, что республиканцы здесь были в меньшинстве и искали доктрину, которая могла бы их сплотить. Им необходимо было противопоставить себя тради-

ционному политическому течению, представленному во времена империи Либеральной партией.

Говоря о республике, нельзя не затронуть вопрос о военных и армии. Военные были весьма влиятельны в первые годы республики. Маршал Деодору да Фонсека стал главой Временного правительства, а несколько десятков офицеров были избраны в Учредительное собрание. Но они не представляли собой однородной группы. Существовало соперничество между армией и флотом. В то время как армия была творцом нового режима, флот считался опорой монархии.

Между сторонниками президента Деодору да Фонсека и вице-президента Флориану Пейшоту были разногласия как личного, так и идейного характера. Вокруг старого маршала объединились ветераны Парагвайской войны. Многие из них не посещали Военной школы Прайя-Вермелья и оставались в стороне от позитивистских идей. Они помогли свергнуть монархию, чтобы «спасти честь армии», и не обладали комплексным видением того, что такое республика; они полагали лишь, что армии надлежало играть более важную роль, чем та, которая была ей отведена во времена Империи.

Хотя Флориану Пейшоту не был позитивистом и сам участвовал в Парагвайской войне, вокруг него объединились военные с другими взглядами. Это были молодые офицеры, посещавшие ранее Военную школу и ощутившие на себе влияние позитивизма. Они полагали, что должны включиться в жизнь общества в качестве солдат-граждан, и миссией их является указать направление развития страны. В республике должны были быть порядок и прогресс*, который понимался как расширение технических знаний, индустриализация, развитие средств связи и путей сообщения.

Несмотря на серьезное соперничество между отдельными группами внутри армии, в одном отношении они сближались между собой. Они не представляли интересов определенного социального класса, как это было с приверженцами либеральной республики. Прежде всего они были выразителями интересов института, являв-

* Имеется в виду девиз «Порядок и прогресс», начертанный на новом государственном флаге Бразилии, который был утвержден через несколько дней после провозглашения республики, 19 ноября 1889 г. Эта формула в развернутом виде представляла собой девиз основателя позитивизма Огюста Конта: «Любовь как принцип, порядок как основание и прогресс как цель». Данный девиз до сих пор находится на государственном флаге страны.

шегося частью государственного аппарата. По самой природе своих обязанностей, по внутренней корпоративной культуре, свойственной данному институту, офицеры — неважно, позитивисты или нет — выступали противниками либерализма. В их представлении в республике должна была быть сильная исполнительная власть, или же республика в своем развитии должна была пройти более или менее продолжительный период диктатуры. Автономия провинций выглядела в этой связи подозрительной — не только потому, что служила интересам крупных землевладельцев, но и потому, что могла повлечь риск раздробления страны на отдельные части.

Сторонники либеральной республики, опасаясь того, что функционирование полудиктаторского режима под личным управлением Деодору да Фонсеки затянется, поспешили созвать Учредительное собрание. В Европе к новому режиму в Бразилии отнеслись с недоверием, и необходимо было придать ему конституционные формы, чтобы обеспечить признание новой республики и получить внешние кредиты.

Первая республиканская конституция, одобренная в феврале 1891 г., была вдохновлена примером конституции США и провозглашала федеративную либеральную республику. Штаты — так отныне назывались прежние провинции — негласно получали такие полномочия, как право привлекать внешние инвестиции и организовывать собственные вооруженные силы. Эти полномочия играли на руку крупным штатам и особенно Сан-Паулу. Возможность привлекать кредиты извне была жизненно необходимой для осуществления планов паулистского правительства по повышению доходности производства кофе.

Открыто заявлялось важное для штатов-экспортеров (т.е. и для Сан-Паулу) право вводить налоги на вывоз своей продукции. Так штаты-экспортеры получали важный источник доходов для обеспечения своей автономии. Штаты получали также право самим организовывать правосудие на собственном уровне.

Федеральное правительство («Союз») не осталось вовсе без полномочий. Идея ультрафедерализма, которую отстаивали позитивисты из Риу-Гранди-ду-Сул, встретила сопротивление как у военных, так и у политиков из Сан-Паулу. Ослабление центральной власти представляло собой риск, которому эти группы, по разным причинам, не хотели подвергать страну. Федеральное правительство — «Союз» — получило право определять таможенные пошлины на импорт, учреждать банки-эмитенты национальной валюты,

создавать общенациональные вооруженные силы. Оно также имело право вмешиваться в дела штатов для восстановления порядка и поддержания республиканской федеративной формы правления.

По конституции вводилось президентское правление. Исполнительная власть, ранее принадлежавшая императору, осуществлялась президентом республики, избиравшимся на четыре года. Как и во времена Империи, законодательная власть принадлежала двухпалатному парламенту (палате депутатов и сенату), однако сенаторы больше не назначались пожизненно. Депутатов нижней палаты избирали в каждом штате на три года; количество представителей каждого штата определялось в зависимости от численности его населения. Сенаторов избирали раз в девять лет, и их число было фиксированным: по три сенатора от каждого штата и три сенатора от Федерального округа, т.е. от столицы республики.

По конституции закреплялись всеобщие прямые выборы; имущественный ценз отменялся. Правом голоса обладали все граждане Бразилии старше 21 года, за исключением нескольких категорий населения: неграмотных, нищих, рядовых вооруженных сил. В конституции не упоминались женщины, но по умолчанию подразумевалось, что они не могут голосовать. В порядке исключения в первый раз президента и вице-президента избирали непрямым голосованием в Учредительном собрании, преобразованном затем в Конгресс.

Конституция провозглашала право бразильцев и проживавших в стране иностранцев на свободу, личную безопасность и на владение собственностью. Отменялась смертная казнь (впрочем, и в империи она редко применялась). Государство отделялось от церкви. Таким образом, в Бразилии больше не существовало государственной религии. Важные функции, ранее монополизированные церковью, отныне переходили к государству. В республике признавался лишь светский брак; кладбища переходили в ведение муниципальных властей. Разрешалось свободное исповедание любых религий. Эти установления дополнил закон 1893 г., по которому вводилась гражданская регистрация рождения и смерти. Подобные меры отражали светские убеждения республиканских властей, отвечали необходимости пресечь конфликты государства и церкви, а также содействовали облегчению интеграции в обществе немецких переселенцев, большинство из которых были лютеранами. Другой мерой по интеграции иммигрантов стала так называемая всеобщая натурализация, по которой гражданами

Бразилии становились все иностранцы, находившиеся в стране в день 15 ноября 1889 г. и не выразившие желания сохранить прежнее гражданство в течение шести месяцев после вступления конституции в силу.

* * *

Провозглашение республики, с оговорками признанное в Великобритании, было с энтузиазмом встречено в Аргентине и сблизило Бразилию с США. Смена режима в Бразилии совпала по времени с проведением в Вашингтоне Первой Межамериканской конференции, созванной по инициативе США. Представителя Бразилии на конференции заместил Салвадор ди Мендонса, исторический республиканец, который по многим вопросам разделял точку зрения США.

Явное смещение ориентации бразильской дипломатии с Лондона на Вашингтон еще отчетливее проявилось с приходом в министерство иностранных дел барона Рио-Бранко. Он возглавлял внешнеполитическое ведомство долгие годы, с 1902 по 1912 г.; за это время сменилось несколько президентов. Политика Рио-Бранко не являлась автоматическим соглашательством с США, но значительным сближением с ними с целью обеспечить для Бразилии статус первой южноамериканской державы.

Времена эйфории во взаимоотношениях Бразилии и Аргентины прошли, и обе страны вступили в открытое соперничество в военной сфере. Чтобы ограничить влияние Аргентины, Бразилия постаралась заручиться поддержкой таких малых стран, как Уругвай и Парагвай, а также сблизиться с Чили. Даже в этих условиях (особенно в последние годы своего пребывания на посту министра иностранных дел) Рио-Бранко безуспешно пытался добиться устойчивого договора между Аргентиной, Бразилией и Чили, известного под названием ABC*.

В период деятельности Рио-Бранко на посту министра иностранных дел Бразилия урегулировала пограничный вопрос с Уругваем, Перу и Колумбией. В Акри (Амазония) произошел вооруженный конфликт между Бразилией и Боливией; подспудной причиной столкновения стал рост цен на местный каучук. Акри считался территорией Боливии, но заселен был преимущественно

* ABC — по первым буквам названия каждой из стран: Argentina, Brasil, Chile.

иммигрантами из Бразилии. Конфликт был улажен подписанием в 1903 г. в Петрополисе договора, по которому Боливия признавала переход Акри к Бразилии, а взамен получала денежную компенсацию в размере 2,5 млн фунтов стерлингов.

* * *

Первый год существования республики в Бразилии был отмечен лихорадочной предпринимательской и финансово-спекулятивной деятельностью, что стало следствием массовой денежной эмиссии и доступности кредитов. Действительно, циркулировавшая до той поры в стране денежная масса совершенно не соответствовала новым реалиям, связанным с распространением наемного труда и массовым притоком иммигрантов. Стали во множестве создаваться фирмы — как настоящие, так и фиктивные. Росла биржевая спекуляция, и значительно выросла стоимость жизни. В начале 1891 г. разразился кризис: цены на акции упали, банки и предприятия стали разоряться. Стоимость национальной бразильской валюты, привязанной к фунту стерлингов, стала падать. Этому, возможно, способствовал новый приток британского капитала в Латинскую Америку после серьезного финансового кризиса в Аргентине в 1890 г.

В самый разгар кризиса Конгресс избрал президентом страны Деодору да Фонсеку, а вице-президентом — Флориану Пейшоту. Деодору вступил в конфликт с Конгрессом, желая усилить исполнительную власть и ориентируясь на пример «посреднической власти» времен Империи. Он распустил Конгресс, обещая в будущем новые выборы и пересмотр конституции в сторону усиления исполнительной власти и уменьшения полномочий штатов. Успех планов Деодору да Фонсеки зависел от единства в рядах армии, но этого не произошло. 23 ноября 1891 г., перед лицом противодействия со стороны поборников Флориану Пейшоту, гражданской оппозиции и некоторой части флота, Деодору подал в отставку с поста президента. Во главе страны встал вице-президент Флориану Пейшоту.

Маршал Флориану воплощал видение республики, не связанное с правящими экономическими кругами. Он хотел создать устойчивый, централизованный, отчасти проникнутый национализмом режим, опиравшийся в первую очередь на армию и на молодежь из гражданских и военных училищ. Это представление противоре-

чило идее так называемой «республики плантаторов» — либеральной и децентрализованной, к которой с подозрением относились к усилению армии и к волнениям городского населения Рио-де-Жанейро.

В противоположность тому, что можно было бы ожидать, в годы правления Флориану Пейшоту сложился тактический союз президента и ПРП. Основными причинами для этого стали как реальные, так и мнимые опасности, подстерегавшие республиканский режим. Политическая элита Сан-Паулу видела в фигуре Флориану наиболее надежную гарантию обеспечения существования республики. Он же в свою очередь полагал, что без ПРП у него не будет политической базы.

* * *

Одним из самых неустойчивых в политическом отношении регионов в первые годы республики был Риу-Гранди-ду-Сул. В период между провозглашением республики и избранием Жулиу ди Кастильяса на пост главы штата в ноябре 1893 г. там сменилось семнадцать правительств. Друг другу противостояли, с одной стороны, республиканцы и сторонники позитивизма, объединившиеся в Республиканскую партию Риу-Гранди-ду-Сул (РПР — *Partido republicano Rio-grandense*, PRR), а с другой — либералы. В марте 1892 г. последние основали Федералистскую партию, призвав в качестве лидера Силвейру Мартинса, влиятельного деятеля Либеральной партии времен Империи.

Социальной базой федералистов были в первую очередь владельцы обширных поместий в Кампанье, области на юге штата на границе с Уругваем. Они представляли традиционную политическую элиту, корни которой уходили во времена Империи. Республиканцы же опирались на население прибрежной части штата и на жителей района Серра, где было много иммигрантов. Они лишь недавно стали элитой, вторгавшейся в сферу традиционной политики и стремившейся монополизировать власть.

Гражданская война между обеими группами, получившая название «Федералистской революции», началась в феврале 1893 г. и закончилась два с половиной года спустя, уже во время президентства Пруденти ди Мораиса. Борьба велась не на жизнь, а на смерть, жертвами ее пали тысячи человек. Многие погибли не в бою, а на эшафоте: их обезглавили после того, как они попали в плен.

С начала конфликта Флориану Пейшоту располагал финансовой поддержкой Сан-Паулу и опирался на хорошо организованные военизированные подразделения этого штата. Одновременно с этим влияние военных в федеральном правительстве уменьшалось. Министром экономики стал Родригис Алвис, выходец из паулистской семьи из долины Параибы; при Империи он был советником, но затем примкнул к сторонникам республики. Председатели палаты депутатов и Сената также были представителями ПРП.

Тактическое соглашение между Флориану Пейшоту и политической элитой Сан-Паулу прекратило свое существование в момент выборов нового президента. Флориану Пейшоту не располагал обширной базой поддержки; среди его сторонников были шумные, но малоэффективные «якобинцы»*, и он не мог назначить кандидата себе в преемники. Возобладала кандидатура уроженца Сан-Паулу Пруденти ди Мораиса, который был избран президентом 1 марта 1894 г. Маршал Флориану выразил свое неодобрение, не явившись на церемонию вступления в должность. Согласно хронике, он предпочел остаться в своем скромном жилище и ухаживать за розами в саду.

Приход нового президента обозначил конец эпохи, когда во главе государства стояли представители военного сословия (исключением здесь будет президентство маршала Эрмиса да Фонсеки в 1910 — 1914 гг.). Помимо этого, политическая активность военных, выступавших как единое целое, стала снижаться. Военный клуб, координировавший их действия, в период 1896 — 1901 гг. был закрыт.

В период правления Пруденти ди Мораиса обострилось существовавшее еще в эпоху Флориану Пейшоту противостояние между политической элитой крупных штатов и республиканцами-«якобинцами», сосредоточенными в Рио-де-Жанейро. «Якобинцы» были выходцами из низшего среднего класса; некоторые из них были рабочими или военными. Они страдали от дороговизны и плохих условий жизни, но их взгляды диктовались не только материальным положением. «Якобинцы» верили в сильную республику, способную одолеть монархическую угрозу, мерещившуюся им повсюду. Выступая против идеи либеральной республики, они унаследовали старую патриотическую и антипортугальскую традицию.

* «Якобинцы» — утвердившееся в начале Первой республики обозначение радикальных республиканцев в Бразилии.

Португальцы, контролировавшие значительную часть торговли Рио-де-Жанейро, служили мишенью для яростных нападок «якобинцев». Они поддерживали Флориану Пейшоту, а после его смерти в июне 1895 г. сделали его имя своим флагом.

* * *

Годы правления Пруденти ди Мораеса были отмечены событием, произошедшим очень далеко от Рио-де-Жанейро, но имевшим важные последствия для политического курса Первой республики. В 1893 г. на севере внутренних засушливых областей Баии, на заброшенной плантации возникло поселение, ставшее известным под названием Канудус. Предводителем его стал Антониу Висенти Мендис Масиэл, более известный как Антониу Конселейру*. Он предположительно родился в штате Сеара; его отец-торговец хотел сделать из сына священника. Финансовые затруднения и проблемы в семье вынудили его перепробовать разные профессии (учителя, бродячего торговца и т.п.), пока он не превратился в «блаженного», т.е. нечто среднее между жрецом-проповедником и предводителем наемных солдат-жагунсу**.

Конселейру скитался по сертанам, призывая строить и ремонтировать церкви, воздвигать кладбищенские стены, вести аскетический образ жизни. Обосновавшись в Канудусе, он привлек своими проповедями жителей сертанов: население поселка составило от 20 до 30 тыс. человек.

Проповеди Конселейру совпадали с тем, что говорили католические священники. Малозначительный эпизод, связанный с заготовкой древесины, побудил губернатора Баии принять решение «проучить фанатиков». Ко всеобщему удивлению, вооруженные силы штата были разбиты. Губернатор призвал на помощь федеральные войска. Две экспедиции с пушками и пулеметами также оказались разгромлены, а командующий одной из этих экспедиций убит. Это породило волну протестов и волнений в Рио-де-Жанейро.

* Конселейру (conselheiro) — советчик, советник (*порт.*).

** Жагунсу (от «солдат» на языке йоруба) — на Северо-Востоке Бразилии вооруженный человек, солдат, наемник, иногда бандит или тот, кто совершил преступление и ищет защиты у местного политического лидера, взамен предоставляя ему свои услуги. В XIX в. в сертанах Баии отряды жагунсу являлись наиболее организованными военными подразделениями. Со времен «войны Канудус» слово «жагунсу» стало ассоциироваться с последователями Антониу Конселейру.

«Якобинцы» усмотрели в событии, связанном с условиями жизни в сертанах и с особенностями мировосприятия жителей этих краев, скрытые происки монархистов, что подкреплялось тем фактом, что Конселейру проповедовал возвращение монархии. Он считал, что республика могла быть делом рук лишь безбожников и масонов, что в его глазах подтверждалось введением светского брака и предполагавшимся запретом ордена иезуитов.

Экспедиция из 8 тыс. человек под командованием генерала Артура Оскара, вооруженная современной техникой, после полутора месяцев ожесточенной борьбы сумела разгромить поселение Канудус в августе 1897 г. Защитники поселения погибли в бою либо были казнены после захвата в плен. Для офицеров-позитивистов и республиканских политиков речь шла о столкновении варварства и цивилизации. На самом деле «варварства» хватало с обеих сторон, и не в последнюю очередь среди тех просвещенных людей, которые оказались неспособны по меньшей мере попытаться понять менталитет жителей сертанов.

* * *

Консолидация либерально-олигархической республики завершилась с избранием на смену Пруденти ди Мораиса другого представителя штата Сан-Паулу — Кампуса Салиса (1898 — 1902). Движение «якобинцев» ослабло и пошло на спад после того, как некоторые из них оказались замешаны в покушении на Пруденти ди Мораиса. Военные по большей части вернулись в казармы.

Политическая элита крупных штатов, в первую очередь Сан-Паулу, одержала победу. Однако не хватало еще необходимых инструментов по превращению олигархической республики в устойчивую политическую систему. Значительные полномочия штатов привели в некоторых из них к борьбе соперничающих между собой групп. Федеральное правительство вмешалось в этот процесс, используя свои оспариваемые, но все же закрепленные по конституции права. Это делало контроль над властью в некоторых штатах неустойчивым и сокращало возможности долговременного соглашения между «Союзом» (федеральным центром) и штатами. Кроме того, исполнительной власти сложно было добиться желаемого превосходства над законодательной властью (невзирая на то, что по конституции «ветви власти в отношениях между собой гармоничны и независимы»).

Учитывая все эти проблемы, Кампус Салис разработал соглашение, известное как «политика правителей». Искусственно изменив внутренний регламент палаты депутатов, он добился того, что парламентское представительство каждого штата соответствовало местным правящим группам. Это гарантировало также большее подчинение палаты депутатов исполнительной власти. Целью подобного курса (достигнутой лишь отчасти) было прекращение разногласий между соперничавшими группами в штатах и укрепление исполнительной власти, которую президент рассматривал как «преимущественную».

В финансовом отношении серьезные проблемы, тянувшиеся со времен монархии, лишь усугубились. Республиканское правительство унаследовало от империи внешний долг, на погашение которого ежегодно уходила значительная часть прибыли от торговли. В течение 1890-х гг. возрос дефицит госбюджета. Проведение военных операций в это беспокойное время также увеличивало государственные расходы. Правительство часто прибегало к внешним заимствованиям, и в 1890–1897 гг. внешний долг страны вырос на 30%, что привело к новым обязательствам по его погашению.

С другой стороны, увеличение кофейных плантаций дало обильный урожай в 1896 и 1897 гг. Увеличение предложения на мировом рынке вызвало снижение цен и сокращение притока в страну денежных средств. В конце своего президентского срока, когда обслуживание внешнего долга стало невозможным, Пруденти ди Мораис начал переговоры с зарубежными кредиторами. В Рио-де-Жанейро было достигнуто соглашение с «Лондон энд Ривер Плейт Бэнк», в то время как Кампус Салис — избранный, но еще не вступивший в должность президент — отправился в Лондон на переговоры с домом Ротшильдов. Ротшильды со времен провозглашения независимости Бразилии выступали в качестве финансовых агентов страны в Европе.

В конце концов в июне 1898 г., уже при правлении Кампуса Салиса, было принято непростое решение о займах для финансирования государственного долга; речь шла о схеме, при которой выплата основной части кредита и процентов по нему осуществляются с помощью нового кредита. В качестве залога Бразилия предоставила кредиторам доходы от таможни Рио-де-Жанейро; правительство запретило брать новые кредиты до июня 1901 г. Кроме того, оно обязалось проводить жесткую политику уменьшения денежной массы, выводя из оборота часть бумажных ас-

сигнаций. Страна избежала тем самым банкротства, однако в последующие годы из-за этих и других подобных мер, принятых во время правления Кампуса Салиса, ей предстояло нести тяжкое бремя в условиях спада экономической активности и банкротства банков и предприятий.

3.2. Олигархи и «полковники»

Республика очертила пределы автономии штатов, предоставив регионам полную возможность выражения своих интересов. В политическом плане это отразилось в образовании в рамках каждого штата республиканских партий. Попытки сформировать общенациональные партии либо носили незавершенный характер, либо вообще терпели неудачу. Находясь под контролем узкого круга элит, республиканские партии определяли судьбы национальной политики и заключали между собой соглашения для выдвижения кандидатов в президенты.

Что же представляли собой олигархии различных штатов? Что означало выступать от имени Сан-Паулу, Риу-Гранди-ду-Сул или Минас-Жерайса (если брать наиболее выразительные примеры)? Хотя в том, как эти олигархии монополизировали политическую власть, были общие черты, их отношения с обществом складывались неодинаково. В штате Сан-Паулу олигархическая политическая элита в большей степени отражала интересы правящих групп, связанных с «кофейной экономикой», а со временем — и с промышленностью. Это, однако, не означало, что она была простым дополнением этих групп. Паулистская олигархия сумела весьма эффективным образом организовать функционирование штата Сан-Паулу, имея при этом в виду более общие интересы правящего класса.

Как олигархия Риу-Гранди-ду-Сул, так и олигархия Минас-Жерайса, контролировавшие республиканские партии своих штатов (соответственно РПР и РПМ), выступали по отношению к обществу как самостоятельная политическая сила. РПР утвердилась себя как мощная политическая структура, черпавшая идеи в авторитаристской версии позитивизма и выступавшая в качестве арбитра при согласовании интересов таких активно развивавшихся социальных групп, как скотопромышленники и иммигранты. Олигархия штата Минас-Жерайс также не была «манной небесной» у владельцев кофейных плантаций или скотоводов.

Осознавая необходимость принимать во внимание интересы данных социальных слоев, эта олигархия создала организацию профессиональных политиков, которая по большей части и превратила ее в источник власти, назначая чиновников, принимая решения об инвестициях в систему образования, в транспорт и др.

На первый взгляд могло бы показаться, что участие в выборах широких масс населения способно положить конец господству олигархий. Однако участие в выборах не было обязательным, а народ, как правило, представлял себе политику как междоусобные игры «сильных мира сего» или как «обмен услугами» по принципу «ты — мне, я — тебе». Отсутствие интереса со стороны народа становилось все более явным по мере того, как в ходе президентских выборов партии штатов вступали между собой в сговор с целью выдвижения единой кандидатуры или когда кандидаты от оппозиции не имели никаких шансов на победу. Процент участвовавших в голосовании колебался от минимального уровня в 1,4% от общей численности населения страны (например, на выборах Афонсу Пены в 1906 г.) до максимального показателя в 5,7% (на выборах Жулиу Престиса в 1930 г.).

Другой важный аспект заключался в том, что результаты выборов не отражали реальную действительность. Голосование не было тайным, а большинство избирателей находилось под давлением политических предводителей, которым они еще и пытались угодить. Весьма обычной была практика фальсификаций результатов выборов, которые производились путем подмены избирательных протоколов, включения в избирательные списки умерших, иностранцев и т.п. Подобные искажения, впрочем, не были в новинку, будучи продолжением сложившегося еще при монархии порядка вещей.

Несмотря на все это, по сравнению с эпохой Империи явка на выборы возросла. Сопоставление выборов в парламент последнего созыва периода Империи (1886) с выборами первого президента Республики, в которых участвовали избиратели из всех штатов (1898), показывает, что участие в выборах возросло на 400%. Кроме того, не все президентские выборы эпохи Республики были нужны лишь для возведения в должность какого-либо кандидата. Выборы 1910, 1922 и 1930 гг., когда были избраны, соответственно, Эрмис да Фонсека, Артур Бернардис и Жулиу Престис, были отмечены острой борьбой.

Уже вошло в обиход определение Первой республики как «республики полковников», когда термин «полковники» употреблялся по аналогии с полковниками старой Национальной гвардии, большинство из которых были землевладельцами, обладавшими властью на местах. «Коронелизм»* представлял собой вариант более общей системы социально-политических отношений, а именно клиентелизма, который существовал как в деревне, так и в городе. Отношения подобного рода проистекали из социального неравенства, из невозможности граждан реализовать свои права, из слабой помощи со стороны государства или вообще ее отсутствия и из невозможности сделать карьеру на государственном поприще. Все эти черты уходили своими корнями во времена колонии, но именно Республика создала условия для концентрации наибольшей власти в руках местных политических предводителей. Подобная ситуация стала результатом как увеличения налоговых отчислений муниципиям, так и выборов мэров.

С точки зрения избирательного процесса, «полковник» осуществлял контроль над избирателями в своей «зоне влияния». Он обменивал голоса за нужных ему кандидатов на широкий спектр услуг — от пары обуви до объявления вакансии в больнице или назначения на должность учительницы. Но «полковники» отнюдь не монополизировали политическую арену Первой республики. Имелись и другие группы, которые отражали разнообразные интересы городских слоев и оказывали значительное воздействие на общий политический курс. Кроме того, хотя «полковники» и были важным элементом устойчивости олигархической системы, они для поддержания своей власти зависели от других институтов, среди которых в крупных штатах особенно выделялось правительство штата, отнюдь не являвшееся аналогом контролирувавшихся «полковниками» муниципалитетов. «Полковники» обеспечивали голоса избирателей политическим лидерам соответствующего штата, но, в свою очередь, и сами зависели от них, когда речь заходила о предоставлении различных благ. Избиратели ждали этих благ, тем более, что они предназначались не отдельным личностям, а большим группам населения.

«Коронелизм» имел свои особенности, связанные с социально-политическими реалиями каждого региона. Наиболее яркий пример власти «полковников» — глубинка Северо-Востока, район

* От *coronel* — полковник (порт.).

бассейна реки Сан-Франсиску, где возникли настоящие «государства полковников», обладавшие собственными вооруженными силами. В более же значимых штатах «полковники» зависели от более разветвленных структур, т.е. от правительства штата и от республиканской партии.

3.3. Отношения между федеральным центром и штатами.

Обычно Первую республику называют эпохой «кофе с молоком». В этом выражении обыгрывается тот факт, что в описываемую эпоху политика всего государства вырабатывалась в рамках альянса штатов Сан-Паулу (кофе) и Минас-Жерайс (молоко). Реальность, впрочем, была более многообразной. Для ее понимания необходимо вплотную рассмотреть отношения между федеральным центром и как минимум тремя весьма различными штатами — Сан-Паулу, Минас-Жерайс и Риу-Гранди-ду-Сул.

Не покушаясь на федеральную власть, штат Сан-Паулу стремился утвердить свою автономию, которая зиждилась на доходах от растущей экономики и на серьезной военной силе. Но паулисты не могли позволить себе роскошь рассчитывать только на собственные ресурсы. Вот наиболее яркий пример: проведение денежной политики и установление обменного курса (что не только определяло финансовое положение страны, но и отражалось на дальнейшей судьбе кофейного бизнеса) являлось прерогативой федерального центра.

Именно на этих проблемах и сосредоточились паулистские политики, которые, выходя на федеральный уровень, стремились добиться поддержки центральным правительством своих планов по повышению стоимости кофе. Получалось так, что, хотя экономика штата Сан-Паулу в годы Первой республики приобрела диверсифицированный характер, политическая элита штата действовала в основном в интересах кофейной буржуазии, из которой, впрочем, происходили многие ее представители.

Политика валоризации* кофе является одним из наиболее красноречивых примеров роли штата Сан-Паулу в масштабах федерации и отношений между различными штатами. Начиная с 1890-х гг.

* Повышения стоимости.

кофейное производство штата необычайно выросло, что породило проблемы с получением доходов от кофейных плантаций. Причины их были двоякими: во-первых, из-за большого предложения цены на кофе на мировом рынке снижались, а во-вторых, имевшее место начиная с правления Кампуса Салиса повышение стоимости бразильской национальной валюты не позволяло компенсировать падение мировых цен за счет большей выручки в национальной валюте.

Для того чтобы гарантировать доходность кофейных плантаций, в штате Сан-Паулу в начале века разрабатывались различные планы государственного присутствия на кофейном рынке. В конечном счете в феврале 1906 г. был составлен договор под названием «Соглашение Таубатэ», по наименованию города в штате Сан-Паулу, где оно было заключено. Договор был подписан штатами Сан-Паулу, Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро.

Данное соглашение содержало два главных пункта: договоренность о получении займа размером 15 млн фунтов стерлингов для обеспечения интервенционистской политики государства на рынке кофе путем его покупки по той цене, которая устраивала бы владельцев кофейных плантаций, и создание механизма стабилизации обменного курса с целью остановить рост стоимости бразильской национальной валюты. Правительству рекомендовалось скупить богатые урожаи кофе при опоре на внешние источники финансирования и создать запасы этой продукции с целью их последующей продажи на мировом рынке в подходящий момент. Таким образом, данный план основывался на правильной идее чередования плохих и хороших урожаев и на ожиданиях, что госзакупки сократят предложение кофе, стимулируя тем самым рост цен на него.

Неприятие данного плана правительством и неопределенная позиция остальных штатов — участников договора вынудили штат Сан-Паулу действовать самостоятельно, объединившись с группой американских импортеров во главе с Германом Зилькеном. Предоставленное ими финансирование, а также банковские кредиты позволили уменьшить предложение кофе на рынке. Однако надолго продлить такое положение без получения долгосрочного и более объемного финансирования было невозможно.

Во второй половине 1908 г. президент Афонсу Пена получил согласие Конгресса на то, чтобы федеральный центр выступил поручителем по займу размером почти 15 млн фунтов стерлингов,

который рассчитывал получить штат Сан-Паулу. С этого момента штат Сан-Паулу мог самостоятельно производить операции по валоризации кофе, передав контроль над ними иностранным банкам. Первые результаты этих действий появились в 1909 г. Мировые цены на кофе начали расти и держались на высоком уровне до 1912 г. вследствие сокращения предложения, которое, в свою очередь, стало возможно благодаря наличию запасов кофе и уменьшению его урожаев. В июне 1913 г. заем был погашен.

До 1924 г. были произведены еще две операции по валоризации кофе, в которых федеральный центр выступал поручителем. В 1924 г. президент Артур Бернардис, обеспокоенный состоянием федерального бюджета, перестал принимать меры по защите кофейного производства; тогда штат Сан-Паулу сам стал осуществлять данную политику на постоянной основе.

В этом кратком обзоре показан тип отношений, сложившихся между штатом Сан-Паулу и федеральными властями. Паулисты обладали средствами для обеспечения своей автономии и — до определенного предела — для реализации своих экономических планов без поддержки федерального правительства. Но проводившаяся центром политика по формированию обменного курса, особенно в связи с принятием мер по повышению стоимости национальной валюты, весьма невыгодным образом отражалась на паулистском кофейном производстве. Вместе с тем гарантии федерального правительства могли быть крайне необходимыми для получения иностранных займов или, по крайней мере, облегчать этот процесс.

* * *

Иным было положение политиков штата Минас-Жерайс — «минейрус»*. В их штате не было какой-то доминирующей экономической отрасли, экономика развивалась по разным направлениям — производство кофе, скотоводство и, до известной степени, промышленность. Кроме того, Минас-Жерайс не обладал экономическим потенциалом Сан-Паулу и зависел от щедрот федерального центра. Подобная ситуация заставила политическую элиту штата в определенной степени дистанцироваться от интересов групп, связанных с

* *Минейрус* (mineiros, *порт.*) — от названия штата Минас-Жерайс (Minas Gerais). Так называют жителей этого штата и все, связанное с ним.

«кофе» и «молоком», и сосредотачивать в своих руках власть, оставаясь при этом профессиональными политиками. «Минейрус» оказывали большое влияние на палату депутатов Конгресса, где они располагали фракцией, насчитывавшей 37 депутатов против 22 у паулистов. Подобная пропорция была установлена в соответствии с переписью 1890 г. После переписи 1920 г., выявившей крупный прирост населения в штате Сан-Паулу, паулисты безуспешно пытались добиться пересмотра этой пропорции.

Политики штата Минас-Жерайс держали под своим контролем доступ к получению многих должностей на федеральном уровне и добились успеха в осуществлении одной из своих приоритетных целей, отвечавшей наиболее существенным интересам штата: строительстве на его территории железных дорог. В 1920-е гг. на территории штата было сконцентрировано почти 40% всех новых федеральных железных дорог. Одновременно с этим политики-«минейрус» стремились разработать защитные меры для продукции своего штата на внутреннем рынке и выступали — в соответствии с обстоятельствами — в поддержку валоризации кофе.

* * *

Особенностью участия политиков штата Риу-Гранди-ду-Сул — «гаушус» — в общенациональной политике была их связь с военными. Сближение «гаушус» с военными не означало, что последние и РПР были тождественны друг другу. В 1894 — 1910 гг. ни «гаушус», ни представители армейской верхушки почти не участвовали в деятельности федеральных властей. И те и другие вновь появились в федеральной администрации только после избрания президентом маршала Эрмиса да Фонсеки.

Отмеченная близость политиков и военных данного штата была обусловлена рядом причин. Еще со времен Империи на территории Риу-Гранди-ду-Сул концентрировались наиболее крупные воинские подразделения, которые в период Первой республики составляли от 1/4 до 1/3 численности национальной армии. Созданный в 1919 г. III-й военный округ стал trampлином для попадания в высшую военную администрацию; ряд командующих этим округом именно таким образом перешли в федеральное военное министерство. Важная роль военного сословия побуждала тех «гаушус», которые занимали определенное социальное положение, выбирать

военную карьеру; тем самым именно штат Риу-Гранди-ду-Сул стал «поставщиком» наибольшего количества военных министров и президентов Военного клуба времен Первой республики.

С другой стороны, постоянно возобновлявшиеся в регионе вооруженные действия способствовали установлению контактов между офицерским корпусом и политическими партиями. Например, в ходе Федералистской революции возникли связи ряда офицеров с РПР.

Этому сближению способствовали и некоторые идеологические тенденции и политические особенности. Главным идеологическим направлением был позитивизм, который имел широкое распространение среди военных. РПР проводила такую экономическую и финансовую политику, которая, как правило, в наибольшей степени соответствовала их взглядам. Партия поддерживала консервативные позиции федерального правительства в отношении бюджетных расходов и выступала за ценовую стабильность, так как инфляция могла создать проблемы для рынка вяленого мяса. Поскольку этот продукт потребляли в основном представители бедных слоев Северо-Востока и Федерального округа, любое сокращение покупательной способности этого населения имело бы своим результатом сужение спроса. Подобные взгляды РПР, несмотря на различные мотивации, лежавшие в их основе, способствовали установлению контакта с военными, которые одобряли консервативную финансовую политику.

Весьма влиятельным на поле национальной политики мог бы стать союз олигархий Северо-Востока. Но формированию коалиции северо-восточных штатов препятствовали противоборствовавшие между собой интересы. Например, в силу скудности средств, поступавших в штаты от налогов на экспорт, они конкурировали между собой в борьбе за получение благ и уступок от федерального правительства; также они вступали между собой в нескончаемые споры по поводу права каждого из них взимать междуштатные налоги на товары, перемещавшиеся из одного штата в другой.

Союз олигархий штатов Сан-Паулу и Минас-Жерайс (паулистов и «минейрус») стал основополагающим элементом политической истории Первой республики. Союз зиждился на поочередном перевесе той или иной олигархии. С течением времени между ними возникли споры, а в конце концов все закончилось разладом.

Несмотря на влияние военных, в первые годы Республики главенствующее положение занял штат Сан-Паулу: заручившись под-

держкой «mineйрус», паулисты добились своих целей в Учредительном собрании и подготовили почву для прихода к власти гражданских президентов. В 1894 — 1902 гг. один за другим были избраны три президента-паулиста (чего никогда больше не повторилось): Пруденти ди Мораис, Кампус Салис и Родригис Алвис. Политическое господство штата Сан-Паулу в этот период объясняется не только его экономическим весом, но и объединением его элиты на партийной основе. Большая часть паулистской элиты быстро была о своих прежних внутренних разногласиях и сплотилась вокруг ПРП.

Иной была ситуация в штате Минас-Жерайс, где разногласия между различными группировками внутри элиты стихли только с так называемым вторичным образованием РПМ в 1897 г. С этого момента роль олигархии штата в общенациональной политике постоянно возрастала.

Соглашение между штатами Сан-Паулу и Минас-Жерайс, заключенное при Кампусе Салисе, действовало вплоть до 1909 г., когда между ними возник раскол, облегчивший временное возвращение к власти военных и способствовавший окончательному возврату на общенациональную политическую арену штата Риу-Гранди-ду-Сул. Президентская кампания 1909 — 1910 гг. ознаменовала собой первые реальные выборы эпохи Республики. Кандидатом в президенты стал племянник Деодору маршал Эрмис да Фонсека, получивший поддержку штатов Риу-Гранди-ду-Сул и Минас-Жерайс, а также военных. Ему противостояла кандидатура Руя Барбозы, выдвинутая штатом Сан-Паулу в альянсе со штатом Баия.

Отстаивая демократические позиции и принцип тайного голосования, Руй Барбоза сумел привлечь на свою сторону городской средний класс. Свою предвыборную кампанию он провел под лозунгом неприятия вмешательства военных в политику. Он выступил против лидеров из числа военных и противопоставил федеральной армии военизированные подразделения штатов (*Força Pública*), которые рассматривались им как пример для подражания. Хотя в тот период главной политической опорой Руя Барбозы была паулистская олигархия, он позиционировал свою кампанию как борьбу интеллигенции за политические свободы, за развитие культуры, за традиции либерализма, против необразованной, олигархической и авторитарной Бразилии. Победа Эрмиса да Фонсеки сильно разочаровала весьма малочисленную в те времена интеллигенцию.

Звезда штата Риу-Гранди-ду-Сул начала восходить на политическом небосклоне на фоне соглашений, которые привели к выдвижению кандидатуры представителя штата Минас-Жерайс Афонсу Пены (1906). Начиная с правления Эрмиса да Фонсеки, звезда «гаушус» стала третьей в созвездии «кофе с молоком». Это заставило штаты Сан-Паулу и Минас-Жерайс избегать новых раздоров. В 1913 г. в г. Оуру-Прету (штат Минас-Жерайс) был заключен негласный пакт, согласно которому «минейрус» и «паулисты» должны были стремиться поочередно занимать пост президента Республики. Однако «гаушус» не ушли с общенациональной политической арены. Хотя они и не играли ключевой роли в процедуре смены президентов, восхождение олигархии штата Риу-Гранди-ду-Сул все же состоялось после 1910 г., когда ее представители заняли многочисленные посты в министерствах, в то время как паулистская олигархия вынуждена была «окопаться» в пределах собственного штата.

В конечном счете несоблюдение правил игры президентом Вашингтоном Луисом, который в 1929 г. назначил своим преемником паулиста Жулиу Престиса, стало главным фактором политического разрыва (двух штатов: Сан-Паулу и Минас-Жерайс. — *Примеч. пер.*), происшедшего в 1930 г.

Анализ соглашений между олигархиями показывает, что федеральное правительство отнюдь не представляло собой некий клуб кофейных плантаторов. Центральная власть позиционировала себя как выразитель общенационального единства, которое хотя и было слабым, но все же существовало. Федеральная власть должна была обеспечить определенную степень стабильности, примирять различные интересы, привлекать иностранные капиталовложения, держать под контролем объем внешнего долга.

Но краеугольным камнем экономики того времени было кофейное производство. На протяжении всего периода Первой республики кофе долго удерживал первое место в списке бразильских экспортных товаров, давая в среднем до 60% поступлений от общей экспортной выручки. К концу этого периода данный показатель достигал в среднем 72,5%. От кофейного производства зависели экономический рост и занятость в наиболее развитых регионах страны. Кофе обеспечивал и поступление большей части валюты, необходимой для импорта и для обслуживания внешнеэкономических обязательств, особенно по внешнему долгу.

Определяя основные направления своей политики, федеральное правительство, из какого бы штата ни происходил президент, не могло игнорировать влияние и вес производителей кофе. Но самое главное состояло в том, что правители, которые, возможно, и были связаны с интересами кофейного производства, не всегда выступали в его защиту. Любопытно, что три президента, происходившие из штата Сан-Паулу, — Кампус Салис, Родригис Алвис и Вашингтон Луис, — не покровительствовали кофейному бизнесу, а иногда даже вступали с ним в столкновение. Подобное странное на первый взгляд поведение было связано по большей части с тем, что президент должен был заботиться о том, что он считал общими интересами страны. А эти интересы пролегли в области стабилизации финансовой системы и заключения соглашений с иностранными кредиторами, в частности, с Ротшильдами — главными финансовыми контрагентами Бразилии за рубежом.

3.4. Социально-экономические перемены

Одной из самых значительных социально-экономических перемен, происшедших в Бразилии с последних десятилетий XIX в., стала массовая иммиграция. Бразилия приняла у себя миллионы европейцев и азиатов, отправившихся в Америку в поисках работы и социального продвижения. Наряду с Бразилией переселенцев принимали у себя США, Аргентина и Канада.

В 1887 — 1930 гг. в страну въехали примерно 3,8 млн человек. На период 1887 — 1914 гг. пришлось больше всего въездов (2,74 млн чел. или около 72% от общего числа прибывших иммигрантов). Такой наплыв объясняется, помимо других факторов, тем, что в эти годы на кофейном производстве требовалось большое количество рабочих рук. Первая мировая война значительно сократила приток иммигрантов. После нее вновь возникает волна иммиграции, продлившаяся до 1930 г.

С 1930 г. мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 г., а также политические изменения в Бразилии и в Европе привели к тому, что приток приезжавших на работу иммигрантов практически иссяк. Единственным исключением здесь была иммиграция из Японии: если рассматривать динамику процесса по десятилетиям, наибольший приток японцев в Бразилию пришелся на период с 1931 по 1940 г.

Иммигранты массово приезжали в центральные, южные и восточные регионы страны. В 1920 г. здесь проживало 93,4% иностранцев. Среди принимавших переселенцев областей выделяется Сан-Паулу: на один этот штат приходилось большинство всех иностранных граждан, проживавших в стране (52,4%). Подобное предпочтение объяснялось политикой штата (оплата проезда и проживания), а также возможностями найти работу в условиях бурно развивавшейся экономики.

Наиболее многочисленной группой иностранцев в 1887 — 1930 гг. были итальянцы (35,5%), за ними следовали португальцы (29%) и испанцы (14,6%). Были также не столь многочисленные группы, которые, однако же, были важны не в количественном, а в качественном отношении.

Самый яркий пример этого — японцы, которые приезжали в основном в штат Сан-Паулу. В 1920 г. 87,3% японцев жили именно здесь. Первая волна переселенцев прибыла в Сантус в 1908 г.; пунктом назначения для них стали кофейные плантации. Несмотря на то что устроить японцев на плантациях оказалось нелегко, администрация штата многие годы (до 1925 г.) субсидировала японскую иммиграцию. Во время Первой мировой войны, когда приток переселенцев из Европы прекратился, существовало опасение, что «на полях не хватит рабочих рук». С 1925 г. оплату проезда для иммигрантов из Японии взяло на себя правительство этой страны. В это время японцев уже не привозили работать на плантациях. Они закрепились в сельской местности (и оставались там дольше, чем представители других национальностей), но не как рабочие, а как мелкие земельные собственники, и сыграли значительную роль в диверсификации сельскохозяйственного производства.

Другими немногочисленными, но важными в качественном отношении группами иммигрантов были сирийцы, ливанцы и евреи. Эти группы имели некоторые черты сходства между собой. В отличие от японцев, итальянцев и испанцев, они сразу после приезда оставались в городах. Они также представляли собой пример спонтанной (т.е. не субсидируемой) иммиграции, так как правительство поддерживало только тех, кто ехал работать на плантациях.

Итальянцы приезжали в основном в штаты Сан-Паулу и Риу-Гранди-ду-Сул. В 1920 г. 71,4% всех проживавших в Бразилии итальянцев находились в штате Сан-Паулу и представляли собой 9% его населения. С течением времени изменилось происхождение

этих «бразильских итальянцев»: если до XX в. преобладали в основном итальянцы с севера, то в XX столетии стали приезжать в основном итальянцы с юга (уроженцы Калабрии и Неаполя).

Из всех иностранных переселенцев именно итальянцы поставляли больше всего рабочих на плантации. В 1897 — 1900 гг. 73% иммигрантов, приехавших в Сан-Паулу, были итальянцами, хотя и не все они устроились на работу именно в сельском хозяйстве. Бедность этих людей у себя на родине проявлялась, в числе прочего, в том, что субсидии правительства штата Сан-Паулу являлись для них весьма привлекательными. Проблемы в этой области напрямую отражались на числе иммигрантов.

Плохие условия для новоприбывших побудили итальянское правительство принять меры против рекрутирования переселенцев. Подобный временный запрет действовал с марта 1889 по июль 1891 г. В марте 1902 г. решением итальянских властей, известным как «декрет Принетти» (по имени министра иностранных дел Италии), субсидируемая иммиграция в Бразилию была запрещена. Отныне те, кто хотел уехать в Бразилию, могли свободно делать это, но за свой счет, не используя оплаченные билеты и иное вспомоществование подобного рода. Итальянцы, жившие в Бразилии, постоянно жаловались консулам на нестабильность своего положения, что усугубилось кризисом в кофейной отрасли; это и привело к принятию упомянутого решения. Возможно, оно было связано и с улучшением социально-экономического положения в Италии.

Приток иммигрантов из Италии не прекратился, хотя «декрет Принетти», кризис кофейного производства и положение на родине способствовали его уменьшению. Если проанализировать въезд и выезд иммигрантов (вне зависимости от национальности) через порт Сантуса, то можно увидеть, что на протяжении нескольких лет количество выехавших превышало количество прибывших. В разгар кризиса в кофейной отрасли (1900) въехали около 21 тыс. человек, а выехали 22 тыс. человек. После принятия «декрета Принетти» в 1903 г. въехали 16 500 человек, а выехали 36 400 человек. На следующий год продолжала отмечаться отрицательная динамика.

В 1901 — 1930 гг. распределение иммигрантов в штате Сан-Паулу по национальному составу стало более равномерным. Доля итальянцев упала до 26%; за ними шли португальцы (23%) и испанцы (22%). Португальские иммигранты сосредотачивались в основном в Федеральном округе и в штате Сан-Паулу. Самый большой контингент

португальцев (если сравнить данные по штатам) находился именно в столице республики (Рио-де-Жанейро). Отличием переселенцев из Португалии было то, что они оседали в городах. В 1920 г. в городе Сан-Паулу насчитывалось 65 тыс. португальцев, что составляло 11% всего населения города. В Рио-де-Жанейро этот показатель был равен 172 тыс. человек (15% от общей численности населения города). Подобные цифры не означают, что португальские иммигранты не были заняты на кофейных плантациях или в сельском хозяйстве в целом. Просто их роль оказалась более заметной в мелкой и крупной торговле и в промышленности, в первую очередь, в Рио-де-Жанейро.

Наибольший приток переселенцев из Испании пришелся на период с 1887 по 1914 г. Здесь нужно отметить следующее: если количество итальянских иммигрантов значительно превосходило число испанских в 1887–1903 гг., то в 1906–1920 гг. соотношение было обратным. После японцев именно испанцы больше всего сосредотачивались в штате Сан-Паулу. Так, в 1920 г. там проживали 78% всех испанцев в Бразилии. В некотором отношении испанская иммиграция была схожа с японской. В обоих случаях в Бразилию приезжали целые семьи с детьми, а не холостые мужчины. Обе категории переселенцев объединяла также длительность работы в сельском хозяйстве и предпочтение в качестве места жительства небольших городов во внутренних районах штата, а не в столице, г. Сан-Паулу.

Повышение социального статуса иммигрантов в городах не вызывает сомнений; об этом свидетельствуют их успехи в торговле и промышленности таких штатов, как Сан-Паулу, Риу-Гранди-ду-Сул, Парана, Санта-Катарина. В случае с сельским хозяйством все сложнее. Возьмем в качестве примера штат Сан-Паулу. В первые годы массовой иммиграции приехавшим предстояло нелегальное существование, что было связано с общим отношением к работникам в стране, где их считали практически рабами. Об этом свидетельствует большое число вернувшихся обратно, жалобы консулов, меры, принятые итальянским правительством.

С течением времени многие переселенцы добились более высокого положения в обществе. Единицы стали крупными плантаторами. Большинство перешло в категорию мелких и средних землевладельцев, обеспечив своим потомкам возможность в будущем стать значительными фигурами в сельскохозяйственном производстве штата. Сельская перепись Сан-Паулу 1934 г. свидетельст-

ует о том, что 30,2% земель находились в руках иностранцев: 12,2% — у итальянцев, 5,2 — у испанцев, 5,1 — у японцев, 4,3% — у португальцев, а остальное у представителей других национальностей. Эти цифры лишь частично показывают возвышение иммигрантов, ведь землевладельцы — дети иностранцев рассматривались уже как бразильские граждане.

В последние десятилетия XIX в. и до 1930 г. Бразилия оставалась преимущественно сельскохозяйственной страной. Согласно переписи 1920 г., из 9,1 млн человек трудоспособного населения 6,3 млн (69,7%) были заняты в сельском хозяйстве, 1,2 млн (13,8%) — в промышленности и 1,5 млн человек (16,5%) — в сфере услуг.

Категория «услуги» включает в себя такую городскую малопроизводительную деятельность, как, например, оплачиваемая работа по дому. Наиболее показательным фактором является рост занятых в промышленности (по переписи 1872 г. их было всего чуть больше 7% трудоспособного населения). Отметим, однако, что многие «производства» не выходили за пределы небольших мастерских.

В годы Первой республики доминирование занятий, связанных с агроэкспортом, не было абсолютным. Речь идет не только о значительных объемах сельскохозяйственного производства для внутреннего рынка, но и о том, что быстрыми темпами росла и укреплялась промышленность. Штат Сан-Паулу шел во главе процесса капиталистического развития, характеризовавшегося диверсификацией сельскохозяйственного производства, урбанизацией и промышленным скачком. Производство кофе продолжало оставаться стержнем экономики штата и обеспечило начальный этап этого процесса. Стабильность кофейного производства достигалась благодаря выработанному с течением времени решению таких проблем, как обеспечение рабочей силой и гармонизация трудовых отношений. Первая часть формулы была связана с иммиграцией, вторая — с системой колоната.

Колонат был призван прийти на смену провалившемуся эксперименту с артелями работников*. Колоны — семья работников-иммигрантов — брали на себя уход за кофейными деревьями и сбор урожая, а взамен, как правило, получали два рода денежных выплат: первая выплата (один раз в год) — за уход за столькими-то

* Об этом см. главу 2 § 2.5.

тысячами кофейных деревьев, а вторая (после сбора урожая) — за полученный результат, т.е. за количество собранного кофе. Плантатор предоставлял работникам жилье и небольшие наделы для выращивания продовольственных культур. Система колоната отличалась от артельной системы, так как в первом случае не предусматривалось участия работников в прибыли от продажи кофе. С другой стороны, колонат не был и в чистом виде наемным трудом, так как подразумевал иные формы вознаграждения за труд.

На новых плантациях, где заключался так называемый учебный контракт, колоны сами сажали кофейные деревья и ухаживали за ними от четырех до шести лет (как правило, первый урожай можно было собирать через четыре года). Заключившие учебный контракт работники практически не получали жалования, но могли заниматься выращиванием продовольственных культур прямо на кофейной плантации, между рядами кофейных деревьев. Из того факта, что колоны предпочитали такого рода трудовые отношения, можно сделать вывод, что выращивание продовольственных культур шло не только на пропитание работников, но и на продажу на местных рынках.

Система колоната способствовала большей устойчивости трудовых отношений, но не устранила проблем между колонами и плантаторами. Постоянно возникали личные трения и даже забастовки. Кроме того, колоны не были рабами и постоянно перемещались: с одной плантации на другую, с фазенды в город — в поисках лучших условий. Тем не менее в целом наличие рабочей силы в лице иммигрантов и определенные возможности заработка через систему колоната обеспечивали кофейное производство и относительную устойчивость трудовых отношений в этой области.

Одновременно с увеличением производства кофе в Сан-Паулу шли процессы диверсификации сельского хозяйства, которая была связана с приездом и закреплением в стране иммигрантов. Благодаря увеличившемуся спросу со стороны растущих городов выросло производство риса, бобов и кукурузы. В начале XX в. Сан-Паулу ввозил эти продукты из других штатов (в частности, рис поставлялся из Риу-Гранди-ду-Сул). К началу Первой мировой войны штат полностью покрывал свои потребности в таком продовольствии и сам начал его экспортировать. Сравнивая средние показатели за период 1901 — 1906 гг. и 1925 — 1930 гг., можно убедиться, что производство риса выросло почти в семь раз, бобов — в три раза, кукурузы — в два раза.

Развивалось и производство хлопка. К 1919 г. Сан-Паулу стал ведущим штатом-производителем хлопка: на его долю приходилась примерно треть всего производства хлопка в стране. Тем самым он обеспечивал сырьем текстильную промышленность. Кроме того, настоящей находкой для плантаторов стало комбинированное выращивание хлопка и кофе (с упором на кофе). Когда в 1918 г. заморозки погубили кофейные деревья, многие плантаторы избежали банкротства именно благодаря посадкам хлопка.

* * *

Все бразильские города рассматриваемого периода росли, но наиболее впечатляющим был рост столицы штата Сан-Паулу. Основной причиной этого роста стал приток упоминавшихся выше «спонтанных» иммигрантов и тех, кто стремился покончить с работой в сельском хозяйстве. Город давал возможность заниматься ремеслом, уличной торговлей, устраивать заводики буквально во дворе дома, заниматься строительством (подвизавшиеся в этой области сами называли себя «итальянскими мастерами») или работать в сфере свободных профессий. Менее привлекательной была возможность устроиться на возникавшие фабрики или наняться работать по хозяйству. Столица штата была еще и крупным центром распределения ввозимых товаров, звеном, соединявшим кофейные плантации с портом Сантуса и местом пребывания правительства штата. В Сан-Паулу находились головные конторы крупнейших банков и основные правительственные учреждения.

С 1886 г. начался ускоренный рост Сан-Паулу. Большой скачок пришелся на период 1890—1900 гг., когда население города с 64 тыс. человек увеличилось до 239 тыс. человек, что представляло собой прирост в 268% за 10 лет или ежегодный прирост в 14%.

В 1890 г. Сан-Паулу был пятым по величине городом Бразилии — вслед за Рио-де-Жанейро, Салвадором, Ресифе и Белемом. В начале XX в. он стал вторым, хотя до столицы страны с населением 688 тыс. человек ему еще было далеко. В сравнении с Рио-де-Жанейро Сан-Паулу оставался не более чем столицей крупного штата.

* * *

Развитие промышленности в рассматриваемый период требует освещения в широкой географической перспективе, включающей в себя различные регионы Бразилии, в первую очередь штаты Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу.

Редкие фабрики, появившиеся в стране в середине XIX в., производили в основном хлопчатобумажные ткани низкого качества, которые расходились среди бедняков и рабов. Первым центром подобного производства стала Баия: здесь находились 5 из 9 существовавших в 1866 г. фабрик. К 1885 г. промышленное производство переместилось в центральные и южные регионы. Если оценивать количество фабрик, то на первом месте был Минас-Жерайс, однако наиболее важные предприятия располагались в Федеральном округе*. В 1889 г. на него приходилось 57% промышленного капитала Бразилии (не считая сельскохозяйственного сектора и производства сахара). Устройство фабрик в г. Рио-де-Жанейро объяснялось различными факторами, среди которых можно отметить концентрацию капитала, разумных размеров рынок потребления, а также доступ к паровым двигателям, пришедшим на смену прежним механизмам, приводившимся в движение силой воды.

Индустриальный рост штата Сан-Паулу начинается после отмены рабства, хотя контуры этого развития намечаются еще с 1870-х гг. Двумя взаимосвязанными источниками промышленного развития Сан-Паулу стали производство кофе и иммиграция. Последняя относилась не только к штату Сан-Паулу, но и к другим регионам, в частности, к Риу-Гранди-ду-Сул.

У истоков первого промышленного скачка находился кофейный бизнес, так как, во-первых, через стимулирование денежного обмена и роста доходов он создал рынок сбыта для промышленных товаров; во-вторых, он способствовал инвестициям в железные дороги, расширив и дополнив этот рынок; в-третьих, увеличив экспорт и импорт, он содействовал появлению системы распределения промышленных товаров; в-четвертых, через поощрение иммиграции он обеспечил наличие рабочей силы. Наконец, благодаря экспорту кофе стало возможным ввозить оборудование для промышленности.

Иммигранты появились в промышленности в двух противоположных ипостасях: и как хозяева предприятий, и как рабочие. Многие из них были квалифицированными специалистами. История иностранных рабочих в Бразилии — это часть истории иммигран-

* То есть в г. Рио-де-Жанейро.

тов, которые приехали «покорять Америку» и в дальнейшем увидели, как их мечты рассеиваются. Иммигрантам принадлежит ключевая роль в промышленном производстве г. Сан-Паулу, где в 1893 г. 70% рабочих были иностранцами. Данные по Рио-де-Жанейро не столь красноречивы, но и здесь в 1890 г. иммигрантами были 39% рабочих.

Превращение иммигрантов в промышленников шло разными путями. Одни начинали практически с нуля, пользуясь возможностями развивавшегося капитализма в Сан-Паулу и Риу-Гранди-ду-Сул. Другие, изначально специализируясь на импорте, угадали в промышленности большой потенциал. Занятия торговлей облегчали установление связей для импорта оборудования и позволяли узнавать, какие именно инвестиции принесут наибольший доход. Двое самых крупных промышленников-итальянцев в Сан-Паулу начинали с импорта.

В том, что касается показателей промышленного производства, отметим, что в 1907 г. на Федеральный округ приходилось 33% этого производства, и среди всех штатов он занимал первое место. За ним следовали Сан-Паулу (17%) и Риу-Гранди-ду-Сул (15%). В 1920 г. штат Сан-Паулу вышел на первое место (32%), а доля Федерального округа упала до 21%; Риу-Гранди-ду-Сул по-прежнему был третьим (11%). Приводя эти цифры, мы сравниваем штаты (Сан-Паулу, Риу-Гранди-ду-Сул) с городом (Федеральным округом, т.е. г. Рио-де-Жанейро). Для сравнения одних лишь городов данные недостаточно точны. В любом случае не подлежит сомнению, что г. Сан-Паулу превзошел г. Рио-де-Жанейро примерно между 1920 и 1938 гг.

Основными отраслями промышленности в то время была легкая (в том числе пошив одежды) и пищевая (включая производство напитков). Текстильная отрасль, особенно производство хлопчатобумажных тканей, находилась на первом месте по объему вложений и по количеству рабочих. На некоторых фабриках трудилось более тысячи человек. Уже к началу Первой мировой войны 80% всех используемых в стране тканей были собственного производства; отмечалось также улучшение их качества. Однако, несмотря на относительные успехи легкой промышленности, ощущалась большая нехватка базовых отраслей (производство цемента, железа, стали, станков и оборудования), и, таким образом, промышленный скачок во многом зависел от импорта оборудования.

Широко распространено мнение о том, что развитие промышленности в Бразилии стимулировала Первая мировая война, так как во время войны прекратилась конкуренция импортных товаров с местными.

Но 1920-е гг. были не менее важны, чем 1914 – 1918 гг., так как именно в это десятилетие были отмечены попытки значительно увеличить промышленный рост. При содействии правительства были созданы два крупных предприятия: совместный с Бельгией комбинат цветной металлургии в Минас-Жерайсе (*Siderúrgica Belgo-Mineira*) (начал работу в 1924 г.) и цементная компания «Портланд» в Сан-Паулу (начала работать в 1926 г.). Одновременно с этим, используя опыт и прибыли, полученные во время войны*, владельцы небольших ремонтных мастерских преобразовали их в предприятия по выпуску станков и оборудования.

Какова была роль государства в промышленном развитии страны: облегчило ли оно его или затруднило? Основное внимание государства в тот момент было обращено не на индустрию, а на агроэкспортную деятельность. Однако нельзя сказать, что правительство занимало анти-промышленную позицию. Долговременные тенденции развития финансовой системы Бразилии и снижение комиссии при обменных операциях имели для промышленности противоречивые последствия. Обесценение национальной валюты удорожало импорт товаров потребления и уменьшало их конкуренцию с собственным производством. Одновременно с этим импорт станков, от которого зависело состояние промышленного парка, обходился дороже. В отдельные периоды правительство поддерживало импорт оборудования, снижая таможенные пошлины. Иногда правительство предоставляло займы и освобождало от налогов при создании предприятий базовых отраслей. Иными словами, если государство и не было противником промышленности, ему однако же было далеко до осуществления осознанной политики индустриального развития страны.

* * *

В Риу-Гранди-ду-Сул в годы Первой республики явственнее проявилась диверсификация экономики и ориентация ее на про-

* Бразилия официально вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты в октябре 1917 г.

изводство для нужд штата и для внутреннего рынка в масштабах страны. Основную роль в этом сыграли иммигранты, которые обосновались в качестве мелких землевладельцев в районе Серра и уже оттуда расселились по другим областям штата. В сельском хозяйстве они занимали лидирующие позиции в производстве риса, кукурузы, бобов и табака.

Как и в других регионах Бразилии, по объему вложений среди отраслей промышленности на первом месте было текстильное производство; на втором месте находилось производство напитков. Отметим здесь производство вина, которое шло с колониальных времен, но получило новый импульс с приездом итальянских и немецких иммигрантов.

Внедрение холодильных камер значительно изменило прежний достаточно кустарный способ заготовки и хранения мяса. В 1917 г. в Риу-Гранди-ду-Сул обосновались американские компании «Армур» и «Вильсон». Попытка самих скотоводов штата содержать собственные холодильные камеры не увенчалась успехом из-за нехватки средств; в 1921 г. предприятие было продано фирме «Фригорифику Англу».

Все эти инициативы пришлось на время относительного спада животноводства, производства солонины и в особенности кож. В 1890 г. вяленое мясо, солонина и кожи совокупно составляли около 55% от стоимости экспорта. В 1927 г. этот показатель не превышал 24%; стоимость же экспорта кож упала с 37% до 7%. В том же отдельно взятом 1927 г. среди предметов сельскохозяйственного экспорта на первом месте был свиной жир (20%), затем следовали вяленое мясо и солонина (18%) и рис (13%).

Хотя диверсификация экономики происходила и в Сан-Паулу, и в Риу-Гранди-ду-Сул, в первом случае основой экономики являлся агроэкспорт, в то время как во втором случае развитие практически полностью было ориентировано на внутренний рынок.

* * *

Благодаря каучуку Амазония некоторое время жила как в волшебном сне: на нее пролился золотой дождь. В предыдущие десятилетия уже наметился прогресс в сборе каучука, однако значительный импульс был придан с 1880 г. Мода на велосипеды, ставшая настоящей манией в 1890-е гг., и постепенная популяризация

автомобилей с начала столетия еще больше подстегнули его производство.

В период всего каучукового бума этот продукт занимал второе место в бразильском экспорте; своего максимума вывоз каучука достиг в 1898-1910 гг. В этот период каучук представлял 26% стоимости экспорта; его опережал лишь кофе (53% всего экспорта). Следом за каучуком шли кожи, но они составляли всего 4% стоимости всего экспорта.

Каучуковый бум повлек за собой значительную миграцию населения в Амазонию. Подсчитано, что в 1890—1900 гг. в регион переехали около 110 тыс. человек, в большинстве своем жители штата Сеарá, который периодически страдал от засухи.

Экономика, связанная со сбором и продажей каучука, вызвала к жизни рост городского населения и улучшение условий жизни по крайней мере в отдельных городах — Белеме и Манаусе. В 1890—1900 гг. население Белема практически удвоилось, увеличившись с 50 тыс. до 96 тыс. человек. Два самых крупных города Амазонии могли похвастаться электрическим трамваем, телефоном, канализацией, электрическим освещением на улицах, в то время как во многих городах все это было роскошью. При этом упомянутые изменения не привели к улучшению ужасных условий существования сборщиков каучука во внутренних районах штата. Они не привели и к диверсификации экономики, способной обеспечить развитие и в условиях кризиса.

Кризис разразился с 1910 г.; первым его симптомом стало резкое падение цен из-за иностранной конкуренции. Каучук из Бразилии всегда страдал от конкуренции со стороны каучука из Центральной Америки и из Африки, но по крайней мере превосходил соперника по своему качеству. С момента, когда англичане и голландцы заложили плантации в своих азиатских колониях, ситуация изменилась. Азиатский каучук был хорошего качества и дешев; каучуконосные растения можно было выращивать на больших площадях. Напротив, собирать каучук в отдаленных районах Амазонии становилось все дороже.

В 1910 г. азиатский каучук представлял чуть больше 13% мирового производства; в 1912 г. его доля увеличилась до 28%, а в 1915 г. дошла до 68%. Попытки устроить плантации каучуконосов в Амазонии немедленного результата не дали, так как растения часто поражались вредителями. Примером этого стал эксперимент

Форда (так называемая Фордлэндия*), начатый в конце 1920-х гг. и закончившийся сокрушительным провалом.

* * *

Во время Первой республики произошли важные изменения, связанные с положением Бразилии в международных финансово-экономических отношениях. Большинство инвестиций и кредитов по-прежнему исходили от Великобритании; США продолжали удерживать позиции основного рынка сбыта для главной статьи бразильского экспорта — кофе. Однако с течением времени наметилась тенденция к установлению более тесных отношений с США; эта тенденция стала более явной в 1920-е гг. После Первой мировой войны стоимость импорта из США уже превосходила стоимость импорта из Великобритании.

В 1928 г. Бразилия возглавляла список латиноамериканских стран с самым большим внешним долгом: ее долг составлял 44% ВВП, за ней шла Аргентина (27%) и Чили (12%). Подсчитано, что в 1923 г. на обслуживание внешнего долга уходило 22% доходов от экспорта. Причинами долга были расходы на государственные нужды, на финансирование инфраструктуры портов и железных дорог или же необходимость погашения предыдущих долгов.

В последние годы существования империи иностранные инвестиции шли в основном в железные дороги. При Республике подобные вложения отошли на второй план; их превзошли объемы первоначального капитала в страховые компании, банки и предприятия по производству и сбыту электроэнергии.

Основные отрасли городского хозяйства в крупных городах находились в руках иностранных компаний. Самым ярким примером здесь является канадская фирма «Лайт энд Пауэр», основанная в Торонто в 1899 г. Вначале она действовала в г. Сан-Паулу, а с 1905 г. — и в г. Рио-де-Жанейро. Компания основала в г. Сан-Паулу мест-

* *Фордлэндия* — обширный участок земли в штате Парá, на котором Генри Форд предполагал устроить производство каучука для нужд своей автомобильной компании; концессия была предоставлена губернатором штата и одобрена парламентом Бразилии в 1927 г., однако уже в 1945 г. наследники Форда отказались от продолжения эксперимента ввиду его убыточности. К этому времени были разработаны способы получения синтетического каучука, и первоначальная цель предприятия оказалась устаревшей.

ное транспортное предприятие, которое занималось эксплуатацией трамваев, а также контролировала снабжение города электроэнергией. Промышленный скачок в г. Сан-Паулу был тесно связан с инвестициями канадской компании в инфраструктуру.

В области экспорториентированной экономики иностранных инвестиций в производство было немного, но они присутствовали в таких сферах, как финансирование сбыта, а также контролировали часть железнодорожных перевозок и почти весь экспорт, морской транспорт и страхование товара.

Точных данных о прибыли иностранных компаний в Бразилии нет. Судя по всему, наибольшие прибыли получали банки — на спекуляциях с нестабильным курсом бразильской валюты или на рецессии экономики. После получения правительством займа для финансирования государственного долга (1898) многие национальные банки обанкротились, что усилило позиции иностранных банков. Самый крупный английский банк — «Лондон энд Бразилиэн Бэнк» располагал большими ресурсами, чем Банк Бразилии. Данные 1929 г. показывают, что на долю иностранных банков приходилась половина всех операций.

Иностранные инвесторы стремились контролировать отрасли, в которые вкладывался их капитал, и вытеснить оттуда бразильский капитал. Они получали прибыли, связанные со значительным объемом своих инвестиций, нанимали самых лучших адвокатов и пренебрежительно поглядывали на отсталую страну. Впрочем, их действия мало отличались от поведения местной элиты. Как бы то ни было, иностранный капитал сыграл важную роль в создании базовой структуры в сфере услуг и на транспорте, способствуя тем самым модернизации Бразилии.

3.5. Социальные движения

В период Первой республики стали набирать силу социальные движения трудящихся — как в сельской местности, так и в городах. Сельские социальные движения можно подразделить на три большие группы: 1) движения, в которых религиозное содержание сочеталось с убогим существованием их участников; 2) движения, в которых религиозное содержание сочеталось с социальными требованиями; 3) движения, которые выражали социальные требования без религиозного содержания.

Восстание в Канудусе, история которого уже была кратко изложена выше, является примером социальных движений первой группы. Ко второй группе относится движение Контестаду*. Контестаду — название пограничной области между штатами Паранá и Санта-Катарина, владение которой они оспаривали друг у друга. Однако возникшее в этом регионе в 1911 г. движение не ставило целью разрешить данный спор. Оно появилось как союз последователей некоего «полковника», которого считали другом бедняков, и людей различного происхождения, затронутых происходившими в тех местах переменами. Среди этих людей были и сельские работники, согнанные с земли из-за строительства железной дороги и деревообрабатывающей фабрики, и те, кто был нанят для строительства железной дороги, а по окончании контрактов остался без работы.

Восставшие объединились вокруг человека по имени Жозе Мария, который погиб в первых же столкновениях с военизированными подразделениями штата и в сознании участников движения стал святым. Повстанцы разбили несколько лагерей, основанных на идее равенства и братства между живущими там. Они требовали землю, одновременно надеясь на воскрешение Жозе Мария. Военные подразделения штатов и федеральные армейские соединения разогнали мятежников розгами, и в 1915 г. с ними было покончено.

Самый выразительный пример третьей группы сельских социальных движений — забастовки с требованием выплаты зарплаты и улучшения условий труда на кофейных плантациях штата Сан-Паулу. Речь шла о сотнях подобных локальных забастовок, сведения о которых очень скудны. Самая крупная стачка произошла в 1913 г., в ней участвовали тысячи колонов, которые прибыли в область Рибейран Прету для сбора урожая. Требуя пересмотра своих трудовых контрактов, колоны парализовали работу крупных плантаций. Последовало вмешательство полиции, а также консула Италии, который претендовал на роль посредника в переговорах. В конечном счете колоны своих целей не достигли.

Для формирования движения городских трудящихся требовались как минимум такие условия, как рост городов и диверсификация их деятельности. Став местом сосредоточения фабрик и секто-

* Название «*Контестаду*» (*Contestado*, *порт.*) является «говорящим» и означает «спорный», «оспариваемый».

ра услуг, города привлекали сотни и сотни трудящихся, оказавшихся в одинаковых условиях. В этом отношении разница с положением на крупных кофейных плантациях была невелика. Но в городах было гораздо больше свободы передвижения и циркуляции идей, чему не препятствовали ни серьезные различия в уровне образования, ни отсутствие каналов широкого распространения этих идей.

Но и при этом движения городских трудящихся в годы Первой республики носили ограниченный характер и достигали успехов только в исключительных случаях. Основные причины этого были связаны с экономическими и социально-политическими факторами: в первом случае речь шла о недостаточном развитии промышленности, а во втором — рабочего класса. Забастовки имели значительный резонанс только в том случае, если они были всеобщими или когда они происходили в таких ключевых сферах аграрно-экспортной системы, как железные дороги или порты. Со своей стороны, олигархические кланы вели собственные политические игры, не нуждаясь для этого в симпатиях зарождавшейся рабочей массы. Рабочие были разделены из-за межэтнического соперничества и мало расположены к самоорганизации, так как из-за одной лишь принадлежности к профсоюзу хозяева предприятия уже заносили их в «черный список». Кроме того, многие рабочие были иммигрантами, еще не расставшимися с мечтой «покорить Америку» и вернуться в Европу.

В столице Бразилии уже с конца XIX в., когда возникли первые рабочие партии, преобладали идеи весьма расплывчатого социализма, а также прагматического синдикализма, выступавшего за удовлетворение таких непосредственных требований, как увеличение зарплат, ограничение рабочего дня, охрана здоровья, а в среднесрочном плане — признание профсоюзов со стороны патроната и государства.

В Сан-Паулу, напротив, преобладал анархизм, вернее, такая его разновидность, как анархо-синдикализм. В своей практической деятельности анархисты, понимая, какая дистанция пролегает между их программами и социальными реалиями Бразилии, оказались вынуждены, несмотря на свою революционную идеологию, сконцентрировать усилия на борьбе за те же требования, которые выдвигали и их противники. Это никак не препятствовало взаимным нападкам представителей обоих течений, что ослабляло и без того слабое рабочее движение.

Различия в идеологии и в методах борьбы в рабочем движении Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу проистекали из целого ряда факторов, связанных прежде всего с характерными чертами обоих городов и с социальным составом трудящихся.

В конце XIX в. социальная структура столицы страны была более сложной, чем в г. Сан-Паулу. В Рио-де-Жанейро были сконцентрированы социальные слои, которые в меньшей степени зависели от землевладельцев; частью этих слоев были профессионалы и чиновники из среднего класса, карьерные военные, слушатели Военной школы, студенты высших учебных заведений. Наличие молодых военных и меньшая зависимость среднего класса от землевладельцев — все это до некоторой степени способствовали проведению политики сотрудничества классов. Для протестных движений Рио-де-Жанейро в период до 1917 г. было в большей степени характерно участие в них народа в целом, чем непосредственно рабочих. Примером этого, помимо «якобинцев»*, является происшедший в 1904 г., в период правления Родригиса Алвиса, «бунт вакцины», направленный против вакцинации от оспы.

Говоря о социальном составе трудящихся, следует напомнить, что они были сконцентрированы в основном в таких жизненно важных отраслях (железные дороги, морские перевозки, судоремонтные работы в доках), к которым правительство относилось с известной долей осторожности. Также в Рио-де-Жанейро имелся самый крупный отряд именно бразильских, а не приезжих рабочих, отношения которых с хозяевами предприятий и с правительством были проникнуты патерналистской традицией.

Социальная структура трудящихся Сан-Паулу, несмотря на рост его экономики, была менее диверсифицирована. Средний класс вращался вокруг кофейной буржуазии; в его рядах не было беспокойных военных, готовых объединиться с «теми, кто стоит ниже». Наличие большого количества иностранных рабочих, не имевших корней на новой земле, способствовало распространению влияния анархизма, который рассматривал хозяев и особенно правительство как «чужих, как врагов».

Уже с начального периода Первой республики стали формироваться рабочие организации, возникает социальная мобилизация трудящихся: появляются рабочие партии, в рядах которых было,

* Подробнее о них см. в § 1 данной главы.

впрочем, мало рабочих (а впоследствии их и вовсе не осталось), профсоюзы, забастовки. Анархисты даже попытались создать рабочую организацию на общенациональном уровне, учредив в 1906 г. Бразильскую рабочую конфедерацию. Но все эти действия носили спорадический характер; весьма редко привлекая внимание элит и уж тем более не вызывая их озабоченности. Своих прав трудящиеся добивались, оказывая давление на патронат, а не потому, что эти права были гарантированы законом. Поэтому, когда давление прекращалось, исчезали и права.

Подобное положение изменилось в 1917 — 1920 гг., когда по основным городам страны, особенно Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, прокатилась волна крупных забастовок. В основе этого забастовочного «цикла» лежали два фактора: во-первых, рост дефицита вследствие потрясений, вызванных Первой мировой войной и спекуляцией продовольствием, а во-вторых, — революционная волна в Европе, начавшаяся после Февральской революции и последовавшей за ней Октябрьской революции 1917 г. в царской России. Рабочее движение стало вызывать беспокойство, и информация о нем заняла первые страницы газет.

Трудящиеся не собирались революционизировать общество, они лишь хотели улучшить условия жизни и получить минимальные права. Конечно, это не означает, что многие из них не были заворожены мечтой об эгалитарном обществе. В исторической памяти бразильцев более всего запечатлелась одна из трех всеобщих забастовок того периода, происшедшая в июне-июле 1917 г. в Сан-Паулу; она запомнилась настолько, что все внимание, как правило, приковано лишь к ней, оставляя за кадром более широкую панораму социальных движений.

После 1920 г. стачечная волна постепенно сходит на нет — как из-за трудностей на пути к успеху, так и из-за репрессий, которые обрушились в основном на рабочих лидеров-иммигрантов, игравших важную роль в качестве организаторов забастовок. Многие из них были высланы из страны.

Было бы преувеличением сказать, что накануне стачечной волны 1917 — 1920 гг. государство демонстрировало полное отсутствие интереса к регулированию трудовых отношений или к процессам синдикализации трудящихся. Однако лишь в ходе забастовочного движения оно серьезно задумалось о необходимости принятия соответствующего законодательства. Основные предложения по этому вопросу возникли в стенах Конгресса и были объединены в еди-

ный проект трудового кодекса, предусматривавшего восьмичасовой рабочий день, ограничение труда женщин и подростков, отпуск по беременности. Проект подвергся нападкам и хозяев предприятий, и большинства депутатов. В нем остался лишь один, принятый в 1919 г., закон, который регулировал возмещение ущерба при несчастных случаях на производстве.

В 1920-е гг., на фоне угасавшего рабочего движения, возникли ясные свидетельства того, что государство предприняло действия по регулированию трудовых отношений: было принято законодательство, предоставлявшее трудящимся минимальные права. В этом плане большое значение имели два закона: о предоставлении двухнедельного отпуска работникам, занятым в торговле и промышленности (1925), и об ограничении труда подростков. Однако же применение закона об отпуске зависело от дальнейшей законодательной регламентации, и вплоть до 1930 г. в сфере промышленности он не применялся из-за противодействия хозяев предприятий.

* * *

В начале 1920-х гг. в анархистском движении возник кризис. Несмотря на бурный характер забастовок, их весьма незначительные результаты породили сомнения в действенности концепций, отстаивавшихся этим движением. В то же время из-за границы в Бразилию проникали известия о разрыве анархистов и коммунистов, одержавших победу в России.

Казалось, что Октябрьская революция 1917 г. провозгласила «зарю новых времен», и те группировки левых, которые принимали ее не полностью, явно «шли не в ногу с Историей». Именно так в марте 1922 г. возникла Коммунистическая партия Бразилии*, большинство основателей которой вышли из анархистского движения. Подобное происхождение стало исключением в Латинской Америке, где возникновение практически всех коммунистических партий стало результатом раскола соцпартий. На протяжении почти всей своей истории БКП находилась на нелегальном положении. До 1930 г. членами партии были преимущественно ра-

* При своем возникновении в 1922 г. бразильская компартия носила название Коммунистическая партия Бразилии. С 1961 г. она стала называться Бразильская коммунистическая партия (БКП — Partido Comunista Brasileiro, PCB). Этот нюанс важен для различения двух бразильских компартий, о происхождении и изменении названий которых см. с. 332 настоящего издания.

бочие, число которых никогда не превышало тысячи человек. Партия подчинялась стратегическим установкам находившегося в Москве III Интернационала, который обосновывал для колониальных и полуколониальных стран необходимость осуществления буржуазно-демократической революции как предварительного этапа революции социалистической.

3.6. Политический процесс в 1920-е гг.

После Первой мировой войны присутствие городского среднего класса на политической арене стало более зримым. В целом этот социальный слой стремился поддерживать тех лидеров и те движения, которые подняли бы знамя подлинного либерализма, способного реализовать на практике конституционные нормы и законы, трансформировав олигархическую республику в либеральную. Это означало, в числе прочего, необходимость чистых выборов и утверждение принципа уважения прав личности. В кругах городского среднего класса велись разговоры о социальной реформе, но главные надежды возлагались на просвещение народа, тайное голосование, создание электоральной юстиции*.

Явственным показателем растущего политического участия городского населения стали выборы 1919 г. В них принял участие потерпевший поражение на выборах 1910 и 1914 гг. Руй Барбоза, олицетворявший протестные настроения; ему противостоял Эпитасиу Пессоа. Даже не имея в своем активе какого-либо особого электорального ресурса, Руй Барбоза получил около трети голосов и одержал победу в Федеральном округе.

Соглашения и раздоры между олигархиями на президентских выборах приобрели новые очертания. Ярким примером этого стала борьба за то, кто сменит на президентском посту Эпитасиу Пессоа. В начале 1921 г. кандидатом от альянса паулистов и «минейрус» был выдвинут губернатор штата Минас-Жерайс Артур Бернардис. Против этой кандидатуры возражал штат Риу-Гранди-ду-Сул, гу-

* Речь шла о создании в будущем органов конституционного правосудия, прежде всего так называемых избирательных трибуналов, имеющих полномочия судебных органов и осуществляющих контроль над правильностью проведения выборов и референдумов. Не случайно аналогом института, который во многих странах называется «Центральная избирательная комиссия», в Бразилии является Верховный избирательный трибунал (избирательные трибуналы существуют и на уровне штатов).

бернатор которого Боржис ди Медейрус обличал этот политический сговор как способ обеспечить повышение стоимости кофе в тот момент, когда страна нуждалась в сбалансированной финансовой системе. Кроме того, «гаушус» опасались и пересмотра конституции (осуществленного, впрочем, Бернардисом в 1926 г.), который ограничивал автономию штатов. К Риу-Гранди-ду-Сул присоединились и другие штаты; они образовали альянс под названием «Республиканский ответ» («Reação Republicana») и выдвинули от него в качестве оппозиционного кандидата Нилу Песанью — политика из штата Рио-де-Жанейро, происходившего из бедных слоев и выступавшего в защиту наследия и личности президента Флориану Пейшоту*.

Именно в ходе президентской кампании проявилось недовольство военных. В армейских кругах получило распространение мнение о том, что Бернардис был настроен против военных. Эти настроения усилились после публикации в октябре 1921 г. в издававшейся в Рио-де-Жанейро газете «Коррейю да Манья» («Correio da Manhã») некоего письма. На самом деле речь шла о письмах (так как их было два), которые были посланы Бернардисом одному политическому деятелю из штата Минас-Жерайс и в которых содержались грубые оскорбления в адрес военных. Фальшивые письма подлили масла в огонь. Цель организаторов данной акции — еще больше настроить армию против кандидатуры Бернардиса — уже была достигнута, когда незадолго до выборов, назначенных на 1 марта 1922 г., оба фальсификатора признали свое авторство этих «документов».

Ситуация еще более осложнилась к июлю 1922 г., когда Бернардис уже был избран президентом, но еще не вступил в должность (это произошло только 15 ноября). Военный клуб выступил с протестом против использования правительством войск для вмешательства в политические перипетии в штате Пернамбуку. Ответом стало закрытие Военного клуба, причем правительство обосновало свои действия законом, направленным против враждебных обществу ассоциаций.

Все эти события ускорили всплеск движения тенентистов, названного так потому, что его основными участниками были пред-

* Президент Флориану Пейшоту вошел в историю Бразилии как «железный маршал», выступавший за консолидацию Республики на основе усиления централизации власти.

ставители среднего офицерского корпуса — в первую очередь, лейтенанты*, а также капитаны.

Первым актом мятежного тенентистского движения стало восстание 5 июля 1922 г. в форте Копакабана в г. Рио-де-Жанейро. Атмосфера ложных или действительно нанесенных оскорблений в адрес армии и гонения на Военный клуб побудили молодых лейтенантов восстать в знак протеста и для «защиты чести армии». Мятеж не распространился на другие армейские подразделения. После первых пушечных залпов, произведенных восставшими, они были обстреляны и взяты в осаду. На следующий день по призыву правительства сотни тенентистов сдались, однако одна группа решила оказать сопротивление. Форт был снова обстрелян с моря и с воздуха. Семнадцать военных, к которым случайно примкнул один гражданский, решили покинуть форт через пляж Копакабана, выйдя навстречу правительственным войскам. В перестрелке погибли 16 человек, а тенентисты Сикейра Кампус и Эдуарду Гомис были ранены. Так «восемнадцать восставших из форта Копакабана»** положили начало легенде о тенентизме.

Спустя два года в Сан-Паулу произошло так называемое «второе издание 5 июля». Выбор даты был обусловлен желанием почтить первое выступление, а выбор места — значимостью штата Сан-Паулу. Революция 1924 г. была лучше подготовлена; ее целью было свержение правительства Артура Бернардиса. В 1920-е гг. Бернардис сконцентрировал на себе всю ту ненависть, которую тенентисты испытывали по отношению к господствовавшей олигархии. Формальное лидерство в тенентистском движении принял на себя перешедший на сторону тенентистов генерал Изидору Диас Лопис — офицер из штата Риу-Гранди-ду-Сул, который в эпоху правления президента Флориану Пейшоту сражался на стороне федералистов***. Наибольшую активность проявляли офицеры братья Жуарис и Жуаким Тавора, Эдуарду Гомис, Эстилак Леал, Жуан Кабанас, Мигел Коста. Присутствие среди восставших Мигела Косты — влиятельного офицера из военизированных подразделений штата Сан-Паулу, — обеспечило им поддержку этих и подобных им подразделений штата.

* *Tenente* (порт. — лейтенант) — отсюда название «тенентисты», «движение тенентистов», тенентизм.

** В Бразилии их называют «Os Dezoito do Forte».

*** Речь идет о Федералистской революции (см. § 1 данной главы).

Начавшись со взятия ряда казарм, движение переросло в сражение за Сан-Паулу: революционеры взяли в свои руки управление городом и удерживали его вплоть до 27 июля. После этого они оставили столицу штата и направились вглубь его территории, двигаясь в западном направлении. Таким образом возникла так называемая «паулистская колонна», которая закрепилась на западе штата Парана в местечке неподалеку от устья реки Игуасу. Там прибывшие из Сан-Паулу тенентисты в ожидании другой колонны, двигавшейся из штата Риу-Гранди-ду-Сул, столкнулись с верными правительству войсками.

Что же касается штата Риу-Гранди-ду-Сул, то там восстание тенентистов вспыхнуло в октябре 1924 г.; особую роль в нем сыграли лейтенант Жуан Алберту и капитан Луис Карлос Престес*. Восстание было поддержано оппозиционными ПРР силами; тем самым тенентизм оказался втянут в местные политические разногласия. После нескольких сражений тенентисты-«гаушус» переместились в направлении штата Парана, двигаясь навстречу тенентистам-паулистам. В апреле 1925 г. обе группы соединились и приняли решение пересечь всю Бразилию, распространяя революционные идеи и поднимая население на борьбу против олигархии. Они рассчитывали также привлечь к себе внимание правительства, способствуя возникновению новых восстаний в городах.

Так возникла колонна по руководством Мигела Косты и Луиса Карлоса Престеса, которая в конечном счете стала известной под именем «колонны Престеса». Колонна совершила невероятный поход по внутренним районам страны, пройдя до февраля-марта 1927 г. около 24 тыс. км; после этого последние участники движения объявили его завершенным и переместились на территорию Боливии и Парагвая. Колонна никогда не насчитывала более 1500 человек, и это количество сильно колебалось в зависимости от прихода и ухода случайных участников и «попутчиков». Колонна избегала прямых столкновений с серьезными военными силами, быстро переходя из одного населенного пункта в другой. Поддержка со стороны сельского населения оказалась иллюзией. Возможность достичь военных успехов была у колонны практически нулевой. Вместе с тем она стала символом для некоторых слоев го-

* Транслитерация имени Луис Карлос Престес (Luis Carlos Prestes) дается в соответствии с устоявшейся в отечественной историографии традицией

родского населения, разочарованных правящей элитой. Как бы ни разворачивались события, им казалось, что еще оставалась надежда на изменение судеб Республики, как это продемонстрировали герои, которые ради спасения страны подвергали себя всевозможным опасностям.

Тенентизм был по преимуществу движением военных из сухопутных сил. Что же касается военно-морского флота, то там единственным откликом на это движение стало восстание во главе с лейтенантом Эрколину Каскарду на броненосце «Сан-Паулу» в ноябре 1924 г., вовлекшее в свои ряды представителей среднего офицерства. Обменявшись выстрелами с береговой артиллерией крепостей, расположенных в заливе Гуанабара, броненосец вышел в открытое море и дошел до Монтевидео, где восставшие и нашли себе пристанище.

В самом крупном за годы Первой республики восстании на флоте основными участниками стали матросы — преимущественно негры и мулаты, которых набирали из беднейших слоев населения. Это был так называемый «бунт плетей» (*Revolta da Chibata*), начавшийся 22 ноября 1910 г. Его участники не стремились к свержению правительства, но хотели положить конец плохому обращению и жестоким телесным наказаниям. Бунт вспыхнул почти одновременно на нескольких военных кораблях, стоявших на якоре в заливе Гуанабара, и начался с неожиданной смерти нескольких офицеров. Одним из главных лидеров восстания был матрос Жуан Кандиду. Под угрозой мятежа эскадры Конгресс декретировал амнистию, если восставшие подчинятся властям; было достигнуто решение изъять порку плетью из арсенала постоянных телесных наказаний, фигурировавших в дисциплинарном уставе военно-морского флота.

Участники движения приняли эти условия, и мятеж закончился. Затем взбунтовались морские пехотинцы, восстание которых было жестоко подавлено; репрессий не избежали и Жуан Кандиду вместе с другими руководителями «бунта плетей», несмотря на то, что они не участвовали в выступлении морских пехотинцев. «Корабль смерти» под названием «Спутник» вышел из Рио-де-Жанейро в направлении Амазонии, на его борту были мятежные матросы, воры, сутенеры и проститутки. В пути многие умерли или были расстреляны. Участники ноябрьского «бунта плетей» были осуждены под предлогом их участия в восстании морских пехотинцев. В конце концов их оправдали, но они провели полто-

ра года в тюрьме, без связи с внешним миром и подвергаясь физическому насилию.

Что же представлял собой тенентизм? Каковы были его цели? Для ответа на этот вопрос вспомним о процессах, происходивших и внутри армии, и в обществе.

По сравнению с начальным периодом Республики в системе подготовки офицеров произошли многие изменения. Военная школа Прайа-Вермелья* была окончательно закрыта в 1904 г., когда в ее стенах произошло последнее восстание. До 1911 г. правительство располагало только Военной школой в Порту-Алегри. В 1911 г. в Рио-де-Жанейро была создана Военная школа Реаленго**. Обучение там сильно отличалось от того, которое давалось ее предшественницей. Преподавание концентрировалось вокруг военных дисциплин, в нем не было того разнообразия, которое отличало прежнюю Военную школу, находившуюся под влиянием позитивизма. Целью Военной школы Реаленго было не воспитание солдат-граждан, которые, находясь в армии, одновременно были бы включены в гражданское общество и в политику; здесь же речь шла о подготовке профессиональных военных.

Подготовка офицеров улучшилась, когда в 1906–1910 гг. три группы были направлены на обучение в Германию. Президент Эрмис да Фонсека, присутствовавший на крупных военных маневрах 1910 г. в Германии, был горячим поклонником немецкой системы организации армии. Годы спустя, уже в 1920 г., обновление армии стало значительнее, что было связано с прибытием французской военной миссии. Германия проиграла Первую мировую войну, и было необходимо искать новую модель армейской организации.

Несмотря на большую профессионализацию офицеров, они не могли не иметь собственных взглядов на общество и на существовавшую систему власти. В годы президентства маршала Эрмиса да Фонсеки группа военных и гражданских лиц создала в президентском окружении некую «группу давления». Ее члены были названы «спасателями», поскольку намеревались спасти республиканские институты. В чем же состояло это «спасение»? Речь шла об ослаблении власти олигархии в тех местностях, где, как представлялось, это можно было сделать с наибольшей легкостью

* См. об этом подробнее в главе 2, § 2.8.

** Квартал в г. Рио-де-Жанейро.

и где социальное неравенство было наиболее шокирующим. В контексте обострения проблем внутри и вне армии тенентистов можно рассматривать как наследников «спасателей». Кроме того, когда возник тенентизм, президентами были уже не военные, а гражданские лица, опутанные множеством ограничений.

Что же касается армии, то одной из главных причин недовольства среднего офицерского состава была негибкость и жесткость военной системы, затруднявшая возможность продвинуться по служебной лестнице и занять более высокие посты. Критиковались и высшие офицеры: их обвиняли в том, что они были заодно с коррумпированными правительствами. Таким образом, тенентисты стремились очистить не только все общество, но и тот институт, из которого они сами происходили.

В 1920-е гг. восставшие военные не имели ясного видения политических перемен. Они предполагали дать стране централизованную власть, которая воспитала бы народ и проводила бы некую смутно очерченную националистическую политику*, — и с связи с этим говорили о необходимости перестроить государственный аппарат для того, чтобы «созидать Нацию». Они обосновывали тезис о том, что одно из самых больших зол, которые несло с собой господство олигархии, заключалось во фрагментации Бразилии, в ее превращении в «двадцать феодальных владений», хозяева которых отобраны правящими политиками.

Хотя в тот период тенентистам и не удалось сформулировать антилиберальную программу, они не считали «подлинный либерализм» инструментом укрепления страны. Они выступали за ограничение прямых выборов и всеобщего избирательного права, стремясь провести мысль о полезности авторитарного пути развития для реформирования государства и общества.

Являлся ли тенентизм, как это принято считать, репрезентативным движением среднего класса? Хотя он и снискал себе в 1920-е гг. широкие симпатии этого социального слоя, было бы упрощением сводить это движение лишь только к самовыраже-

* Под «националистической политикой» в бразильском (и латиноамериканском) политическом дискурсе понимается курс, направленный на достижение общенациональных целей, на реализацию центральных задач национального развития. Слово «националистический» в данном контексте не имеет ничего общего с проблемами межнациональных отношений и обладает сугубо позитивной коннотацией (в отличие от «национализма», тяготеющего к шовинизму, сеющего межнациональную рознь и т.п.).

нию среднего класса. С точки зрения социального происхождения, тенентисты в своем большинстве были выходцами из военных семей или из семей обедневшей элиты Северо-Востока. Очень немногие из них происходили из городских слоев Рио-де-Жанейро или Сан-Паулу. Кроме того, необходимо напомнить, что тенентисты были лейтенантами*, т.е., иными словами, военными. На их мировоззрение наложило свой отпечаток главным образом то, что осознавать себя социальной силой они стали, будучи частью армии. Подобные представления были свойственны именно им, и столь же специфическим было и их недовольство тем институтом, к которому они сами же и принадлежали.

Если не принимать во внимание определенную поддержку, которой располагали тенентисты, в конечном счете они противостояли правительству практически в одиночку. Им не удалось привлечь армию на свою сторону. До 1930 г. ни одна весомая группа из числа гражданской элиты не была расположена разыграть столь радикальную политическую карту. Радикализм же происходил не из содержательного наполнения действий тенентистов, а из методов их борьбы, главным из которых был путь вооруженного противостояния.

* * *

Президент Артур Бернардис (1922—1926), выходец из штата Минас-Жерайс, управлял страной в тяжелой ситуации; ему не раз приходилось прибегать к введению осадного положения. Будучи крайне непопулярным среди городского населения, особенно в Рио-де-Жанейро, он развязал весьма суровые по меркам той эпохи репрессии. Население было недовольно сложной финансовой обстановкой. В результате массивной денежной эмиссии, неоднократно производившейся Эпитасиу Пессоа в 1921—1923 гг. в целях реализации уже третьей операции по повышению стоимости кофе, упал обменный курс и возросла инфляция.

В годы правления Бернардиса произошло важное событие, связанное с «кофейной политикой». Среди основных забот президента было обслуживание внешнего долга; платежи по нему росли по мере того, как с 1927 г. возобновились выплаты не только процентов, но и основной части внешней задолженности. В конце 1924 г.

* В оригинале игра слов: os «tenentes» eram tenentes.

прибывшая в Бразилию английская миссия по финансовым вопросам во главе с лордом Монтегью изучила ситуацию в стране. В докладе, направленном в администрацию президента Бразилии, указывалось на серьезные риски, связанные с операциями по повышению стоимости кофе и с эмиссией бумажных денег. Очевидно, что международные кредиторы опасались, что Бразилия не сможет выполнить свои обязательства.

В этой обстановке федеральное правительство было не очень расположено отстаивать интересы производителей кофе. В то же время последние усиливали критику кабинета за то, что он оставил в стороне проблемы, связанные с кофейным производством. Выход был найден в том, чтобы перевести «защиту кофейного сектора» с федерального уровня на уровень штата Сан-Паулу, который всегда стоял на страже его интересов. Подобная протекция приводила к постоянному изменению вектора «кофейной политики». Начиная с этого момента, федеральное правительство уже не раскрывало защитный «зонтик» для кофейного сектора, делая это лишь в кризисной ситуации. Этот «зонтик», однако же, должен был быть раскрыт постоянно. Правительство штата Сан-Паулу взяло под свою ответственность организацию процесса доставки кофе в порт Сантус, а также в случае необходимости обязалось его скупать. Казалось, что федеральный центр больше никогда не будет действовать в этой области или, в крайнем случае, будет лишь смягчать кризисы кофейного производства.

Передача власти от Бернардиса к следующему президенту протекала спокойно. Ротация претендентов на президентский пост от штатов Сан-Паулу и Минас-Жерайс нашла свое выражение в избрании Вашингтона Луиса, хотя он и был не «чистым паулистом», а «паулистом из Макаэ» — уроженцем данного города в штате Рио-де-Жанейро. Главной задачей нового президента стала стабилизация национальной валюты, что в итоге позволило бы добиться конвертируемости всех находившихся в обращении бумажных денег.

В 1920-е гг. политическое развитие штатов Риу-Гранди-ду-Сул и Сан-Паулу носило разнонаправленный характер. В то время как различные группы элиты штата Риу-Гранди-ду-Сул, пройдя через крупный военный конфликт, стремились к сближению, в штате Сан-Паулу ПРП закончилась партийная монополия. В 1927 г., после гражданской войны, в штате Риу-Гранди-ду-Сул был избран губернатором Жетулиу Варгас — бывший министр финансов в прави-

тельстве Вашингтона Луиса. Варгас предпринял шаги по достижению окончательного соглашения между ПРП и оппозицией, что отразилось на положении штата в составе федерации: оно серьезно укрепилось, что и продемонстрировали события 1929—1930 гг.

В штате Сан-Паулу процессы дифференциации общества, помимо прочих факторов, привели к тому, что ПРП больше не могла отражать все интересы (многие из них носили личный характер) и все политические концепции. В существовании несогласных внутри партии не было ничего нового, но до 1920-х гг. их влияние было весьма ограничено. А в 1926 г. возникла Демократическая партия (ДП — Partido Democrático, PD), имевшая либеральную программу. Основной целью партии было проведение политической реформы, которая включала бы в себя такие положения, как обязательное участие в выборах, тайное голосование, политическое представительство меньшинства, независимость трех ветвей власти, передача контроля над выборами в руки судебной власти.

Руководящие кадры ДП в основном состояли (по крайней мере, до 1930 г.) из авторитетных профессионалов, придерживавшихся либеральных взглядов, и молодежи — сыновей кофейных плантаторов. Руководителем партии был избран снискавший всеобщее уважение советник Антониу Праду — представитель крупной паулистской буржуазии и старый противник ПРП и ее идеологии. ДП привлекла в свои ряды и иммигрантов, но редакционная политика ее печатного органа — «Диариу насионал» («O Diário Nacional») — указывала на то, что основой партии был традиционный средний класс. Иммигранты же, особенно «плутократы от индустрии», становились мишенью для резкой критики.

ДП отличалась от правящей ПРП либеральной идеологией, которую последняя отвергала, а также своим относительно более молодым составом. ДП пробудила энтузиазм значительной части среднего класса, не избалованной благами и щедротами от партии власти, которая стремилась расширить свое присутствие и в обществе, и в органах управления штата. Неверным было бы считать, что ДП представляла собой современную партию крупных городов в отличие от архаичной ПРП, сферой влияния которой была деревня. ДП также имела ряд оплотов в сельской местности, где она применяла те же коронелистские методы, что и ее противники.

Разделение на партийные кланы в штате Сан-Паулу способствовало ослаблению его присутствия на общенациональной политической арене, в отличие от Риу-Гранди-ду-Сул.

3.7. Революция 1930 г.

В начале 1929 г., на заключительном этапе относительно спокойного президентства Вашингтона Луиса, среди элит крупных штатов возник раскол, который привел к окончанию Первой республики.

Разногласия начались в тот момент, когда Вашингтон Луис неожиданно стал настаивать на кандидатуре паулистского кандидата на следующих президентских выборах. Более того, не ограничившись этим, он прямо указал на кандидатуру губернатора штата Сан-Паулу Жулиу Престиса. Подобное поведение Вашингтона Луиса толкнуло «минейрус» и «гаушус» к заключению договора, который до некоторой степени воспроизводил расстановку сил времен президентской кампании 1909 – 1910 гг.

В середине 1929 г. после многочисленных переговоров оппозиция (в лице «минейрус» и «гаушус») выдвинула кандидатуры Жетулиу Варгаса на пост президента и Жуан Пессоа — на пост вице-президента. Жуан Пессоа был племянником Эпитасиу Пессоа и губернатором штата Параиба*. Был сформирован Либеральный альянс, который и должен была вести президентскую кампанию. Жетулиу Варгас получил поддержку от паулистской ДП, а Жулиу Престис — от политического течения, отколовшегося от ПРМ.

Программа Либерального альянса отражала устремления тех региональных правящих группировок, которые не были связаны с кофейным производством и целью которых было воздействовать на средний класс. В программе говорилось о необходимости стимулировать национальное производство в целом, а не только кофейную отрасль, с позиций поддержания финансовой стабильности критиковались способы валоризации кофе, и именно в этом пункте предложения Либерального альянса не противоречили политике Вашингтона Луиса. В программе содержались некоторые меры по защите трудящихся. Но особый упор был сделан на защите индивидуальных свобод, требовании амнистии (в том числе для тенентистов) и политической реформы для обеспечения так называемой «электоральной истины»**.

* В сентябре 1930 г. столица штата Параиба была переименована в честь Жуана Пессоа и поныне носит его имя.

** То есть правильности подсчета голосов.

Несмотря на некоторые недомолвки и умолчания со стороны Жетулиу Варгаса, который на определенном этапе стремился к соглашению с президентом*, президентская кампания набирала обороты. Молодежные «караваны»** Либерального альянса побывали во всех основных городах Северо-Востока. Самого же кандидата в президенты с энтузиазмом встречали на митингах в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу.

В октябре 1929 г., в самый разгар избирательной кампании, разразился мировой экономический кризис, поставивший кофейную отрасль в сложное положение. Постоянная защита кофейного бизнеса порождала у производителей кофе ожидания твердой прибыли, гарантированной государством. Вследствие этого в штате Сан-Паулу расширялись кофейные плантации, и многие брали займы под высокие проценты для выращивания кофе. Кризис же 1929 г. спровоцировал резкое падение мировых цен. Поскольку за этим последовало сокращение потребления кофе, стало невозможно компенсировать падение цен расширением объема продаж. Плантаторы, набравшие долги в расчете на будущие прибыли, оказались в безвыходном положении.

Наступило взаимное непонимание между производителями кофе и федеральным правительством. Первые требовали от Вашингтона Луиса противостоять кризису путем предоставления им новых финансовых ресурсов и введения моратория на их долги. Поглощенный реализацией плана поддержания стабильности обменного курса, что в результате оказалось напрасным, президент отказался выполнить эти требования. В штате Сан-Паулу поднялась волна недовольства. Однако разрыва между кофейными плантаторами и федеральным правительством не произошло. На результатах выборов кризис почти не отразился. Хотя ДП и стала частью Либерального альянса, это не означало, что победа оппозиции могла бы привести к большему учету интересов кофейного сектора.

1 марта 1930 г. на выборах победил Жулиу Престис. Либеральный альянс, на словах осуждая использование им властного административного ресурса, на деле и сам его использовал. «Электоральные машины» штамповали голоса во всех штатах, включая

* Вашингтоном Луисом.

** «Караваны» — традиционная для Бразилии форма массовых народных и социальных движений, сопровождающих крупные политические выступления и проекты.

Риу-Гранди-ду-Сул, где предполагалось, что Жетулиу Варгас одержал победу 298 627 голосами против 982.

Результат выборов не был одобрен молодыми представителями оппозиции. Они избрали путь, которому практически в одиночку прошли тенентисты. Хотя движение тенентистов и потерпело поражение, оно продолжало оставаться важной силой ввиду как военного опыта своих участников, так и авторитета, который оно снискало внутри армии. Теперь создались условия для сближения молодых политиков и мятежных военных, и, несмотря на некоторые взаимные ограничители, оно состоялось.

Единственным серьезным исключением стал Луис Карлос Престес. В мае 1930 г. Престес, наиболее уважаемая фигура тенентистского движения, выступил с манифестом, в котором провозглашал себя революционным социалистом и осуждал оказание поддержки «оппозиционным» олигархиям. По его мнению, противоборствовавшие силы были не более чем игрушкой в более масштабной битве между британским и американским империализмом за контроль над Латинской Америкой.

После встречи Престеса во время его изгнания в Боливии с одним из основателей БКП Астрожилду Перейрой он попал под влияние коммунистов. Это влияние росло через чтение литературы и контакты с коммунистическими лидерами Аргентины и Уругвая. Однако Престес не сразу вступил в БКП. С небольшой группой соратников он основал Лигу революционного действия (*Liga da Ação Revolucionária*). На протяжении нескольких лет БКП осуждала «персонализм Престеса» — до тех пор, пока в 1934 г. он не вступил в эту партию по распоряжению из Москвы.

В середине 1930 г. подготовка революционного заговора шла плохо. Она обрела второе дыхание в связи с совершенно неожиданным событием. 26 июля Жуан Дантас — один из политических противников Жуана Пессоа — убил последнего в кондитерской в Ресифе. В этом преступлении переплелись и частные, и государственные интересы. Акцент в тот момент был сделан на государственных мотивах, поскольку афиширование частных мотивов произошедшего нанесло бы ущерб образу Пессоа как мученика революции. Смерть Пессоа имела большой резонанс и была использована в политических интересах. На похоронах Пессоа в столице страны, куда было доставлено его тело, присутствовало множество людей. Это стало подарком для оппозиционеров, которые получили в свои руки серьезное оружие: с этого

момента им стало легче разворачивать революционную деятельность.

Важным обстоятельством стали и выигрышные перестановки внутри армии: так, общее командование вооруженным движением оказалось в руках человека, который считался представителем высшего эшелона руководства вооруженных сил. Это был Гоис Монтейру (тогда он находился в звании подполковника). Он родился в штате Алагоас, но его карьера была связана со штатом Риу-Гранди-ду-Сул. Еще с 1906 г., в бытность свою слушателем Военной школы, Гоис Монтейру был знаком с Жетулиу Варгасом и с другими политиками Риу-Гранди-ду-Сул; с ними вместе он участвовал в перипетиях внутренней борьбы в этом штате. В 1920-е гг. он не был революционером, а напротив, сражался против «колонны Престеса» в северо-восточных штатах.

3 октября 1930 г. в штатах Минас-Жерайс и Риу-Гранди-ду-Сул вспыхнула революция. В штате Сан-Паулу ДП практически не участвовала в формулировании революционных требований, находясь на обочине событий, и ситуация там оставалась без изменений. В штате Минас-Жерайс была отмечено некоторое сопротивление. На Северо-Востоке движение под командованием Жуариса Таворы выступило на рассвете 4 октября; центром операций стал штат Параиба. Для закрепления успеха революции в штате Пернамбуку Жуарис Тавора опирался на население столицы штата — Ресифе. Народ занял здания представительств федеральной администрации и оружейный склад, в то время как железнодорожные служащие британской компании «Great Western» начали забастовку.

После этого ситуация на Северо-Востоке оказалась для революционеров неопределенной, и внимание было перенесено на те воинские подразделения, которые, поставив под свой контроль южные регионы страны, вели подготовку для вторжения в штат Сан-Паулу. Однако 24 октября 1930 г., до решающего сражения, члены армейской верхушки, выступив в Рио-де-Жанейро от имени сухопутных и военно-морских сил, сместили с должности президента страны и образовали Временное правительство (правительственную жунту).

Временное правительство стремилось остаться у власти, но отступило перед лицом народных выступлений и действий пришедших с Юга революционеров. Жетулиу Варгас прибыл на поезде в Сан-Паулу, а оттуда проследовал в Рио-де-Жанейро, где его

уже ожидали 3 тыс. солдат-«гаушус». Человек, который, став лидером страны, будет обосновывать необходимость национального единства, в тот момент постарался как можно более явственно продемонстрировать свою региональную принадлежность. Он прибыл в столицу Республики в военной форме, выставляя напоказ свою широкополую шляпу, какие носят в пампе. Символический смысл этого триумфа «регионализма» был дополнен тем, что «гаушус» привязали своих лошадей к обелиску на авениде Риу-Бранку. Вступление Жетулиу Варгаса в должность президента 3 ноября 1930 г. ознаменовало конец Первой республики и начало новой эпохи, которая в тот момент еще не обрела четких очертаний.

Революционное движение 1930 г. в Бразилии вписывается в общий контекст нестабильности, спровоцированной мировым экономическим кризисом 1929 г. и характерной для всей Латинской Америки. В 1930 – 1932 гг. в странах континента произошли 11 революционных выступлений, в основном военного характера. Военный переворот генерала Урибуру в Аргентине (сентябрь 1930 г.) произвел демонстрационный эффект в Бразилии; оппозиция приветствовала его и выставляла в качестве примера для подражания.

* * *

Революция 1930 г. не была совершена представителями некоего нового социального класса, будь то средний класс или промышленная буржуазия. Средний класс стал опорой Либерального альянса, но был слишком разнородным и зависимым от землевладельцев, чтобы суметь сформулировать собственную политическую программу.

Что же касается промышленников, то необходимо напомнить, что при становлении социальной организации Первой республики поначалу на первый план вышли региональные черты различных групп, составлявших этот класс. Если взять пример Сан-Паулу, то можно проследить, как на протяжении долгих лет шел процесс постепенного отделения промышленной буржуазии от аграрного сектора, что выразилось в образовании в 1928 г. Центра промышленников штата Сан-Паулу (Centro das Indústrias do Estado de São Paulo). Но это размежевание не дошло до того, чтобы подорвать согласие внутри правящего класса во имя интересов

паулистов. Крупные промышленники опирались на протекцию ПРП, в которой они были представлены. У них не было никаких резонов симпатизировать оппозиции, так как они были одной из мишеней ее критики. Поэтому неудивительно, что ассоциации промышленников открыто поддержали кандидатуру Жулиу Претиса.

В Рио-де-Жанейро промышленники имели свою организацию в лице Центра промышленников Бразилии (ЦПБ — Centro Industrial do Brasil, CIB). В конце 1920-х гг. крупные представители промышленной буржуазии столицы занимали правительственные посты. Например, в 1929 г., в разгар экономического кризиса, текстильный магнат Мануэл Гильерми да Силвейра был избран президентом Банка Бразилии (Banco do Brasil). Когда вспыхнула революция 1930 г., ЦПБ выразил свою солидарность президенту Вашингтону Луису и расценил восстание как «событие, наносящее значительный ущерб экономическому положению страны». Конечно, нельзя не признать, что вскоре после победы революционеров промышленники Рио-де-Жанейро стали стремиться к сближению с правительством. Однако это вовсе не говорит о том, что Жетулиу Варгаса можно было бы считать представителем класса предпринимателей. Напротив, это показывает, что сам факт сближения с государством — будь то до или после 1930 г. — являлся решающим фактором укрепления промышленной буржуазии.

Победители 1930 г. были весьма разнородны как в социальном, так и в политическом отношении. Они объединились в борьбе против одного и того же противника, но цели их были разными: старая олигархия как типичный представитель региональных господствующих классов стремилась к большему учету своих интересов, выражала желание получить больше личной власти при минимуме перемен; более молодые политики стремились перестроить политическую систему и пошли на временный союз с тенентистами, образовав группу так называемых «гражданских лейтенантов»; движение тенентистов, которое в глазах высшего армейского руководства являло собой угрозу, отстаивало принцип централизации власти и проведение ряда социальных реформ; Демократическая партия претендовала на то, чтобы контролировать правительство штата Сан-Паулу, и намеревалась проводить в жизнь принципы либерального государства, которые зримо обеспечивали бы ее господство.

После 1930 г. элиты чередовались у власти, но это не означало серьезного разрыва с предшественниками. Традиционные олигархические группы сошли со сцены, началось политическое восхождение таких слоев, как военные, дипломированные специалисты, молодые политики, а позже и промышленники.

С самого начала новое правительство стремилось сосредоточить в своих руках принятие решений как в финансово-экономической области, так и в сфере политики. Тем самым оно стало арбитром в столкновении различных интересов. Олигархический тип власти, основанный на силе штатов, терял свою базу и опору. Олигархии не исчезли, как не прекратила свое существование и клиентелистская модель отношений, но импульс теперь исходил из центра к периферии, а не из периферии к центру. После 1930 г. возник новый тип государства, который отличался от олигархического не только централизацией, с одной стороны, и большей степенью автономии* — с другой, но и рядом других черт: 1) деятельностью в экономической области, направленной на последовательное достижение целей индустриализации; 2) деятельностью в социальной области, направленной на предоставление определенной социальной защиты городским трудящимся и одновременно на их классовую интеграцию по модели, разработанной верховной властью; 3) приданием центральной роли вооруженным силам, особенно сухопутным войскам, как опоре в деле создания базовых отраслей промышленности и гаранту порядка внутри страны.

Жетулистское государство** продвигало национальный капитализм, опираясь внутри госаппарата на вооруженные силы, а в обществе — на союз промышленной буржуазии и некоторых слоев городских трудящихся. Именно таким образом, а отнюдь не в силу своего участия в революции 1930 г., промышленная буржуазия получала возможности для своего продвижения, постепенно обретая голос и силу внутри правительства. Да и сам проект индустриализации в гораздо большей степени исходил из кабинетов правительственных чиновников, чем от предпринимателей.

* Имеется в виду автономия государства, т.е. его роль как государства-арбитра, стоящего над классами и партиями и лавирующего между различными интересами.

** Распространенный в Бразилии термин, имеющий хождение и в научной, и в популярной литературе. Имеется в виду модель государства, созданная Жетулиу Варгасом.

Все описанные выше преобразования не произошли в мгновение ока, не осуществлялись они и в соответствии с неким коллективно разработанным революционным правительством планом. Эти реформы проводились в течение долгих лет, во время которых акцент делался на том или ином их аспекте. Таким образом, только с высоты прошедшего времени можно получить ясное представление обо всей их совокупности.

4. Государство Жетулиу Варгаса (1930–1945)

4.1. Деятельность правительства

Придя к власти в октябре 1930 г., Жетулиу Варгас управлял государством в течение 15 лет — как глава временного правительства, как президент, избранный на не прямых выборах, и как диктатор. В 1950 г. он будет напрямую избран народом и снова вернется на президентский пост, но не завершит свой президентский срок, покончив жизнь самоубийством в 1954 г.

Этот человек, который стал наиболее выдающимся политическим деятелем Бразилии XX в., родился в семье владельца скотоводческого имения в г. Сан-Боржа, расположенном в регионе Кампанья в штате Риу-Гранди-ду-Сул. Его отец, возглавлявший местное отделение ПРР, участвовал в борьбе против федералистов. До 1930 г. Варгас, пользуясь протекцией губернатора штата Боржиса ди Мейрейса, сделал традиционную карьеру в рядах этой партии. Он был прокурором, депутатом законодательной ассамблеи штата, лидером фракции «гаушус» в нижней палате федерального парламента, министром финансов в кабинете Вашингтона Луиса и губернатором штата Риу-Гранди-ду-Сул. В 1930 г. он вознесся на президентский пост, воплотив в своем лице стратегию, сильно отличавшуюся от политики, которую проводили олигархии.

В начале 1930-х гг. Временное правительство пыталось укрепиться, действуя в неясной, полной неопределенности обстановке. Вследствие мирового экономического кризиса аграрное производство не находило сбыта, владельцы кофейных плантаций были разорены, в крупных городах свирепствовала безработица. Нарастали финансовые трудности: сокращались поступления от экспорта, иссякли потоки конвертируемой валюты.

В политическом плане олигархии тех штатов, которые победили в 1930 г., стремились перековать государство по старым лекалам. Против этого выступили тенентисты, поддержавшие Жетулиу Варгаса в его стремлении усилить центральную власть. Однако в то же самое время они представляли собой течение, которое с трудом поддавалось контролю и которое подвергало риску армейскую иерархию.

Серьезной опорой правительства была католическая церковь. Сотрудничество церкви и государства не являлось чем-то новым, оно развивалось с 1920-х гг., особенно с периода президентства Артура Бернардиса. Ныне же оно стало более тесным. Его символом стало торжественное открытие 12 октября 1931 г., в день открытия Америки, монумента Христа Искушителя на горе Корковаду в Рио-де-Жанейро. Жетулиу Варгас и правительство в полном составе собрались на узкой площадке перед парившей над городом статуей. Кардинал Леми вверил нацию «пресвятому сердцу Иисуса, признавая его во веки веков своим Небесным Царем и Господом». Церковь способствовала тому, чтобы массы католиков поддержали новое правительство, которое, со своей стороны, сделало важные шаги навстречу церкви: так, в апреле 1931 г. был принят декрет, разрешавший преподавание религии в государственных школах.

С самого начала своей деятельности временное правительство предприняло меры по укреплению государственной централизации. В ноябре 1930 г. Варгас распустил Конгресс и взял в свои руки не только исполнительную, но и законодательную власть, а также власть в штатах и муниципиях. Все прежние губернаторы, за исключением новоизбранного главы штата Минас-Жерайс, были отправлены в отставку, а на их место были назначены федеральные интервенторы*. В августе 1931 г. так называемый «кодекс

* Так назывались назначенные Варгасом его представители на местах — правительственные чиновники из числа офицеров.

интервенторов» установил степень их субординации по отношению к центральной власти. Кроме того, кодекс ограничил сферу полномочий штатов, которым запрещалось брать иностранные займы без разрешения федерального правительства, расходовать на содержание военной полиции более 10% от обычных затрат, оснащать полицию штатов артиллерией и авиацией или вооружать ее в размерах, превосходящих вооружение федеральной армии.

Централизаторская политика распространялась и на сферу экономики. Правительство Варгаса не бросило на произвол судьбы кофейное производство, да и не могло этого сделать. Вместе с тем оно пыталось сконцентрировать «кофейную политику» в своих руках, свидетельством чему стало создание в 1933 г. Национального департамента кофе (НДК — Departamento Nacional do Café, DNC).

Существовала, однако, и фундаментальная проблема: что делать с частью тех нынешних, да и будущих запасов кофе, которые не находили сбыта на мировых рынках? Ответ на этот вопрос был получен в июле 1931 г. Правительство должно было скупать кофе на средства от налога на экспорт и от заниженного обменного курса (т.е. частично за счет экспортной выручки) и физически уничтожать часть продукции. Иными словами, речь шла о том, чтобы сократить предложение и поддержать высокие цены. Подобные методы практиковались в Аргентине, где они привели к вырубке виноградников, и в Австралии, где вырезались стада баранов. Бразильская же политика в этой сфере носила весьма долговременный характер, хотя некоторые ее аспекты с течением времени были изменены. Практика уничтожения кофе прекратилась лишь в июле 1944 г. За 13 лет были ликвидированы 78,2 млн мешков кофе, что эквивалентно мировому потреблению этого продукта в течение 3 лет.

В середине 1931 г. финансовое положение страны оказалось неустойчивым. В сентябре того же года платежи в счет оплаты внешнего долга были приостановлены, и была вновь восстановлена монополия Банка Бразилии на установление валютного курса. Данная мера была введена еще в последние месяцы президентства Вашингтона Луиса, а затем была отменена революционным правительством Варгаса.

Наиболее последовательной была политика правительства Варгаса в области трудовых отношений. С 1930 по 1945 г. она прошла в своем развитии через несколько стадий, с самого начала став новым феноменом по сравнению с предыдущим периодом. Ее основными целями было недопущение создания организаций городских

трудящихся вне контроля государства, а также привлечение этих слоев к широкой поддержке правительства.

Что касается первой цели, то вскоре после 1930 г. на левые партии и организации, особенно БКП, обрушились репрессии, и преследование их стало даже более систематическим, чем при Первой республике. В отношении второй цели можно сказать, что спорадическое внимание к проблемам городских трудящихся, существовавшее еще в 1920-е гг., ныне привело к формированию особого правительственного курса, что проявилось в ноябре 1930 г., когда было создано министерство труда, промышленности и торговли. За этим последовали законы о защите работника, об интеграции профсоюзов в государство, о создании арбитражных органов для разрешения конфликтов между хозяевами и рабочими — примирительных комиссий (*Juntas de Conciliação e Julgamento*)*.

В марте 1931 г. было декретировано встраивание профсоюзов в государство. В данном декрете речь шла о синдикализации как рабочих, так и хозяев предприятий, но главным объектом внимания были первые. Профсоюз рассматривался и как консультативный орган, и как орган сотрудничества с государственной властью. Был также прописан принцип «единого профсоюза», т.е. признания государством единого профсоюза для каждой профессии. Синдикализация не носила обязательного характера. Правительство брало на себя функцию контроля над деятельностью профсоюзов и предписывало необходимость присутствия правительственных чиновников на профсоюзных собраниях. Законность профсоюза зависела от того, будет ли он признан правительством; профсоюз мог быть закрыт в том случае, если бы было выявлено несоблюдение им ряда норм. Данный декрет действовал до июля 1934 г., а затем был заменен другим; различие между ними заключалось в том, что во втором случае был взят на вооружение принцип плюрализма профсоюзов, но на практике этот плюрализм не существовал, хотя из законодательства он исчез лишь в 1939 г. Ассоциации промышленников и коммерсантов в конечном счете согласились с трудовым законодательством, хотя вначале выступали против инициатив правительства, особенно против тех мер, которые предоставляли права трудящимся.

Рабочие организации, находившиеся под влиянием левых течений, попытались выступить против втягивания их под контроль го-

* Дословно — «жунты (комиссии) по примирению и вынесению решения».

сударства. Но эта попытка потерпела неудачу. Помимо правительства, требовавшего подобного узаконивания, на этом же настаивали и низовые ячейки самих этих организаций. Ведь целый ряд преимуществ, таких как отпуска и возможность отстаивать свои права в примирительных комиссиях, зависел от членства в том профсоюзе, который признавался правительством. В конце 1933 г. старый «автономный»* синдикализм прекратил свое существование, и профсоюзы — по собственной воле или принудительно — были поставлены под контроль трудового законодательства.

С самого начала своего правления победители 1930 г. уделяли особое внимание проблеме образования. Их главной целью было формирование такой элиты, которая включала бы в себя более широкие социальные слои и была бы более продвинутой в интеллектуальном плане. Попытки реформы системы образования имели место еще в 1920-е гг., но в тот период они представляли собой инициативы лишь в рамках штатов, что соответствовало тогда самой модели федеративного государства. Начиная же с 1930 г. меры, ориентированные на создание образовательной системы и на развитие образования, приобрели иную направленность — в основном из центра на периферию. Образование стало частью общей централизаторской политики. Первым шагом в подобном подходе к образованию стало создание в ноябре 1930 г. министерства образования и здравоохранения.

Инициативы правительства Варгаса в области образования, как и в других сферах, были навеяны авторитарными практиками. Государство пыталось выстроить систему образования сверху вниз, не прибегая к широкой мобилизации общества, но также и не настаивая на продвижении всеобъемлющего школьного образования, которое включало бы в себя весь культурный пласт.

Даже когда было установлено диктаторское «Новое государство», образование оставалось пронизанным смесью иерархических ценностей и консерватизма, порожденного влиянием католицизма, но оно не приняло форм, характерных для фашистской Италии. Проведение образовательной политики оставалось по преимуществу в руках молодых политиков-«минейрус», карьера которых началась еще в годы правления в их штате старой олигархии, а после 1930 г. приобрела новый вектор. Примерами могут служить Франсиску Кампус, который был министром образования с ноября

* То есть не связанный с государством.

1930 г. по сентябрь 1932 г., и Густаву Капанема, сменивший его на этом посту и пребывавший в должности министра достаточно долгое время — с 1934 по 1945 г. В 1930 — 1932 г. Франсиску Кампус развернул в рамках министерства образования активную деятельность, сосредоточившись в основном на высшем и среднем образовании.

На ниве высшего образования правительство стремилось создать условия для появления университетов в подлинном смысле этого слова, которые были бы предназначены для преподавания и исследовательской деятельности. Что же касается среднего образования, то речь шла только о том, чтобы приступить к его введению, так как до этого момента на большей части страны имелись всего лишь подготовительные курсы для поступления в высшие учебные заведения. Реформа Кампуса окончательно установила систему поэтапного обучения в два цикла*, ввела обязательное посещение учебного заведения, учредила выдачу диплома о среднем образовании для поступления в высшее учебное заведение.

Главные шаги в деле создания университетов были сделаны в Федеральном округе и в штате Сан-Паулу (при участии федеральных властей). Так в 1934 г. появились Университет Сан-Паулу (УСП — Universidade de São Paulo, USP), а в 1935 г. — Университет Федерального округа**.

4.2. Политический процесс

Для характеристики политического процесса в 1930 — 1934 гг. важно отметить два взаимосвязанных обстоятельства: роль тенентизма и борьбу между центральной властью и региональными группировками.

* Имеется в виду среднее и высшее образование.

** Этот университет располагался в столице страны, которая тогда находилась в г. Рио-де-Жанейро, поэтому он и носил название Университет Федерального округа. После переезда в 1960 г. столицы в г. Бразилиа этот университет, оставшись в Рио-де-Жанейро, получил название Университет штата Гуанабара (согласно административному делению того времени, г. Рио-де-Жанейро располагался на территории штата Гуанабара, существовавшего с 1960 по 1975 г.). В 1975 г. после слияния штатов Гуанабара и Рио-де-Жанейро университет приобрел нынешнее название — Университет штата Рио-де-Жанейро (Universidade do Estado do Rio de Janeiro, UERJ) — и превратился в одно из наиболее крупных и престижных высших учебных заведений общенационального масштаба.

После победы революции 1930 г. тенентисты переместились в правительственные органы и сформулировали более ясную программу. Они предложили подходить к учету потребностей различных регионов страны с одинаковыми критериями, разработали ряд экономических планов, выдвинули проект создания базовых отраслей промышленности (прежде всего металлургии) и программу национализации, которая должна была охватить шахты и рудники, транспорт, средства связи и каботажные суда. Для реализации этих реформ было необходимо иметь в наличии централизованное и стабильное федеральное правительство. Решительно отмежевываясь от либеральных взглядов, тенентисты выступали за продление диктаторского правления и за разработку конституции, которая наряду с индивидуальным представительством установила бы представительство от социальных классов и слоев; в этом случае каждый штат должен был бы иметь равное количество как одних, так и других представителей.

Варгас стремился использовать тенентистов как инструмент в своей борьбе против засилья олигархий штатов в двух очень разных регионах — на Северо-Востоке и в штате Сан-Паулу. Северо-Восток был излюбленным местом деятельности тенентистов: многие из них происходили из этих мест, где господствовали крайняя бедность и неприкрытое насилие со стороны узкого круга правящих элит.

Многие интервенторы, получившие назначения в северо-восточные штаты, были военными. В ноябре 1930 г. правительство создало под руководством Жуариса Таворы региональное управление северными штатами. Тенентисты стремились осуществить определенные меры по улучшению ситуации, выполнить некоторые требования трудящихся, пытаясь в новых условиях возродить традицию «спасательства». Интервентор Баии Журса́и Магалья́нс создал комиссии по развитию сельского хозяйства, стремился расширить сеть услуг по оказанию медицинской помощи и издал декрет о принудительном сокращении квартплаты. Тавора собирался экспроприировать имущество тех представителей олигархии, которые наиболее скомпрометировали себя в годы Первой республики.

Между тем, не имея ни условий для реализации крупных преобразований, ни намерения осуществить их, тенентисты в конечном счете пришли к соглашению с региональными правящими группировками. С другой стороны, меры по снижению квартпла-

ты и по экспроприации имущества были блокированы федеральным правительством и не имели дальнейшего продолжения. Деятельность тенентистов на Северо-Востоке, несмотря на свой ограниченный характер, пробудила наступательные настроения среди правящих групп в наиболее развитых регионах страны. Жуариса Тавору иронически называли «вице-королем Севера», а за свою попытку создать альянс мелких штатов он получил суровый отпор.

Неумелые действия федерального правительства привели к тому, что в штате Сан-Паулу разразилась гражданская война. Отвергнув требования претендовавшей на власть Демократической партии, Варгас отодвинул паулистскую элиту на обочину политической жизни и назначил своим интервентóром тенентиста Жуана Алберту. Последний, однако, не выдержал нажима со стороны паулистов и собственного правительства и в июле 1931 г. подал в отставку. До середины 1932 г. три других интервентóра сменяли друг друга у власти в штате, что свидетельствовало о серьезном характере «казуса Сан-Паулу».

Управляя штатом Сан-Паулу либо используя свое влияние там, тенентисты стремились получить поддержку своей деятельности. Они искали ее в лице не самых значительных ассоциаций производителей кофе и рабочих профсоюзов. В этом отношении особенно выделился Мигел Коста — министр безопасности и командир военизированных подразделений штата Сан-Паулу. О нем говорили, что «он хранил коммунизм в сердце, а коммунистов держал за решеткой». Бывший лидер «колонны Престеса»*, он пропагандировал идею возрождения профсоюзов, например, Центра портовых грузчиков Сантуса**, руководство которого находилось под его влиянием.

Против тенентистов было настроено подавляющее большинство населения штата Сан-Паулу, вращавшееся — в идеологическом плане — вокруг региональной элиты. Последняя же настаивала на том, что страной следует управлять в соответствии с конституционными принципами, основанными на идеях либеральной демократии. В качестве переходной меры эта элита требовала назна-

* В бразильской исторической литературе ее иногда называют «колонной Мигела Косты/Престеса». Об этом см. главу 3, § 3.6.

** *Город Сантус* — крупный морской порт, расположенный в непосредственной близости от г. Сан-Паулу, не имеющего выхода к морю. В силу этого Сантус называют «морскими воротами Сан-Паулу».

чить интервентóром гражданского чиновника — уроженца штата Сан-Паулу. Лозунги «конституционализма» и автономии взбудоражили широкие слои населения и способствовали сближению ПРП и ДП, выразившемуся в образовании в феврале 1932 г. «Единого фронта Сан-Паулу» (Frente Única Paulista). В том же месяце временное правительство обнародовало Избирательный кодекс, что стало его реакцией на прессинг не только штата Сан-Паулу, но и Риу-Гранди-ду-Сул и Минас-Жерайс, требовавших положить конец продолжавшемуся диктаторскому правлению. В Избирательном кодексе содержались некоторые важные новации: было декретировано обязательное участие в выборах, принят принцип тайного голосования, избирательное право распространялось на представителей обоих полов, впервые право голоса предоставлялось женщинам. До этого подобные нормы были введены в избирательном законе штата Риу-Гранди-ду-Норти от 1927 г., но его действие было ограничено пределами данного штата.

Выборы в парламент должны были проходить на пропорциональной основе, что гарантировало бы представительство меньшинств. Хотя принципы профессионального представительства и зиждились на идеях корпоративизма и итальянского фашизма*, их внедрение преследовало более конкретную цель. Парламентская фракция, образованная 40 представителями всех социальных классов и слоев (более крупная, чем фракция депутатов от штата Минас-Жерайс), стала бы предсказуемо контролируемой правительством. В этом случае она смогла бы стать противовесом более крупным штатам, особенно Сан-Паулу и Риу-Гранди-ду-Сул, в которых в тот период гнездились основные ядра оппозиции.

* Внедренная Варгасом корпоративная система основывалась на его идее о необходимости примирения классовых противоречий между трудом и капиталом, создания «социального мира» и «социальной гармонии». Именно такова была подоплека создания так называемых корпоративных профсоюзов, или монопольных правительственных корпораций, создававшихся министерством труда, в которые входили и предприниматели, и рабочие, причем и те и другие представляли одну и ту же отрасль (отсюда упоминаемое автором «профессиональное представительство»). Иногда в рамках одной «корпорации» объединялись отдельно существовавшие предпринимательские организации и рабочие профсоюзы. Корпоративные профсоюзы и корпоративная система были характерной чертой фашистского государства Муссолини в Италии. Известно, что Варгас в 1930-е гг. был поклонником Муссолини и стремился перенести на бразильскую почву данные принципы итальянского фашизма.

И наконец, Избирательный кодекс в немалой степени способствовал укреплению основы избирательного процесса — по крайней мере, сокращению фальсификаций. С этой целью была создана система электорального правосудия, в обязанности которого входила организация выборов, наблюдение за их ходом и расчет необходимых для их проведения финансовых ресурсов.

В марте 1932 г. Варгас, стремясь умиротворить штат Сан-Паулу, сделал еще один шаг: он назначил в этот штат гражданского интервента, паулиста Педру ди Толеду. Толеду, однако, не обладал большим авторитетом в штате. Оставались и сомнения в отношении проведения выборов; было неясно и то, до какой степени тенентисты остаются под контролем. Правительство подвергалось резкой критике за мягкотелость в вопросе о наказании группы тенентистов, которая вскоре после обнародования Избирательного кодекса разгромила в Рио-де-Жанейро редакцию газеты «Диариу кариока» (*O Diário Carioca*).

С Варгасом порвал и образованный региональными партиями «Единый фронт Риу-Гранди-ду-Сул» (*Frente Única Gaúcha*). Это заставило те группировки в штате Сан-Паулу, большинство из которых было связано с ДП и которые уже вступили между собой в сговор, ускорить подготовку к революции*, вспыхнувшей 9 июля 1932 г. План революционеров состоял в том, чтобы осуществить молниеносную атаку на столицу Республики, поставив тем самым федеральное правительство перед выбором: переговоры или капитуляция. Но этот план провалился. Хотя «паулистская война» и привлекла на свою сторону симпатии многих представителей столичного среднего класса, в плане военных действий она ограничивалась территорией штата Сан-Паулу. Военный флот, со своей стороны, блокировал порт Сантуса.

На самом деле, несмотря на свои разногласия с центральной властью, региональные элиты штатов Риу-Гранди-ду-Сул и Минас-Жерайс не собирались подвергать себя риску вооруженного столкновения с правительством, которому они же сами двумя годами раньше помогли прийти к власти. Штат Сан-Паулу остался практически в одиночестве; в деле противостояния федеральным силам он мог опереться лишь на собственные военизированные подразделения и на широкую народную мобилизацию.

* В советской и российской историографии эти события получили название «война конституционалистов».

Движение 1932 г. объединило различные социальные слои — от производителей кофе до промышленников и среднего класса. В стороне от событий остался лишь организованный рабочий класс, который в первой половине 1932 г. провел ряд крупных забастовок. Борьба за «восстановление конституционного правления» страны и поднимавшиеся в ее ходе проблемы автономии штата Сан-Паулу и его превалирования перед лицом других штатов возбуждали значительную часть паулистского населения. Весьма действенный в те времена образ уподоблял Сан-Паулу локомотиву, толкавшему два десятка пустых вагонов, т.е. двадцать остальных штатов федерации. Радио, которое тогда впервые получило широкое применение, также способствовало тому, чтобы подтолкнуть народ к участию в митингах и стимулировать приток добровольцев на фронт боевых действий. Отвечая на призыв кампании «золото на благо Сан-Паулу», многие жертвовали свои ювелирные украшения и другое семейное имущество.

Революционеры пытались пополнить значительный дефицит оружия и военного снаряжения, прибегнув к ресурсам промышленного парка штата Сан-Паулу. Для закупки вооружения и самолетов они также направили своих эмиссаров в США. Но военное превосходство правительственных сил было очевидным. Несмотря на неравные силы, борьба длилась почти три месяца и в октябре 1932 г. завершилась капитуляцией Сан-Паулу.

Одной своей гранью «паулистская война» была повернута к прошлому, а другой — к будущему. Под знаменем «конституционализма» выступили как те, кто ожидал оттеснения олигархий с политической арены, так и те, кто намеревался установить в стране либеральную демократию. Эти события имели важные последствия. Хотя правительство и победило, оно стало яснее понимать, что нельзя игнорировать интересы паулистской элиты. Побежденные, в свою очередь, осознали необходимость достижения известного компромисса с центральной властью.

В августе 1933 г. Варгас назначил наконец интервентора из числа гражданских лиц и паулиста по происхождению в прямом смысле этого слова — им стал Арманду ди Салис Оливейра, связанный с ДП. В августе того же года он издал декрет о так называемом «пересмотре экономических показателей», согласно которому были сокращены долги страдавших от кризиса сельских производителей. Со своей стороны, и паулистская политическая элита заняла с тех пор более осмотрительные позиции.

В течение 1933 г. тенентистское движение находилось в состоянии распада. Тенентисты не сумели трансформировать государство в соответствии со своими намерениями, потерпели неудачу, либо их попытки обрести собственную социальную базу были пресечены; утратили они силу и внутри армии, где они угрожали существованию военной иерархии. В 1932 — 1933 гг. многие инвервенторы-тенентисты, назначенные в регионы Северо-Востока, ушли в отставку. Главный организационный центр тенентистов — «Клуб 3 октября» — все более тяготел к превращению в «доктринерский орган, не занимавшийся демагогией», как с удовлетворением отмечал генерал Гоис Монтейру. Часть тенентистов подчинилась правительству Варгаса, другие же пополнили ряды правых и левых партий.

В мае 1933 г. Временное правительство решило восстановить конституционное правление, а для этого — провести выборы в Учредительное собрание. Избирательная кампания дала толчок народному участию и процессу организации партий. В штатах возникли многочисленные партии самых разных направлений; некоторые из них имели реальную базу, другие — только внешний фасад. Вместе с тем сформировать общенациональные партии не удалось — за исключением компартии, находившейся на нелегальном положении, и партии «Интегралистское действие».

Результаты выборов продемонстрировали силу региональных элит. В штате Риу-Гранди-ду-Сул избранными оказались по большей части сторонники губернатора Флориса да Куньи; в штате Минас-Жерайс победили последователи прежнего губернатора Олега́риу Масиэла; в штате Сан-Паулу абсолютную победу одержал Единый фронт. Тенентисты же получили весьма скромные результаты.

14 июля 1934 г. после многомесячных обсуждений Учредительное собрание обнародовало конституцию. Она была похожа на Конституцию 1891 г. в той части, где прокламировалась федеративная республика, но включала в себя и много новых моментов, отражавших происшедшие в стране перемены. Моделью для нее послужила германская Веймарская конституция.

Три статьи, которых не было в предыдущих конституциях, были посвящены экономическому и социальному строю, семье, образованию и культуре, а также национальной безопасности. Первая из этих статей носила националистический характер*: она предус-

* То есть отвечала интересам развития национальной экономики.

матривала постепенную национализацию шахт, месторождений полезных ископаемых и водопадов, которые рассматривались как основополагающие либо существенные для целей экономической или военной безопасности страны. Механизмы социального характера должны были обеспечить плюрализм и автономию профсоюзов и затрагивали вопросы трудового законодательства, которое должно было как минимум ввести равную оплату за равный труд, исключить дискриминацию при оплате труда по возрастному, половому, этническому признаку или гражданскому состоянию, установить минимальный размер зарплаты, предусмотреть регламентацию труда женщин и подростков, право на выходной день, на оплаченный отпуск, на возмещение в случае необоснованного увольнения.

В статьях, посвященных семье, образованию и культуре, конституция устанавливала принцип бесплатного и обязательного начального образования. Преподавание религии в государственных школах должно было вестись на факультативной основе, при этом преподаваться могли любые религии, а не только католицизм.

В конституции впервые появились вопросы, связанные с национальной безопасностью. Все они должны были находиться в ведении Высшего совета по проблемам национальной безопасности во главе президентом страны, в состав которого входили министры и руководители штабов сухопутных сил и военно-морского флота. Военная служба объявлялась обязательной — эта норма уже действовала в годы Первой республики, хотя и мало применялась на практике.

15 июля 1934 г. Учредительное собрание посредством непрямых выборов избрало Варгаса президентом со сроком полномочий до 3 мая 1938 г. В дальнейшем избрание президента осуществлялось путем прямых выборов*.

Казалось, что наконец-то страна будет жить в условиях демократического режима. Однако переворот, приведший к установлению «Нового государства» через три с небольшим года после обнародования конституции, положил конец этим надеждам. Крушению надежд способствовали такие факторы, как деятель-

* Прямые президентские выборы, проведенные в 1930 г., возобновились с 1945 г., в последний раз (перед военным переворотом) они состоялись в 1960 г. (президентом был избран Ж. Гуларт). Данная форма выборов была прервана военным переворотом 1964 г. и вновь восстановлена Конституцией 1988 г.; первые после 1960 г. прямые президентские выборы состоялись в 1989 г.

ность группировок внутри правительства, особенно в армии, колебания в лагере либералов и безответственность левых.

После окончания Первой мировой войны в Европе набирали силу движения и идеология тоталитарной и авторитарной направленности. В 1922 г. Муссолини пришел к власти в Италии; Сталин шел по пути создания режима абсолютной власти в Советском Союзе; в 1933 г. нацизм победил в Германии. Падению престижа либеральной демократии, в экономическом плане основанной на капитализме, способствовал и мировой экономический кризис. Капитализм, провозглашавший равенство возможностей и изобилие, провалился в «черную дыру», из которой, как казалось, ему не выбраться. Вместо лучшей жизни он нес собой обнищание, безработицу и отчаяние.

Идеологи тоталитаризма видели в либеральной демократии с ее партиями и, на первый взгляд, ненужной политической борьбой, приводившей к разделению государственного организма, такой режим, который был неспособен найти пути выхода из кризиса. Казалось, что эпоха капитализма и либеральной демократии осталась в прошлом.

В Бразилии в 1920-е гг. возник ряд небольших фашистских организаций. Наиболее отчетливо выраженное движение данной направленности возникло в 1930-е гг., когда в октябре 1932 г. Плиниу Салгаду и некоторые другие интеллектуалы создали в Сан-Паулу партию «Бразильское интегралистское действие» (БИД — *Ação Integralista Brasileira*, AIB). Интегрализм рассматривался как национальная доктрина, наполнение которой было связано в большей степени с культурой, чем с экономикой. Интегрализм открыто выступал против финансового капитализма и стремился установить государственный контроль над экономикой. Но основной пафос этой доктрины сводился к осознанию духовной ценности нации, которая должна была базироваться на объединяющих принципах: девизом партии стал лозунг «Бог, родина, семья».

В вопросе об отношениях общества и государства интегрализм отрицал плюрализм политических партий и индивидуальное представительство. «Интегральное государство» должно было учреждаться вождем нации; в его состав должны были входить созданные по профессиональному принципу представительные органы и культурные учреждения.

Своими врагами интегралисты считали либерализм, социализм и международный финансовый капитализм, находившийся,

по его мнению, в руках евреев. Интегрализм активно использовал ритуалы и символы, такие как культ личности вождя нации, церемониал приема в члены партии, парады «зеленорубашечников», прикреплявших к петлице значок с буквой «сигма»*.

Своих руководителей общенационального и регионального уровня интегралистская партия черпала из числа профессионалов из городского среднего класса и в меньшей степени — из числа военных. Интегрализм вовлек в свои ряды значительное число сторонников. По самым скромным подсчетам, в период наивысшего подъема движения (конец 1937 г.) их количество насчитывало от 100 тыс. до 200 тыс. человек, что было совсем немало, учитывая характерный для того периода низкий уровень политической мобилизации.

В 1930-е гг. интегралисты и коммунисты сошлись в смертельной схватке. Между тем, у обеих партий были и точки соприкосновения: критика либерального государства, признание необходимости единственной партии, культ личности вождя. Поэтому не случайно среди членов обеих партий происходила определенная циркуляция, связанная с переходом из одной организации в другую.

Вместе с тем истоки войны между двумя группировками коренились отнюдь не во взаимном недопонимании. В действительности каждая из партий ставила себе на службу абсолютно разные общественные настроения. Интегралисты основывали свое движение на консервативных ценностях, таких как семья, национальные традиции, католическая церковь. Коммунисты апеллировали к революционным по своей сути программам и концепциям: классовой борьбе, критике религии и религиозных предрассудков, национальному освобождению, которое может быть достигнуто путем борьбы против империализма и в результате проведения аграрной реформы. Наличие столь разных подходов к перекройке общественных отношений было более чем достаточной причиной для антагонизма между обоими движениями. Кроме того, они отражали и те противоположные позиции, которые занимали их европейские вдохновители: фашизм, с одной стороны, и советский коммунизм — с другой.

* *Зеленые рубашки* — форма, в которой ходили члены этой организации. Главная греческая буква «сигма», нарисованная в белом круге на синем фоне (флаг интегралистов), означала «совокупность ценностей».

В Бразилии 1930-х гг. завоевало позиции авторитаристское течение, которое было окрашено в несколько иные тона, но зато было более эффективным. Трудности в деле создания классовых организаций, в формировании ассоциаций, осуществлявшие представительство, и партий сделало авторитарные методы решения проблем привлекательными не только для консерваторов, но и для либералов и левых. Левые пытались увязать либерализм с господством олигархий; исходя из этого, они не придавали большого значения так называемой формальной демократии. Укреплению подобных взглядов способствовали и сами либералы: они боялись социальных реформ и соглашались прервать «игры в демократию» (либо даже сами инициировали это прекращение) всякий раз, когда казалось, что последней угрожают подрывные силы.

Логичным образом авторитарное течение восприняло концепцию консервативной модернизации, т.е. взяло на вооружение идею, согласно которой в такой разобщенной стране, как Бразилия, именно государству следует стать для нации организующим началом, чтобы в рамках существующего строя продвигать экономическое развитие и достижение всеобщего благосостояния. В рамках подобной траектории, по мнению сторонников этого течения, авторитарное государство смогло бы покончить с социальными конфликтами, межпартийной борьбой, эксцессами свободы самовыражения, которые способствовали лишь ослаблению страны.

У авторитарных течений и тоталитаристского интегрализма имелись и общие черты. Интегрализм стремился добиться своих целей посредством партии, которая мобилизовала бы недовольных и штурмом захватила бы власть. Авторитарное же течение не делало ставку на партию, зато уповало на государство; оно не верило в широкую мобилизацию всего общества, но полагалось на прозорливость отдельных политиков. В конечном счете фашистская доктрина привела бы государство к кризису, а авторитарный этатизм — к его укреплению. «Авторитаристы» действовали изнутри самого государства; в наивысшей степени их влияние воплотилось в деятельности руководства вооруженных сил.

Весь период 1930 — 1945 гг. стал временем укрепления армии, особенно сухопутных войск. Это выражалось в росте их численности, в постоянном совершенствовании воинского снаряжения и в завоевании армией авторитета. Перед лицом армии теряли свои позиции военизированные подразделения штатов. Между тем, в первые месяцы после революции 1930 г. армия отнюдь не пред-

ставляла собой сплоченную силу. Причиной тому был не только теннентизм; проблема заключалась в активной деятельности многих членов высшей армейской иерархии, которые симпатизировали Старой республике*. Сам же военный лидер революции имел всего лишь звание подполковника; чуть больше чем за год ему следовало присвоить три воинских звания, чтобы привести его к генеральскому чину. Революция 1932 г. способствовала очищению армии. В том году 48 офицеров, из них 7 генералов, были высланы. В конце 1933 г. 36 из 40 генералов, находившихся на действительной военной службе, получили продвижение по службе от нового правительства.

Тем самым консолидировалась преданная Жетулиу Варгасу группа военных, в которой выделялись два персонажа: Гоис Монтейру и Еурику Гаспар Дутра. Гоис Монтейру разрабатывал политику вооруженных сил, а Дутра был ее основным исполнителем. После 1937 г. они оба «монополизировали» высшие посты в армии. Гоис возглавлял Главный штаб с 1937 по 1943 г.; Дутра был военным министром с 1937 по 1945 г., в 1945 г. он оставил этот пост, поскольку баллотировался на пост президента, а военным министром стал Гоис Монтейру, который, впрочем, занимал эту должность еще в 1934 – 1935 гг.** Эта новая группа высшего военного командования сохраняла верность правительству Варгаса, за исключением нескольких случаев, вплоть до самого 1945 г.

1934 г. был отмечен выдвижением требований со стороны рабочего движения и брожением внутри среднего класса. В городах Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Белеме и в штате Риу-Гранди-ду-Норти разразился целый ряд забастовок, среди которых можно отметить стачки в секторе услуг, а именно на транспорте, в банковском секторе, в сфере коммуникаций. Стремительно развивалась кампания против фашизма, достигшая наивысшей точки в октябре 1934 г. в ходе яростного столкновения между антифашистами и интегралистами в Сан-Паулу.

Ответ со стороны правительства последовал в виде предложенного в начале 1935 г. Закона о национальной безопасности (ЗНБ — Lei de Segurança Nacional, LSN), принятого Конгрессом при помо-

* «Старая республика», «олигархическая республика» — синонимы Первой республики.

** Речь идет о должности «министра сухопутных сил», в отличие от «министра ВМФ» и «министра ВВС». См. об этом в главе 5, § 5.3.

щи либералов. Закон давал определение преступлениям против политического и социального строя, считая таковыми в том числе забастовки госслужащих, подстрекательство к вражде внутри вооруженных групп, разжигание ненависти между социальными классами, подрывную пропаганду, организацию ассоциаций или партий с целью свержения политического или общественного строя незаконными методами.

Одновременно с дискуссиями вокруг ЗНБ коммунисты и близкие к ним левые тенентисты занимались организацией Национально-освободительного альянса (НОА — *Aliança Nacional Libertadora, ANL*). Он был создан 30 марта 1935 г. в Рио-де-Жанейро. Молодой студент-правовед Карлус Ласерда зачитал манифест НОА и предложил в качестве его почетного председателя кандидатуру Луиса Карлоса Престеса, который и был избран при всеобщем одобрении без голосования. Действующим же председателем НОА стал капитан военно-морских сил Эрколину Каскарду, который в 1924 г. возглавил восстание на броненосце «Сан-Паулу».

Базовая программа НОА была ориентирована на достижение общенациональных целей. Ни в одной из ее пяти статей не рассматривалась специфически рабочая проблематика. Речь шла об окончательном прекращении выплаты внешнего долга, о национализации предприятий с иностранным капиталом, об аграрной реформе, о гарантии свобод для народа, о создании народного правительства, в котором мог бы участвовать «любой человек в меру эффективности своей работы».

Образование НОА соответствовало новой линии БКП, которая проистекала из установок Коминтерна, выступавшего за создание по всему миру народных фронтов, направленных против угрозы фашизма. Предполагалось, что НОА и станет подобным примером народного фронта применительно к условиям так называемого полуколониального мира; он должен был объединить в своих рядах представителей различных социальных слоев, готовых противостоять фашизму и империализму.

В то же время созданию НОА способствовала и трансформация, которую пережила БКП с момента вступления в нее Престеса в августе 1934 г. Партия перестала быть мелкой группой, обращенной исключительно к рабочему классу, и превратилась в более сильную организацию и с точки зрения численности, и в плане более разнообразного социального состава ее членов. В БКП вступили военные — последователи Престеса, а также представители

среднего класса. Общенациональная проблематика стала превалировать над классовой тематикой, и это совпадало с новой линией Коминтерна.

За несколько месяцев НОА превратился во внушительную силу. По самым скромным подсчетам, в июле 1935 г. в его рядах насчитывалось от 70 тыс. до 100 тыс. человек. При разработке направления деятельности движения его руководители колебались между попытками укрепить «классовый альянс» или перспективой восстания с целью завоевания власти. Идея восстания, по крайней мере на словах, оказалась более притягательной. На собрании 5 июля 1935 г. в память о выступлениях тенентистов (5 июля 1922 г. и 5 июля 1924 г. — *Примеч. пер.*) Карлус Ласерда зачитал манифест Престеса, в котором тот, находясь на нелегальном положении, призывал к свержению «ненавистного правительства» Варгаса и к завоеванию власти народным, национальным и революционным правительством.

Правительство, которое до этого уже подавляло выступления НОА, получило прекрасный повод для его запрета, что и было сделано декретом от 11 июля 1935 г. С этого момента, в обстановке следовавших один за другим арестов, БКП начала подготовку к восстанию, которое в ноябре 1935 г. вылилось в попытку военного переворота.

Восстание 1935 г., напоминавшее выступления тенентистов в 1920-е гг., потерпело поражение. Оно началось 23 ноября в штате Риу-Гранди-ду-Норти, предварив собой выступление, которое должно было координироваться из Рио-де-Жанейро. Правительственная жунта удерживала власть в столице штата г. Натал в течение четырех дней, после чего была свергнута. Далее последовали восстания в Ресифе и в Рио-де-Жанейро, в последнем случае выступление приобрело более широкий масштаб. Там имело место столкновение между восставшими и силами правопорядка, в результате чего еще до окончательной капитуляции погибло много людей.

Что же могло побудить БКП, располагавшую решающей для нее поддержкой Коминтерна, впутаться в авантюру ноября 1935 г., когда уже было очевидно укоренение стратегии народных фронтов? Все указывает на то, что попытка переворота в Бразилии представляла собой последний всплеск прежней политики БКП, подпитывавшийся преувеличенными выводами бразильских коммунистов о наличии в стране предреволюционной ситуации. В не-

которых регионах на решение выступить оказали влияние и те- нентистские методы борьбы.

События 1935 г. имели серьезные последствия, открыв дорогу широкому применению репрессивных мер и наращиванию авторитаризма. Призрак мирового коммунизма достиг громадных размеров, в том числе и потому, что Коминтерн в целях координации подготовки к восстанию направил в Бразилию несколько своих руководящих кадров.

В течение 1936 г. Конгресс утвердил все исключительные меры, которые были затребованы исполнительной властью для подавления коммунистов и в целом левых сил. В марте 1936 г. полиция осуществила вторжение в Конгресс и арестовала пятерых парламентариев, которые поддерживали или просто симпатизировали НОА. Конгресс одобрил практику тюремных заключений и разрешил проводить судебные процессы против заключенных. В то же время для проведения репрессий были созданы специальные органы. В январе 1936 г. министр юстиции объявил об образовании Национальной комиссии по подавлению коммунизма (*Comissão Nacional de Repressão ao Comunismo*), на которую была возложена задача расследовать факты участия госслужащих и других лиц в действиях или преступлениях против политических и общественных учреждений. В конце октября 1936 г. начал функционировать особый суд — Трибунал национальной безопасности (*Tribunal da Segurança Nacional*). Вначале он предназначался только для суда над теми, кто был замешан в восстании 1935 г., но в конце концов превратился в постоянный орган, действовавший в течение всего периода «Нового государства».

В конце 1936-го и в первые месяцы 1937 г. определились кандидатуры на пост президента, которые должны были участвовать в намеченных на январь 1938 г. выборах. Партия конституционалистов, образованная ДП и несколькими мелкими партиями, выставила кандидатуру Арманду ди Салиса Оливейры. Правительственным кандидатом стал Жозе Америку ди Алмейда, политик с Северо-Востока, который в кабинете Варгаса был министром путей сообщения и общественных работ. Последней была выдвинута кандидатура Плиниу Салгаду, представлявшего интегралистов. Правительственный кандидат располагал поддержкой проваргасовских кругов в штатах Сан-Паулу и Риу-Гранди-ду-Сул, а также мог опереться на большинство северо-восточных штатов и Минас-Жерайс.

Начало предвыборного процесса способствовало ослаблению репрессивных мер. По распоряжению министра юстиции, в июне 1937 г. были освобождены около трехсот человек. Конгресс перестал продлевать сроки действующего военного положения. Между тем, Варгас и его ближайшее окружение не собирались уходить от власти, тем более что ни одна из трех кандидатур не пользовалась доверием Варгаса. Жозе Америку при проведении своей кампании все более склонялся к популизму, выступая в качестве «кандидата от народа» и разоблачая империалистическую эксплуатацию. Близкий к правительству наблюдатель даже заявил, что в центре президентской кампании был социальный вопрос, что создавало для Бразилии риск превратиться в расколотую гражданской войной Испанию.

В течение 1937 г. правительство вмешалось в дела некоторых штатов и Федерального округа с целью приглушить возможные трудности в регионах. Однако предлог для создания ситуации, в которой было бы возможно совершить переворот, отсутствовал. Он возник с появлением «плана Козна», подлинная история которого содержит немало темных пятен. В сентябре 1937 г. один офицер-интегралист — капитан Олимпиу Моурау Филью — был застигнут (или позволил себя застигнуть) за перепечатыванием в помещении военного министерства плана коммунистического восстания. Автором этого документа якобы был некий Козн — человек с явно еврейской фамилией, которая также могла быть искаженной формой фамилии Бэлы Куна, коммунистического лидера из Венгрии.

Судя по всему, этот «план» был вымышленным; он должен был быть опубликован в бюллетене «Бразильского интегралистского действия» с целью показать, каким может быть восстание коммунистов и какова будет реакция на него интегралистов. Восстание должно было спровоцировать резню, грабежи и разбой, мародерство, поджоги церквей и т.д. Дело, однако, заключается в том, что из вымысла этот документ превратился в реальность, перейдя от интегралистов к верхушке армии. 30 сентября 1937 г. его содержание было передано по радио в правительственной программе, и отрывки из него были опубликованы в газетах.

Результаты обнародования «плана Козна» не замедлили сказаться. Конгресс большинством голосов спешно утвердил военное положение и отмену конституционных гарантий сроком на 90 дней. Командующий III-м военным округом декретировал переход военной

бригады штата Риу-Гранди-ду-Сул в распоряжение федерации. Не имея возможностей к сопротивлению, губернатор Флорис да Кунья* покинул свой пост и был выслан в Уругвай.

В конце октября депутат Негран ди Лима объехал северные и северо-восточные штаты, чтобы обеспечить поддержку переворота со стороны губернаторов, и получил их почти единодушное согласие. Оппозиция же проявила активность лишь в начале ноября 1937 г. Арманду ди Салис обратился с манифестом к руководству армии, призывая его воспрепятствовать осуществлению переворота. Но этот шаг лишь ускорил его. Под предлогом того, что текст манифеста распространялся в казармах, Варгас и военная верхушка решили ускорить переворот, намеченный на 15 ноября.

4.3. «Новое государство»

10 ноября 1937 г. подразделения военной полиции окружили здание Конгресса и воспрепятствовали проходу депутатов. Военный министр — генерал Дутра — выступил против того, чтобы операция была осуществлена силами армии. К вечеру Варгас объявил о наступлении нового этапа политического развития и о вступлении в силу конституции, разработанной Франсиску Кампусом. Это было начало диктаторского режима «Нового государства».

Режим был насажден авторитарным образом, без широкого участия населения. Народное движение и коммунисты были отвержены и не смогли бы оказать сопротивление; правящий класс принял переворот как неизбежный и почти благотворный. Подчинился и распущенный Конгресс, а 80 депутатов даже выразили свою солидарность Варгасу 13 ноября — в день, когда многие их коллеги были арестованы.

Оставались еще интегралисты, которые поддержали переворот и надеялись, что Плиниу Салгаду станет министром образования: это могло бы стать важной ступенью на их пути к власти. Варгас разбил эти надежды. В мае 1938 г. группа интегралистов в попытке свергнуть президента пошла на штурм его резиденции. Дело кон-

* Жозе Антониу Флорис да Кунья — губернатор штата Риу-Гранди-ду-Сул в 1930 — 1937 гг. Отдалившись от Варгаса, а затем и порвав с ним, был вынужден уйти с поста губернатора 28 октября 1937 г. (декрет о его смещении был подписан Варгасом еще в апреле 1937 г., однако тогда Флорис да Кунья отказался подчиниться), за месяц до провозглашения Варгасом Нового государства.

чилося тем, что атакующие были окружены, в столкновениях с охраной многие из них погибли; судя по всему, их расстреляли в садах резиденции.

«Новое государство» не представляло собой радикальный разрыв с прошлым. Многие его учреждения и практики обрели форму еще в период 1930 — 1937 гг. Но именно с ноября 1937 г. все они оказались взаимоувязаны и получили внутреннюю целостность в контексте нового режима. Централизаторский уклон, проявившийся еще в первые месяцы после революции 1930 г., реализовался теперь в полной мере. Управление штатов перешло в руки интервенторов, назначавшихся центральным правительством, которое отбирало их на основании различных критериев. Назначения получили военные — родственники Варгаса. Однако в наиболее крупных штатах благодетельствованной, как правило, оказывалась какая-либо из группировок региональной олигархии.

Централизация государства не означает, что оно отрывается от общества. Система представительства различных социальных интересов изменила свою форму, но не перестала существовать. До ноября 1937 г. эти интересы получали свое выражение в Конгрессе, а также через функционирование некоторых правительственных учреждений. Начиная же с момента установления «Нового государства», представительству в Конгрессе был положен конец, и наоборот, был усилен потенциал вспомогательных органов внутри госаппарата.

В социально-экономическом плане «Новое государство» представляло собой альянс гражданской и военной бюрократии с промышленной буржуазией, ближайшей общей целью которых было продвижение в стране индустриализации без крупных социальных потрясений. Гражданская бюрократия отстаивала программу индустриализации, потому что видела в ней путь достижения подлинной независимости страны; военные — потому что считали, что создание базовых отраслей промышленности укрепит экономику как важную составляющую национальной безопасности; промышленники — поскольку наконец-то убедились в том, что стимул к индустриализации зависит от активного вмешательства государства в экономику. Сближение промышленной буржуазии с правительством Варгаса началось, главным образом, в период после 1933 г., после подавления паулистской революции.

Альянс данных социальных слоев не означал полного совпадения их взглядов. В отличие от правительственных чиновников

промышленники были не столь радикальны в отношении поддержки вмешательства государства в экономику и в педалировании противостояния с иностранным капиталом. Они, как правило, требовали принятия мер в области обменного курса и установления таможенных пошлин на импорт, что защитило бы интересы национальной промышленности.

После 1937 г. растущая заинтересованность правительства Варгаса в продвижении индустриализации страны отразилась на его политике в сфере образования. Хотя министр Капанема и проводил реформу среднего образования, наибольшее внимание правительства было сконцентрировано на организации профессионально-технического образования с целью подготовки квалифицированной рабочей силы для промышленности.

В сфере управления государством верховной инстанцией принятия основополагающих решений была личная власть Жетулиу Варгаса. Особое значение имели доверительные отношения между президентом и его министрами. В период с марта 1938 г., когда Освалду Аранья стал министром иностранных дел, по июнь 1941 г. в правительстве не было произведено ни одной перестановки. Влияние военных осуществлялось через многочисленные и постоянно множившиеся при режиме «Нового государства» правительственные органы, Главные штабы родов войск и Совет национальной безопасности (*Conselho da Segurança Nacional, CSN*). Приданные последнему полномочия по изучению всех вопросов, связанных с национальной безопасностью, трактовались в расширительном смысле. Именно поэтому Совет стал играть столь важную роль в принятии экономических решений.

Благодаря армии была создана государственная сталелитейная промышленность, хотя и не все рекомендации военных были учтены. В сфере нефтяной промышленности в июле 1938 г. в качестве специального органа при президенте был создан Национальный совет по нефти (*HCN — Conselho Nacional do Petróleo, CNP*), руководство которым было возложено на генерала Орту Барбозу. Правительство утвердило программы военных по закупке вооружений, включавшие в себя артиллерийские установки производства германской компании «Крупп», военные корабли из Великобритании и Италии, вооружение для пехоты из Чехословакии и самолеты из США.

Хотя формальная и неформальная власть армии распространялась на многие области, она не была абсолютной. Военные не хо-

тели, да и не имели условий к тому, чтобы просто заменить собой гражданскую элиту. Это было понятно еще в момент переворота: кандидатура из числа военных вряд ли была бы широко поддержана, а сам военный министр постарался избежать открытой волеизъявления армии в эти события.

Армия выступала как сплоченный институт в отношении общей цели, а именно модернизации страны авторитарными методами. Но взгляды военных на отношения с великими державами, на траекторию экономического развития (т.е. на степень его самостоятельности) менялись в зависимости от соглашений с различными группировками либо от личных пристрастий.

Тем самым президент мог манипулировать притязаниями военных и согласовывать их с общими интересами, которые представляло его правительство. При необходимости он мог и противостоять военной верхушке. Когда вскоре после переворота 1937 г. Варгас принял решение прервать выплаты по обслуживанию внешнего долга, он активно использовал поддержку военных, поставив вопрос следующим образом: либо выплата внешнего долга, либо перевооружение армии и переоснащение транспортной системы. Годы спустя, в начале 1942 г., решение президента о солидарности с США после нападения Японии на Пёрл-Харбор было достаточно сдержанно встречено генералами Дутрой и Гоисом Монтейру. Оба они представили прошения об отставке, которые были отклонены президентом. По словам заместителя госсекретаря США Самнера Уэллеса, Варгас даже заявил обоим военным, что он опирается на народ и в своей борьбе с подрывной деятельностью отнюдь не нуждается в армии.

Финансово-экономическая политика «Нового государства» была иной, чем в 1930 — 1937 гг., когда не имелось четкой ориентации на стимулирование промышленного развития. В тот период правительство лавировало между интересами различных групп, среди которых был и аграрный сектор, а также было весьма восприимчиво к внешнему давлению. Начиная же с ноября 1937 г., государство, осуществляя политику замены импорта продукцией собственного производства и создания базовых отраслей промышленности, стало действовать с большей решимостью. Сторонники данного вектора развития приобрели немалое влияние; это было связано как с критическим состоянием платежного баланса, которое нарастало еще с 1930 г., так и с нараставшей угрозой мировой войны, которая могла бы наложить большие ограничения на импорт (как в результате и получилось).

До 1942 г. политика импортозамещения проводилась вне общего планирования: каждый сектор экономики рассматривался по отдельности. Но в августе того же года, со вступлением Бразилии в войну и с разрастанием военного конфликта, государство взяло контроль над экономикой в свои руки. С этой целью была создана Служба координации экономической мобилизации (*Coordenação de Mobilização Econômica*, СМЕ) во главе с бывшим тенентистом Жуаном Алберту.

Стимул к проведению индустриализации был тесно увязан с идеологией национализма*, но Варгас предпочел не втягивать страну в националистическую кампанию. Конституция 1937 г. отдавала в собственность нации горнодобычу и водопады, при этом в Основном законе было определено, что дальнейшие шаги по их национализации будут регулироваться специальным законом — так же как и в случае наиболее существенных в деле обеспечения экономической или военной безопасности отраслей промышленности. В конституции было также закреплено положение о том, что в стране могут функционировать лишь те банки и страховые компании, акционерами которых являются бразильцы. Иностранным предприятиям, банкам и компаниям давался срок, который должен был быть в будущем закреплён в законе; за это время они должны были трансформироваться в национальные.

Все эти нормы затем регулировались многочисленными декрет-законами, которые отражали и давление различных групп, и отсутствие четко ориентированной линии правительства. Например, этими мерами не были затронуты объекты электроэнергетики, а в октябре 1941 г. Варгас отказался одобрить проект декрета, согласно которому банки и страховые компании должны были с августа 1946 г. превратиться в национальные компании. И даже решение государства в отношении сталелитейной промышленности (о чем речь пойдет ниже) явилось результатом не противостояния или столкновения интересов, а соглашения с правительством США.

Обстоятельства, связанные с созданием сталелитейной и нефтяной промышленности, имеют особое значение для понимания сущности политики государственных инвестиций в базовые отрасли экономики. По отношению к каждой из этих отраслей правительство действовало различным образом. История создания

* В данном контексте — с общенациональными целями

крупной металлургической промышленности вписана в рамки «Нового государства»; что же касается нефтяной промышленности, то ее история выходит за эти пределы и завершается уже в годы второго президентства Варгаса.

Идея создания комбината «Волта Редонда» в штате Рио-де-Жанейро была разработана в июле 1940 г.; тогда же была определена и его структура. Строительство финансировалось за счет американского займа, предоставленного Экспортно-импортным банком США, и средств бразильского правительства. Контроль над комбинатом находился в руках созданной в январе 1941 г. «Национальной металлургической компании» (*Companhia siderúrgica nacional*) со смешанным капиталом. Данное решение не было результатом четкой позиции правительства; еще с начального этапа «Нового государства» бюрократическая машина не выработала какой-либо единой позиции по этому вопросу. Различные группировки были согласны друг с другом только в признании необходимости расширения и диверсификации производства стали. От этого зависели развитие транспортных услуг и создание тяжелой промышленности; кроме того, импорт стали ложился все более тяжким бременем на платежный баланс, который уже долгое время был отрицательным.

Бразильский частный капитал и сам Варгас склонялись к союзу с иностранным капиталом — германским или американским. Стремление же создать промышленность, которая не подчинялась бы внешнему контролю, исходило из кругов армии. Но военные не располагали условиями, при которых они могли бы немедленно заставить принять это выработанное ими решение. Напротив, в течение всего 1939 г. превалировали соглашения бразильского правительства с американской компанией «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», и была принята программа создания такой отрасли промышленности, в которой участвовали бы вышеупомянутая американская корпорация, бразильский частный капитал и бразильское правительство. Однако, несмотря на принятые Варгасом и госдепартаментом США примирительные шаги, американская корпорация отвергла данную программу. С этого момента восторжествовал выбор в пользу государства.

В отличие от сталелитейной отрасли, вопрос о развитии нефтедобывающей промышленности в 1930-е гг. не стоял столь остро. Импорт нефти приобрел более широкие масштабы только после Второй мировой войны и в течение длительного времени не пред-

ставлял большой проблемы для платежного баланса. Вплоть до середины 1939 г., когда была открыта нефть в штате Баия, создание нефтедобывающей промышленности сводилось всего лишь к строительству нефтеочистительных заводов. Даже после открытия нефти ее добыча была незначительной, а сомнения в отношении ее запасов сохранялись вплоть до 1950-х гг. В силу этих причин расходования по вопросу о «нефтяной политике» были гораздо более серьезными, чем по поводу сталелитейной промышленности, и даже среди военных мнения по этому вопросу сильно разделились. Тем не менее основные инициативы в этой сфере выдвигали именно военные.

Начиная с 1935 г., ряд промышленников начал проявлять интерес к созданию нефтеочистительных заводов. Это привело к тому, что в 1936 г. компания «Стандарт», а в 1938 г. — компании «Тексако», «Атлантик рефайнинг Ко» и «Англо-Мексикан» предложили создать в Бразилии крупные нефтеочистительные предприятия. Начались дискуссии о том, какой выбор наиболее предпочтителен; участие государства в решении этой проблемы воплотилось в изданном в апреле 1938 г. декрет-законе, согласно которому индустрия по очистке импортируемой или добытой на территории Бразилии нефти подлежала национализации. Национализация означала, что вложенный в предприятие капитал, а также руководство и управление предприятиями должны оставаться в руках бразильцев. Это, однако, не было синонимом госмонополии. В том же самом декрете провозглашалось создание упомянутого выше Национального совета по нефти (НСН), в который входили лица, назначавшиеся президентом страны и представлявшие различные министерства и группы интересов. В 1938 — середине 1943 гг. в составе НСН преобладали представители тех армейских кругов, которые выступали за расширение государственного контроля над нефтяной промышленностью. Это было время, когда Советом руководил военный инженер генерал Орта Барбоза. Его попытки создать крупные государственные нефтеочистительные заводы провалились. Деятельность НСН оказалась блокирована различными группами интересов, министрами и самим Варгасом.

Политика США в отношении бразильской нефтяной промышленности отличалась от их линии по вопросу о сталелитейном производстве, поскольку США отстаивали интересы тех крупных компаний, которые традиционно контролировали нефтяную сферу. Испытывая давление с разных сторон, Орта Барбоза в середи-

не 1943 г. подал в отставку — именно в этот период начали прева-лизовать интересы частного капитала.

В действительности достижения «Нового государства» в обла-сти нефтедобывающей промышленности носили ограниченный характер. Но даже и в таком виде они все равно были важны с двух точек зрения. С одной стороны, политика НСН препятство-вала реализации замыслов крупных иностранных компаний, хотя и сам НСН не сумел выдвинуть альтернативных предложений. С другой стороны, деятельность генерала Орты Барбозы поддер-жала и вдохновила те группировки, которые уже в 1950-е гг. будут требовать проведения политики, подобной той, которую прово-дил он сам (в конце 1930-х — начале 1940-х гг. — *Примеч. пер.*) и которая найдет свое успешное воплощение в создании государст-венной компании «Петробраз» в октябре 1953 г.

В области финансовой политики «Новое государство» стреми-лось оставаться на консервативных позициях, что нашло свое выражение в деятельности министра финансов Соузы Косты, ко-торого Варгас сохранял на данном посту практически в течение всего периода своего президентства. Вместе с тем суровая необ-ходимость потребовала применения решительных мер, которые, впрочем, всегда рассматривались как чрезвычайные. Чтобы про-тивостоять кризисному положению, сложившемуся в сфере пла-тежного баланса, Варгас вскоре после переворота приостановил обслуживание внешнего долга, декретировал монополию госу-дарства на продажу валюты и ввел налог на любые обменные опе-рации. Был сохранен контроль над внешней торговлей; в области внешней задолженности было достигнуто соглашение с креди-торами, и, несмотря на сопротивление военных, опасавшихся сокращения госинвестиций по причине обслуживания долга, в 1940 г. выплаты по нему были возобновлены.

«Рабочую политику» «Нового государства» можно рассматривать в двух аспектах: как реальные инициативы и как средство форми-рования символического образа Жетулиу Варгаса как защитника трудящихся. Что касается первого аспекта, правительство прово-дило в жизнь и даже упорядочило ту политику, которая осуществля-лась еще с начала 1930-х гг. Законодательство в этой области черпало идеи в действовавшей в фашистской Италии «Хартии труда». Кон-ституция 1937 г. снова ввела принцип «единого профсоюза»*, от ко-

* См. об этом в § 1 данной главы.

торого на практике никогда и не отказывались. Забастовка или *локаут** запрещались. Декрет-закон от августа 1939 г. очертил принципы организации профсоюза, сделав его еще более зависимым от государства. Помимо этого, ранее существовавшая вертикальная структура профсоюзов была укреплена созданием региональных профсоюзных федераций и общенациональных профсоюзных конфедераций.

В июле 1940 г. был введен профсоюзный налог — базовый инструмент финансирования синдиката и его подчинения государству. Налог представлял собой обязательную ежегодную выплату, соответствовавшую сумме дневного заработка; он должен был выплачиваться каждым работником, независимо от его членства в профсоюзе. Банку Бразилии оставалось лишь взыскать этот платеж, 60% которого предназначались самому профсоюзу, 15% — Федерации профсоюзов, 5% — Конфедерации профсоюзов и 20% — Социальному фонду профсоюзов. Деньги Социального фонда часто использовались как «секретные средства» для финансирования министерств, а впоследствии — и предвыборных кампаний.

На профсоюзном налоге «взросла» фигура «*pelego*»**. Это выражение происходит от одного из значений данного слова — кусок ткани или кожи, который подстилают под седло лошади, чтобы смягчить наезднику толчки и сотрясения во время верховой езды. Идея подобного амортизатора показалась довольно удачной. «*Pelego*» превратился в профсоюзного лидера, который, находясь во главе профсоюза, в большей степени действует в собственных интересах и в интересах государства, чем в интересах трудящихся, т.е. при наличии трений и разногласий он выступает в качестве амортизатора. Существованию этой фигуры благоприятствовал и тот фактор, что привлекать в профсоюз большие массы трудящихся не было необходимости. Ведь выживание профсоюза было гарантировано существованием налога, количество же его членов играло в данном случае второстепенную роль.

* «*Забастовка*» — прекращение работы трудящимися в целях удовлетворения их требований; «*локаут*» — увольнение предпринимателями рабочих всего предприятия в качестве метода борьбы с рабочим движением. Локаут уравнивался с забастовкой именно в силу того, что трудящиеся и предприниматели сосуществовали в рамках единого профсоюза.

** Дословно — «шкура». Так называли закамуфлированного агента министерства труда в рабочих профсоюзах.

Для решения вопросов «рабочей политики» правительство в мае 1939 г. создало органы «трудовой юстиции», прообразом которой были примирительные комиссии. Трудовое законодательство обрело систематизированный и расширенный характер с появлением в июне 1943 г. документа под названием «Консолидированные законы о труде» (КЗТ — *Confederação das Leis do Trabalho*, CLT).

Важную новацию ввело «Новое государство» в сфере регулирования зарплат. В мае 1940 г. был установлен минимум заработной платы, который должен был удовлетворять базовые потребности работника. Когда этот минимум был установлен впервые, он соответствовал этим целям. Но по прошествии лет он снизился и оказался весьма далек от поставленных целей.

Многочисленные церемонии и интенсивное использование средств коммуникации «работали» на создание имиджа Жетулиу Варгаса как защитника трудящихся. Из церемоний особо выделим празднования 1 Мая, проводившиеся начиная с 1939 г. на футбольных стадионах. Во время этих мероприятий, собиравших большие массы рабочих и вообще много народа, Жетулиу начинал свои речи с обращения-заклинания: «Трудящиеся Бразилии!», а затем объявлял о какой-либо давно ожидаемой мере социального характера. В качестве инструмента сближения правительства с трудящимися постоянно использовалось радио. Министр труда выступал по радио с еженедельными лекциями, в которых он рассказывал об истории социального законодательства, представлял конкретные случаи, а иногда обращался к определенным категориям слушателей: пенсионерам, женщинам, родителям рабочих-подростков, мигрантам и т.д.

При помощи этих и других элементов и выстраивалась символическая фигура Жетулиу Варгаса как лидера и наставника всех бразильцев, особенно трудящихся, как друга и отца, который в сфере социальных отношений был аналогом главы семьи. Наставник и отец даровал блага своим людям и имел право ожидать от них в ответ преданности и поддержки. Блага не были плодом воображения. Но их большая политическая отдача проистекала не столько от материального выигрыша тех, кто их получал, сколько от успешного создания имиджа президента; этот образ обрел форму и содержание в период существования «Нового государства».

Установленный в 1937 г. режим апеллировал не только к трудящимся. Напротив, он пытался сформировать общественное мнение.

ние в свою пользу, накладывая запреты на критику и независимую информацию и разрабатывая собственное видение того исторического этапа, который переживала страна. Обеспокоенность правительства Варгаса состоянием дел в этой сфере уходила своими корнями в начальный период его правления, когда в 1931 г. возник Правительственный департамент рекламы (Departamento Oficial de Publicidade). В 1934 г. в рамках министерства юстиции был создан департамент пропаганды и распространения культуры, который действовал до декабря 1939 г., когда «Новое государство» образовало настоящее министерство пропаганды — Департамент прессы и пропаганды (ДПП — Departamento de Imprensa e Propaganda, DIP), напрямую подчиненный президенту страны. ДПП получил достаточно широкие полномочия, в сферу его деятельности входили кино, радио, театр, пресса, «социальная и политическая» литература, подготовка программы правительственного радиовещания, запрет на появление в стране «публикаций, враждебных интересам бразильцев», сотрудничество с иностранной прессой с целью воспрепятствовать распространению «информации, враждебной для репутации и культуры страны». Департамент отвечал за ежедневную трансляцию программы «Час Бразилии», которая продержалась многие годы в качестве инструмента официальной пропаганды и распространения информации о деятельности правительства.

«Новое государство» преследовало, арестовывало, пытало, высылало интеллектуалов и политиков, особенно приверженцев левых взглядов и некоторых либералов. Но оно не вело преследований, которые не имели бы на то оснований. Руководители «Нового государства» осознавали важность привлечения представителей образованной части общества на свою сторону. Члены католических общин, интегралисты авторитарной направленности, скрытые левые — все они заняли соответствующие посты и согласились принять те выгоды, которые предлагал им режим.

В своих многочисленных выступлениях и высказываниях, предназначенных для широких масс, либо на страницах таких изданий, как «Культура политика» (Cultura Política), нацеленных на более узкий круг, «Новое государство» стремилось транслировать свою версию истории страны. Рассматривая новейшую историю, оно выставало себя как логический результат революции 1930 г. Проводилась мысль о радикальном разрыве между старой Бразилией — разьединенной, в которой господствуют латифундии и

властвуют олигархии, и Бразилией, рожденной революцией. Считалось, что «Новое государство» добилось реализации революционных целей; стремясь обрести исторические корни страны, национальную интеграцию, порядок, не нарушаемый межпартийными противоречиями, оно способствовало вступлению страны в современную эпоху.

В период Первой республики государственная служба адаптировалась к клиентелизму. За редкими исключениями не существовало публичных конкурсов при приеме на работу; специалисты представляли собой замкнутую и весьма небольшую элитарную группу. «Новое государство», напротив, стремилось переформатировать систему государственного управления, превратив его в агента модернизации. Оно вознамерилось создать управленческую элиту, которая не была бы связана отношениями с различными партиями и отождествляла бы себя с теми принципами, на которых зиждился режим. Всецело преданная национальным интересам, такая элита, по замыслу режима, должна была внедрять критерии эффективности, экономии и рационализма.

Основным учреждением, ответственным за реформу государственного управления, стал Административный департамент государственной службы (*Departamento Administrativo do Serviço Público, DASP*), созданный в 1938 г. в качестве органа, связанного с администрацией президента. В деле набора персонала нужно было приложить определенные усилия для того, чтобы установить такие критерии продвижения по службе, в которых главным условием поступления на работу стали бы личные заслуги. Данный критерий открывал возможности для специалистов — представителей среднего класса, но его применение было весьма ограничено. Само законодательство и окружающая действительность препятствовали формированию многочисленного слоя бюрократии, который был бы подчинен формальным правилам приема на работу и продвижения по служебной лестнице в соответствии со своими заслугами. Большинство назначений в верхушке бюрократического аппарата продолжали делаться в соответствии с предпочтением президента или министров так называемым «доверительным должностям»: те, кто занимал эти посты, могли быть уволены в любую минуту. Чтобы попасть на эти должности, было достаточно минимальных навыков, тем не менее выбор не всегда зависел от послужного списка на государственной службе.

Чтобы лучше понять внешнюю политику, ее следует рассматривать в рамках общей оценки периода 1930-1945 гг. Формулирование ее основных направлений, как и их переосмысление, вытекали из взаимодействия Бразилии с великими державами, при этом «Новое государство» было всего лишь одним из элементов этого взаимодействия.

Мировой экономический кризис выявил упадок английской гегемонии и восхождение США. Оно стало особенно зримым с того момента, когда вступили в силу принятые президентом Рузвельтом меры по борьбе с кризисом. В то же самое время после 1933 г. на международной арене возник и другой конкурент — нацистская Германия. В этой ситуации бразильское правительство избрало прагматическую политику; оно стремилось торговать и вести переговоры с теми, кто предложит лучшие условия, и извлекать выгоду из соперничества между великими державами.

Характерной чертой периода 1934-1940 гг. стало возрастание веса Германии во внешней торговле Бразилии. Германия стала основным покупателем бразильского хлопка и превратилась во второй по значимости рынок сбыта бразильского кофе. Однако же сферой, где влияние Германии росло особенно сильно, стал именно импорт. Если в 1929 г. около 13% бразильского импорта поступало из Германии, а 30% — из США, то в 1938 г. германский импорт слегка превысил американский (25% против 24%). В том же самом 1938 г. 34% бразильского экспорта направлялось в США, а 19% — в Германию. Сделки с Германией были привлекательны не только для ряда экспортноориентированных компаний, но и для тех, кто отстаивал необходимость модернизации и индустриализации страны. Ведь Германия, предлагая оборудование для железных дорог, товары производственного назначения и т.п., открывала перспективу прервать традиционную направленность внешней торговли великих держав.

С другой стороны, были и факторы, оказывавшие на торговлю с Германией негативное влияние: пытаясь перевести сделки с Бразилией в плоскость двусторонних соглашений, которые устранили бы иных конкурентов, «третий рейх» постоянно настаивал на торговле на основе неконвертируемой валюты — так называемых «компенсационных марок». Германские представители стремились поставить торговлю под свой контроль, навязывая квоты, устанавливая цену и на продукцию, и на свои «компенсационные марки». США же в условиях продвижения Германии вели политику, в которой сочетались давление и осторожность. Эко-

номические группы США — инвесторы, банкиры, импортеры — намеревались принять репрессивные меры против Бразилии. Рузвельт же предпочитал избегать крайних мер, которые могли бы привести к альянсу Бразилии с Германией или к переходу Бразилии на путь радикального национализма*.

В правительственных и экономических кругах Бразилии сложилась четкая альтернатива: одна группа выступала в пользу большего сближения с США, а другая — с Германией. Посол Бразилии в Вашингтоне с 1934 г. Освальду Аранья и представитель компании IBM в Бразилии Валентин Боусас выступали за «американский выбор»; представители военной верхушки, такие как Дутра и Гоис Монтейру, проявляли симпатии к Германии.

После переворота 1937 г., который был с энтузиазмом воспринят в Германии и в Италии, прагматический курс во внешней политике не изменился. Военные оказывали давление на правительство с целью склонить его в пользу большего взаимопонимания с Германией, и в марте 1938 г. они получили крупный контракт с фирмой «Крупп» на поставки артиллерийского вооружения. Вместе с тем незадолго до этого Варгас, назначив Освальду Аранью министром иностранных дел, продемонстрировал свое нежелание производить серьезные изменения во внешнеполитическом курсе.

Несмотря на известную идеологическую близость, которая могла бы способствовать большему сближению с Германией, отношения Бразилии и Германии получили в 1938 г. встряску. В том году режим Варгаса обрел стабильность, удалив с политической арены ту единственную силу, которой еще удавалось уйти из-под его контроля, а именно интегрализм. Продemonстрировав свою дистанцированность от местного фашизма, «Новое государство» одновременно с этим развернуло наступление против нацистских групп, базировавшихся на юге страны. Был арестован германский агент, лидер нацистской партии штата Риу-Гранди-ду-Сул. Германский посол был объявлен «персоной нон грата» и был вынужден покинуть Бразилию. Впоследствии разногласия и трения были преодолены, но след их остался.

В деле определения направлений внешней политики Бразилии гораздо большую роль сыграло не установление «Нового государ-

* В бразильском дискурсе под этим выражением подразумевается курс радикального разрыва с иностранным капиталом и переход на позиции самостоятельного развития.

ства», а начало Второй мировой войны. Блокада Англии привела к тому, что германские торговые позиции в Латинской Америке оказались поколеблены, однако Англия не имела возможности воспользоваться наступившим вакуумом. Тогда с большей очевидностью и проступило на бразильском горизонте присутствие США. Еще до начала войны Рузвельт был убежден в том, что в будущем она примет мировой масштаб, и США в конечном счете окажутся в нее вовлечены. Подобная перспектива заставила американских стратегов расширить то, что они считали зоной безопасности своей страны, включив в нее Южную Америку и особенно регион бразильского Северо-Востока как наиболее выступающий в Атлантический океан участок суши. Американцы предприняли и политико-идеологическое наступление, выдвинув, среди прочего, инициативу проведения межамериканских конференций по вопросу, который касался всех американских государств: оборона обеих Америк независимо от политического режима в этих странах и при главенстве США. В экономической области США стремились проводить достаточно консервативную политику. Их главный интерес был сосредоточен вокруг таких стратегических материалов, как каучук, железная руда и марганец; они пытались получить контроль над их закупкой.

Ответом Бразилии на все эти инициативы было все большее сближение с «северным колоссом» и стремление извлечь выгоды из новой ситуации. Вступление США в войну в декабре 1941 г. побудило Бразилию определиться с выбором. Варгас начал все более явно говорить на языке панамериканизма, но в то же время настаивал и на том, что условием поддержки Бразилией Соединенных Штатов будет модернизация ее экономики и перевооружение армии.

В конце 1941 г., не ожидая согласия бразильского правительства, американские войска были расквартированы на Северо-Востоке. В первой половине 1942 г. царила атмосфера неопределенности несмотря на принятие двух важных решений: в январе того же года, невзирая на невятную позицию Гоиса Монтейры и Дутры, Бразилия разорвала отношения со странами «оси», а в мае Бразилия и США подписали секретный военно-политический договор.

Между тем, американцы затягивали процесс размещения заказов на военное снаряжение, так как считали, что большая часть бразильского офицерского корпуса симпатизировала странам «оси». Неопределенность в этом вопросе была преодолена, когда

с 5 по 17 августа 1942 г. германские подводные лодки потопили пять бразильских торговых судов. В том же месяце под давлением широких народных манифестаций Бразилия вступила в войну.

Выступление Бразилии на стороне антигитлеровской коалиции было дополнено отправкой, начиная с 30 июня 1944 г., экспедиционных сил — Бразильского экспедиционного корпуса (БЭК — *Força Expedicionária Brasileira, FEB*) — для сражений в Европе. Идея БЭК не была навязана союзниками. Напротив, это было решение бразильского правительства, которое должно было преодолеть ограничения со стороны США и открытую оппозицию Англии. Некоторые руководители этих двух стран сомневались в том, что можно будет успешно подключить бразильские войска к военным операциям союзников. Более 20 тыс. бразильцев сражались в Италии вплоть до завершения военных действий в этой стране 2 мая 1945 г., всего за несколько дней до окончания войны. В боях погибли 454 бразильца. Возвращение с мая 1945 г. бойцов БЭК (*pracinhas**) в Бразилию вызвало большой народный энтузиазм и воодушевление, способствовавшие росту выступлений за демократизацию страны.

4.4. Конец «Нового государства»

«Новое государство» было построено как авторитарное и модернизаторское; мыслилось, что оно должно было существовать долгие годы. Однако его жизненный срок оказался довольно коротким, не достигнув даже восьми лет. Проблемы этого режима происходили даже не столько из внутренних политических условий, сколько из факта включенности Бразилии в систему международных отношений. Именно эта включенность дала импульс деятельности оппозиции разных направлений и породила разногласия внутри самого правительства.

После вступления страны в войну представители оппозиции начали использовать в своих целях противоречие между той поддержкой, которую Бразилия оказывала демократическим странам, и диктатурой Варгаса. В самом правительстве нашелся по меньшей мере один человек, открыто выступивший в поддержку демократии, — это был министр иностранных дел Освалду Аранья.

* *Pracinhas* — досл. солдатики (*порт.*).

Весьма серьезным фактором стало постепенное отдаление от режима «Нового государства» его идейного вдохновителя, человека, который являлся его опорой в среде военных. Генерал Гоис Монтейру, убежденный в том, что режим не сможет пережить новые времена, тогда же покинул свой пост посла Бразилии при Комитете по чрезвычайным ситуациям и политической обороне Америки в Монтевидео и вернулся в Бразилию. В августе 1945 г. Гоис Монтейру станет министром обороны в гораздо большей степени для организации отставки Варгаса, чем для того, чтобы попытаться обеспечить его дальнейшее пребывание у власти.

Ближе к 1943 г. с созданием Национального союза студентов (НСС — União Nacional dos Estudantes, UNE) и его отделений в штатах начинается движение студентов университетов против диктатуры. В Сан-Паулу особенно проявили себя студенты юридического факультета. Демонстрация в декабре 1943 г., во время которой студенты шли рука об руку и с завязанными платками ртами, что символизировало запрет свободы слова, была жестоко разогнана полицией. Два человека погибли и более двадцати получили ранения, что вызвало волну возмущения.

Правительство пыталось противостоять давлению с разных сторон, оправдывая войной продолжение существования диктатуры. В то же время оно обещало провести выборы, когда наступит мир. Впрочем, правительству пришлось изменить линию поведения, так как либеральная оппозиция в конце 1944 г. предприняла такой ход, как выдвижение кандидатуры генерал-майора авиации Эдуарду Гомиса на пост президента. Он отнюдь не был заурядной фигурой. Он находился на действительной военной службе, его имя ассоциировалось с движением тенентистов и с легендарным восстанием форта Копакабана*. Репортажи и интервью в поддержку выборов появлялись и на страницах прессы, которая все больше обходила цензуру.

Исходя из сложившейся обстановки, Варгас в феврале 1937 г. отменил так называемый Дополнительный акт к Конституции 1937 г. и назначил срок в девяносто дней для определения даты всеобщих выборов. Ровно через девяносто дней был издан декрет о новом Избирательном кодексе, который регламентировал составление списков избирателей и сами выборы. В декрете были

* Эдуарду Гомис был одним из двоих выживших после восстания в форте Копакабана. Об этом см. в главе 3, §3.6.

установлены даты: 2 декабря 1945 г. — выборы президента и Учредительного собрания, 6 мая 1946 г. — выборы в штатах.

В те же дни Варгас заявил, что не будет выставлять свою кандидатуру на президентских выборах. В недрах правительства возникла — в противовес Эдуарду Гомису — кандидатура тогдашнего министра обороны генерала Дутры.

Кроме того, в том же решающем для судеб Бразилии 1945 г. возникли три основные партии, которые продолжают свою деятельность в 1945 — 1964 гг. Старая либеральная оппозиция, наследница традиций демократических партий штатов, противница «Нового государства», в апреле сформировала партию Национально-демократический союз (НДС — União Democrática Nacional, UDN). Вначале НДС объединял в своих рядах довольно ограниченную группу социалистов с демократическими убеждениями и немногочисленных коммунистов.

По инициативе бюрократических кругов, самого Варгаса и интервенторов в штатах, в июне 1945 г. на базе госаппарата была создана Социал-демократическая партия (СДП — Partido Social Democrático, PSD). И, наконец, в сентябре того же года также под влиянием Варгаса, министерства труда и профбюрократии была создана Бразильская трабальистская партия (БТП — Partido Trabalhista Brasileiro, PTB). Ее целью было объединение городских трудящихся под жетулистскими знаменами. НДС объединился вокруг кандидатуры Эдуарду Гомиса, а СДП — вокруг кандидатуры Дутры. БТП появилась на политической арене, не имея в своем распоряжении громких имен и, на первый взгляд, без собственного кандидата в президенты.

Оппозиции не импонировала идея такого демократического транзита, которым бы руководил глава авторитарного правительства. Со своей стороны, Варгас избрал линию поведения, которая весьма удивила консервативно настроенную либеральную оппозицию и высшие военные чины. Понимая, что режим лишился поддержки со стороны военной верхушки, он — при помощи министерства труда и его агентов в профсоюзах (pelegos), а также используя действия коммунистов — попытался создать себе более широкую опору в городских народных слоях.

Поддержка правительства Варгаса со стороны БКП объясняется прежде всего теми установками, которые приходили из Москвы. Именно там была разработана директива, согласно которой компартии всего мира должны были поддерживать правительства

своих стран, входивших в антигитлеровскую коалицию; при этом было не столь важно, диктатуры это или демократии. Бразилия не только вступила в войну против стран «оси», но и — впервые в своей истории — установила в апреле 1945 г. дипломатические отношения с Советским Союзом*. Престес, вышедший из тюрьмы вскоре после установления отношений с СССР и вследствие объявления амнистии, подтвердил то решение, которое партия уже приняла под его влиянием. Во имя «исторической необходимости» было необходимо протянуть руку вчерашнему врагу.

В 1945 г. вновь начались забастовки рабочих, которые подавлялись в годы «Нового государства». Выступления трудящихся стали происходить благодаря постепенному восстановлению демократических свобод, а также в результате усиления инфляции в последние годы войны. На всем протяжении 1945 г. коммунисты пытались затормозить эти выступления. Они считали, что следовало не бастовать, чтобы не создавать проблемы для правительства, а наоборот, «потуже затянуть пояса».

В середине 1945 г. инициатива связанных с Варгасом трабальстов, которую поддерживали коммунисты, изменила ход подготовки президентских выборов. Это была кампания, получившая название «керемиста» («queremista»), так как ее цель нашла свое емкое отражение в слогане «queremos Getúlio»**. «Керемисты» вышли на улицы в поддержку создания Учредительного собрания при сохранении власти Варгаса. И лишь после этого должны были состояться прямые президентские выборы, в которых Варгас должен был бы конкурировать с другими кандидатами.

Впечатление, которое данная кампания произвела на либеральную оппозицию и на военные круги, было глубоко негативным. Становилось ясно, что Варгас намеревался оставаться у власти либо как диктатор, либо как избранный на выборах президент, избавившись по ходу развития событий от двух кандидатов, уже вступивших в предвыборную гонку. Эмоциональный климат

* Дипломатические отношения Бразилии с Российской империей были установлены в 1828 г. В октябре 1917 г. Бразилия приостановила дипломатические отношения с Советской Россией. 2 апреля 1945 г. они были восстановлены (или, как более точно указывает автор, впервые установлены именно с СССР). В 1947 г. правительство Бразилии разорвало дипломатические отношения с СССР. Они были восстановлены в 1961 г. Бразилия одной из первых признала Российскую Федерацию в качестве государства-продолжателя СССР в 1991 г.

** *Queremos Getúlio* — одновременно и «Мы любим Жетулиу», и «Нам нужен Жетулиу» (порт.).

президентской кампании накалился, когда 29 сентября американский посол Адольф Берл-мл. выразил уверенность в том, что 2 декабря 1945 г. выборы состоятся. «Керемисты» осудили это как вмешательство США в дела Бразилии и уже заранее охарактеризовали выборы как «манипуляцию реакционеров».

С другой стороны, в Бразилии нашли свой отклик события, происходившие в соседней Аргентине. После революции июня 1943 г.* в этой стране росло влияние полковника Хуана Доминго Перона. В дальнейшем перонизм и жетулизм сблизятся по многим пунктам. В экономической области оба течения стремились продвигать национальный капитализм, который развивался бы при поддержке государства. В политическом плане оба они намеревались сократить классовое соперничество, призывая народные массы и национальную буржуазию к сотрудничеству под эгидой государства. Тем самым государство должно было воплотить в себе устремления всего народа, а не частные интересы того или иного класса.

Так все более вырисовывались контуры латиноамериканского популизма, который в разных странах имел различные корни и неодинаковые черты. Действуя в стране с более четкой, чем в Бразилии, классовой структурой, перонизм был ориентирован на гораздо более активную деятельность по организации профсоюзов; одновременно он стремился положить конец притязаниям господствующих слоев деревни. В Бразилии же акцент в идеологии жетулизма (по крайней мере, в период первого правления Варгаса) делался на ритуальные обращения к народным массам и экономические уступки им. Да и поощрение промышленной буржуазии в Бразилии не играло большой роли в момент прямого противостояния с господствующими слоями деревни.

В течение 1945 г., в то время как Варгас при помощи популистской политики стремился сохранить равновесие в руководстве государства, Перон нащупывал шаги, которые могли бы привести его в президентское кресло. В октябре 1945 г. в результате военного заговора он с поста вице-президента попал в тюрьму. Грандиозные народные манифестации, опиравшиеся на поддержку некоторых армейских кругов, всего через восемь дней привели к его освобождению. Теперь путь к победе Перона на выборах был открыт, что и произошло в феврале 1946 г.

* Речь идет об обстоятельствах прихода к власти в Аргентине Х.Д. Перона.

Все эти события заставили противников Варгаса, опиравшихся на благожелательное отношение правительства США, ускорить его уход. Ни Варгас последних месяцев правления, ни Перон не заслуживали более доверия США, хотя контакт с Пероном американцы все же поддерживали.

Тем не менее уход Варгаса был результатом не внешнего заговора, а сложной политической игры. Не обошлось и без фактора, сыгравшего роль «спускового крючка». 25 октября 1945 г. глава правительства совершил ошибочный шаг, отстранив Жуана Алберту от стратегической должности шефа полиции Федерального округа. Ошибка усугублялась тем обстоятельством, что на смену ему пришел брат президента Бенжамин Варгас, отличавшийся свирепостью нрава. В ответ министр обороны генерал Гоис Монтейру мобилизовал воинские части Федерального округа. Напрасно Дутра пытался найти компромисс, требуя от Варгаса отмены назначения его брата. Это требование было отклонено.

В конечном счете уход Варгаса свершился в обстановке безразличия. Вынужденный отказаться от власти, он оставил ее, публично заявив о согласии уйти. Выслан из страны он не был и смог удалиться в свой родной город Сан-Боржа.

Теперь переход от одного режима к другому зависел от инициативы армии. Ведь решающую роль в отставке Варгаса через 15 лет после революции 1930 г., которая и привела его к власти, сыграл крупный деятель этой революции генерал Гоис Монтейру. Эти и другие обстоятельства обусловили тот факт, что переход к демократическому режиму стал не разрывом с прошлым, а изменением курса в рамках континуитета, т.е. во многом продолжения прежней модели развития.

4.5. Социально-экономическое положение

В период между 1920 и 1940 гг. население Бразилии возросло с 30,6 до 41,1 млн человек. При сравнении этих двух дат можно видеть почти полное равновесие между количеством женщин и мужчин. Это было молодое население: люди моложе 20 лет составляли — как в 1920 г., так и в 1940 г. — примерно 54% общей численности населения.

Если рассмотреть данные по различным регионам на 1940 г., то на севере проживало всего 3,5% населения, на Северо-Востоке —

32,1%, на Востоке (штаты Минас-Жерайс и Эспириту Санту) — 18,1, в регионе Центро-Юга — 26,2, а на Юге (штаты Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул) — 10,9%.

Важные перемены были связаны с сокращением численности иммигрантов, прибывавших из-за рубежа, и ростом количества внутренних мигрантов. В закреплении этой тенденции большую роль сыграли события, происшедшие после 1929 г. Мировой экономический кризис и установление квоты на въезд иммигрантов по Конституции 1934 г. способствовали сокращению потоков внешней иммиграции, за исключением уже упоминавшихся выше японцев.

Внутренние перемещения населения имели разную направленность, что зависело от региона. На Севере вследствие кризиса производства натурального каучука имели место негативные показатели внутренней миграции (отток составлял примерно — 14%). По большей части это было возвращение жителей Северо-Востока в свои родные места. Юг и Центро-Юг как единое целое, напротив, давали высокие позитивные показатели (11,7%). Важно напомнить, что до 1940 г. те, кто мигрировали в регионы Юга, были выходцами в основном из штата Минас-Жерайс, а не с Северо-Востока. Наиболее привлекательным был Федеральный округ. Миграции в направлении штата Сан-Паулу приобрели наибольшее значение лишь после 1933 г.; этому способствовали возобновление промышленного роста и ограничения на въезд иностранных иммигрантов.

Исследователи экономической истории обычно рассматривают 1930 г. как начало процесса замены импорта промышленных товаров их производством внутри страны. В этом утверждении есть некоторое преувеличение, так как этот процесс начался еще в предшествующие десятилетия. Вместе с тем несомненно, что импульсом для проведения политики импортозамещения стали такие обстоятельства, как трудности на пути ввоза товаров, проистекавшие из мирового экономического кризиса 1929 г., а также наличие базовых отраслей промышленности и неиспользуемых мощностей, особенно в сфере текстильной промышленности.

При сравнении стоимости сельскохозяйственной и промышленной продукции можно заметить явный перевес последней. В 1920 г. сельское хозяйство составляло 79%, а промышленность — 29% от общей стоимости продукции. В 1940 г. это соотношение составляло 57% и 43% соответственно, что стало результа-

том годовых темпов роста индустрии, намного превышавших темпы роста в сельском хозяйстве.

Тот период, который начался в 1929—1930 гг., весьма показателен в плане развития как сельскохозяйственного, так и промышленного производства. В те годы начался кризис производства кофе, чья роль в аграрном экспорте стала сокращаться. Выросло производство хлопка, который шел как на экспорт, так и на нужды национальной текстильной промышленности. В период между 1920 и 1940 гг. доля Бразилии в мировых посадках хлопка увеличилась с 2 до 8,7%. В 1925—1929 гг. доля кофе в общей стоимости бразильского экспорта составляла 71,7%, а хлопка — всего 2,1%. В 1935—1939 гг. доля кофе упала до 41,7%, а доля хлопка возросла до 18,6%.

Помимо промышленной продукции, необходимо указать на рост сельскохозяйственной продукции, предназначенной для внутреннего рынка. В 1939—1943 гг. рис, бобы, мясо, сахарный тростник, маниок, кукуруза и зерно составили 48,3% стоимости сельскохозяйственной продукции, в то время как в 1925—1929 гг. этот показатель не превышал 36%.

Годовые темпы роста промышленности помогают лучше понять сущность процесса индустриализации после 1930 г. Они свидетельствуют о его значительном развитии в 1933—1939 гг. и гораздо меньшем — в 1939—1945 гг. Это означало, что после начавшейся в 1929 г. экономической депрессии промышленность довольно быстро восстановилась. Падение же темпов роста в 1939—1943 гг. было обусловлено тем, что промышленное оборудование не обновлялось, а в связи с началом Второй мировой войны появились и перебои в мировой торговле. Вместе с тем, с точки зрения качественных показателей, этот этап был важен для поддержания процесса индустриализации и ее дальнейшего развития в послевоенный период. Возможно, государственные инвестиции в инфраструктуру способствовали устранению или смягчению серьезных затруднений.

В период между 1919 и 1939 гг. значение различных отраслей промышленности постепенно менялось. Базовые отрасли — металлургия, станкостроение, производство электрооборудования и транспортных средств — практически удвоили свою долю в добавленной стоимости промышленного производства. Роль же традиционных отраслей — в основном текстильной, швейной, обувной, продовольственной, по производству напитков, табачной и мебель-

ной, доля которых продолжала удерживаться на уровне 60% в добавленной стоимости промышленного производства, — сократилась по сравнению с 1919 г., когда она достигала уровня 72%. Впечатляющий рост демонстрировала химическая и фармацевтическая промышленность, которая с 1919 по 1939 г. утроила свою долю в общей стоимости продукции.

В сфере образования в 1920 — 1940 гг. наблюдалось некоторое уменьшение числа неграмотных. В целом же, однако, этот показатель продолжал оставаться очень высоким. Среди населения старше 15 лет число неграмотных уменьшилось с 69,9% в 1920 г. до 56,2% в 1940 г. Статистика свидетельствует, что стремление к развитию системы школьного образования дало свои результаты, особенно если взять за точку отсчета 1920 г., когда были зафиксированы крайне низкие показатели посещаемости школ. Считается, что в тот период начальную или среднюю школу посещали лишь около 9% детей и подростков в возрасте от 5 до 19 лет. В 1940 г. этот показатель чуть превысил 21%. В области же высшего образования в 1929 — 1939 гг. общее число студентов возросло на 60% — с 13 200 до 21 200 человек.

5. Опыт демократического развития (1945–1964)

5.1. Выборы и новая конституция

После отставки Варгаса военные и либеральная оппозиция, действуя с согласия двух кандидатов в президенты, решили временно передать бразды правления председателю Федерального Верховного суда. Дата будущих выборов — 2 декабря — оставалась без изменения.

При сравнении степени участия обоих претендентов в предвыборных митингах могло показаться, что уровень поддержки кандидатуры генерал-майора авиации Эдуарду Гомиса все более возрастал, в то время как рейтинг популярности Дутры застыл на одной точке. Кампания Гомиса привлекала под знамена демократии и экономического либерализма средний класс крупных городов. Дутра же никого не мог вдохновить, и даже возникла идея заменить его кем-то другим, кто смог бы получить больший электоральный успех. В конце концов уже практически накануне дня голосования Варгас выступил с публичным заявлением, в котором он выражал поддержку кандидатуры Дутры. Но он особо подчеркнул, что в случае, если после победы на выборах новый президент не выполнит своих предвыборных обещаний, он выступит против него и на стороне народа.

Выборы 1945 г. вызвали большой интерес среди населения. После долгих лет диктатуры электоральная юстиция еще не упорядочила процесс обработки и подсчета голосов. Бразильцы выстраивались в длинные очереди и терпеливо ждали, чтобы проголосовать. Во время последних прямых президентских выборов, состоявшихся в марте 1930 г., проголосовали 1,9 млн избирателей, что составляло 5,7% от общей численности населения; в декабре же 1945 г. голосовали 6,2 млн человек, что соответствовало 13,4% населения.

В ту эпоху, когда не было предвыборных социологических опросов, явная победа Дутры застигла оппозицию врасплох. Если взять за основу подсчета число поданных за кандидатов голосов, за исключением испорченных и недействительных, то генерал Дутра победил с 55% голосов против 35% у генерала авиации Гоми-са. Подобный результат продемонстрировал силу «электоральной машины» СДП, зиждившейся на деятельности интервенторов на местах, и авторитет Жетулиу среди трудящихся, а также отвержение массой населения противников Варгаса, которые ассоциировались с защитой интересов богатей.

Объяснение победы Дутры кроется в сочетании всех этих факторов. Поэтому это не была победа отсталости против модернизации или деревни против города. Дутра одержал убедительную победу в трех крупных штатах — Минас-Жерайс, Риу-Гранди-ду-Сул и Сан-Паулу. Гомис же получил свой наилучший результат на Северо-Востоке, где он проиграл Дутре всего лишь с небольшим отрывом.

Весьма выразительными были результаты голосования за БКП, которая ныне находилась на легальном положении. Выставив никому не известного кандидата — инженера Йеду Фуизу, — БКП получила 10% голосов; это были избиратели, значительная часть которых проживала в больших городах. Внутри страны коммунистам помог авторитет Престеса, а извне им на руку сыграл авторитет Советского Союза.

Одним из крупных победителей на выборах 1945 г. был Варгас — и далеко не только из-за того, что он сыграл большую роль в победе Дутры. Обратив избирательный закон себе на пользу, он был избран депутатом и сенатором от разных штатов и остановил свой выбор на должности сенатора от штата Риу-Гранди-ду-Сул.

В ходе парламентских выборов следовало избрать депутатов в нижнюю палату и в Сенат. Обе палаты объединились в Учреди-

тельный конгресс, который должен был одобрить новую конституцию. Затем они разделятся и станут функционировать как обычный Конгресс. Выборы ясно показали, как политическая машина «Нового государства», созданная для поддержки диктатуры, смогла стать весьма эффективной в деле привлечения избирателей и в условиях демократического режима. Для значительной части электората было важнее сохранить личные клиентелистские отношения, чем сделать выбор между сторонниками «Нового государства» и либералами. Для повседневной жизни избирателей этот выбор не имел никакого значения, еще более абстрактным он был для людей с минимальным уровнем образования. Абсолютное большинство мест как в нижней палате, так и в Сенате, было у СДП; следом шла партия НДС.

В конце января 1946 г. Дутра вступил в должность президента, и начал свою работу Учредительный конгресс. В сентябре была провозглашена новая бразильская конституция, которая заменила Основной закон 1937 г.; выбор был сделан в пользу либерально-демократической парадигмы. Однако в некоторых вопросах она все же оставляла возможности для продления корпоративной модели.

Согласно конституции, Бразилия представляла собой федеративную республику с президентской формой правления. Исполнительная власть должна была быть сосредоточена в руках президента, избираемого на пятилетний срок прямым и тайным голосованием.

С другой стороны, было упразднено предусмотренное Конституцией 1934 г. для палаты депутатов представительство по профессиональному признаку, которое было отмечено печатью корпоративизма, скроенного по образцу фашистской Италии.

В разделе конституции, посвященном вопросам гражданства, право и одновременно обязанность участвовать в выборах предоставлялись бразильцам обоих полов, старше 18 лет, грамотным. Тем самым мужчины и женщины уравнивались в политических правах, так как Конституция 1934 г. устанавливала обязательное участие в выборах только для тех женщин, которые являлись госслужащими.

В разделе, посвященном социальному и экономическому порядку, устанавливались критерии использования минеральных ресурсов и электроэнергии (в экономической части); в статьях, посвященных социальным отношениям, были перечислены минимальные социальные блага, которые должно было обеспечить действующее

законодательство; этот список был весьма похож на то, что устанавливала Конституция 1934 г.

Раздел о семье породил длительные и жаркие споры между сторонниками и противниками разводов. В конечном счете возобладало давление католической церкви и взгляды наиболее консервативных участников дебатов. Было определено, что семья должна строиться на основе брака, который не может быть расторгнут.

Свои симпатии к корпоративистской системе «Нового государства» составители конституции продемонстрировали в той ее части, которая была посвящена организациям трудящихся. Профсоюзный налог как основа института «*pelego*» не был отменен*. Право на забастовку в принципе признавалось, но текущее законодательство делало его неприменимым. Законодательство определяло «основные сферы деятельности», в которых забастовки не были разрешены, и эти сферы охватывали собой почти все отрасли. По замечанию профессора трудового права Сезарину Жуниора, если бы этот раздел конституции соблюдался, то законный характер забастовки носили бы только на парфюмерных фабриках.

* * *

В период правления Дутры начались гонения на компартию. Они стали результатом влияния консервативных настроений, роста самой этой партии, а также изменения отношений между великими державами. БКП в 1946 г. занимала 4-е место среди политических партий, насчитывая в своих рядах 180 — 200 тыс. членов.

С другой стороны, триумф братской солидарности между победителями германского нацизма и итальянского фашизма продлился совсем недолго. Китай и Греция стали ареной конфронтации и гражданской войны. Гегемония США и сложившееся равновесие в Европе были поставлены под угрозу фактом прямой или косвенной оккупации восточноевропейских стран Советским Союзом. Это подтверждало пессимистические предположения по поводу намерений Сталина. Иными словами, надежды на всеобщий мир вылились в холодную войну.

В мае 1947 г. Федеральный Верховный суд, опираясь на доносы двух никому не известных депутатов, постановил аннулировать

* Об этом см. в главе 4 § 4.3.

регистрацию компартии. Это спорное решение было принято всего одним голосом. В тот же день, когда была запрещена БКП, министерство труда санкционировало вторжение полиции в помещения 14 профсоюзов и запретило профцентр, находившийся под контролем коммунистов. Затем последовали новые репрессивные акции, в результате которых в последний год правления Дутры полиция захватила помещения более двухсот профсоюзов. Было ясно, что во имя «борьбы с коммунизмом» правительство пыталось переломить хребет тех организаций трудящихся, которые шли вразрез с его установками, хотя во многих профсоюзах влияние коммунистов было весьма ощутимым.

В январе 1948 г. меры, которые привели к переходу БКП на нелегальное положение, были дополнены одобренным Конгрессом законом, определявшим порядок аннулирования мандатов федеральных депутатов и сенаторов, а также депутатов муниципальных советов, избранных по спискам компартии.

* * *

Экономическая политика начального периода правления Дутры развивалась в рамках либеральной модели. Государственное вмешательство в экономику было отвергнуто, а установленный «Новым государством» контроль над экономикой был отменен. Считалось, что развитие страны и окончание инфляции, появившейся в последние годы войны, зависят от свободных рыночных отношений в целом и от свободного импорта товаров в частности. В финансовом отношении положение Бразилии было благоприятным, поскольку страна накапливала свои валютные запасы за границей, что стало результатом развития экспорта в годы войны. Однако, несмотря на это, либеральная экономическая политика окончилась провалом. Поток импорта всевозможных товаров, подпитываемый ростом стоимости бразильской денежной единицы, не дав никаких позитивных последствий, на деле привел к истощению валютных запасов.

В ответ на это правительство в июне 1947 г. сменило экономический курс, введя систему импортных лицензий. На практике критерии выдачи данных лицензий способствовали импорту основных товаров, таких как оборудование, машины и топливо, и ограничил ввоз предметов потребления. Поддержание бразильской национальной валюты на высоком уровне по отношению

к доллару сделало невыгодным экспорт и, наоборот, создало стимул для развития производства на внутренний рынок.

Новая экономическая политика, явившись в первую очередь ответом на проблемы платежного баланса и на рост инфляции, в итоге способствовала развитию промышленности. В последние годы своей деятельности правительство Дутры достигло впечатляющих результатов. Начиная с 1947 г., показатели роста стали измеряться более эффективным образом — путем ежегодного подсчета валового внутреннего продукта (ВВП). Если взять в качестве точки отсчета 1947 г., то ВВП в 1948—1950 гг. вырос в среднем на 8%.

С другой стороны, репрессии в отношении профсоюзного движения облегчили процедуру сокращения реальной зарплаты. Подсчитано, что в период с 1949 по 1951 г. стоимость жизни возросла на 15% в Сан-Паулу и на 23% в Рио-де-Жанейро, в то время как средняя зарплата выросла в Сан-Паулу на 10,5%, а в Рио-де-Жанейро — на 12%.

* * *

Не прошло и половины срока правления Дутры, как уже начались ухищрения вокруг следующих президентских выборов. Пунктом притяжения стал Жетулиу Варгас. Практически не участвуя в деятельности Сената, он совершал поездки в различные штаты, и эти поездки носили стратегический характер; в г. Сан-Боржа политики признали его своим лидером. Его стратегия была ясна: получить гарантии верности от глав политических группировок, организованных СДП в сельской местности, и одновременно создать прочную базу поддержки своей кандидатуры.

Новая сила зарождалась в штате Сан-Паулу. На местных выборах 1947 г. губернатором был избран Адемар ди Баррус, получивший поддержку коммунистов. Его политическая карьера началась в рядах ПРП, в годы «Нового государства» он был интервентором штата, а затем сумел приспособиться к новым временам, когда политический успех стал зависеть от способности собрать голоса большого количества избирателей.

Адемар ди Баррус создал Социал-прогрессистскую партию (СПП — Partido Social Progressista, PSP) с единственной целью — продвинуть собственную кандидатуру. Не предложив ничего, что могло хотя бы отчасти напоминать идеологически насыщенную программу, он растиражировал образ политика, обладающего на-

выками управленца и лишенного политического морализаторства. Сторонники НДС, которые как раз настаивали на необходимости нравственности в политике, его ненавидели. Он привлек в свою партию представителей народных классов, мелкой и средней буржуазии из столицы штата, но в особенности — из его глупинки.

В начале 1950-х гг. Адемар ди Баррус не обладал достаточными силами для борьбы за президентское кресло, но он вполне мог усилить свою поддержку одному из кандидатов. Выступив за Варгаса, он тем самым усилил сторонников последнего, «передав» в его распоряжение серьезную электоральную базу, которая имелась в штате Сан-Паулу и уже начала расширяться вплоть до Федерального округа.

Дутра отказался поддержать кандидатуру Варгаса, так как тот не стал бы продолжать курс Дутры. СДП лавировала, выставив от партии почти неизвестного политика из штата Минас-Жерайс адвоката Кристиану Машаду. На деле же большинство лидеров СДП отказались поддержать эту кандидатуру.

НДС вновь выдвинул генерал-майора авиации Эдуарду Гомиса, который уже не обладал такой притягательной силой, как в 1945 г. Он получил поддержку старых интегралистов и показал себя достаточно жестким политиком, настаивая на отмене закона о минимальной зарплате.

Варгас построил свою президентскую кампанию на идее необходимости индустриализации и расширения трудового законодательства. Он менял свои выступления в зависимости от штата, где он находился во время своих предвыборных поездок. В штате Рио-де-Жанейро, где влияние коммунистов было весьма осязаемым, он даже заявил, что в случае его избрания народ вступит вместе с ним на ступени дворца Катети* и останется у власти. Помимо опоры на БТП и СПП, он обладал открытой или завуалированной поддержкой части СДП и даже НДС.

Несмотря на все это, расхождения между СДП и БТП не позволили Варгасу получить те же результаты, которые были у Дутры в 1945 г. Но и без этого на выборах 3 октября 1950 г. он одержал убедительную победу, получив 48,7% голосов, в то время как результатом Гомиса были 29,7%, а Кристиану Машаду — 21,5%.

* Дворец Катети (Palácio do Catete) был резиденцией бразильских президентов с 1897 по 1960 г. С 1970 г. — Музей республики.

5.2. Возвращение Варгаса

Жетулиу Варгас вступил в должность президента 31 января 1951 г. НДС безуспешно пытался оспорить его избрание, ссылаясь на то, что победителем мог считаться только тот кандидат, который набрал бы абсолютное большинство голосов. Однако тогдашнее законодательство не содержало подобного требования. Тем самым либералы обнажили собственные противоречия. Отстаивая демократическую законность, они в то же время не сумели в ходе самых главных выборов привлечь голоса крупных масс населения. И вот тогда они стали отрицать результаты выборов на основании весьма сомнительных аргументов либо все больше апеллировать к необходимости вмешательства армии.

Варгас начал свое правление с попытки играть — теперь в условиях демократического режима — ту роль, которую он уже исполнял, а именно — быть арбитром, который стоит над различными социальными и политическими силами. Он попытался сблизиться с НДС; одновременно он сформировал достаточно консервативный кабинет, в котором преобладали члены СДП. Это не помешало Варгасу назначить на стратегический пост военного министра генерала Эстиллака Леала — бывшего тенентиста, председателя Военного клуба, связанного с националистическим течением в армии.

Внутри армии проявился четкий идеологический водораздел между националистами и их противниками, которых презрительно называли «энтрегистами»*. Этот водораздел пролегал как по проблемам внутренней экономической политики, так и по вопросам положения Бразилии в системе международных отношений.

Националисты отстаивали идею развития, основанного на индустриализации, особо подчеркивая необходимость создания автономной экономической системы, независимой от мирового капитализма. Это означало придание государству важной роли регулятора экономики и инвестора в стратегические отрасли — нефть, металлургию, транспорт, систему коммуникаций. Не отвергая иностранный капитал, националисты накладывали на него многочисленные ограничения — как по чисто экономическим соображениям, так и в силу их убежденности в том, что иностран-

* *Entreguista* — склонный к соглашательству, капитуляции; предатель (*порт.*).

ные инвестиции в стратегические отрасли могли бы подвергнуть риску национальный суверенитет.

Противники националистов ратовали за меньшее вмешательство государства в экономику, не отдавали приоритета индустриализации и считали, что прогресс страны зависит от контролируемого доступа иностранного капитала. Кроме того, они выступали за решительную борьбу с инфляцией, которая осуществлялась бы путем контроля над денежной эмиссией и над бюджетными расходами.

На поле международной политики националисты выступали за дистанцирование от США или даже за оппозицию по отношению к этой стране. Их противники же отстаивали необходимость наибольшего сближения Бразилии с США в целях борьбы с «мировым коммунизмом» — в контексте усиления напряженности, связанной с началом войны в Корее. Явным признаком того, что тенденция к сближению с США приобретала все больше сторонников среди офицерства, стала победа противников националистов на выборах руководства Военного клуба в мае 1952 г.

В начале 1950-х гг. правительство предприняло ряд мер, направленных на стимулирование экономического развития с упором на индустриализацию. Особое внимание было уделено государственным инвестициям в транспортную и энергетическую системы; с этой целью был взят внешний заем в 500 млн долл. Речь шла о расширении энергетического снабжения Северо-Востока и об урегулировании проблемы поставок угля. Было проведено частичное переоснащение торгового флота и портов. В 1952 г. был основан Национальный банк экономического развития, непосредственной целью которого должно было стать ускорение процесса диверсификации промышленного производства. Одним из главных инициаторов создания банка был министр финансов в правительстве Варгаса Орасиу Лафер.

Стремясь придать больший динамизм экономике, правительство одновременно столкнулось с проблемой, которая имела крупный социальный резонанс, а именно с ростом инфляции. В 1947 г. инфляция, шлейф которой тянулся еще с последнего периода Второй мировой войны, ослабла, но вскоре снова набрала силу: ее среднесредние показатели взлетели с 2,7% в 1947 г. до 13,8% в 1948—1953 гг., а за один только 1953 г. она поднялась до 20,8%.

В океане противоречивых течений и тенденций Варгас был вынужден лавировать. С одной стороны, он не мог перестать уделять внимание требованиям трудящихся, страдавших от повышения стоимости жизни, а с другой — в целях контроля над инфляцией он должен был принимать непопулярные меры. В июне-июле 1953 г. он реформировал правительство. На пост министра труда он назначил молодого политика из штата Риу-Гранди-ду-Сул, владельца скотоводческого имения Жуана Гуларта, более известного как Жанго. Политическому восхождению Жанго благоприятствовали связи его семьи с Варгасом в муниципии Сан-Боржа. Он присоединился к синдикалистским кругам, связанным с БТП, и стал фигурой, способной сдерживать нарастающее влияние коммунистов в профсоюзах. Несмотря на ту потенциальную роль, которую он мог бы сыграть в будущем, Жанго превратился в деятеля, неприемлемого как для НДС с его весьма значительным влиянием в определенных секторах среднего класса, так и для настроенных против Варгаса военных. В глазах и тех и других он представлял как защитник «синдикалистской республики» и олицетворял собой «бразильский перонизм».

Тогда же Варгас назначил министром финансов своего старого соратника Освалду Аранью, который в начале 1930-х гг. уже зарекомендовал себя на этом поприще. Целью программы нового министра, названной «план Араньи», был контроль над расширением кредитных операций и над обменным курсом при сделках на внешних рынках. Контроль над обменным курсом стал продолжением мер, принятых после января 1953 г. Эти меры устанавливали гибкий обменный курс, который менялся в зависимости от того, какие товары шли на экспорт либо импортировались. Наиболее гибкий курс предназначался для восстановления конкурентоспособности экспортной продукции и поощрения импорта тех товаров, которые считались существенными для экономического развития страны.

В октябре 1953 г. были проведены операции по занижению стоимости иностранной валюты. Такая мера предусматривала, что для доллара, получаемого от экспорта кофе, при переводе его в крузейру* устанавливалась более низкая стоимость. Благодаря этому правительство могло перемещать выручку, полученную от экспор-

* *Крузейру* — денежная единица, имевшая хождение в Бразилии в разные периоды ее истории XX в.

та кофе, в другие сектора экономики, особенно в промышленность. Подобный шаг спровоцировал соответствующую реакцию со стороны производителей кофе, попытавшихся организовать марши протеста под политическими лозунгами, проведению которых воспрепятствовали военные. Это были так называемые «марши производителей», которые проходили позже, уже в период правления Жуселину Кубичека. Однако было бы преувеличением сказать, что правительство Варгаса просто «забросило» кофейное производство. Напротив, оно, пусть и безуспешно, пыталось проводить политику поддержания высоких цен на внешних рынках, что вызывало раздражение США. Одна из комиссий Сената США даже стала расследовать бразильскую практику «чрезмерно высоких цен».

С 1953 г. начала меняться политика США в отношении стран «третьего мира». Президент Трумэн (1945 – 1952) требовал от них определиться по отношению к социалистическим странам — особенно после начала войны в Корее. Вместе с тем он предоставлял помощь тем странам, которые были включены в орбиту американской политики. В январе 1953 г. президентское кресло в США занял генерал Эйзенхауэр; главой казначейства и госсекретарем он назначил соответственно Джорджа Хэмфри и Джона Фостера Даллеса. Превратив преследование коммунистов в настоящий «крестовый поход», правительство США одновременно заняло жесткую позицию в отношении финансовых проблем развивающихся стран. Господствующей политической линией должно было стать прекращение помощи со стороны государства и поощрение частных инвестиций. Возможности получения Бразилией государственных кредитов для возведения объектов инфраструктуры и для покрытия дефицита платежного баланса заметно сократились.

Подобное изменение ориентации создало трудности на пути выполнения весьма значимого Национального плана экономической перестройки, известного как «план Лафера». Значительная часть его проектов уже в годы правления Жуселину Кубичека будет включена в план под названием «Программные цели»*.

* * *

* «Программные цели» («Programa de Metas») — план экономического развития, принятый президентом Кубичеком и направленный на ускоренное экономическое развитие Бразилии («за пять лет пройти путь длиной в 50 лет»).

С самого начала своего правления Варгас, стремясь объединить вокруг себя все консервативные силы, не забывал и об одной из основных поддерживавших его групп — городских рабочих. На митинге 1 Мая 1951 г. он сделал шаг в направлении установления более прочных связей с рабочим классом. Он не ограничился общими словами и призвал трудящихся организовывать профсоюзы, чтобы помочь ему в борьбе против «спекулянтов и алчных корыстолюбцев». В то же самое время он отменил требование так называемого свидетельства об идеологической благонадежности для участия в профсоюзной деятельности. Тем самым он создал благоприятные условия для возвращения на политическую арену коммунистов и вообще всех «изгнанных» в период правления Дутры.

Но правительству так и не удалось поставить рабочее движение под свой полный контроль. Либерализация профсоюзного движения и проблемы, порожденные высокой стоимостью жизни, привели в 1953 г. к целому ряду забастовок, среди которых особенно выделялись всеобщая забастовка в Сан-Паулу (март 1953 г.) и забастовка моряков в Рио-де-Жанейро, Сантусе и Белеме (июнь того же года). Обе они, впрочем, носили весьма различный характер.

Забастовка в Сан-Паулу, начатая трудящимися текстильной промышленности, охватила собой 300 тыс. участников, среди которых были столяры, плотники, обувщики, работники полиграфической и стекольной промышленности. Главным требованием было увеличение зарплаты на 60%, а также пересмотр законодательства, ограничивавшего право на забастовку. Забастовка, перемежавшаяся стычками с полицией, продолжалась 24 дня. В конце концов она завершилась принятием сепаратных соглашений, заключенных каждой отраслью по отдельности.

Данная забастовка ознаменовала собой поражение политики Варгаса в Сан-Паулу. Президент частично сохранял свой личный авторитет, но в руководстве забастовкой БТП и профсоюзные «*rele-gos*» оказались на вторых ролях. Главную роль в организации стачки сыграли коммунисты, которые в тот момент находились в непримиримой оппозиции к Варгасу, называя его «прислужником империализма».

Забастовка моряков охватила около 100 тыс. человек. Участвовавшие в ней профсоюзы требовали увеличения зарплаты, улучшения условий труда и увольнения руководства Федерации моряков, которую они обвиняли в связях с министерством труда. Дан-

ное требование совпало с намерением Варгаса сменить главу министерства.

Получилось так, что Гуларт получил пост министра труда в ходе забастовки и в своих действиях показал себя эффективным посредником. Поскольку забастовка разворачивалась в отрасли, связанной с государственными интересами и являвшейся объектом экономического регулирования со стороны государства, Гуларт распорядился выполнить большинство требований бастующих. Одновременно он заставил уйти в отставку руководство Федерации моряков, открыв дорогу для создания другой, более близкой трудящимся и себе лично профсоюзной организации.

* * *

Тогда же, в марте 1953 г., когда вспыхнула 300-тысячная забастовка, в Сан-Паулу произошло политическое событие, которое тогда было воспринято как весьма важное, но реальный масштаб которого можно было осознать только по прошествии нескольких лет. На выборах мэра Сан-Паулу победил депутат муниципального совета, бывший школьный учитель, баллотировавшийся по списку Христианско-демократической партии и крошечной Бразильской социалистической партии и нанесший поражение кандидатам от других, считавшихся более сильными, партий. Этот успех Жаниу Куадруса был основан на популистской кампании («грошик против миллиона»*), которая ассоциировалась с лозунгами борьбы против коррупции. Куадрус понимал, что если лишить верхушку НДС монополии на данную тему, а затем ярко и образно ее «подать», то она сможет принести немало политических дивидендов. Наилучшим примером здесь стал образ метлы. Стремление к обновлению, сметающее «партийные машины», вера в магическую силу человека-провидца в его борьбе с коррупцией — все это объединило вокруг имени Жаниу Куадруса различные социальные слои — от трудящихся до среднего класса.

Гуларт, между тем, превратился в излюбленную мишень для нападок антижетулистски настроенных гражданских и военных кругов, действовавших на федеральной политической арене. С одной стороны, его имя увязывалось с вынашивавшимися про-

* «O tostão contra o milhão», o tostão — тостан (старая португальская и бразильская мелкая монета, равная 100 реисам или 10 сентавус)

ектами установления «синдикалистской республики», а с другой — с возможным повышением вдвое минимальной зарплаты. Среди гражданских противников правительства было большинство членов НДС и более мелких партий, а также значительная часть прессы. Своими радикальными позициями и ораторским искусством выделялся бывший коммунист Карлус Ласерда. По прошествии лет Ласерда не только порвал со своими старыми товарищами, но и превратился в одного из их самых непримиримых противников. Его излюбленными мишенями были популизм и «коммунизм». На страницах своей газеты «Трибуна да импренса» («Tribuna da Imprensa») он развязал яростную антижетулистскую кампанию, призывая к отставке президента. В его представлении эта отставка должна была сопровождаться введением чрезвычайного положения, во время которого демократические институты были бы реформированы, чтобы не допустить того, что Ласерда трактовал как их извращение популистскими политиками.

В числе противников правительства из среды военных находились антикоммунистически настроенные офицеры, враждебно относившиеся к популизму; некоторые из них отождествляли себя с НДС, а другие возражали против политиков в целом. Самыми известными из них были такие генералы, как Кордейру ди Фариас и Жуарис Табора, и генерал-майор авиации Эдуарду Гомис. Вскоре выявилась и такая сила, как молодые офицеры. Показателем «градуса кипения» в армейских кругах стало обнародование в феврале 1954 г. так называемого «меморандума полковников», подписанного 42 полковниками и 39 подполковниками сухопутных войск, которые выразили свой протест против того, что они считали разрушением материальных и моральных устоев армии. Также в манифесте критиковался завышенный рост минимальной зарплаты, несовместимый с национальными реалиями.

5.3. Уход Варгаса

В феврале 1954 г. Варгас произвел перестановки в правительстве. На смену Гуларту был назначен малоизвестный чиновник, но еще до этого Гуларт представил предложения по увеличению вдвое минимальной зарплаты. Он создавал впечатление министра, который покидал свой пост из-за того, что хотел облагодетельствовать трудящихся. Надеясь успокоить военных, Варгас назначил на долж-

ность военного министра генерала Зенобиу да Косту, которому он доверял и который был известен как противник коммунистов.

Несмотря на все эти перестановки, президент и в своих выступлениях, и в своей политике все больше склонялся к действиям, которые приходили в противоречие с интересами консервативно настроенных социальных слоев. В экономической области он проводил националистическую линию, возлагая ответственность за проблемы платежного баланса на иностранный капитал. Его ответом на сомнения канадских и американских энергетических компаний относительно новых инвестиций в экономику Бразилии стал законопроект, согласно которому в данном секторе экономики создавалась государственная компания «Элетробраз» (апрель 1954 г.).

В том же самом месяце бывший министр иностранных дел Жуан Невис да Фонтoura дал интервью, в котором он в еще большей степени обосновал критические выступления оппозиции. Жуан Невис обвинил президента и Гуларта в подписании секретного соглашения с Аргентиной и Чили, направленного на то, чтобы воспрепятствовать американскому присутствию в Южном конусе*. Этот предполагаемый альянс, особенно с перонистской Аргентиной, был представлен как еще один шаг по пути установления «синдикалистской республики». Что же касается трудовых отношений, то сделанное Варгасом 1 Мая заявление о повышении вдвое минимальной зарплаты вызвало бурю протестов.

Несмотря на давление со всех сторон и отсутствие на тот момент прочной социальной базы, на которую могло бы опереться правительство, Варгас по-прежнему удерживался у власти. Оппозиции не хватало какого-нибудь одного, но достаточно шокирующего события, которое заставило бы армию нарушить рамки законности и сместить президента. И это событие было «предоставлено» ближайшим окружением президента. Там возникло убеждение, что для обеспечения постоянного пребывания Варгаса у власти было необходимо убрать с политической арены Ласерду. Как выяснилось позже, люди из ближнего круга Варгаса предложили начальнику президентской гвардии Дворца Катети Грегориу Фортунату «постараться помочь» Ласерде. Грегориу, верно служивший Варгасу более 30 лет, стал готовить убийство этой самой яркой фигуры оппозиции.

* Южный конус — Аргентина, Уругвай, Чили, Парагвай

Если неуклюжей была сама эта преступная идея, еще более неуклюжей стала ее реализация. На рассвете 5 августа 1954 г. наемный убийца попытался застрелить Ласерду в тот момент, когда тот подходил к двери своего дома в Рио-де-Жанейро. В результате он убил сопровождавшего Ласерду майора ВВС Рубенса Ваза, а сам Ласерда был лишь легко ранен. Теперь против Варгаса «работала» преступная акция, которая вызвала всеобщее возмущение; он получил готового к атаке противника с еще большими козырями на руках и взбунтовавшиеся ВВС. Расследование преступления, проведенное, с одной стороны, полицией, а с другой — самими ВВС за собственный счет, постепенно выявило темные стороны правления Варгаса, хотя скомпрометировать или, по его собственным словам, «смешать с грязью» лично президента не удалось.

Движение за отставку Варгаса набирало обороты. Варгас сопротивлялся, настаивая на том, что он воплощает в себе принцип конституционной законности. 23 августа стало ясно, что правительство лишилось поддержки армии. В тот же день был опубликован подписанный 27 генералами сухопутных сил «Манифест к нации», в котором содержалось требование отставки президента. В числе подписавших этот документ были не только известные всем противники Варгаса, но и генералы, весьма далекие от системной оппозиции, такие как Энрики Лотт, который, спустя год с небольшим, станет выразителем настроений защитников конституционной законности.

Когда круг почти окончательно замкнулся, Варгас совершил последний и трагический акт. Утром 24 августа он покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе в сердце. Это произошло в его личных апартаментах во дворце Катети. Самоубийство Варгаса стало выражением его личного отчаяния, но помимо этого имело и глубокий политический смысл. Данный акт сам по себе был окрашен в драматические тона, что было способно наэлектризовать большие массы населения. Помимо этого, «в наследство» президент оставил волнующее послание, адресованное всем бразильцам, — так называемое письмо-завещание, в котором он представлял себя как жертву и вместе с тем выступал в качестве обвинителя антинародных сил, возлагая ответственность за сложившееся для него безвыходное положение на международные группы, связанные с его, Варгаса, врагами внутри страны.

Этот поступок имел незамедлительные последствия. Во всех крупных городах огромные массы населения вышли на улицы,

выражая свое отношение к главным объектам ненависти — оппозиционным газетам и дипломатическому представительству США в Рио-де-Жанейро. В этих манифестациях участвовали и коммунисты. После того как все правительство Варгаса перешло в оппозицию и чуть ли не объявило об отставке, они буквально в мгновение ока совершили поворот на 180 градусов. С этого момента они перестали придерживаться радикальной политической линии (которая зачастую шла на пользу их главным противникам), став все более поддерживать национализм популистского толка*.

Тот факт, что верхушка армии отдавала предпочтение выходу из кризиса в рамках закона, а также роль народных выступлений — все это воспрепятствовало антиконституционному перевороту. Должность президента занял вице-президент Кафэ Филью. В сформированном им правительстве большинство министров были членами НДС. Новый президент выступил с заверениями, что он гарантирует проведение президентских выборов, назначенных на октябрь 1955 г.

* * *

Первой партией, выставившей своего кандидата, была СДП. В феврале 1955 г. свою кандидатуру выставил Жуселину Кубичек, сделавший карьеру в СДП штата Минас-Жерайс** и ставший губернатором этого штата. Он в полной мере воплощал в себе одну из черт жетулизма и имел все возможности получить поддержку

* Имеется в виду поворот в политике БКП, когда она отошла от строго классовой и непримиримой оценки режима и самой личности Варгаса и стала поддерживать его курс на достижение общенационального согласия в отношении целей развития. Под «национализмом популистского толка» имеются в виду как те стороны «жетулизма», которые были ориентированы на сплочение всей нации в достижении целей экономического развития и прогресса Бразилии, так и те его аспекты, когда в этих целях корректировалась социальная политика, главным пунктом которой провозглашалось достижение «социальной гармонии» и «классового мира», интеграция рабочих и трудящихся в целом в дела государства и производства. Данные черты «жетулизма», присутствовавшие в его курсе в разных сочетаниях с самого начала правления Варгаса, в наибольшей степени раскрылись на самом последнем этапе «Нового государства» и в особенности — в годы второго правления Варгаса.

** Поскольку первые политические партии в Бразилии формировались и действовали строго в рамках штатов, то даже тогда, когда они приобрели общенациональный характер (в середине XX в.), да и на современном этапе, в бразильской исторической и политологической литературе используется терминология, «привязывающая» партию к определенному штату (например, как в данном случае — «СДП штата Минас-Жерайс»). Имеется в виду отделение данной партии в каком-либо штате.

со стороны БТП, что в итоге и произошло. Тем самым был возрожден альянс между СДП и БТП, который на выборах 1945 г. обеспечил Дутре столь высокий результат. В мае 1955 г. в предвыборную борьбу решил вступить Адемар ди Баррус, несмотря на то, что на выборах губернатора Сан-Паулу в октябре 1954 г. он потерпел поражение от Жаниу Куадруса.

Месяц спустя НДС вновь выставил представителя армии в качестве своего кандидата. Поскольку снова продвигать кандидатуру генерал-майора авиации Эдуарду Гомиса, ослабленного двумя предыдущими поражениями, не представлялось возможным, кандидатом от этой партии стал другой давний участник движения тенентистов — генерал Жуарис Тávора.

В ходе своей кампании Жуселину Кубичек делал упор на необходимости продвижения по пути экономического развития при опоре на государственный и частный капитал. Жуарис Тávора особое внимание уделял моральным аспектам в политике. Также он выступал против избыточного вмешательства государства в экономику, которое вело страну к опасной разбалансированности и неустойчивости.

Во время кампании не было недостатка и в «грязной игре». В сентябре 1955 г. противники Гуларта и Кубичека опубликовали в газетах так называемое «письмо Бранди»; предполагалось, что депутат аргентинского парламента Хесус Бранди послал его Гуларту в бытность последнего министром труда. В письме говорилось о контактах Гуларта с Пероном, направленных на развязывание в Бразилии вооруженных операций с целью установления «синдикалистской республики». Проведенное военными вскоре после выборов расследование подтвердило, что письмо было сфабриковано в Аргентине и продано противникам Гуларту.

3 октября 1955 г. Жуселину Кубичек одержал победу на выборах, но от соперников его отделяла лишь тонкая грань. Он получил 36% голосов, в то время как Жуарис Тávора набрал 30%, Адемар ди Баррус — 26%, а Плиниу Салгаду, выступавший от бывшей партии интегралистов, — 8%. Допускалось раздельное голосование за президента и за вице-президента. Гуларт был избран вице-президентом, получив чуть больше голосов, чем Кубичек. Этот успех Гуларта свидетельствовал о растущем влиянии БТП.

После победы Жуселину Кубичека и Жуана Гуларта была развязана кампания против их вступления в должность. В начале ноября 1955 г. Кафэ Филью перенес инфаркт, что вынудило его временно покинуть свой пост. Его место занял председатель палаты депутатов Конгресса Карлус Луз, которого обвиняли в оказании открытого покровительства сторонникам военного переворота. Тогда и произошел так называемый «превентивный переворот» — иными словами, военные вмешались не для того, чтобы воспрепятствовать вступлению в должность избранного президента, а, наоборот, чтобы обеспечить это вступление.

Главным персонажем в этих событиях, происшедших 11 ноября 1955 г., стал генерал Лотт, объявивший мобилизацию войск в Рио-де-Жанейро. Войска заняли правительственные здания, радиостанции и редакции газет. На стороне Лотта выступило и руководство вооруженных сил, хотя министры ВМФ и ВВС* расценили данную акцию как «незаконную» и носящую «подрывной характер». Тогда войска окружили военно-морские и военно-воздушные базы с целью воспрепятствовать конфронтации внутри самих вооруженных сил. Карлус Луз был отстранен от исполнения обязанностей президента и в сопровождении министров и других политиков, в числе которых был и Карлус Ласерда, укрылся на крейсере «Тамадарé», безуспешно пытаясь дать отпор военным.

Незамедлительно, в тот же день 11 ноября, собрался Национальный конгресс, чтобы оценить сложившуюся ситуацию. Вопреки голосованию депутатов от НДС, парламентарии постановили считать Карлуса Луза неправомочным исполнять обязанности президента; пост президента, в соответствии с определенной в конституции последовательностью, перешел к председателю Сената Нереу Рамусу. Через десять дней, оправившись от болезни, Кафэ Филью выразил намерение вновь занять президентское кресло. Однако Конгресс счел, что он больше не имеет права быть на этом посту, и назначил главой исполнительной власти Нереу Рамуса. Вскоре после этого по требованию военных министров Конгресс утвердил введение чрезвычайного положения сроком на 30 дней с возможностью его продления на такой же период. Данная серия чрезвычайных мер и

* До 1999 г. в Бразилии не было единого министерства обороны. Три военных министра представляли три рода Вооруженных сил — сухопутные войска, военно-морской флот и военно-воздушные силы.

обеспечила вступление в должность Жуселину Кубичека и Жуана Гуларта 31 января 1956 г.

5.4. От национализма к ускоренному экономическому развитию

В сравнении с правлением Варгаса и теми месяцами, которые последовали за его самоубийством, годы пребывания у власти Жуселину Кубичека могут рассматриваться как время политической стабильности. Более того, это были годы оптимизма, на которые пришлось высокие показатели экономического роста, годы, в которые воплотилась мечта — строительство новой столицы страны, Бразилиа. Лозунг официальной пропаганды «за пять лет пройти путь длиной в 50 лет» нашел отклик в широких массах населения.

Большинство представителей высшего командования вооруженных сил, в особенности в сухопутных войсках, было настроено на то, чтобы гарантировать сохранность демократического режима в определенных рамках, в частности, при условии поддержания внутреннего порядка и борьбы с «коммунизмом». Политика Варгаса поддерживалась этим большинством только до тех пор, пока она не начинала развиваться в русле наступательного национализма (направленного против иностранного капитала. — *Примеч. пер.*) либо пока не раздавались призывы к созданию организаций трудящихся.

Но в среде вооруженных сил были группировки, которые не следовали за установками большинства. С одной стороны, это были националистически настроенные офицеры (некоторые из них были близки к коммунистам), которые выступали с позиций радикального национализма, противостоявшего так называемому «американскому империализму». С другой же стороны, имелись и те, кто ратовал за «очищение демократии»; они были убеждены в том, что только переворот, направленный на обновление демократических институтов, был бы способен воспрепятствовать установлению «синдикалистской республики» и продвижению «коммунизма».

Не все сторонники идеи переворота были, однако, «энтрегистами». Идею переворота некоторые из них сочетали с необходимостью защиты национальных интересов. Так, например, восставшие в январе 1956 г. офицеры военно-воздушных сил высту-

пили с разоблачениями не только проникновения коммунистов на высшие командные посты в армии, но и гипотетических соглашений между правительством и международными финансовыми группами, которые якобы предполагали передачу последним нефтяной промышленности и продажу им полезных ископаемых стратегического назначения.

В начале правления Жуселину Кубичека армейская верхушка успокоилась. Уход Варгаса и попытка воспрепятствовать вступлению Кубичека на пост президента были последней возможностью для сторонников переворота разыграть свою козырную карту, однако они потерпели поражение. Правление Жуселину Кубичека началось с особого акцента на необходимости продвижения по пути «развития и порядка»; эти общие цели вполне согласовывались и с устремлениями военных. Президент стремился удовлетворить специфические требования армейской корпорации, касавшиеся денежного довольствия и воинского снаряжения. Также он пытался, насколько это было возможно, удержать под контролем государства профсоюзное движение. Кроме того, в период его правления усилилась тенденция назначения военных на стратегически важные посты в правительстве. Так, например, военные занимали ключевые посты в компании «Петробраз», а также в Национальном совете по нефти.

* * *

Поддержка, которую армия оказывала правительству Кубичека, воплотилась в фигуре генерала Лотта, занимавшего кресло военного министра в течение практически всего президентского срока Жуселину. Лотт не был лидером в армейской среде, но обладал двумя важными качествами: он имел безупречный послужной список и не принадлежал ни к одной партии. Последнее обстоятельство весьма способствовало его деятельности по сглаживанию разногласий внутри вооруженных сил.

На партийно-политическом поле соглашение между СДП и БТП стало гарантией прохождения основных правительственных проектов в Конгрессе. За прошедшие десять лет обе партии определили направления своей деятельности. Обе они продолжали оставаться ареной как личных споров, так и примирения группировок, соперничавших в борьбе за привилегии. Но в то же время каждая из них представляла и более общие устремления и интересы.

Несмотря на расхождения, СДП и БТП сближала одна общая черта — жетулизм. Впрочем, существовал «жетулизм СДП» и «жетулизм БТП». Вокруг «жетулизма СДП» объединилась часть сельской правящей элиты, порожденная «Новым государством» правительственная бюрократия, промышленная и торговая буржуазия, выигравшая от политики развития и от прибыльных в условиях высокой инфляции сделок. «Жетулизм СДП» включал в свои ряды профбюрократию, чиновников министерства труда, державших под контролем вертикальную структуру синдикализма и такие важные сферы, как социальное страхование, тяготившую к национализму часть промышленной буржуазии и большинство организованных городских трудящихся.

Для обеспечения реального функционирования этого двухпартийного альянса ни одна, ни другая партия не должны были радикализировать свои позиции. Нужно было сделать так, чтобы, с одной стороны, СДП не ударились в консерватизм, что спровоцировало бы ее столкновение с профбюрократией и шло бы вразрез с требованиями рабочих; с другой стороны, БТП в своей погоне за наиболее престижными государственными постами не должна была ни слишком дистанцироваться от требований рабочих, ни сделать национализм знаменем социальных волнений.

На протяжении значительной части своего правления Кубичеку удавалось сводить к единому знаменателю крайности обеих партий. Для СДП — партии, откуда происходил он сам, — принцип «развитие и порядок» был весьма приемлем. В социальной сфере Кубичек не выступал против интересов профбюрократии и стремился ограничить вспышки забастовочного движения. Тем самым он не препятствовал деятельности БТП и Гуларта, хотя и нельзя утверждать, что он играл на руку этой партии.

* * *

Экономическая политика Кубичека была определена в его плане «Программные цели». План содержал 31 цель; все они были объединены по шести крупным направлениям: энергетика, транспорт, продовольствие, базовые отрасли промышленности, образование, строительство Бразилиа (названное наивысшим воплощением всего плана).

Стремясь преодолеть бюрократические препоны, правительство создавало органы, «параллельные» уже имевшимся прави-

тельствственным учреждениям, либо совершенно новые институты. Например, наряду с бесполезным и коррумпированным Национальным департаментом по борьбе с засухой возникло «параллельное» Верховное управление по развитию Северо-Востока, призванное осуществлять планомерное индустриальное развитие этого региона. Для работ по строительству Бразилиа возник орган под названием «Новая столица»*.

Правительство Жуселину Кубичека способствовало развертыванию широкомасштабной деятельности государства как в области инфраструктуры, так и в плане прямого стимулирования индустриализации. Но также оно открыто признало необходимость привлекать иностранный капитал, в том числе предоставляя ему значительные льготы. Тем самым идеология национализма начала отступать перед лицом идеи ускоренного экономического развития. Правительство разрешило широкое использование принятого еще при Кафэ Филью законодательства, позволявшего предприятиям импортировать иностранное оборудование без валютного обеспечения, т.е. без депозитов в иностранной валюте для оплаты этого импорта. Необходимым условием для того, чтобы воспользоваться этой привилегией, было право собственности за границей на оборудование, которое должно было быть поставлено в Бразилию, либо финансовыми ресурсами для его оплаты. Иностранные предприятия, которые с легкостью могли выполнить эти требования, оказались в выгодной ситуации в деле передачи оборудования своих головных фирм и инкорпорации его в свои капиталовложения в Бразилии. Законодательство способствовало привлечению иностранных инвестиций в те отрасли, которые правительство считало приоритетными: автомобилестроение, воздушный транспорт и железные дороги, электроэнергетика и сталелитейная промышленность.

Результаты плана «Программные цели» были впечатляющими, особенно в сфере промышленного развития. С 1955 по 1961 г. стоимость промышленного производства без учета инфляции выросла на 80%, — высокие показатели были зарегистрированы в сталелитейной промышленности (100%), станкостроении (125%), электроэнергетике и коммуникациях (380%) и в производстве оборудования для транспорта (600%). С 1957 по 1961 г. годовой рост ВВП составил 7%, что соответствовало годовому росту доходов на душу

* *Novacap* (сокр. от *Nova capital* — новая столица, порт.).

населения в размере около 4%. На фоне всего десятилетия 1950-х гг. рост ВВП на душу населения в Бразилии примерно втрое превышал соответствующие показатели в остальных латиноамериканских странах.

Правительство Кубичека работало над созданием автомобилестроительной промышленности, хотя еще и раньше в Бразилии существовали, пусть и в ограниченном количестве, сборочные предприятия и заводы по производству запчастей для автомобилей. Правительство стимулировало производство автомобилей и грузовиков на предприятиях с частным капиталом, особенно с иностранным частным капиталом. Привлечение этого капитала в Бразилию стало возможным благодаря созданным для него привлекательным условиям, а также ввиду широких возможностей национального рынка.

Крупные мультинациональные предприятия, такие как «Виллис Оверлэнд», «Форд», «Фольксваген» и «Дженерал Моторс», были сосредоточены в «треугольнике АВС паулиста» (зоне Большого Сан-Паулу, которая включает в себя муниципии Санту-Андре, Сан-Бернарду и Сан-Казтану)*, что полностью изменило облик этого региона. В числе других последствий этого процесса было и то, что на предприятиях автомобилестроительной промышленности сконцентрировалось небывалое до сих пор количество рабочих. В 1960 г. — последнем году правления Кубичека — только четыре вышеупомянутых предприятия производили около 78% от общего числа автомобилей (133 тыс. штук), достаточного для удовлетворения спроса в Бразилии. Иностранные предприятия продолжали расширять свое присутствие. В 1968 г. «Фольксваген», «Форд» и «Дженерал Моторс» уже выпускали почти 90% всех произведенных автомобилей.

И по количественным показателям, и с точки зрения организации производства создание автомобилестроительной промышленности стало несомненным успехом. Вместе с тем ее цель создать «автомобильную цивилизацию» шла вразрез с расширением сети общественного транспорта для широких масс населения. Начиная с 1960 г., производство автомобилей возросло, составив 58% от производства всех транспортных средств в 1968 г. В силу того, что железнодорожное сообщение было практически забро-

* «Треугольник АВС паулиста» — назван так по первым буквам входящих в него городов Santo Andre, São Bernardo и São Caetano.

шено, Бразилия начинала все больше зависеть от расширения и поддержания сохранности шоссейных дорог и от использования нефтепродуктов в транспортной сфере.

В коллективной памяти пятилетие Кубичека осталось как время оптимизма, проистекавшего из реализации крупных проектов, ярчайшим примером которых стало строительство Бразилиа. В тот момент строительство новой столицы породило водораздел в общественном мнении, кроме того, госслужащие, работавшие в прежней столице, восприняли его как подлинное наказание, поскольку это вынуждало их переехать в регион центрального плоскогорья*.

Данная идея не была нова, поскольку еще первая республиканская Конституция 1891 г. давала Конгрессу полномочия по «перемещению столицы Федерации». Однако именно на долю Кубичека выпала реализация данного проекта; это делалось с огромным энтузиазмом, были мобилизованы все ресурсы и рабочая сила, состоявшая по преимуществу из мигрантов с Северо-Востока; этих первых прибывших с Северо-Востока строителей столицы называли «кандангус»**. Главными фигурами в деле проектирования, конструирования и планировки Бразилиа были архитектор Оскар Нимейер и градостроитель Лусиу Коста, имевшие международную известность.

В сентябре 1956 г. законопроект о строительстве Бразилиа, направленный исполнительной властью в Конгресс, был одобрен, несмотря на сильное сопротивление НДС. Эта партия считала данную инициативу демагогической, способной породить еще большую инфляцию, а новое местопребывание правительства — как изолирующее его от остальной страны. Когда работы уже шли полным ходом, Карлус Ласерда выступил во главе тех, кто требовал создать парламентскую комиссию по расследованию хода строительства с целью выявления нарушений в процессе заключения контрактов, подрядов, трудовых соглашений; этот демарш не увенчался успе-

* Город Бразилиа был построен на плоскогорье, отличающимся засушливым (в сравнении с прибрежным Рио-де-Жанейро) климатом и без выхода к морю (на расстоянии 1 тыс. км от берега моря и на высоте более 1 тыс. м над уровнем моря). Кроме того, вся политическая и культурная жизнь также была сосредоточена в Рио-де-Жанейро.

** Впоследствии, в первые годы существования новой столицы, так стали называть тех, кто родился в Бразилиа. В колониальную эпоху само слово «candango» использовалось африканцами для обозначения португальцев.

хом. В символическую для страны дату 21 апреля* 1960 г. Жуселину Кубичек торжественно открыл новую столицу.

* * *

Синдикализм при Кубичеке пережил ряд изменений, которые с большей четкостью проявились в начале 1960-х гг., в эпоху Гуларта. Лидеры профсоюзов различных направлений начали осознавать трудности управления расширявшимся движением трудящихся в тесных рамках официальных структур. Тогда и возникли организации, которые стали действовать параллельно официальным, например, созданный в Сан-Паулу в 1955 г. Пакт межпрофсоюзного единства (ПМЕ — Pacto de Unidade Intersindical, PUI) и созданный в Рио-де-Жанейро Пакт единства и действия (ПЕД — Pacto de Unidade e Ação, PUA). В отличие от ПМЕ, ПЕД действовал в госсекторе или в тех отраслях, которые контролировались государственными фирмами, выполнявшими общественные работы. Именно эта организация подготовила почву для возникновения профсоюза Всеобщее командование трудящихся (ВКТ — Comando Geral dos Trabalhadores, CGT), сыгравшего выдающуюся роль в забастовочном движении эпохи Гуларта.

Создание ПЕД усилило уже существовавшую ранее тенденцию, связанную со сферой деятельности профсоюзов. Речь шла о наращивании этой деятельности в госсекторе либо в отраслях общественного значения. В частном же секторе роль профсоюзных организаций была более значительной в традиционных отраслях, находившихся в состоянии упадка, как, например, в текстильной промышленности.

В то время синдикализму оказалось сложно проникнуть в такой ключевой сектор экономики, как автомобилестроение. Это объясняется двумя основными факторами. С одной стороны, ставшим уже традиционным укоренением профдвижения и особенно компартии на предприятиях госсектора, а с другой — растерянностью перед лицом новых трудовых отношений, насаждавшихся мультинациональными предприятиями.

Одновременно с формированием параллельных профсоюзов синдикалистские лидеры стремились политизировать профсоюз-

* 21 апреля 1792 г. был казнен Тирадентис; с тех пор эта дата считается памятной и символической для Республики.

ное движение. Это означало, что оно должно было поддерживать национализм и выдвижение идеи социальных (так называемых базовых) реформ, в том числе аграрной реформы.

* * *

В эпоху Кубичека не все шло гладко. Главные проблемы концентрировались в сфере внешней торговли и госбюджета. Расходы правительства на поддержку программы индустриализации и на строительство Бразилиа, серьезное ухудшение условий внешней торговли привели к растущему дефициту федерального бюджета, который вырос с уровня менее 1% ВВП в 1954 и 1955 гг. до 2% в 1956 г. и 4% в 1957 г. Подобная ситуация, за исключением 1957 г., сопровождалась ростом инфляции, достигшей наивысшего за всю эпоху Кубичека показателя в 1959 г. — 39,5%.

Причины роста инфляции были весьма различными. Среди главных можно назвать бюджетные расходы на строительство Бразилиа и на одобренное Конгрессом увеличение зарплат чиновникам; падение обменного курса и товарооборота; эмиссия бумажных денег для закупок кофе государством и поддержания снизившихся на него цен; облегченные условия для банковских кредитов частному сектору.

В июне 1958 г. министр финансов Жозе Мариа Алкмин, будучи не в состоянии решить вышеуказанные проблемы, подал в отставку. На смену ему Кубичек назначил инженера Лукаса Лописа, который в его правительстве был первым председателем Национального банка экономического развития; руководство банком перешло к Роберту Кампусу. Кампус и Лопис совместно разработали план стабилизации экономики, в котором была сделана попытка совместить борьбу с инфляцией и за сокращение бюджетного дефицита с основными целями «Программного плана».

Стабилизационный план не предусматривал крупных жертв, но и даже в таком варианте он вызвал резкое неприятие. Во-первых, ни одна социальная группа не была готова ничем поступиться ради стабильности, хотя каждая из них надеялась, что кто-то другой это сделает. Во-вторых, для многих социальных слоев инфляция была очень выгодна: по мере того, как зарплаты не успевали за ростом цен, она открывала перспективу получения небывало высоких прибылей в результате индексации цен и спекулятивных операций с товарными запасами, которые проводили

некоторые промышленники и коммерсанты. Кроме того, в силу того, что внутренний и внешний долг еще не индексировался в связи с обесценением валюты, инфляция делала необыкновенно привлекательными займы, особенно те, которые банки и государственные финансовые органы выдавали по привилегированным схемам.

Что касается неприятия плана профсоюзами, то здесь имелись две основные причины. Во-первых, это были подозрения в том, что стабилизационный план якобы представляет собой «сговор с империализмом», что вызывало отторжение в БТП и в левых кругах. Во-вторых, поскольку любой план подобного рода в самом начале своего действия должен был содержать в себе дополнительные ограничения, профсоюзное руководство и находившиеся под его влиянием трудящиеся опасались, что этим новым ограничениям будут подвергнуты именно лица наемного труда, в то время как другие социальные слои не будут ими затронуты. Тем самым лица наемного труда оказались бы в наихудшем положении: перед лицом одинаковой для всех или растущей инфляции их реальные заработки были бы урезаны больше.

Попытки ограничить кредиты для промышленников вызвали протесты в Сан-Паулу, которые были поддержаны председателем Банка Бразилии. В октябре 1958 г. производители кофе организовали марш против занижения обменного курса и новых правительственных мер, ограничивавших закупки кофе государством.

Действенность стабилизационного плана, особенно в части, затрагивавшей внешнеторговый баланс Бразилии, зависела от согласования действий с Международным валютным фондом (МВФ). Бразилия проводила консультации с МВФ, в том числе и потому, что фонд предполагал предоставить ей американский кредит в 300 млн долл. Вместе с тем МВФ не стоял за этим планом, в отличие от того, что о нем говорили его противники. МВФ критиковал постепенный характер стабилизационной программы и предусмотренные ею бюджетные расходы для субсидирования импорта зерна и нефти.

Неопределенность в отношениях между Бразилией и МВФ длилась почти целый год и разрешилась в конце июня 1959 г. Приближалось окончание президентского мандата Кубичека, и он задумывался о том, кто придет ему на смену. Националисты и коммунисты выступали с нападками на президента за его стремление «выставить национальный суверенитет на продажу иностранным

банкирам и МВФ». Соглашение с МВФ приветствовал только НДС, но даже если бы Кубичек и решился на заключение этого соглашения, он не мог бы рассчитывать на политическую поддержку оппозиции.

В силу этих причин и произошел разрыв отношений между правительством и МВФ. Это означало, что стабилизационный план был окончательно отвергнут. В августе 1959 г. Лукас Лопис и Роберту Кампус ушли со своих постов. Разрыв отношений с МВФ вызвал настоящий вал поддержки Кубичека. Как и следовало ожидать, данное решение приветствовала БТП. В манифестации в поддержку президента, которая прошла в садах дворца Катети, участвовали коммунисты. Среди манифестантов находился Луис Карлос Престес, который с 1958 г. вышел из подполья. Шаг за шагом БКП находила каналы самовыражения, несмотря на то, что формально она продолжала оставаться на нелегальном положении. Но поддержка Кубичеку шла не только со стороны БТП и левых сил. Разрыв с МВФ получил одобрение со стороны Федерации промышленников Сан-Паулу и командования вооруженных сил.

Вместе с тем, как показали президентские выборы 3 октября 1960 г., этот энтузиазм не затронул больших масс населения. Уже в течение 1959 г. возникали кандидатуры на президентский пост. Одна мелкая партия выставила — при поддержке Ласерды — кандидатуру Жаниу Куадруса, который к тому времени был избран губернатором штата Сан-Паулу. От Социал-прогрессистской партии был выдвинут Адемар ди Баррус, окрыленный результатами выборов 1955 г. СДП и БТП вновь объединились, на этот раз вокруг кандидатуры генерала Лотта; на должность вице-президента в этой связке претендовал Гуларт.

НДС колебался, не зная, выставить ли собственную кандидатуру либо поддержать Жаниу Куадруса. Последний вел свою игру, критикуя коррупцию в правительстве и финансовую нестабильность. Не имея четкой программы, с пренебрежением относясь к политическим партиям, он тем не менее сумел привлечь на свою сторону народ, выставляя себя в качестве обычного, заурядного человека, представлявшего угрозу для тех, кто промышлял аферами и финансовыми спекуляциями и обогащался на коррупции, так как сулил им неотвратимое наказание. Это не соответствовало образу «добропорядочного кандидата от НДС», но тем не менее Куадрус, пусть по-своему, но все же включал в свою программу

некоторые положения из дискурса НДС. Главным же было то, что с выдвижением кандидатуры Куадруса партия могла в конечном счете реально прийти к власти, выбрав кратчайший, хотя и неизведанный путь. На съезде НДС в ноябре 1959 г. большинство высказалось в поддержку кандидатуры Куадруса.

С самого начала президентской кампании стали очевидными такие черты Куадруса, как склонность к клиентелизму и кумовству. На него возлагали надежды представители настроенных против Варгаса элит, часть среднего класса, уповавшая на привнесение морали в политику и страдавшая от повышения стоимости жизни, а также подавляющее число трудящихся.

Что касается Лотта, то его кандидатура была неудачной. Он мог представлять интерес лишь для весьма узких приближенных к власти кругов, видевших в нем гаранта продолжения демократического режима. Когда же он предстал перед более широкой аудиторией, его слабости проявлялись со всей очевидностью. На публике он говорил плохо, весьма ненатурально стремясь перенять ту манеру выступать, которая была свойственна Жетулиу Варгасу. СДП не одобряла его идею предоставления права голоса неграмотным, БТП и в целом левые были недовольны его критикой в адрес Кубы, компартии и СССР.

В ходе четырех президентских кампаний, состоявшихся после 1945 г., значительно вырос электорат, что стало результатом как процессов урбанизации, так и возрастания интереса к участию в политической жизни. Число избирателей увеличилось с 5,9 млн человек в 1945 г. до 7,9 млн человек в 1950 г., до 8,6 млн человек в 1955 г. и, наконец, до 11,7 млн человек в 1960 г. — году, ознаменованном последними прямыми президентскими выборами, которые возобновились лишь в 1989 г.

На президентских выборах в октябре 1960 г. Жаниу Куадрус одержал победу, получив 48% голосов от этой массы в 11,7 млн человек; Лотт набрал 28%, а Адемар — 23%. В процентном отношении успешный результат Куадруса уступал лишь результату Дутры на выборах 1945 г. Несмотря на явное поражение Лотта, Жуан Гуларт был избран вице-президентом.

* * *

Впервые президент вступил в должность в новой столице — Бразилиа: это стало символом надежды на будущее. За менее чем

семь месяцев эти надежды будут развеяны из-за отставки Куадрус-са, которая свергнет страну в тяжелый политический кризис.

Жаниу Куадрус начал свое правление весьма беспорядочным и странным образом. Он занимался делами, несоизмеримыми с его должностью, — запрещал парфюмерные аэрозоли, бикини и петушинные бои. В более серьезных сферах деятельности он сочетал меры, которым симпатизировали левые, с мерами, которые нравились консерваторам. Тем самым сам он не нравился ни тем, ни другим. Его внешняя политика вызывала неприятие консерваторов, особенно большинства партии НДС. С коротким правлением Куадрус-са совпало выдвижение правительством США программы реформ «Союз ради прогресса», в соответствии с которой Латинской Америке было обещано выделить 20 млрд долл. в течение 10 лет. Программа «Союз ради прогресса» была принята на меж-американской конференции в уругвайском городе Пунта-дель-Эсте. Кубинская делегация во главе с Че Геварой не подписала «Хартию Пунта-дель-Эсте». На обратном пути на Кубу Че Гевара сделал остановку в Бразилиа, где Куадрус вручил ему весьма важную награду — орден Южного креста. В этом не было никакого намерения продемонстрировать поддержку коммунистическим идеям; этот жест символизировал — и должен был показать широким массам, что Куадрус начал проводить независимый внешнеполитический курс, стремясь найти для Бразилии «третий путь» между двумя крупными противоборствующими блоками.

В финансовой области Жаниу провозгласил программу решения проблем, доставшихся в наследство от правления Жуселину Кубичека; в своей речи при вступлении в должность он особо подчеркнул трудности, с которыми сталкивалась страна. Он принял решение реализовать неолиберальную стабилизационную программу, включавшую в себя значительное снижение курса бразильской национальной валюты, меры по сдерживанию бюджетных расходов и роста денежной массы. Было сокращено субсидирование импорта зерна и нефти, что вызвало повышение вдвое цен на хлеб и на топливо.

МВФ и другие кредиторы Бразилии приветствовали данные меры. Гаагский клуб, в который входили кредиторы из европейских стран, а также США, пересмотрели в 1961 г. график погашения внешнего долга Бразилии в сторону продления сроков выплаты. В США при поддержке президента Кеннеди были получены новые кредиты. Жаниу Куадрус считался воплощением курса,

способного предотвратить сворачивание крупнейшей страны Латинской Америки на путь нестабильности и «коммунизма».

В августе 1961 г. Куадрус начал ослаблять меры финансового сдерживания, но не сумел реализовать возможность смены курса. В том же самом августе он сам, совершив определенный поступок, положил конец собственному правлению.

Президент управлял страной, не имея никакой политической опоры. В Конгрессе большинство было у СДП и БТП; Ласерда перешел в оппозицию, критикуя Куадруса с тем же упорством, с каким он его поддерживал. Немало причин для недовольства было у НДС. Ведь президент действовал, практически не прибегая к консультациям с руководством фракции в Конгрессе. Помимо всего этого, озабоченность вызывали независимая внешняя политика Куадруса, а также его благожелательное отношение к аграрной реформе.

Вечером 24 августа 1961 г. Ласерда, избранный к тому времени губернатором штата Гуанабара, выступил по радио с речью, разоблачавшей попытку задуманного Куадрусом переворота, нити которого были сплетены министром юстиции Оскаром Педрозу Ортой. По странному стечению обстоятельств, сам Ласерда, по его словам, получил приглашение примкнуть к этому заговору. Педрозу Орта отрицал все обвинения в свой адрес. На следующий день Жаниу Куадрус подал в отставку с поста президента и сообщил об этом Национальному конгрессу.

Этой отставке не было дано никакого объяснения. Сам Куадрус отказался прояснить факты, постоянно намекая на некие «ужасные силы», которые вынудили его совершить этот шаг. Самым вероятным объяснением станет указание на неустойчивость личности президента в сочетании с ошибочным политическим расчетом. Согласно этой гипотезе, Куадрус вознамерился красивым жестом получить себе больше полномочий и в какой-то мере «освободиться» от Конгресса и от партий. Он считал себя необходимым партиям, участвовавшим в президентской кампании; кроме того, себя в качестве президента он считал крайне необходимым Бразилии. Не захотят ли без него консерваторы и военные передать управление страной Гуларту?

Куадрус поспешно покинул Бразилию и прибыл на военную базу в Сан-Паулу. Именно там его застал призыв некоторых губернаторов пересмотреть свой шаг. Но кроме этого не было предпринято ни одного значительного действия для возвращения президента. Каждая из политических групп имела свои основания для

недовольства им и уже начинала определяться в складывавшейся новой ситуации. Поскольку отставка не выносится на голосование в парламенте, а носит уведомительный характер, Конгресс всего лишь был информирован о поступке Куадруса. С этого момента в стране началась борьба за власть.

* * *

Конституция не оставляла никаких сомнений по поводу того, кто придет на смену Куадрусу: пост президента должен был занять вице-президент Гуларт. Между тем, вступление в должность было отложено по инициативе армейских кругов, в глазах которых Гуларт воплощал в себе «синдикалистскую республику» и ту лазейку, через которую к власти могли бы прийти коммунисты. По какому-то символическому стечению обстоятельств Гуларт в этот момент находился за пределами страны, совершая визит в коммунистический Китай.

Несмотря на то, что функции президента временно исполнял председатель палаты депутатов, военные министры — члены кабинета Куадруса — запретили Гуларту вернуться в Бразилию, прикрываясь соображениями национальной безопасности. Однако группировка, склонявшаяся к идее объявления Гуларта неправомочным исполнять обязанности президента, не нашла единомышленников среди армейской верхушки. Командующий дислоцированной в штате Риу-Гранди-ду-Сул Третьей армией заявил о своей поддержке права Гуларта занять поста президента, и это стало началом так называемой «битвы за соблюдение законности». Главной фигурой этой битвы стал Леонел Бризолла — губернатор штата Риу-Гранди-ду-Сул и шурин Гуларта. Бризолла внес вклад в дело военного отпора действиям противников Гуларта и способствовал организации крупных народных манифестаций в Порту-Алегри. Когда министр военно-морских сил заявил о направлении на юг страны военных кораблей, Бризолла пригрозил затопить ряд судов и тем самым блокировать подходы к городу.

В конце концов Конгресс принял компромиссное решение. Система правления превратилась из президентской в парламентскую, и 7 сентября 1961 г. Гуларт занял пост президента, обладая ограниченными полномочиями. Но парламентская форма правления, принятая лишь в целях разрешения кризиса, не смогла бы долго продлиться, что и произошло в действительности.

5.5. Кризис режима и переворот 1964 г.

С самого начала правления Гуларта стало ясно, что получают развитие социальные движения и появятся новые политические акторы. Пришли в движение всеми забытые, оставшиеся выброшенными за борт в годы проведения популистской политики жители сельских районов. Глубинная причина этой мобилизации коренилась в происшедших в Бразилии в 1950 — 1964 гг. крупных структурных изменениях, характеризовавшихся ростом городов и процессами быстро развивавшейся индустриализации.

Эти перемены способствовали расширению рынка сельскохозяйственной и животноводческой продукции и привели к появлению новых форм владения землей и ее обработки. По сравнению с прошлыми временами, земля стала более рентабельной, и ее собственники стремились либо изгнать прежних владельцев, либо сделать более тяжелыми условия их труда. Это вызывало сильное недовольство сельского населения. Помимо этого, миграции сближали город и деревню, способствуя осознанию частью сельских жителей того факта, что они подвергаются крайним формам эксплуатации.

Наиболее значительным крестьянским движением того периода стало движение крестьянских лиг, во главе которого встал представитель городского среднего класса, адвокат и политик из штата Пернамбуку Франсиску Жулиан. Он довел эти лиги до уровня профсоюзов и стремился организовать крестьян, считая, что в широкое социальное движение куда более реально привлечь крестьян, чем наемных сельских трудящихся.

Крестьянские лиги начали возникать еще в конце 1955 г. Они ставили своей целью, помимо всего прочего, препятствовать сгону крестьян с земли, защищать их от повышения арендной платы за землю и от укоренившейся практики «*самбао*», согласно которой колон, которого на Северо-Востоке называли «жителем», должен был один раз в неделю бесплатно работать на землевладельца.

Жулиан стремился придать лигам централизованное управление и организовал их представительства, которые могли находиться либо в столице штата, либо в наиболее крупном городе соответствующего региона. Эту линию он обосновывал тем, что, по его убеждению, в большом городе имелись классы и социальные группы, способные стать союзниками крестьян, — рабочие, студенты,

революционно настроенная интеллигенция, мелкая буржуазия, — а также тем, что городские органы юстиции были менее реакционными. Лиги возникали в различных регионах, особенно на Северо-Востоке, в таких штатах, как Пернамбуку и Параиба.

В ноябре 1961 г. в г. Белу Оризонти состоялся I Национальный конгресс сельских трудящихся, в ходе работы которого выявились различные подходы по вопросу об организациях сельского населения. Организаторами Конгресса стали, с одной стороны, Жулиан и другие члены лиг, а с другой — руководители БКП, чья наиболее обширная социальная база находилась среди наемных сельских трудящихся штатов Сан-Паулу и Паранá. В ходе работы Конгресса эти две группы разделились. Лидеры лиг настаивали на том, что первостепенной задачей сельских жителей должно стать требование экспроприации земли без предварительного возмещения, а коммунисты предпочли сосредоточиться на работе по синдикализации сельских трудящихся и распространению на сельские районы трудового законодательства.

В марте 1963 г. Гуларт одобрил закон о статусе сельского работника, что стало немалым успехом в деле законодательного оформления положения сельских трудящихся. Закон разработал профессиональный статус сельского работника, регламентировал продолжительность рабочего дня, соблюдение закона о минимальной зарплате и предусматривал такие права, как оплачиваемые выходные и праздничные дни.

В годы правления Гуларта нарастали и движения других слоев общества. Студенты во главе с Национальным студенческим союзом выдвигали все более радикальные требования социальных перемен и превратились в непосредственных участников политической борьбы.

Важные перемены произошли даже в деятельности католической церкви. С 1950-х гг. многие ее деятели начали задумываться о положении народных слоев — социальной базе церкви. Неприемимый антикоммунизм постепенно уступал дорогу более гибкой позиции: борьба с «коммунизмом» продолжалась, но при этом признавался тот факт, что именно тяготы капитализма были причиной социальных выступлений, а уже из этого вытекало и распространение коммунистических идей.

Церковь оказалась разделена между различными позициями — от ультраконсерватизма некоторых епископов до восприятия левых идей, что было характерно для организации Универси-

тетская католическая молодежь (УКМ — Juventude Universitária Católica, JUC). Испытав на себе влияние радикализации студенческого движения, эта организация постепенно переходила на социалистические позиции и вступила в конфликт с церковными иерархами. В 1962 г. на ее базе возникло Народное действие (НД — Ação Popular, AP) — организация, порвавшая с церковными иерархами взявшая на вооружение революционные цели. НД активно участвовала в политических битвах того времени, а после установления военного режима в 1964 г. подверглась жестоким репрессиям.

На Северо-Востоке церковь продвигала политику синдикализации сельского населения, но в то же время резко выступала против крестьянских лиг. В мае 1961 г. была обнародована булла папы Иоанна XXIII *Mater et Magistra*, в которой впервые речь открыто зашла о проблемах стран «третьего мира» и которая стала важным толчком к формированию реформистского течения в католицизме.

* * *

Президентство Гуларта означало возврат к популистской модели в контексте гораздо более крупных массовых социальных движений, чем это было в эпоху Варгаса. Идеологи правительства и профсоюзные лидеры совместно пытались укрепить эту модель. По их мнению, она должна была зиждиться на сотрудничестве государства, в сферу которого включались националистически настроенные военные и интеллектуалы, призванные определять основные направления развития, с организованным рабочим классом и национальной буржуазией. Стержневой осью этого альянса мыслилось государство, основополагающей идеологией которого должен был стать национализм вкупе с проведением социально-политических реформ, которые именовались базовыми реформами.

Эти реформы включали в себя широкий спектр мер. В социальном плане предусматривалось проведение аграрной реформы, целью которой стало бы прекращение конфликтов в борьбе за землю и гарантии получения собственной земли миллионами сельских работников. Для этого предлагалось изменить статью конституции, предусматривая возможность изъятия собственности в силу необходимости или исходя из государственных интересов, но при условии обязательного предварительного денежного

возмещения. Наряду с аграрной реформой возникла необходимость и в городской жилищной реформе, главной целью которой должно было стать создание условий для перехода арендованной жилплощади в собственность нанимателей жилья.

В области политических прав предусматривалась необходимость распространения права голоса на два столь разных социальных слоя, как неграмотные, с одной стороны, и нижние чины армии — от сержанта и ниже — с другой. Тем самым планировалось расширить базу поддержки популистского правительства, которое опиралось на широкие массы бедноты и маргинализированные низшие слои армии.

Реформы содержали и меры националистического характера, предусматривавшие более широкое вмешательство государства в экономику, а также национализацию предприятий госсектора с участием иностранного капитала, мясохладобойной и фармацевтической промышленности, строгое регламентирование вывоза прибылей за границу и укрепление монопольного положения компании «Петробраз».

Базовые реформы не были направлены на установление социализма. Они представляли собой попытку модернизировать капитализм и сократить глубокое социальное неравенство при помощи государственной политики. Вместе с тем реализация этих целей означала наступление крупных перемен, которые вызвали сильное сопротивление правящих классов. Правительство и выступавшие за базовые реформы интеллектуалы из среднего класса рассчитывали на то, что их борьба против империализма и за аграрную реформу будет поддержана национальной буржуазией. Ведь, по их представлениям, иностранные инвесторы ведут бесчестную конкуренцию против национального капитала; что же касается аграрной реформы, то она, способствуя интеграции сельского населения в рыночную экономику, тем самым содействует расширению спроса на промышленную продукцию. Однако на деле национальная буржуазия избрала для себя другой путь: видя нарастание социальных движений и ощущая нестабильность ситуации, не благоприятствующей инвестициям, она все более отдалялась от правительства.

Надежной опорой популистской модели были профсоюзные лидеры. Это были в основном трабальсты и коммунисты, которые действовали под сенью государства, но не раболепствовали перед ним, подобно прежним «pelegos». Была продолжена поли-

тика создания параллельных организаций, что воплотилось в образовании Всеобщего командования трудящихся (ВКТ) в 1962 г. Тем самым профсоюзы все больше и больше выступали в качестве проводников политических требований. Это не означало, что непосредственные экономические требования рабочих были забыты, просто им стали придавать меньшее значение.

Говоря о забастовочном движении, необходимо отметить три фактора: во-первых, значительно увеличилось количество забастовок; во-вторых, стачки имели место в основном на предприятиях госсектора и, в-третьих, из Сан-Паулу они распространились на другие регионы.

В 1958 г. состоялась 31 забастовка, а в 1963 г. их количество возросло до 172. Если в 1958 г. не менее 80% стачек концентрировались в частном секторе, то в 1963 г. их большая часть (58%) имела место в госсекторе.

Нарастание забастовочного движения свидетельствовало о росте социальной мобилизации. Переход частных предприятий в сферу действия госсектора сочетался с политическим характером многих забастовок, поощрявшихся правительством, которое стремилось навязать нужные ему меры.

Что же касается новых мест проведения забастовок, напомним прежде всего, что в Сан-Паулу в основном были сосредоточены частные предприятия, особенно принадлежавшие мультинациональным корпорациям. Поэтому в этом регионе, где руководители предприятий думали лишь о собственных прибылях и не стремились приобщать рабочих к своим политическим замыслам, было значительно труднее добиться успеха. Профсоюзы националистического толка не находили большого отклика в Сан-Паулу, и поэтому здесь было весьма проблематично извлечь из идеологии национализма какие-то конкретные выгоды. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что в то время как федеральное правительство шло навстречу профлидерам, губернатор штата Сан-Паулу Адемар ди Баррус жестоко подавлял забастовки.

Все это породило у части профсоюзных руководителей предчувствие надвигающихся тяжелых последствий. Сближение с властями, рост числа забастовок, участие в митингах порождали эйфорию и в то же время камуфлировали слабые места рабочего движения. Эти слабости, как позже стало ясно, заключались в двух взаимосвязанных обстоятельствах. С одной стороны, постепенное угасание рабочего движения в штате, на территории которого бы-

ли сконцентрированы наиболее динамично развивавшиеся отрасли промышленности, а с другой — избыточная зависимость рабочего движения от режима. И действительно, падение режима похоронило вместе с собой и популистский синдикализм.

* * *

В политической области, параллельно с процессами общественной мобилизации, все более четкие очертания обретало растущее идеологическое самоопределение различных группировок, которое в ряде случаев уходило своими корнями еще в эпоху Кубичека и как бы переступало через границы партий. Росла численность БТП; эта партия извлекала пользу из нелегального положения БКП, переманивая к себе многих из тех, кто раньше голосовал за коммунистов. Успешный ход индустриализации также был выгоден БТП: ведь она была по преимуществу городской партией. Она выигрывала и от общего климата в стране, благоприятствовавшего национализму и социальным переменам.

Внутри партий уже не было прежней однородности, но в период правления Гуларта их внутренние противоречия усилились. Они стали больше отражать идеологические различия, нежели просто личные споры. Формирование разных идеологических направлений внутри каждой партии указывало на продвижение — в каждом случае в разной степени — позиций национализма либо левых убеждений. В БТП сложилась «компактная группа», которая придерживалась позиций наступательного национализма и одновременно выступала за конкретные меры по социальному реформированию. Внутри НДС сформировалось течение «боссона», поддерживавшее базовые реформы и финансовые программы правительства.

Между тем, большая часть НДС сблизилась с враждебным Гуларту течением внутри армии, а многие члены НДС вошли в ультраконсервативную организацию «Парламентское демократическое действие» (*Ação Democrática Parlamentar*). Именно эти круги способствовали осуществлению государственного переворота, который положил конец режиму, установленному в 1945 г.

Еще раньше появилось внутрипартийное разделение в СДП, проявившееся в образовании группы «Молодежное крыло» (*Ala Moça*), которая сформировалась в 1955 г., в ходе президентской кампании Жуселину Кубичека. В этой группе выделялись полити-

ки Ренату Аршер и Улиесес Гимараэс. «Молодежное крыло» с осторожностью противостояло «старым лисам» из СДП и заняло националистические позиции. После поражения Лотта группа самораспустилась, но ее члены внесли вклад в создание Националистического парламентского фронта (Frente Parlamentar Nacionalista).

Внутри левых сил также произошел раскол, главным образом, связанный с процессами в Советском Союзе, где после распространения доклада Хрущева наступил кризис сталинизма. Часть БКП выступила против либерализации внутрипартийной жизни и против линии на открытое сотрудничество с правительством Гуларта. Эта группа несогласных образовала Коммунистическую партию Бразилии (КПБ)*, которая в китайской, а позже и в албанской модели нашла подтверждение своего понимания верности марксистско-ленинским принципам. Название же «Коммунистическая партия Бразилии» было заимствовано из первоначального названия Бразильской коммунистической партии (БКП), которая стала именоваться именно «Бразильской коммунистической партией» в 1961 г., на волне национализма.

* * *

Одновременно с перераспределением сил в гражданском обществе среди военных возобладаало видение международных отношений через призму «революционной войны». Это понятие было выработано в обстановке «холодной войны» и обрело более четкие очертания после прихода к власти Фиделя Кастро. Победа Кубинской революции продемонстрировала определенным военным кругам, что в слаборазвитых странах укореняется революционная война, которая развивается параллельно с противостоянием двух крупных блоков.

Революционная война, конечной целью которой должно было стать установление коммунизма, вовлекала в свою орбиту все слои общества и использовала в качестве инструментов все средства — от идеологических доктрин и психологической войны

* *Коммунистическая партия Бразилии* (КПБ — Partido Comunista do Brasil, PC do B) — образованная в 1962 г., в отличие от просоветской *Бразильской коммунистической партии* (БКП — Partido Comunista Brasileiro, PCB), созданной в 1922 г. и вступившей в Коминтерн, придерживалась подходов, свойственных приверженцам троцкизма и маоизма. См. с. 226, 375 настоящего издания.

до вооруженной борьбы. Именно поэтому представлялось необходимым противопоставить «революционной войне» столь же всеобъемлющие действия. В этой обстановке армия стала играть постоянную и весьма активную роль; ее целью было разгромить врага и обеспечить безопасность и развитие страны. Так появилась «доктрина национальной безопасности».

Данная доктрина зародилась под влиянием извне в недрах Высшей военной школы (ВВШ — Escola Superior de Guerra, ESG), основанной в августе 1949 г. при помощи французских и американских советников. Военная миссия США находилась в Бразилии с 1948 по 1960 г. Из бразильцев главной фигурой в административном и организационном отношении был генерал Голбери ду Коута-э-Силва. Лекции в ВВШ были открытыми не только для военных, но и для гражданских лиц, участие которых было важным с точки зрения установления взаимопонимания между гражданскими и теми военными, чьи позиции в ВВШ преобладали.

ВВШ, а также такие организации, как Институт социальных исследований (ИСИ — Instituto de Pesquisas e Estudos Sociais, IPES) и финансировавшийся ЦРУ Бразильский институт демократического действия (БИДД — Instituto Brasileiro de Ação Democrática, IBAD), создавали каркас политического режима, который рассматривался как способный воспрепятствовать подрыву политического строя и обеспечить нужный тип экономического развития. По мере того, как режим Гуларта шел по пути радикализации и становился все более нестабильным, в кругах, связанных с ВВШ — ИСИ — БИДД, все более крепла убежденность в том, что положить конец популистской анархии и сдержать продвижение «коммунизма» можно только вооруженным путем.

* * *

В начале правления Гуларта его власть была ограничена системой парламентаризма. Во главе первого кабинета стоял Танкреду Невис, политик из штата Минас-Жерайс, который был министром юстиции в правительстве Варгаса в 1954 г. В первые месяцы своего правления Гуларт проводил умеренную политику, стремясь продемонстрировать приверженность демократическим принципам и отторжение коммунистических идей. В ходе своего визита в США он выступил в американском Конгрессе

и получил средства для оказания помощи регионам Северо-Востока.

Вскоре встал вопрос о президентских полномочиях. Согласно акту, вводившему парламентаризм, на 1965 г. было намечено проведение референдума, в ходе которого население должно было окончательно определить форму правления. Тогда окружение Гуларта начало кампанию по переносу народного волеизъявления на более ранний срок.

Уверенность в победе президенциализма была почти полной. Ведь введение парламентаризма в тех условиях, в которых оно произошло, представляло собой явный сговор с целью ограничить полномочия Гуларта. Существовала и убежденность в том, что президент, обладающий большими полномочиями, смог бы привнести в страну стабильность и реализовать базовые реформы. Большинство членов военного руководства также склонялось к решению в пользу укрепления исполнительной власти.

В июне 1962 г. Танкреду Невис подал в отставку с поста премьер-министра. Многие министры, как и он сам, должны были покинуть кабинет для того, чтобы в октябре того же года выставить свои кандидатуры на выборах губернаторов штатов и в нижнюю палату Конгресса. Кроме того, сам Танкреду Невис не верил в парламентаризм. Премьер-министром на смену ему президент назначил Сан Тиагу Дантаса. Будучи министром иностранных дел в кабинете Танкреду Невиса, Сан Тиагу Дантас отстаивал нейтральную позицию Бразилии по кубинскому вопросу, чем навлек на себя гнев правых. Палата депутатов не утвердила это назначение, и тогда в качестве альтернативы возникла кандидатура председателя Сената Ауру ди Моура Андради.

В ответ на выдвижение кандидатуры консерватора Ауру ди Моура Андради вспыхнула первая политическая забастовка того периода. Назначенная на 5 июля как всеобщая 24-часовая стачка в поддержку националистического правительства, она, так и не став всеобщей, нанесла ущерб предприятиям, которые находились либо в собственности государства, либо под его контролем. Докеры блокировали работу практически всех портов страны. Во многих регионах забастовщики были поддержаны военными. Так, например, в Рио-де-Жанейро I армия оградила трудящихся от угроз репрессий со стороны губернатора Ласерды.

В конце концов Конгресс утвердил в качестве главы кабинета Брошаду да Рошу — малоизвестного политика, представителя СДП

штата Риу-Гранди-ду-Сул. Именно ему пришлось запросить, а затем и получить у Конгресса разрешение на перенос референдума на январь 1963 г.

* * *

Незадолго до референдума, в октябре 1962 г., состоялись выборы губернаторов штатов и в нижнюю палату Конгресса. Они показали значительную роль центристов и правых. Конечно, и те и другие получали финансовую поддержку со стороны БИДД и подобных ему организаций, но и правительство использовало свои механизмы. В штате Сан-Паулу Адемар ди Баррус с небольшим перевесом победил Жаниу Куадруса. В штате Риу-Гранди-ду-Сул Илду Менегетти, опираясь на поддержку НДС и СДП, нанес поражение кандидату, выдвинутому Бризолой. Но националисты и левые также могли праздновать победу: в штате Пернамбуку победил Мигел Арраис, и головокружительного успеха добился Бризолола в Рио-де-Жанейро. Выставив свою кандидатуру на выборы в нижнюю палату Конгресса, он получил наибольшее количество голосов, которое когда-либо получал кандидат на парламентских выборах, — 269 тыс. голосов.

Вместе с тем, принимая во внимание тот факт, что еще в 1960 г. Карлус Ласерда и Магальяэнс Пинту были избраны, соответственно, губернаторами штатов Гуанабара (Рио-де-Жанейро)* и Минас-Жерайс, Гуларт получил в качестве противников губернаторов крупнейших штатов.

* * *

В январе 1963 г. около 9,5 млн избирателей из общего числа 12,3 млн сказали «нет» системе парламентаризма. Тем самым была восстановлена президентская форма правления, и Гуларт возглавил кабинет министров**.

* Штат Гуанабара существовал с 1960 по 1975 г. на территории муниципалитета Рио-де-Жанейро, на месте прежнего Федерального округа (1891–1960). В 1975 г. штаты Гуанабара и Рио-де-Жанейро были слиты в один штат под названием Рио-де-Жанейро со столицей в г. Рио-де-Жанейро.

** При президентской форме правления президент является главой правительства.

Подбор Гулартом министров давал ясное представление о его стратегическом курсе. Гуларт со всей серьезностью подошел к решению экономических и финансовых проблем, назначив для этого на посты министров так называемых «позитивных левых» — Сан Тиагу Дантаса на должность министра финансов и Селсу Фуртаду на должность министра планирования. Также Гуларт стремился усилить такие сферы, которые в то время именовались «профсоюзный резерв» и «военный резерв», видя в них опору своего правительства. В поисках министра труда выбор пал на Алмину Афонсу, которого хорошо воспринимали в левых кругах БТП и в компартии. На посту военного министра оставался генерал Амаури Круэл, придерживавшийся умеренных взглядов; он занимал эту должность еще в прежнем составе правительства, которое действовало в период парламентаризма. Одновременно с этим «военный резерв» был весьма усилен присутствием таких фигур, как командующий дислоцированной в Рио-де-Жанейро I-й армией Освину Алвис и командующий III-й армией со штаб-квартирой в штате Риу-Гранди-ду-Сул Жаир Дантас Рибейру.

* * *

Финансовое положение было тяжелым. Был зарегистрирован резкий скачок инфляции — с 26,3% в 1960 г. до 33,3% в 1961 г. и до 54,8% в 1962 г. Стремясь разрешить эту и ряд других проблем, Селсу Фуртаду запустил «Трехлетний план», в котором была сделана попытка совместить экономический рост, социальные реформы и борьбу с инфляцией.

Успех плана зависел от взаимодействия наиболее влиятельных в обществе групп. Однако это взаимодействие уже в который раз отсутствовало. Те, кто зарабатывал на высокой инфляции, не были заинтересованы в успехе объявленных мер; противники Гуларта желали краха правительства и жаждали переворота; рабочее движение отказывалось согласиться с урезанием зарплаты; левые повсюду усматривали «руку империализма». Во время визита Сан Тиагу Дантаса в Вашингтон в марте 1963 г., итоги которого были весьма незначительными, иностранные кредиторы вели себя достаточно уклончиво.

В середине 1963 г. провал плана стал очевиден. Последней каплей стало увеличение зарплат госчиновникам на 70% в виде компенсации инфляции, которая за первые пять месяцев года уже до-

стигла 25%. Да и экономика в целом подавала признаки упадка. Рост ВВП, составлявший 5,3% в 1962 г., в 1963 г. упал до 1,5%.

Тогда Гуларт произвел перестановки в правительстве. Свой пост оставил главный исполнитель плана Сан Тиагу Дантас, у которого был обнаружен рак легких. С должности министра труда ушел Алмину Афонсу, а военным министром стал генерал Дантас Рибейру. Стремясь доказать, что он не собирается применять радикальные меры в финансовой политике, Гуларт назначил министром финансов бывшего губернатора штата Сан-Паулу, консерватора Карвалью Пинту.

С середины 1963 г. позиции различных групп становились все более радикальными. В деревне начали вооружаться сельские собственники, воспринимавшие аграрную реформу как катастрофу. С другой стороны, активизировались такие процессы, как движение крестьянских лиг, синдикализация сельских трудящихся и захваты земли. Когда в октябре 1963 г. Конгресс отклонил конституционную поправку, разрешавшую лишение земельной собственности без предварительного возмещения, участились действия, совершавшиеся на грани законности.

Левое крыло БТП во главе с Бризолой проявляло недовольство неуверенной позицией Гуларта как в области социальных реформ, так и в сфере отношений с империализмом. Уже в 1963 г. Бризолоа начал создавать группы, которые должны были организовывать по всей стране акции сопротивления попыткам переворота, а также содействовать таким акциям, как созыв Учредительного собрания или мораторий на выплату внешнего долга.

В военных кругах созрел заговор против Гуларта, подкрепленный действиями сторонников «вмешательства с целью защиты» от эксцессов политики правительства. Среди них был и сам начальник главного штаба сухопутных сил, генерал Умберту ди Аленкар Кастелу Бранку. К организации заговора эту группу толкнуло происшедшее в сентябре 1963 г. восстание сержантов и капралов военно-воздушных сил в знак протеста против решения Федерального Верховного суда, подтверждавшего, что сержантские должности не могли быть выборными. Восставшим удалось занять государственные учреждения и взять под контроль коммуникации, а также захватить ряд офицеров; затем восстание было подавлено.

Трагедию последних месяцев правления Гуларта можно понять, приняв во внимание тот факт, что все политические акто-

ры отвергали возможность разрешения конфликтов демократическим путем, рассматривая ее как невыполнимую или не заслуживающую внимания. Правые сумели привлечь на свою сторону умеренных консерваторов таким утверждением: только революция, положив конец борьбе классов, власти профсоюзов и опасности «коммунизма», способна тем самым очистить демократию.

Гуларт пошел по пути принятия чрезвычайных мер. Находясь под влиянием представителей «военного резерва» и оправдывая свои действия необходимостью прекратить волнения в деревне и восстановить порядок, в октябре 1963 г. он внес в Конгресс предложение объявить чрезвычайное положение сроком на 30 дней. Это предложение, к которому критически отнеслись как правые, так и левые, не прошло и еще более усилило подозрения по поводу намерений правительства.

Левые рассматривали «формальную демократию» просто как инструмент на службе у привилегированных классов. Зачем смиряться с ее сложным сочетанием движения то вперед, то назад, если можно все получить путем введения базовых реформ любой ценой — «силой или законом»?

В октябре 1963 г. в Сан-Паулу произошла крупная стачка рабочих, которая не преследовала чисто политических целей и которая стала последней перед отставкой Гуларта. Так называемая «забастовка 700 тысяч» продлилась несколько дней; в ней участвовали работники, занятые в металлургической, химической и целлюлозно-бумажной промышленности.

В начале 1964 г., под влиянием советов, исходивших из его ближайшего окружения, Гуларт избрал путь, который оказался гибельным. Сущность этого курса состояла примерно в следующем. Опираясь на «военный и профсоюзный резервы», президент должен был начать вводить базовые реформы путем декретов, в обход Конгресса. Чтобы продемонстрировать силу правительства, он должен был провести ряд акций, где в присутствии огромных масс народа должен был объявить о реформах. Первый крупный митинг состоялся 13 марта 1964 г. в Рио-де-Жанейро. На нем собрались около 150 тыс. человек, желавших услышать выступления Гуларта и Бризолы, которые, впрочем, уже не находили общего языка; митинг охраняли подразделения I армии.

По телевидению можно было видеть тех, кто под красными флагами выступал за легализацию компартии, и тех, на чьих

транспарантах были написаны требования аграрной реформы; все они вызывали содрогание в консервативных кругах. Прямо на митинге Гуларт подписал два декрета. Первый носил в большей степени символический характер: в нем говорилось о переходе в руки «Петробраза» тех нефтеперерабатывающих заводов, которые еще не находились в его собственности. Во втором декрете — так называемом «декрете *Supra*»* — говорилось о национализации необрабатываемых земель в зависимости от их местонахождения и размеров.

Президент также объявил, что готовится городская жилищная реформа, которая очень напугала средний класс, опасавшийся потерять свою сдаваемую в аренду недвижимость. Кроме того, было заявлено о готовившихся для направления в Конгресс предложениях по изменению налогов и предоставлении права голоса неграмотным и нижним чинам армии.

На деле первый акт реформ Гуларта означал начало конца его правления. Сигнал, возвещавший бурю, пришел с семейного шествия «за Бога и свободу», которое было организовано в Сан-Паулу женскими католическими ассоциациями, связанными с консервативной церковью. 19 марта около 500 тыс. человек прошли по улицам города, продемонстрировав, что сторонники переворота могут рассчитывать на значительную поддержку.

Еще более благоприятную обстановку для заговорщиков создало одно серьезное событие, происшедшее в армии. Ассоциация военных моряков выступила с требованием гарантии их прав и повышения денежного довольствия. Главным лидером моряков был капрал Анселму, который позже станет (а по некоторым данным, был уже тогда) осведомителем Информационного центра ВМФ**.

24 марта министр ВМФ в правительстве Гуларта Силвиу Мота приказал арестовать руководителей Ассоциации, обвиненных в подрыве военной иерархии. На следующий день около 2 тыс. военных моряков и морских пехотинцев собрались в профсоюзе металлостов вместе с теми самими руководителями, которых было предписано арестовать, чтобы отметить вторую годовщину суще-

* *Supra* (от Superintendência da Reforma Agrária). Речь идет об органе под названием «Управление по делам аграрной реформы».

** Информационный центр ВМФ (Centro de Informações da Marinha, CENIMAR), созданный в 1957 г. как разведывательная служба; в годы правления военных превратился в один из главных репрессивных органов режима.

ствования Ассоциации и выдвинуть новые требования. По распоряжению министра Силвиу Моты помещение было окружено морскими пехотинцами; также министр запросил помощь I-й армии. В конце концов стороны сумели договориться.

Находясь под прессингом и осознавая утрату собственного авторитета, военно-морской министр подал в отставку. На его место Гуларт назначил более умеренного деятеля — адмирала в отставке Паулу Родригиса, выбор на которого пал с подачи ВКТ. Новый министр решил приглушить страсти, объявив, что восставшие не понесут наказания. На деле же он лишь подлил масла в огонь: Военный клуб и группа высших чинов ВМФ изобличили его поступок как направленный, по их мнению, на разрушение военной иерархии.

Когда Гуларт выступал в Рио-де-Жанейро на собрании сержантов — и это была последняя опасная для существования режима акция, — подготовка к перевороту уже шла полным ходом. Переворот был ускорен действиями генерала Олимпиу Моурау Филью, который в прежние времена был замешан в темную историю с «планом Козна» 1937 г. 31 марта Моурау при поддержке губернатора Магальяэнса Пинту выдвинул расквартированные в штате Минас-Жерайс войска под своим командованием в направлении Рио-де-Жанейро.

Ситуация прояснилась неожиданно быстро. В Рио-де-Жанейро Ласерда, в ожидании так и не последовавшей атаки морских пехотинцев, забаррикадировался во дворце-резиденции губернатора. 1 апреля Гуларт вылетел в Бразилиа, предотвратив тем самым действия, которые могли бы привести к кровопролитию. Войска II-й армии под командованием генерала Амаури Круза, выступившие из Сан-Паулу в направлении Рио-де-Жанейро, брательлись с подразделениями I-й армии.

В ночь на 1 апреля, когда Гуларт вылетел из Бразилиа и его самолет взял курс на Порту-Алегри, председатель Сената объявил место президента вакантным. В соответствии с конституцией этот пост занял председатель палаты депутатов Раниери Мазили. Но власть находилась уже не у гражданских лиц, а у военачальников.

Бризола еще попытался мобилизовать войска и население штата Риу-Гранди-ду-Сул, как бы повторяя подвиг 1961 г. Но это не имело успеха. В результате в конце апреля ему удалось эмигрировать в Уругвай, где уже находился Гуларт.

Таков был конец демократического эксперимента 1945–1964 гг. Впервые в истории страны военные взяли власть с прицелом на долгосрочную перспективу, установив авторитарный режим.

Правительство Гуларта, которое, казалось бы, опиралось на мощные силы, разрушило себя само. Что случилось с «военным и профсоюзным резервами»? Дело в том, что Гуларт и поддерживавшие его верхушка армии и профсоюзов имели ошибочные представления о политической обстановке. То, что происходило во властных структурах, воспринималось ими как выражение того, что происходило в обществе. Также они считали, что большинство военных были сторонниками выдвинутых правительством реформ, так как сама история возникновения этого правительства, социальное происхождение министров отражали народные устремления. Они полагали, что сторонники переворота составляли меньшинство, находившееся под контролем «военного резерва» и нижних чинов армии.

Очевидно, что большинство офицерского корпуса на протяжении всех этих лет предпочло бы не разрушать устои конституционного строя. Но у армии как института были и другие, более важные принципы: поддержание социального порядка, уважение к сложившейся армейской иерархии, контроль над распространением коммунистических взглядов. В тот момент, когда эти принципы оказались нарушены, порядок превратился в беспорядок, а наличие беспорядка уже само по себе оправдывало вмешательство армии.

Утрата Гулартом легитимности, постоянное нарушение армейской дисциплины и сближение нижних чинов армии с организованными в профсоюзы трудящимися — все это в конечном счете привело к тому, что умеренные круги военных пополнили собой ряды заговорщиков, примерно так же, как это произошло среди гражданских лиц (где умеренные слои переходили на сторону антиправительственных сил. — *Примеч. пер.*). Что же касается так называемого «профсоюзного резерва», то он сумел мобилизовать рабочих, занятых в основном в госсекторе, но не более того.

Большая масса наемных работников, измученных инфляцией, практически игнорировала объявленную ВКТ всеобщую забастовку. В любом случае мобилизация рабочего класса могла бы на практике достичь немногого; единственное, чего могли добиться рабочие, — это нарушить единство армии, но этого не произошло.

Таким образом, хотя развитие социальных движений было весьма красноречиво, в политическом отношении Гуларт находился в подвешенном состоянии. Рядом с ним оставались только военный министр, который уже не командовал войсками, синдикалистские лидеры с горсткой последователей, ставшие мишенью для репрессий, и друзья, создававшие ненужные иллюзии.

6. Военный режим и переход к демократии (1964–1984)

6.1. Консервативная модернизация

Движение 31 марта 1964 г. со всей очевидностью было направлено на избавление страны от коррупции и от «коммунистической угрозы», на восстановление демократии.

Новый режим начал демонтаж институтов, запустив так называемые Институционные акты, которые обосновывались как прямое следствие «осуществления учредительной власти, присущей любой революции»*. 1 апреля 1964 г. командующие сухопутными силами, военно-морским флотом и военно-воздушными силами издали Институционный акт № 1. По нему, формально продолжали функционировать и Конституция 1946 г. в несколько видоизмененном виде, и Конгресс.

Именно данный аспект явится одной из характерных черт военного режима. Хотя реальная власть переместилась в другие сферы, а базовые принципы демократии оказались попорчены, режим практически никогда открыто не демонстрировал свою авторитарную сущность. За исключением кратких периодов Конгресс

* Военные называли свой переворот «революцией», а свое правительство «революционным командованием» или «высшим командованием революции».

продолжал функционировать, а юридические нормы, которые затрагивали гражданские права, были представлены обществу как всего лишь временные. Да и действие самого Институционного акта № 1 было ограничено датой 31 января 1966 г.

На деле же меры, предусмотренные Институционным актом № 1, были направлены на укрепление исполнительной власти и сужение поля деятельности Конгресса. Были сохранены президентские полномочия по внесению в Конгресс законопроектов, которые следовало рассмотреть в течение 30 дней в нижней палате и в течение такого же срока — в верхней; в противном случае они считались принятыми. Поскольку было совсем несложно воспрепятствовать голосованию в Конгрессе, а его деятельность, как правило, превращалась в волокиту, то утверждение законопроектов, поступавших от исполнительной власти, именно в связи с «истечением срока» их рассмотрения стало обычным явлением. Также в компетенцию президента перешло внесение законопроектов о создании или увеличении новых статей госрасходов.

Было приостановлено действие парламентского иммунитета, при этом «высшее командование революции» получило право аннулировать депутатские мандаты и лишать граждан политических прав сроком на десять лет. Для облегчения процедуры чистки государственных органов были приостановлены на шесть месяцев гарантии права на пожизненную службу и на защиту от увольнения, предоставлявшиеся другим категориям государственных служащих.

Также Институционный акт № 1 создал основу для учреждения военно-полицейских органов дознания, в сферу действия которых попадали лица, ответственные за «преступления против государства или его собственности, против политического и социального строя или за ведение революционной войны».

На основании этих чрезвычайных полномочий были развязаны преследования противников режима; начались аресты и пытки. Но система еще не стала полностью закрытой. Еще имелась возможность апеллировать в судах к принципу *habeas corpus**, а пресса пока еще не потеряла относительную свободу.

Именно благодаря разоблачениям выходившей в Рио-де-Жанейро газеты «Коррейю да Манья» («Correio da Manhã») президент Кастелу Бранку распорядился начать расследование о применении

* Неприкосновенность личности (лат.).

пытков и поручил это тогдашнему главе военной канцелярии президента генералу Эрнесту Гейзелу. Расследование было закрыто за «недостаточностью доказательств», но все же на некоторое время пытки перестали носить систематический характер.

Особую мишень для репрессий представляли собой студенты, которые сыграли видную роль в период правления Гуларта. Вскоре после 1 апреля военные заняли, а затем подожгли помещение Национального союза студентов (НСС — União Nacional dos Estudantes, UNE) в Рио-де-Жанейро. После своего роспуска НСС перешел на нелегальное положение. Гонения обрушились и на университеты. Университет Бразилиа, созданный на основе идей обновления, был объявлен военными «подрывным», и они заняли его помещение уже на следующий день после переворота.

Самые жестокие репрессии обрушились на сельские регионы, особенно на Северо-Восток; они затронули прежде всего тех, кто был связан с крестьянскими лигами. В городах военные захватывали помещения многих профсоюзов и федераций трудящихся и арестовывали их руководителей. Как правило, эти вторжения были направлены против наиболее крупных профсоюзов, охватив 70% организаций, насчитывавших более 5 тыс. членов.

В 1964 г. жертвами чисток стали 49 судей. В Конгрессе были аннулированы мандаты 50 парламентариев. Список из 40 депутатов, лишенных мандатов в первую очередь, возглавляли 18 членов БТП; вместе с тем у депутатов от НДС не был аннулирован ни один мандат.

По самым скромным подсчетам, более 1400 человек были уволены с государственной службы и около 1200 — из армии. Эта мера была в первую очередь направлена против тех, кто ярко проявил себя в националистическом и левом движении.

Своих мандатов лишились и некоторые губернаторы. Среди наиболее известных политиков, у которых были аннулированы мандаты или которые были лишены политических прав, помимо таких известных деятелей, как Гуларт и Бризолла, фигурировали также Жаниу Куадрус и сенатор от штата Гойас Жуселину Кубичек. В случае с Кубичеком просматривалось явное намерение не допустить до очередных президентских выборов гражданского кандидата, снискавшего уважение в обществе.

Все вышеописанное не может в полной мере обрисовать постепенно установившуюся в стране атмосферу страха и доносительства. В июне 1964 г. военный режим создал Национальную служ-

бу информации (НСИ)*, что стало еще одним важным шагом в деле установления контроля над гражданами. Главным разработчиком принципов этой организации и ее первым руководителем стал генерал Голбери ду Коуту-э-Силва. Основной заявленной целью НСИ был «сбор и анализ информации по проблемам внутренней подрывной деятельности». В действительности она почти сравнивалась по значимости с исполнительной властью, по собственной инициативе ведя «борьбу с внутренним врагом». Годы спустя генерал Голбери даже пытался оправдаться, заявив, что создал, сам не желая того, настоящего монстра.

Институционный акт № 1 устанавливал порядок избрания президента путем непрямого голосования, а именно голосования в Конгрессе. 15 апреля 1964 г. президентом был избран генерал Умберту ди Аленкар Кастелу Бранку, срок полномочий которого истек 31 января 1966 г.

Политической целью команды Кастелу Бранку было внедрение в общество «ограниченной демократии» после проведения «хирургических мер», предусмотренных Институционным актом № 1. Целью ее экономической программы было реформирование экономической системы бразильского капитализма путем ее модернизации; данная модернизация рассматривалась и как самоцель, и как средство сдерживания «коммунистической угрозы». Для решения этих задач было необходимо противостоять финансово-экономическому хаосу, который достался «в наследство» от последних месяцев правления Гуларта, поставить под контроль массы сельских и городских трудящихся, продвигать реформу государственного аппарата.

* * *

В рамках первой из упомянутых задач была запущена Правительственная программа экономических действий (ППЭД — Programa de Ação Econômica do Governo, PAEG), за которую отвечали министр планирования Роберту Кампус и министр финансов Отавиу Гоувейя ди Бульознс.

Посредством ППЭД была предпринята попытка сократить дефицит госбюджета, привлечь частные кредиты и сдержать рост

* В рамках этого ключевого репрессивного органа военного режима были объединены разведка, контрразведка и управление безопасности.

зарплат. Разработчики программы попытались поставить под контроль расходы штатов, предложив закон, который запретил бы им влезать в долги без разрешения федерального центра. Восстановление баланса финансовой системы было достигнуто на основе улучшения положения предприятий госсектора, урезания государственных субсидий для производства таких базовых продуктов, как зерно или нефть, и увеличения собираемости налогов. Две первые меры повлияли прежде всего на рост стоимости жизни, поскольку пришлось увеличить тарифы на электроэнергию, телефонную связь и т.д., а также поднять цены на бензин и на хлеб.

Увеличение собираемости налогов было достигнуто путем улучшения работы явно несовершенного госаппарата. Введение системы финансовых взысканий для налоговых должников способствовало и тому, что задолженность государству, по крайней мере отчасти, перестала представлять собой выгодный бизнес.

Урезание зарплат началось с установления их индексации к уровню ниже инфляции и сопровождалось мерами, направленными на запрет забастовок и на облегчение ротации рабочей силы в интересах предприятия. Закон о забастовках, принятый Конгрессом в июне 1964 г., создал бюрократические рогадки, которые сделали практически невозможным прекращение работы предприятия на законных основаниях. Однако же следует напомнить, что и в течение почти 20 лет демократического правления Конгресс не принял ни одного закона, который оперировал бы закрепленным в конституции правом на забастовку, хотя на практике в последние годы этого периода данное право свободно применялось на практике.

Правительство ликвидировало и одно из наиболее важных для городских наемных работников право — гарантию занятости после 10 лет работы на одном предприятии, закрепленную в трудовом кодексе. Взамен этого в сентябре 1966 г. был создан Фонд гарантий занятости за выслугу лет, выплачивавший компенсацию в случае увольнения.

В сельской местности кабинет Кастелу Бранку проводил репрессии против так называемых агитаторов, а одновременно шли поиски путей решения земельной проблемы. В ноябре 1964 г. Конгресс принял Земельный устав для разработки аграрной реформы и проведения аграрной политики. Но данный закон, как и сопровождавшие его подзаконные акты, в целом так и остался на бумаге.

Одно из важных изменений, связанное с именами министров Кампуса и Бульозенса, имело место в области внешней торговли.

Оба министра отбросили бывшую тогда в ходу концепцию «сокращения импорта», согласно которой конкуренция на мировом уровне накладывала на ввозимую продукцию жесткие структурные ограничения. Считая, что потенциал Бразилии недооценен, министры начали вести кампанию по наращиванию экспорта не только для того, чтобы ввести в оборот громадные природные ресурсы страны и продавать аграрную продукцию, но и для продвижения промышленных товаров.

Они рассчитывали также на приток иностранного капитала, особенно в сфере экспорта. Для стимулирования этого процесса в августе 1964 г. был одобрен новый закон (принятый в связи с «истечением срока» его рассмотрения), который регулировал иностранные инвестиции и вывоз прибылей. Закон 1962 г., ограничивавший вывоз прибылей и повлекший за собой в связи с этим протесты американских и других иностранных инвесторов, был отменен.

ППЭД достиг своих целей. Сочетание урезания расходов, с одной стороны, и увеличения собираемости налогов — с другой, сократило годовой дефицит госбюджета с 4,2% ВВП в 1963 г. до 3,2% в 1964 г. и до 1,6% в 1965 г. Сильная инфляция 1964 г. стала постепенно ослабевать, а начиная с 1966 г., вновь стал расти ВВП.

Почему же ППЭД оказался успешным в отличие от предыдущих экономических планов? Прежде всего потому, что Кампус и Бульознс адекватно оценили тогдашнюю ситуацию, но главное не в этом. Установление в стране авторитарного режима облегчило деятельность правительства. Для того чтобы привести любой стабилизационный план в действие, необходимы жертвы со стороны общества. Но в условиях бразильского общества и в контексте того, как эта проблема понималась различными политическими акторами, в период демократического правления данная задача оказалась трудновыполнимой.

Авторитарный режим позволил Кампусу и Бульознсу принять такие меры, которые принуждали к жертвам именно трудящихся, при этом последние были лишены возможностей к сопротивлению. Достижая критического уровня долговая проблема была временно решена благодаря «зеленому свету» со стороны МВФ и массовой помощи правительства США в рамках программы «Союз ради прогресса».

В международном плане правительство Кастелу Бранку самым недвусмысленным образом действовало в русле политики США. Один из примеров этого — гражданская война в Доминиканской

Республике в начале 1965 г. США вмешались в конфликт, направив на остров 42 тыс. морских пехотинцев. Бразилия наряду с Гондурасом и Парагваем дала согласие на отправку своих войск под флагом так называемого корпуса «межамериканских миротворческих сил».

* * *

В октябре 1965 г. в одиннадцати штатах прошли прямые выборы (губернаторов. — *Примеч. пер.*). В тот момент энтузиазм в отношении революции* по большей части пошел на убыль. Было сложно и дальше верить пропаганде о «конце коррупции». Кошельки среднего класса были пусты.

Несмотря на запреты, которые накладывала так называемая «жесткая линия» военных по отношению к определенным кандидатам, оппозиция одержала победу в таких важных штатах, как Гуанабара и Минас-Жерайс. Результаты выборов встревожили военных: в них адепты «жесткой линии», будучи противниками команды Кастелу Бранку, увидели доказательство снисходительности правительства по отношению к своим врагам. Они призывали к введению авторитарного режима с жестким контролем со стороны военных над системой принятия решений — режима, целью которого стало бы продолжение борьбы против «коммунизма» и коррупции.

Под давлением этих сил Кастелу Бранку в октябре 1965 г., всего через 24 дня после выборов в штатах, издал Институционный акт № 2. Этот акт окончательно устанавливал, что президент и вице-президент будут избираться абсолютным большинством Конгресса открытым и поименным голосованием. Данный Институционный акт еще более усилил полномочия президента, дав последнему право издавать декрет-законы и расширять по своему усмотрению трактовку концепции национальной безопасности.

Другой важной мерой Институционного акта № 2 стала ликвидация политических партий. Военные рассматривали многопартийную систему как одну из причин политических кризисов. В силу этого существованию партий, созданных на излете «Нового государства» и отражавших — в большей или меньшей степени — различные оттенки общественного мнения, был положен конец.

* То есть военного режима.

Однако само наличие партийного законодательства заставило создать хотя бы две партии: Национальный союз обновления (НСО — *Aliança Renovadora Nacional, ARENA*) — партию сторонников правительства, и Бразильское демократическое движение (БДД — *Movimento Democrático Brasileiro, MDB*), в рядах которого объединилась оппозиция. НСО состояло из бывших членов НДС и СДП, количество которых было почти равным; что же касается БДД, то в него в основном вошли члены БТП и в меньшем количестве — члены СДП.

* * *

Процесс институциональных изменений, реализованных правительством Кастелу Бранку, завершился принятием Конгрессом в январе 1967 г. новой Конституции. В связи с началом нового витка аннулирования депутатских мандатов работа Конгресса в октябре 1966 г. была на месяц прервана, но затем для утверждения новой конституции была созвана его чрезвычайная сессия.

Конституция 1967 г. включила в себя законодательство, которое расширяло полномочия исполнительной власти, особенно в сфере национальной безопасности. Но в ней не содержалось специальных статей, которые допускали бы очередное аннулирование депутатских мандатов, лишение политических прав и т.д.

* * *

Окружению Кастелу Бранку не удалось подобрать ему преемника. Президентом и вице-президентом были избраны генерал Артур да Коста-э-Силва и гражданский политик, член партии НДС Педру Алейшу, которые вступили в соответствующие должности в марте 1967 г.

Хотя Коста-э-Силва был военным министром в правительстве Кастелу Бранку, он был чужаком в окружении Кастелу. Коста-э-Силва — «дядюшка», как его прозвали заговорщики 1964 г., — сделал внушительную военную карьеру: от нескольких месяцев пребывания в тренировочных лагерях в США до командования IV-й армией в драматический период 1961—1962 гг. Однако стиль его деятельности отличался от манеры работы «интеллектуала» Кастелу. Он не проявлял интереса к шгудированию сложных текстов по военной стратегии, предпочитая им легкое чтение и скачки. Но гораздо важнее личностных различий было то, что на Коста-э-

Силву возлагали свои надежды сторонники «жесткой линии» и авторитарно настроенные военные-националисты, недовольные проводившейся Кастелу политикой сближения с США и предоставления привилегий иностранному капиталу.

Вместе с тем, находясь у власти, Коста-э-Силва не стал простым инструментом в руках адептов «жесткой линии». Ощущая накопившееся в обществе напряжение, он установил контакты с оппозицией и сделал попытку услышать несогласных. В то же время он предпринял активные шаги в сфере регулирования трудовых отношений, способствуя организации профсоюзов и возвращению лояльных режиму синдикалистских лидеров. Дальнейшие события, однако, положили конец этой политике ограниченной либерализации.

6.2. Переход к «закрытости режима» и вооруженная борьба

После 1966 г., когда схлынула первая волна репрессий, оппозиция начала перегруппировку сил. От правительства дистанцировались многие церковные иерархи; на Северо-Востоке особое значение приобрела деятельность архиепископа Олинды и Ресифе Элдера Камары. Начались выступления объединившихся вокруг НСС студентов.

В политической области события развивались следующим образом. Ласерда, находясь на крайнем политическом фланге, сблизился со своими традиционными противниками — Гулартом и Кубичеком — с целью формирования Широкого фронта (A Frente Ampla). Встретившись в Монтевидео, лидеры Фронта провозгласили своей целью борьбу за восстановление демократии и за утверждение прав трудящихся.

Стремительный рост антидиктаторских движений пришелся на 1968 год — особенный год для всего мира. В Бразилии катализатором уличных выступлений стало убийство военной полицией студента в ходе небольшой по масштабу протестной акции в Рио-де-Жанейро в марте 1968 г. На похороны студента вышли тысячи людей. Возмущение нарастало и в связи с новыми акциями насилия. Все эти события создали условия для организации более широкого движения, в которое вошли не только студенты, но и влиятельные круги церкви и среднего класса. Наивысшим выражени-

ем объединения этих сил, включившихся в борьбу за демократизацию, стала так называемая «прогулка ста тысяч» в июне 1968 г.

Одновременно прошли две забастовки рабочих, носившие наступательный характер, — в муниципиях Контажем около г. Белу-Оризонти (штат Минас-Жерайс) и Озаску в черте Большого Сан-Паулу. Если забастовка в Контажем была в известной степени спонтанной, то стачка в Озаску, начавшаяся с «оккупации» забастовщиками помещения крупного завода, явилась плодом совместных усилий трудящихся и студентов. Однако эффект от подобной «демонстрации силы» оказался негативным. По распоряжению министерства труда было устроено вторжение в помещение профсоюза металлистов; многочисленные подразделения военных, применив насилие, очистили предприятие от занявших его рабочих.

Забастовка в Озаску была осуществлена под влиянием левых группировок, которые взяли на вооружение тезис о том, что только вооруженная борьба может положить конец военному режиму. Эти группировки находились под сильным воздействием примера Кубинской революции и возникновения партизанского движения в ряде стран Латинской Америки, таких как Гватемала, Колумбия, Венесуэла и Перу.

Что же касается Бразилии, то Бразильская коммунистическая партия (БКП) — традиционная политическая организация левого направления — выступила против вооруженной борьбы. В 1967 г. группа под руководством ветерана компартии Карлуса Маригелы порвала с партией и образовала Союз национального освобождения (СНО — *Aliança de Libertação Nacional, ALN*). К тому моменту за вооруженную борьбу уже выступила организация «Народное действие» (*Ação Popular (esquerda cristã)*)*, возникали и новые группы, например, «Народный революционный авангард» (НРА — *Vanguarda Popular Revolucionária, VPR*), в рядах которого было немало военных, придерживавшихся левых взглядов.

Первые акции группировок, исповедовавших принципы вооруженной борьбы, начались в 1968 г. Была заложена бомба в помещении американского консульства в Сан-Паулу, стали проводиться и так называемые «экспроприации», т.е. нападения с целью завладе-

* «Народное действие (левое движение базовых христианских общин)» — данная организация действовала в период военного режима и выступала за вооруженные методы борьбы.

ния финансовыми средствами. Этого оказалось достаточным для того, чтобы укрепить сторонников «жесткой линии» в их уверенности, что революция* гибнет и необходимо создать новые инструменты, чтобы покончить с «подрывными элементами». Предлогом для того, чтобы положить конец ограниченной либерализации стало внешне непримечательное событие — выступление в Конгрессе депутата Марсиу Морейры Алвиса, которое было расценено как оскорбительное для вооруженных сил.

Не известный широкой публике текст выступления был распространен в армейских подразделениях. Когда же была создана обстановка всеобщего возмущения, военные министры потребовали от Верховного суда начать уголовное преследование в отношении Марсиу Морейры Алвиса по обвинению последнего в оскорблении достоинства вооруженных сил. Разбирательство зависело от разрешения Конгресса. Однако он принял неожиданное решение, отказавшись аннулировать парламентский иммунитет депутата. Тогда менее чем через сутки, 13 декабря 1968 г., Коста-э-Силва утвердил Институционный акт № 5, на основании которого работа Конгресса была прекращена.

Институционный акт № 5 стал инструментом «революции внутри революции», или, иначе говоря, «контрреволюции внутри контрреволюции». В отличие от предшествовавших Институционных актов он не имел срока действия. Президент вновь обрел полномочия для временного прекращения работы Конгресса, чего не допускала Конституция 1967 г. Президент снова получил возможность аннулировать депутатские мандаты и лишать политических прав, а также увольнять или отправлять на пенсию госслужащих.

Начиная с Институционного акта № 5, ядро власти военных сконцентрировалось в так называемых центрах по сбору информации, т.е. в руках тех лиц, которые находились у руля управления репрессивными и надзорными органами. Начался новый виток аннулирования депутатских мандатов, лишения политических прав и чисток в среде чиновников и госслужащих, включая многих представителей университетской профессуры. В СМИ была введена цензура, в политическую практику правительства вошли пытки.

Одним из многих трагических аспектов действия Институционного акта № 5 стало укрепление идеологических позиций тех

* То есть их собственный режим.

группировок, которые вели вооруженную борьбу и которые после 1969 г. умножили число своих акций. Режим демонстрировал свою неспособность перестроиться и пойти на уступки обществу; напротив, он все более решительно следовал курсом жестокой диктатуры.

* * *

В августе 1969 г. у Коста-э-Силвы случился инсульт, в результате которого его парализовало. Военные министры решили найти ему замену, нарушив статью конституции, согласно которой сменить президента должен был вице-президент Педру Алейшу.

Левые радикалы перешли к тактике похищения членов иностранного дипломатического корпуса с целью их последующего обмена на политзаключенных. Наиболее резонансной акцией стало осуществленное в Рио-де-Жанейро похищение посла США. В обмен на предоставление свободы послу Элбрику похитители добились освобождения 15 политзаключенных, которые были выслааны в Мексику.

Военная хунта ввела такой вид наказания, как высылка с территории страны; это наказание могло быть применено к любому бразильцу «в случае если он будет создавать препятствия, представлять вред или угрозу национальной безопасности». Первыми выслали тех заключенных, которых обменяли на американского посла. Также была введена смертная казнь за «подрывную деятельность». Смертная казнь никогда не проводилась в соответствии с установленными правилами; предпочтение отдавалось скорым казням или казням, осуществлявшимся в ходе пыток, когда они затем выставлялись либо как результат столкновений «подрывных элементов» с силами правопорядка, либо как «таинственные исчезновения».

До 1969 г. органом, наиболее очевидным образом ответственным за применение пыток, был Информационный центр ВМФ. Начиная с упомянутого года в Сан-Паулу при II армии, сферой действия которой являлась ось Сан-Паулу — Рио-де-Жанейро, была создана организация под названием «Операция "Бандейранты"» (Operação Bandeirantes, OBAN)*. Данная организация, в свою

* *Бандейранты* — участники военных отрядов, отправлявшихся в конце XVI — XVII вв. вглубь территории Бразилии для разведывания новых территорий,

очередь, породила «Отряд по проведению оперативных действий и сбору информации» (DOI — Destacamento de Operações e Informações, DOI) и «Оперативный центр по защите внутренней безопасности» (CODI — Centro de Operações de Defesa Interna, CODI), объединенные в единый орган DOI/CODI. Подобные же органы DOI/CODI были созданы во многих штатах; они стали главными центрами пыток военного режима.

Несмотря на то, что страна переживала один из наиболее мрачных периодов своей политической истории, в экономической сфере правительству удалось добиться успехов. После относительно короткой рецессии Кампус и Бульзонс сумели сбалансировать финансовую систему, после чего министр финансов Делфим Нетту предпринял попытку стимулировать экономический рост путем расширения системы кредитов. Одновременно он установил контроль над ценами с целью затормозить инфляцию, которая, достигнув в 1968 г. пика в 25,4%, начала снижаться.

В 1968 г. значительно воспряло промышленное производство; в авангарде этого процесса шли такие отрасли, как автомобилестроение, химическая промышленность, производство электрооборудования. Получило значительное развитие гражданское строительство, в основном благодаря тем финансовым ресурсам, которые предоставил Национальный банк жилищного строительства. В 1968 – 1969 гг. темпы экономического роста достигли впечатляющих размеров, рост ВВП достигал 11,2% в 1968 г. и 10% в 1969 г., т.е. 8,1% и 6,1% на душу населения соответственно. Это знаменовало собой начало так называемого «экономического чуда».

* * *

В середине октября 1969 г. Коста-э-Силва еще был жив, но надежд на его выздоровление не оставалось. В связи с этим военная хунта объявила посты президента и вице-президента вакантными и назначила на 25 октября президентские выборы, которые должны были состояться путем голосования в Конгрессе. Высшее ко-

месторождений золота и драгоценных камней и захвата в рабство индейцев (о них см. подробнее в главе 1, § 1.8). Военные воспользовались этим термином, обозначившим важный феномен в истории Бразилии, не только для проведения неких исторических аналогий (охват «щупальцами» военного режима территории всей страны), но и для придания своим акциям «национального» оттенка, следования в русле взятых ими на вооружение «национальных традиций».

мандование вооруженных сил остановило свой выбор на генерале Эмилиу Гаррастазу Медиси в качестве президента, а на пост вице-президента наметило кандидатуру министра военно-морских сил Аугусту Радемакера.

Как и Коста-э-Силва, Медиси был военным из штата Риу-Гранди-ду-Сул. По отцовской линии в его роду были итальянцы, а по материнской — баски. В 1950-е гг. он был главой штаба Коста-э-Силвы, который в тот период был командующим III-м военным округом; тогда же они стали близкими друзьями. Медиси поддержал «движение 1964 г.» и после падения Гуларта был назначен военным атташе Бразилии в Вашингтоне. Когда Коста-э-Силва стал президентом, Медиси возглавил Национальную службу информации.

Имя Медиси не было известно в широких общественных кругах. Кроме того, он не стремился к власти и делегировал процесс управления своим министрам. Отсюда проистекала парадоксальная ситуация, когда в один из самых — если не в самый — репрессивный период бразильской истории президентская власть не была сосредоточена в одних руках.

Вооруженные отряды городской герильи, деятельность которых поначалу, как казалось, дестабилизировала режим при помощи громких акций, ослабли и почти исчезли. Такой исход стал, в первую очередь, результатом действенности репрессий, которые обрушились на активистов вооруженной борьбы и на всех тех, кто им симпатизировал, а это были в основном молодые профессионалы. Другим фактором стала изоляция этих групп от широких масс, интерес которых к вооруженным акциям был минимальным, если не вообще нулевым. Левые радикалы допускали фундаментальную ошибку, считая возможным создать в Бразилии «новый Вьетнам»*.

Оставался лишь очаг сельской герильи, который создавался руками Компартии Бразилии (КПБ) в районе реки Арагуайя, недалеко от муниципии Марабá на востоке штата Парá. В 1970—1971 гг. партизаны численностью около 60 человек установили связи с крестьянами, обучив их приемам возделывания земли и навыкам охра-

* В тот период (1965—1973) США вели войну во Вьетнаме, в ходе которой они столкнулись с неожиданным для себя сопротивлением и самоотверженностью вьетнамцев, заставивших их «увязнуть» в войне. Тогда и появился ставший популярным лозунг Че Гевары, призывавшего создать в Латинской Америке для борьбы с «империализмом США» (по тогдашней терминологии левых) «один, два, три... много Вьетнамов», т.е. очагов партизанской войны.

ны здоровья. Обнаружив этот очаг в 1972 г., военные не показали себя столь скорыми на расправу, как это было в случае с городской герильей. И только в 1975 г., после того как данный регион был превращен в «зону национальной безопасности», военным удалось частично уничтожить, а частично арестовать членов созданной КПБ группы. Широкая общественность оставалась в неведении относительно этих событий, так как распространение информации о них было запрещено. Самое большее, что имело место, — это разрозненные слухи о герилье в Арагуайя.

Что же касается легальной оппозиции, то она в период правления Медиси оказалась на самой низкой точке своего развития; свою роль в этом сыграли и благоприятная экономическая ситуация, и репрессии, и — в меньшей степени — кампания за порчу бюллетеней (на выборах. — *Примеч. пер.*). На парламентских выборах 1970 г., когда должны были обновиться 2/3 Сената, крупной победы добилась партия НСО.

Правительство Медиси не ограничивалось в своей деятельности только репрессиями. Оно проводило четкую грань между важной, но представлявшей меньшинство общества группой противников режима, и массой населения, уровень повседневной жизни которого в эти годы экономического процветания стал достаточно приемлемым. Против первой группы проводились репрессии, в то время как для нейтрализации второй предназначались пропагандистские методы.

После 1964 г. большого прогресса достигло развитие телекоммуникаций. Облегчение условий личного кредитования способствовало росту количества семей, имевших телевизор. Если в 1960 г. телевизор был только у 9,5% городских семей, то в 1970 г. их число приблизилось к 40%. Именно в этот период телеканал «Глобу», став рупором правительства, расширил при его поддержке свое вещание до общенациональных масштабов и почти монополизировал данный сектор. Правительство получило невиданный в истории страны канал для распространения своей пропаганды. Продвижение имиджа Бразилии как «великой державы» изменило восприятие населением собственной страны. Это было время, когда многие пожилые бразильцы — представители среднего класса сожалели о том, что по биологическим причинам они не доживут до начала нового тысячелетия, когда Бразилия сравняется с Японией.

Так называемое «чудо» продлилось с 1969 по 1973 г.; в этот период необычайно высокие темпы роста сочетались с относительно низким уровнем инфляции. Показатели роста ВВП составляли в среднем 11,2% в год, наивысший уровень в 13% был зафиксирован в 1973 г. Среднегодовая инфляция не превышала 18%.

«Бразильское экономическое чудо» имело вполне «земное» объяснение. Его разработчики во главе с Делфимом Нетту воспользовались прежде всего сложившейся к тому моменту ситуацией в мировой экономике, когда стали широко доступны природные ресурсы. Наиболее продвинутые развивающиеся страны воспользовались открывшимися новыми возможностями для получения внешних займов. Суммарно внешний долг этих стран, не являвшихся производителями нефти, возрос по меньшей мере с 40 млрд долл. в 1967 г. до 97 млрд долл. в 1972 г. и до 375 млрд долл. в 1980 г.

Что касается Бразилии, то наряду с ростом внешних заимствований возрос приток в страну иностранного капитала. В 1973 г. годовой уровень поступлений иностранного капитала насчитывал 4,3 млрд долл., что почти вдвое превысило уровень 1971 г. и более чем в 3 раза превышало уровень 1970 г.

Одной из важнейших сфер приложения иностранного капитала стало автомобилестроение — отрасль, которая, демонстрируя годовые темпы роста в 30%, шла в авангарде индустриального развития. Расширение потребительского кредита и пересмотр производственных норм, давший возможность выпускать автомобили средних размеров, привлекли мощные инвестиции компаний «Дженерал Моторс», «Форд» и «Крайслер».

Значительное развитие получила внешняя торговля. Расширенный импорт определенной продукции был необходим для поддержки экономического роста. Шел процесс диверсификации экспорта, поощрялся вывоз промышленной продукции путем предоставления кредитов на благоприятных условиях, а также через освобождение от налогов или их сокращение и с помощью других мер субсидирования экспорта. Эти усилия по диверсификации экспорта, имевшие своей целью сделать Бразилию менее зависимой от монокультуры, принесли свои плоды. В период между 1947 и 1964 гг. продажа кофе давала 57% поступлений от всего бразильского экспорта. В период между 1965 и 1971 гг. эта цифра снизилась до 37% и едва достигала 15% в 1972 — 1975 гг. В свою очередь, возросла собираемость налогов в государственную казну,

что способствовало сокращению бюджетного дефицита и снижению инфляции.

Но «чудо» содержало в себе и уязвимые пункты, и негативные моменты. Главным уязвимым пунктом была чрезмерная зависимость от международных финансов и мировой торговли, которые создавали благоприятные условия для внешних заимствований, притока иностранного капитала, роста экспорта и т.д. Кроме того, экономический рост привел ко все возрастающей зависимости от импорта определенной продукции, важнейшей из которой была нефть.

Негативные аспекты «чуда» сводились по преимуществу к социальным проблемам. Экономическая политика Делфима Нетту ставила во главу угла накопление капитала, чему способствовали указанные выше благоприятные факторы, а также введение предварительного индексирования зарплат с тем, чтобы они превышали уровень инфляции. С точки зрения личного потребления, индустриальный рост, в частности развитие автомобилестроения, был выгоден социальным слоям с высоким и средним уровнем доходов, в отличие от работников с низкой квалификацией, чьи зарплаты оказались весьма урезаны.

Все это проявилось в начавшемся еще в предыдущие годы достаточно зримом процессе концентрации доходов. Если принять за 100% индекс минимальной зарплаты в январе 1959 г., то к январю 1973 г. он упал до отметки в 39 пунктов. Эти данные весьма показательны, если иметь в виду, что в 1972 г. 52% экономически активного населения получали менее одной минимальной зарплаты, а 22,8% получали 1–2 минимальные зарплаты. Между тем, влияние процесса концентрации доходов на социальную обстановку было смягчено ростом занятости, который позволил значительно увеличить число работающих, особенно в городских семьях.

Другим негативным аспектом «чуда», который получил свое продолжение уже после его окончания, стало несоответствие между продвижением в экономической сфере, с одной стороны, и запаздыванием или даже полным отсутствием государственных социальных программ — с другой. Бразилия заявила о себе на мировой арене достаточно сильными позициями в деле развития индустриального потенциала и одновременно имела очень низкие показатели в сфере здравоохранения, образования, жилищного строительства, т.е. в тех областях, по которым измеряется качество жизни населения.

Для тех лет и последовавшего за ними периода был характерен «дикий капитализм» с его амбициозными проектами, которые совершенно не принимали в расчет как природу, так и коренное население. В словарях едва ли можно было найти слово «экология», а загрязнение, проистекавшее от промышленного производства и от эксплуатации автомобилей, отнюдь не казалось неприемлемым. Хорошим примером подобного мировоззрения явился разработанный в годы правления Медиси проект Трансамазонской магистрали. Она была проложена для обеспечения контроля Бразилии над этим регионом, что было постоянным наваждением для военных, и с целью создания аграрных поселений для сельских трудящихся Северо-Востока. Разорив природу и обогатив подрядчиков, строительство дороги в итоге потерпело крах.

* * *

Как и Кастелу Бранку, Медиси не сумел подготовить себе преемника. В середине 1973 г. военные отобрали ему на смену генерала Эрнесту Гейзела.

Гейзел родился в штате Риу-Гранди-ду-Сул в семье немецкого лютеранина, эмигрировавшего в Бразилию в 1890 г. Одновременно с продвижением по военной службе генерал занимал и административные посты, наиболее важным из которых была должность президента компании «Петробраз». Он не был чужд и политики, сотрудничая с правительством Дутры, а также оказав содействие в достижении компромисса, обеспечившего в 1961 г. Гуларту вступление в должность президента страны. Его связи с командой Кастелу Бранку были весьма тесными: он был постоянным членом кадрового состава Высшей военной школы (ВВШ)* и возглавлял военную канцелярию президента Кастелу Бранку. Находясь на этой должности, он способствовал проведению «жесткой линии», сам при этом оставаясь в стороне. Вместе с тем армейская корпорация остановила свой выбор на фигуре Гейзела не потому, что он сочувствовал либерализации режима, а по причине его таланта администратора. Свою роль в том, что выбор пал именно на него, сыграл и тот факт, что он был братом министра

* Высшая военная школа (ВВШ), созданная в 1949 г., сыграла важную роль в деле формирования военно-технократической элиты (отсюда ее название — «Сорбонна») и разработки «доктрины национальной безопасности», ставшей идеологической основой военного режима.

сухопутных сил Орланду Гейзела. В качестве противовеса Гейзелу партия БДД решила выставить кандидатуру своего лидера Улисеа Гимараэса, символизировавшего собой борьбу за демократию, с целью обличить не прямые выборы, ликвидацию политических свобод и ту экономическую модель, которая привела к концентрации доходов.

Одна из поправок к Конституции 1967 г. изменила форму избрания президента. Согласно ей, предполагалось создание коллегии выборщиков, в которую вошли бы члены Конгресса и делегаты от законодательных ассамблей штатов. Гейзел стал первым президентом, избранным данным органом. Выборы прошли в январе 1974 г., а 15 марта того же года он вступил в должность президента.

6.3. Процесс политической открытости

Правление Гейзела ассоциируется с началом политической открытости, характер которой сам генерал-президент определил как медленный, постепенный и устойчивый. На практике же либерализация режима, вначале названная его «смягчением», прошла трудный путь, на котором были как известные успехи, так и некоторые отступления. Причиной тому стал целый ряд факторов. С одной стороны, на Гейзела оказывали давление сторонники «жесткой линии», которая еще во многом сохраняла свою силу. С другой стороны, он и сам хотел держать под контролем процесс открытости, направив его по пути весьма размытой консервативной демократии с целью избежать слишком скорого прихода к власти оппозиции. Таким образом, процесс открытости оказался медленным, постепенным и неустойчивым, поскольку политика «жесткой линии» вплоть до конца правления президента Ж. Фигейреду продолжала быть постоянной угрозой отката к прошлому.

Стратегия «смягчения режима» была сформулирована самим президентом Гейзелом и главой его администрации генералом Голбери. Почему же Гейзел и Голбери решили проводить политику либерализации режима? Не было ли это решение результатом давления оппозиции? Несомненно, что в 1973 г. оппозиция начала выказывать явные признаки самостоятельности. Кроме того, противостояние между католической церковью и государством изматывало правительство. Переходная команда Гейзела пыталась на-

ладить отношения с церковью на базе общей платформы, которая их объединяла, — борьбы против применения пыток.

Но оппозиция и церковь не стали тем чувствительным индикатором, который указал бы на необходимость смягчения режима. Этот индикатор находился в сфере отношений между армией и властными структурами. Власть была захвачена репрессивными органами, что негативно воспринималось армейской иерархией. Ведь тем самым искажались ее функции и базовые принципы, а это угрожало ее целостности. Для восстановления военной иерархии следовало нейтрализовать сторонников «жесткой линии», смягчить репрессии и буквально «в приказном порядке» осуществить операцию по «возвращению военных в казармы».

Правительство начало негласно противодействовать «жесткой линии». Одновременно с этим оно дало свое согласие на проведение в ноябре 1974 г. парламентских выборов в обстановке относительной свободы, с обеспечением доступа партий на радио и телевидение. Ожидалась легкая победа НСО, но результаты выборов, на которых значительного успеха — особенно в крупных городах и в наиболее развитых штатах — добилась БДД, стали для правительства полной неожиданностью. В течение 1975 г. Гейзел проводил политику, в которой сочетались либеральные и репрессивные меры. Он запретил цензуру в газетах, но санкционировал проведение жестоких репрессий в отношении БКП, обвинив ее в том, что она якобы способствовала электоральному успеху БДД.

С наибольшей силой серьезное противоборство между правительством и приверженцами «жесткой линии» проявилось в Сан-Паулу. Хотя герилья уже была устранена с политической арены, адептам «жесткой линии» из числа военных повсюду продолжали мерещиться «подрывные элементы». Продолжались и пытки, в результате которых многие люди «исчезали», а на деле — погибали в результате репрессий.

В октябре 1975 г., в разгар очередной волны репрессий, глава журналистского корпуса паулистского телеканала «Культура» Владимир Эрцог получил предписание явиться в DOI-CODI по подозрению в связях с БКП. Эрцог выполнил это предписание и больше не вышел оттуда живым. О его смерти было сказано, что он повесился; это была грубая попытка скрыть реальные факты, а именно то, что его смерть наступила в результате пыток.

Это событие вызвало в Сан-Паулу большую волну возмущения, особенно в кругах профессионалов — представителей среднего

класса — и католической церкви. Церковь и Орден адвокатов Бразилии (ОАБ — *Ordem dos Advogados do Brasil*, ОАВ) выступили с разоблачением практики систематического применения пыток и скрытых убийств.

Через несколько месяцев, в январе 1976 г., рабочий-металлист Манозл Фьел Фильу умер при обстоятельствах, схожих с теми, которые сопровождали гибель Эрцога. И снова официальной версией стало «самоубийство через повешение». Тогда президент Гейзел решил действовать. Ведь получалось так, что с благословения или, по меньшей мере, при молчаливом согласии командующего II-й армией в Сан-Паулу была установлена «параллельная власть». Гейзел заменил его на своего доверенного человека, генерала, который начал налаживать контакты с обществом и использовать иной дискурс. Пыткам в застенках DOI-CODI был положен конец, хотя насилие в Сан-Паулу не прекратилось.

* * *

После состоявшихся в ноябре 1974 г. парламентских выборов серьезной проблемой для правительства стало противостояние на электоральном поле. На предстоявших в ноябре 1976 г. муниципальных выборах маячила реальная возможность поражения НСО.

За несколько месяцев до этих выборов, в июле 1976 г., был издан закон, модифицировавший избирательное законодательство таким образом, чтобы лишить кандидатов доступа на радио и телевидение. Хотя этот закон, разработанный министром юстиции и названный по его имени «законом Фалкау», касался в равной степени как НСО, так и БДД, именно оппозиционная партия понесла наибольший ущерб, так как она теряла единственную возможность распространять свои идеи. Но даже и в этой ситуации БДД выиграла выборы мэров городов и завоевала большинство в муниципальных собраниях в 59 из 100 крупнейших городов.

Гейзел сжимал кольцо: в апреле 1977 г., после того, как он приостановил деятельность Конгресса, он запустил серию инициатив, известных как «апрельский пакет законов». В соответствии с некоторыми из них предусматривалось учреждение должности пожизненного сенатора с целью воспрепятствовать возможному завоеванию большинства в Сенате партией БДД. Пожизненные се-

наторы были избраны, а точнее, были «изготовлены» на основе непрямого голосования коллегии выборщиков.

Одновременно с этим в 1978 г. правительство, стремясь продвинуть процесс восстановления демократических свобод, инициировало серию встреч с лидерами оппозиции и церкви. С 1979 г. прекратилось действие Институционального акта № 5, тем самым были восстановлены права личности и независимость Конгресса.

На выборах в Конгресс в 1978 г. партия БДД добилась хороших результатов. Объединив в своих рядах широкие круги политиков — от либералов до социалистов, она превратилась в канал политического самовыражения всех недовольных слоев населения. При проведении в 1978 г. своей избирательной кампании БДД опиралась на активистов, представлявших различные слои гражданского общества: это были студенты, синдикалисты, адвокаты, члены базовых христианских общин. С помощью этих групп были установлены контакты между БДД и широкими массами; тем самым были практически сведены до минимума негативные последствия такого политического барьера, как отсутствие свободного доступа БДД на радио и телевидение.

На выборах в Сенат БДД получила 57% голосов, но при этом большинства в этой палате она не получила. Это было связано с тем, что представительство в Сенате зиждется не на пропорциональной системе, а базируется на результатах выборов от каждого штата. Свою роль сыграло и наличие в палате пожизненных сенаторов. В нижней палате большинство по-прежнему было у НСО — 231-е место против 189 у БДД. В самых развитых штатах и в крупных городах БДД продолжала собирать наибольшее количество голосов. На выборах в Сенат эта партия получила почти 83% голосов в Сан-Паулу, 63% в штате Рио-де-Жанейро и 62% в штате Риу-Гранди-ду-Сул. Тем не менее большинство в Конгрессе по-прежнему принадлежало правительству.

* * *

В октябре 1973 г., еще при Медиси, в результате так называемой «войны судного дня», которую арабские страны вели против Израиля, произошел первый мировой нефтяной кризис. Он глубоко затронул Бразилию, которая импортировала более 80% потребляемой ею нефти.

Но в марте 1974 г., когда Гейзел стал президентом, в стране еще сохранялся климат всеобщей эйфории времен «экономического чуда». Ответственными за проведение экономической политики были назначены экономист Мариу Энрики Симонсен, сменивший Делфима Нетту на посту министра финансов, и министр планирования Жуан Паулу дус Рейс Велозу, занимавший этот пост еще в правительстве Медиси.

Новое правительство ввело в действие Второй план национального развития (ПНР). Первый план подобного рода был разработан в 1967 г. Роберту Кампусом с целью сбалансирования финансовой системы и борьбы с инфляцией. Второй план был призван довершить проводившуюся в Бразилии в течение десятилетий политику импортзамещения, изменив ее содержание. Теперь речь должна была идти не о замене импорта предметов потребления, а о продвижении по пути собственного производства базовой продукции (нефть, сталь, алюминий, удобрения и т.д.) и производства средств производства.

Была очевидной нацеленность Второго плана на решение проблем энергетики, так как предлагались меры по продвижению исследований в области нефтехимии, по развитию ядерной физики, по частичной замене бензина этанолом, по сооружению гидроэлектростанций; в последнем случае самым ярким примером стала ГЭС Итайпу на реке Паранá, сооруженная на бразильско-парагвайской границе в соответствии с двусторонним соглашением. Комплекс Итайпу начал функционировать в 1984 г., став крупнейшей ГЭС в мире.

Второй план был ориентирован на стимулирование крупных частных инвестиций в производство средств производства. На это была нацелена вся система стимулирования и кредитования Национального банка развития. Вместе с тем во главу угла бразильской индустриализации новая политика ставила крупные предприятия госсектора. Ядром программы были гигантские инвестиции, которые должны были быть реализованы такими компаниями, как «Электробраз», «Петробраз», телекоммуникационной «Эмбрател» и другими предприятиями госсектора.

Сделанный в 1974 г. выбор в пользу экономического роста не затормозил движение локомотива экономики, а явился решением, основанным как на экономическом анализе, так и на политических оценках. Упор, сделанный на экономический рост, показал, насколько сильна была в правящих кругах вера в предназна-

чение Бразилии идти по этому пути. Эта вера держалась даже не с периода «экономического чуда», а уходила своими корнями в более отдаленные времена — в 1950-е гг.

С другой стороны, стратегия «смягчения режима» отнюдь не вынуждала правительство делать выбор в пользу экономической рецессии, которая легла бы тяжким бременем на плечи армии наемных работников. Если даже относительно благоприятные экономические условия не помешали взрасти оппозиции, то что бы произошло в случае экономического спада?

Колебания и сомнения многих предпринимателей, особенно из Сан-Паулу, в отношении избранного направления экономического развития породили кампанию против излишнего вмешательства государства в экономику. Правящие слои пытались таким образом вступить на политическую арену, которая до того была монополизирована военными и технократами.

Среди экономистов существуют различные точки зрения на последствия Второго плана. На одном фланге находятся те, кто видят в нем совершенно несвоевременную в тех условиях попытку ускоренного экономического роста, который просто отложил на какое-то время секвестр госбюджета и еще более усугубил проблему внешней задолженности. На другом же фланге группируются те, кто считает, что Второй план реально изменил вектор развития бразильской индустриализации, благодаря чему удалось совершить качественный скачок в процессе импортзамещения.

Ретроспективный анализ позволяет яснее понять тот факт, что план пострадал от рецессии мировой экономики и от повышения процентных ставок. Имелась и фундаментальная проблема, а именно — негативные последствия той схемы индустриализации, которую постепенно преодолевали страны «первого мира»: ведь такие отрасли промышленности, как сталелитейная, алюминиевая, производство каустической соды, потребляют большое количество электроэнергии и сильно загрязняют окружающую среду. Со всеми этими оговорками важно подчеркнуть, что, начиная со Второго плана, в политике замены импорта — особенно в замене импорта нефти — был достигнут ряд значительных успехов.

Одна из проблем, существовавшая еще со времен «экономического чуда», состояла в том, что ускоренный экономический рост содержал в себе такой важный резерв, как неиспользуемые мощности предприятий. Для продолжения роста было необходимо расширять инвестиционную базу, включать в нее — ввиду недоста-

точности внутренних накоплений — новые и все более крупные источники внешнего финансирования. А недостатка в этом финансировании не было. Оно попадало в страну в основном в форме займов. Отсюда и рост внешней задолженности как в государственном, так и в частном секторе. К концу 1978 г. внешний долг составлял 43,5 млрд долл., что более чем вдвое превышало уровень трехлетней давности.

Помимо этого, оплата процентов по внешнему долгу легла тяжким бременем на общий баланс выплат, поскольку большинство займов предоставлялось под гибкие процентные ставки. Поскольку в тот период процентные ставки росли по всему миру (что было связано с политикой США, стремившихся покрыть дефицит своего платежного баланса путем привлечения иностранных инвестиций), Бразилии пришлось выполнять все более обременительные обязательства, связанные с обслуживанием внешнего долга.

Нельзя сказать, что финансовые ресурсы, полученные путем заимствования, оказались выброшены на ветер или послужили лишь для обогащения посредников. Все это, конечно, имело место, но главная проблема коренилась в том, что финансовые средства вкладывались в затратные, плохо управляемые проекты, с длительной или вообще сомнительной отдачей.

В целом можно сказать, что результаты правления Гейзела оказались удовлетворительными. В 1974 — 1978 гг. ежегодный рост ВВП в среднем составлял 6,7%, а в расчете на душу населения достигал 4,2%. Инфляция в тот же период возросла в среднем до 37,9%. Одновременно с этим сохранялись и многие риски. Относительное сдерживание инфляции достигалось за счет таких ухищрений, как выставление на продажу продукции госпредприятий по цене ниже себестоимости, что делало эти предприятия все более убыточными. Внешний долг неуклонно рос, и для его обслуживания не было иного пути, кроме как получение все новых займов. А на горизонте маячила еще одна проблема: внутренний долг давал о себе знать через механизмы индексации и оплаты высоких процентных ставок, что ставило под удар федеральный бюджет.

Ежегодная индексация зарплат, т.е. их коррекция в соответствии с ростом инфляции, проводившаяся отрывочно в отдельные годы, способствовала росту недовольства наемных работников.

Военный режим проводил репрессии в отношении связанных с популизмом прежнего периода синдикалистских лидеров, но не разгонял сами профсоюзы. Национальная конфедерация сельских трудящихся (Confederação Nacional dos Trabalhadores agrícolas, CONTAG) еще в 1968 г. начала действовать независимо от правительства, иницируя по всей стране создание сельских синдикалистских федераций. Если в 1968 г. в сельской местности насчитывалось 625 профсоюзов, то в 1972 г. это число возросло до 1154, в 1976 г. — до 1745, а в 1980 г. — до 2144. Причиной отмечавшегося с 1973 г. серьезного роста синдикализации сельских трудящихся (от цифры, слегка превышавшей 2,9 млн человек в 1973 г., до показателя в более чем 5,1 млн человек в 1979 г.) стало то, что профсоюзы взяли на себя программы социального страхования.

Под влиянием церкви, а также в рамках Пасторской земельной комиссии (Comissão Pastoral da Terra, CPT) формировались боевые профсоюзные лидеры (прокламировавшие борьбу за передел земельной собственности. — *Примеч. пер.*). Тем самым в сельских районах возникла курьезная ситуация, когда программы социального вспомоществования, артикулируемые правительством, создавали благоприятные условия для возникновения реально действовавших социальных движений.

Что считать приоритетом: борьбу за землю или за распространение на сельские регионы трудового законодательства? Эти вопросы, которые до 1964 г. вносили раскол в ряды лидеров движений сельских трудящихся, ныне приобрели более определенное содержание. Профсоюзы ставили на повестку дня ту или иную из этих задач в зависимости от того региона, в котором они действовали. Борьба за землю продолжалась и даже ширилась; одновременно с этим и начавшиеся в 1979 г. забастовки, как это было в случае со стачкой рубщиков сахарного тростника в штате Пернамбуку, также привлекали общественное внимание к новым реалиям сельского мира.

С другой стороны, возникали профсоюзы «белых воротничков», включавшие в себя не только традиционные группы банковских служащих и преподавателей, но и медиков, младший медперсонал и др. Данные профсоюзы отвечали изменениям в самом характере этих профессий, когда частнопрактикующие специалисты все более уступали место дипломированным наемным работникам.

С новыми устремлениями и в новых формах вышло на авансцену при Гейзеле и рабочее движение. Вновь возродился синди-

кализм, который стал действовать независимо от государства; в большинстве случаев он возникал в недрах самих предприятий, где трудящиеся организовывали и расширяли фабричные комиссии. Наиболее боевые профсоюзы переместились с предприятий госсектора в автомобилестроительную отрасль. Высокая степень концентрации трудящихся на небольшом количестве предприятий и географически обусловленная плотность «треугольника АВС паулиста»^{*} стали важными объективными факторами, необходимыми для формирования нового рабочего движения. Так, например, в 1978 г. на станкостроительных и металлургических предприятиях Сан-Бернарду были заняты около 125 тыс. рабочих, большая часть которых работала на заводах по производству автомобилей; из этого числа 67,2% работали на предприятиях с более чем 1 тыс. рабочих. В 1976 г. в г. Сан-Паулу в той же отрасли работали 421 тыс. рабочих, но на предприятиях с более чем 1 тыс. рабочих были сконцентрированы всего лишь 20,8% из них.

Однако понимания всех этих необходимых условий еще недостаточно для того, чтобы объяснить причины возникновения «нового синдикализма». Важную роль в его появлении сыграли те организаторы и особенно лидеры рабочего движения, которые зачастую были связаны с церковью. Весьма значимой была и деятельность адвокатов, работавших в синдикалистских организациях. Рождение нового рабочего движения было связано и с общественной атмосферой, возникшей в результате политики открытости; долго вызревая поначалу, эта политика в конечном счете нашла свое проявление в коллективных манифестациях трудящихся.

В августе 1977 г. правительство признало, что официальные показатели инфляции за 1973 и 1974 гг. были сфальсифицированы. Поскольку на их основе рассчитывалась индексация зарплат, оказалось, что наемные работники потеряли в те годы 31,4% реальной зарплаты. Профсоюз рабочих-металлистов Сан-Бернарду инициировал кампанию за индексацию зарплат, и эта борьба стала провозвестником крупнейших забастовок 1978 и 1979 гг., в которых участвовали миллионы трудящихся. В ходе многотысячных митингов в Сан-Бернарду день за днем выкристаллизовывались ли-

^{*} «Треугольник АВС паулиста» (уже упоминавшийся на с. 316 настоящего издания) — так называют в Бразилии индустриальный пояс в пригородах Сан-Паулу, где сосредоточены наиболее передовые и современные предприятия. Города АВС расположены так близко, что фактически «перетекают» один в другой, что и обусловило упоминаемую автором их географическую плотность.

дерские позиции председателя профсоюза Луиса Инасиу Лулы да Силвы.

Металлисты шли в авангарде социальных движений, в которых участвовали представители и других секторов. В 1979 г. по всей стране бастовало около 3,2 млн трудящихся. Металлисты организовали 27 стачек, в которых приняли участие 958 тыс. рабочих. Тогда же и преподаватели провели 20 забастовок с участием 766 тыс. человек. В ходе стачек выдвигался широкий спектр требований: увеличение зарплаты, гарантия занятости, признание фабричных комиссий, демократические свободы.

Расширение забастовочного движения в 1979 г. показало, что взгляд представителей консервативных кругов на Сан-Бернарду как на «особую», не характерную для остальной Бразилии зону, по большому счету не соответствовал действительности. На деле же то, что там происходило, находило отклики по всей стране. Вместе с тем несомненно то, что синдикализм в «треугольнике АВС» зародился и стал развиваться, обладая свойственными только ему чертами, самыми важными из которых стали большая независимость от государства, высокая степень организованности (к 1978 г. 43% рабочих входили в профсоюзы) и формирование собственных лидеров вне рамок и влияния традиционных левых сил (т.е. БКП).

* * *

Генерал Гейзел сумел выдвинуть своего преемника. Им стал избранный коллегией выборщиков 14 октября 1978 г. генерал Жуан Батиста Фигейреду, который выиграл у кандидата от БДД. Его избрание стало результатом серьезной пробы сил, поскольку министр сухопутных сил Силвиу Фрота выдвинул свою собственную кандидатуру, которая и в армейских кругах, и депутатами Конгресса (судя по их опросам) расценивалась как рупор сторонников «жесткой линии». Фрота предпринял настоящее наступление против правительства, обвинив его в снисходительном отношении к «подрывным элементам». Президент уволил его с поста министра и тем самым поставил крест на его дальнейшей карьере.

В годы правления Медиси генерал Фигейреду возглавлял военную канцелярию президента, при Гейзеле — руководил Национальной службой информации. Его кандидатура казалась вполне подходящей для продвижения медленного процесса открытости и

одновременной нейтрализации апологетов «жесткой линии». Тем не менее одним из парадоксов процесса открытости стал тот факт, что человек, выдвинутый для продолжения и продвижения этого процесса, нес ответственность за деятельность на посту руководителя репрессивного органа.

В период правления Фигейреду взаимопереплетались две черты, которые многие считали несовместимыми: расширение процесса политической открытости и углубление экономического кризиса. Вступив в должность в марте 1979 г., новый генерал-президент сохранил в экономическом блоке правительства Мариу Энрики Симонсена в качестве министра планирования. Завершив свою деятельность на посту посла Бразилии во Франции, вернулся в правительство и Делфим Нетту; он был назначен на должность министра сельского хозяйства, где он оставался на периферии большой политики.

Попытка Симонсена проводить политику урезания бюджета натолкнулась на значительное противодействие. Против нее возражали прежде всего национальные предприниматели, получавшие выгоды от экономического роста в условиях инфляции, а также многие члены самого правительства, заинтересованные в сохранении таких условий, при которых они могли бы тратить бюджетные средства и на этой базе отчитываться за достижения. В августе 1979 г. Симонсен покинул свой пост. На его место был назначен Делфим Нетту, завоевавший авторитет как «творец экономического чуда». Однако же теперь ситуация изменилась — как внутри страны, так и в международном масштабе. Второй нефтяной кризис, повлекший за собой повышение цен, усугубил состояние платежного баланса. Положение осложняло и дальнейший рост мировых процентных ставок. С каждым разом становилось все труднее получать новые займы; при этом сроки их погашения постоянно сокращались.

Видевшийся в мечтах опыт развития, в рамках которого экономический рост сочетался с контролем над инфляцией, продлился совсем недолго. В конце 1980 г. Делфим Нетту под давлением внешних кредиторов сделал выбор в пользу экономической рецессии. Была строго ограничена денежная масса и сокращены инвестиции в госсектор; в результате повышения внутренних процентных ставок уменьшились объемы частного инвестирования.

Экономический спад 1981 — 1983 гг. имел тяжелые последствия. Впервые после 1947 г., когда начали фиксироваться показатели ВВП, итоги 1981 г. оказались негативными — ВВП сократился

на 3,1%. В течение трех следующих лет ВВП в среднем сокращался на 1,6%. В наибольшей степени рецессия ударила по отраслям, связанным с производством предметов длительного потребления и средств производства и сконцентрированным в наиболее урбанизированных регионах страны, что породило безработицу.

Несмотря на все эти жертвы (принесенные в виде сознательной ориентации на замедление темпов роста и спад производства. — *Примеч. пер.*), снижение инфляции не было значительным. Достигнув в 1980 г. годового уровня в 110,2%, она упала до отметки 95,2% в 1981 г. и вновь поднялась в 1982 г., дойдя до уровня 99,7%. В эти годы начала вырисовываться модель «стагфляции»: сочетания экономической стагнации и инфляции.

Государство уже было технически неплатежеспособным, но раскаяние пришло к правительству только в августе 1982 г., когда Мексика объявила мораторий на выплату внешнего долга и обратилась за помощью в МВФ. Но Бразилия, заявляла с чувством превосходства представители правительства, — это не Мексика. На деле же мексиканский мораторий поставил последнюю точку в и без того уже скудных возможностях получения внешних займов. Дело закончилось тем, что Бразилия, исчерпав свои валютные запасы в долларах США, в феврале 1983 г. оказалась вынуждена прибегнуть к помощи МВФ.

В обмен на весьма скромную финансовую помощь и на предоставление возможности восстановить свою кредитоспособность на международной арене Бразилия получила от МВФ рекомендации предпринять усилия по сбалансированию своих долговых платежей и продолжать обслуживать внешний долг. Внутри же страны предусматривались меры по сокращению расходов и дальнейшему урезанию зарплат.

Тогда в отношениях между Бразилией и МВФ наступила полоса расхождений. В стране появились силы, выступавшие против сокращения бюджета и выплаты процентов по внешнему долгу; в свою очередь, МВФ был недоволен тем, что Бразилия не соблюдала условия соглашения с ним. В этой обстановке международные кредиторы не пошли на предоставление Бразилии новых сроков оплаты внешнего долга и более выгодных процентных ставок, как это было сделано в случае с Мексикой.

Несмотря на все это, усилия Бразилии по сбалансированию долговых платежей все-таки дали свои результаты. Начиная с 1984 г., экономика заработала с новой силой; стимулом к этому стал рост

экспорта, в структуре которого особо выделялась промышленная продукция. Падение цен на нефть способствовало тому, что ее закупки перестали «давить» на структуру импорта. Помимо этого, благодаря осуществленным на основе II Плана инвестициям, был сокращен импорт нефти и другой продукции; однако инфляция продолжала расти.

В начале 1985 г., когда правление Фигейреду закончилось, финансовая ситуация на время несколько улучшилась, и в стране возобновился экономический рост. Уровень инфляции возрос с 40,8% в 1978 г. до 223,8% в 1984 г. Внешний долг за тот же период увеличился с 43,5 до 91 млрд долл.

* * *

Фигейреду продолжил начатую Гейзелом политику открытости. Инициативы в этой области оставались в ведении генерала Голбери и министра юстиции Петрониу Портеллы. В августе 1979 г. Фигейреду удалось вырвать из рук оппозиции один из главных ее лозунгов — борьбу за амнистию политзаключенных. Между тем, утвержденный Конгрессом закон об амнистии политзаключенных содержал ряд оговорок и делал значительную уступку сторонникам «жесткой линии», включив в сферу своего применения тех, на ком лежала ответственность за применение пыток. И все-таки закон все же способствовал возвращению в страну политэмигрантов и знаменовал собой важный шаг на пути расширения политических свобод.

Деятельность же апологетов «жесткой линии» продолжала препятствовать разворачиванию политической открытости. Так, имел место ряд криминальных акций, кульминацией которых в апреле 1981 г. стала попытка взорвать бомбу в Конгресс-центре Рио-де-Жанейро, где тысячи молодых людей присутствовали на музыкальном фестивале. Одна из бомб так и не была установлена; она взорвалась в машине с двумя военными, один из которых скончался на месте, а другой был тяжело ранен. Правительство провело расследование, которое трактовало факты абсурдным образом с целью снять ответственность с виновных. Поданное Голбери в августе 1981 г. прошение об отставке с поста руководителя президентской администрации очевидным образом было связано с подтасовками в ходе этого расследования.

* * *

Принятое в 1965 г. избирательное законодательство стало для власть предержащих настоящей западней. С каждым разом выборы все более превращались в плебисциты «за» или «против» правительства. Пытаясь сбить силу оппозиции, правительство в декабре 1979 г. вынудило Конгресс принять новый закон о политических партиях, который упразднял БДД и НСО и обязывал будущие новые партии ввести слово «партия» в свои названия. НСО, название которой было непопулярным, попыталась изменить свой внешний облик, преобразовавшись в Социально-демократическую партию (Partido Democrático Social, PDS)*. Руководство БДД сумело выйти из положения, всего лишь добавив к аббревиатуре своего названия слово «партия»; таким образом, Бразильское демократическое движение (БДД) превратилось в Партию бразильского демократического движения (ПБДД — Partido do Movimento Democrático Brasileiro, PMDB).

Времена, когда оппозиция была единой, остались в прошлом. Различные течения выступали единым фронтом в ее рядах тогда, когда им противостоял общий и всемогущий противник. По мере того, как авторитарный режим становился все более открытым, в среде оппозиции стали появляться идеологические и личные противоречия. На базе городского и сельского синдикализма, при опоре на некоторые течения внутри церкви и на профессионалов из среднего класса возникает Партия трудящихся (ПТ — Partido dos Trabalhadores, PT). Эта партия поставила своей целью представлять интересы широких слоев наемных трудящихся на основе программы базовых прав и социальных преобразований, которые открыли бы в будущем путь к социализму. В отличие от БКП и горячих поклонников СССР, ПТ стремилась избежать каких-либо четких определений природы социализма. Причиной этого было наличие внутри партии двух противоположных течений:

* Во избежание путаницы в названиях партий приводим их наименования на португальском языке. В 1945 г. созданная Варгасом партия называлась Partido Social Democrático (PSD — Социал-демократическая партия, СДП). Именно эта партия вошла в 1965 г. в образованную военным режимом правительственную партию НСО (ARENA). В 1980 г., следуя закону 1979 г., НСО трансформировалась в Partido Democrático Social (PDS — Социально-демократическую партию) (*курсив пер.*), которая, став новой правительственной партией, заняла место на правом политическом фланге. Несмотря на сходство названий старой и новой правительственных партий, между ними имелись различия, хотя Социально-демократическая партия унаследовала от своей предшественницы ряд концептуальных положений военного режима.

на одном фланге находились те, кто симпатизировал социал-демократии, а на другом — сторонники диктатуры пролетариата. Что касается синдикалистской сферы, то между ПТ и профсоюзами «треугольника ABC» были установлены тесные связи. Синдикализм «треугольника ABC» стал одной из важнейших составляющих ПТ, все большую роль в которой играл Лула.

Бризола не нашел себе места в ПБДД и предпочел действовать самостоятельно, стремясь «капитализировать» авторитет, накопленный левым трабальзмом. Однако по решению суда у его партии была отозвана аббревиатура БТП; тогда он основал Демократическую трабалистскую партию (ДТП — Partido Democrático Trabalhista, PDT).

Дифференциация позиций произошла и в лагере синдикализма. В августе 1981 г. состоялась первая Национальная конференция трудящихся (НКТ — Conferência Nacional da Classe Trabalhadora, CONCLAT), в которой приняли участие представители различных направлений бразильского синдикализма. В ходе конференции сформировались два главных течения. Одно, близкое к ПТ, делало упор на проведение наступательной политики в борьбе за права трудящихся; приоритет отдавался мобилизации трудящихся, рассматривавшейся как более важной, чем извилистый процесс открытости. Инициативным ядром этого течения стал синдикализм «треугольника ABC».

Другое течение отстаивало тезис о необходимости ограничить деятельность профсоюзов такой борьбой, которая не ставила бы под вопрос процесс открытости и не создавала бы рисков на его пути. Это течение, не имевшее четких идеологических очертаний, выдвигало в качестве наиболее важной задачи достижение конкретных и немедленных выгод для трудящихся. Оно включало в себя такие значимые профсоюзы, как профсоюз рабочих-металлистов Сан-Паулу; их активисты были менее политизированы, среди них были и члены обеих компартий*.

Те течения в синдикализме, которые идентифицировали себя с ПТ, основали в 1983 г. — без участия так называемых «умеренных» — Единый профцентр трудящихся (ЕПТ — Central Única dos Trabalhadores, CUT). «Умеренные» же создали в марте 1986 г. Все-

* Имеются в виду марксистско-ленинская и традиционно ориентированная на «советский социализм» БКП (РСВ) и «неортодоксальная», маоистско-троцкистская КПБ (РСдоВ). См. об этом на с. 332 настоящего издания.

общий профцентр трудящихся (ВПТ — Central Geral dos Trabalhadores, CGT). Тем самым в стране сформировались два профцентра с противоположными установками, которые в дальнейшем, на протяжении многих лет, вступали друг с другом во фронтальные столкновения.

Фигейреду соблюдал избирательный график, согласно которому ближайшие выборы были назначены на ноябрь 1982 г. Несмотря на существовавшие ограничения — например, еще продолжавший действовать «закон Фалкау», в рамках избирательной кампании стали возможными дебаты по широкому кругу проблем. В ноябре 1982 г. более 48 млн бразильцев приняли участие в выборах; это были выборы широкой номенклатуры политиков — от депутатов муниципальных собраний (vereadores) до губернаторов штатов. На этих выборах губернаторы впервые с 1965 г. избирались прямым голосованием.

По результатам выборов в Конгресс (как в палату депутатов, так и в Сенат) победила Социально-демократическая партия. В ходе губернаторских выборов знаковых успехов добилась оппозиция, несмотря на то, что в большинстве штатов победу одержала Социально-демократическая партия. Оппозиция же победила в штатах Сан-Паулу, Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро, где Бризолла, невзирая на попытки фальсификаций, все же сумел завоевать кресло губернатора, что укрепило его авторитет, истоки которого восходили еще к 1960-м гг.

* * *

Одной из приоритетных задач ПТ на протяжении всего 1983 г. стало проведение кампании за прямые президентские выборы. Для достижения этой цели руководство партии впервые решило войти в единый фронт с другими партиями. После многочисленных манифестаций был проведен крупный митинг в Сан-Паулу (январь 1984 г.), в котором участвовали более 200 тыс. человек.

Начиная с этого момента, движение за прямые президентские выборы преодолевает партийные рамки и получает практически единодушную поддержку по всей стране. Миллионы людей заполняли улицы Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро; подобное воодушевление редко встречалось до этого. Кампания за прямые президентские выборы, получившая название «Прямые президентские выборы — немедленно!» («Diretas — já!»), отражала как большую

жизненную силу народных выступлений, так и то, что партиям стало сложно отражать требования населения. Все свои надежды оно возлагало на прямые президентские выборы: это было ожидание реального представительства интересов, но, кроме того, люди надеялись на решение многих проблем (низкие зарплаты, безопасность, инфляция), которые одни лишь прямые выборы президента не могли решить.

Конечно, между уличными манифестациями и Конгрессом, где большинство имела Социально-демократическая партия, пролегла немалая дистанция. Проведение прямых выборов зависело от принятия конституционной поправки двумя третями голосов депутатов нижней палаты. Голосование по этой поправке проходило в обстановке больших народных ожиданий. Опасаясь манифестаций, Фигейреду ввел в Бразилиа чрезвычайное положение. Но хотя поправка в конечном счете была принята, она не набрала достаточного для процедуры изменения конституции количества голосов.

Отказ от прямых президентских выборов вызвал большое разочарование в народе. «Сражение» за определение кандидатуры нового президента должно было состояться в коллегии выборщиков. От Социально-демократической партии были выдвинуты три возможные кандидатуры: вице-президент Аурелиану Шавис; министр внутренних дел, полковник сухопутных войск Мариу Андреацца и Паулу Малуф. Последний ранее избирался непрямым голосованием мэром г. Сан-Паулу и губернатором штата Сан-Паулу, а затем большим количеством голосов прошел в палату депутатов Конгресса.

В 1984 г. отбор правительственного кандидата уже не осуществлялся с одобрения военных, хотя они и могли еще оказать некоторое влияние на этот процесс. Малуф провел энергичную кампанию среди делегатов съезда Социально-демократической партии и, обойдя Мариу Андреацца, добился в августе 1984 г. выдвижения своей кандидатуры. Победа Малуфа спровоцировала окончательный раскол среди тех течений в партии, которые поддерживали других кандидатов. Еще в июле свою кандидатуру отозвал Аурелиану Шавис, перешедший в отколовшуюся группировку, которая впоследствии станет колыбелью новой партии — Партии либерального фронта (ПЛФ — Partido da Frente Liberal, PFL). ПЛФ сблизилась с ПБДД, выдвинувшей на пост президента кандидатуру Танкреду Невиса. Обе партии пришли к соглашению и

создали в противовес Малуфу Демократический союз (Aliança Democrática). На пост президента был выдвинут Танкреду Невис, а на пост вице-президента — Жозе Сарней.

Кандидатура Сарнея воспринималась в ПБДД со многими оговорками, так как еще до недавнего времени он был одной из главных политических фигур Социально-демократической партии: он был ее председателем и от нее же избирался сенатором. Имя Сарнея было мало связано или вообще не имело ничего общего с лозунгом демократизации, взятым на вооружение ПБДД. Но ПЛФ поставила точку в вопросе о кандидатуре Сарнея, и ПБДД уступила. Тогда, в 1984 г., никто не мог представить масштабов и значимости этого решения для будущего развития.

Танкреду Невис, несмотря на свое выдвижение кандидатом для участия в не прямых выборах, появлялся и в телепрограммах, и на митингах, чем укреплял свой авторитет и привлекал народ на свою сторону. Малуф же, стремясь склонить в свою пользу каждого из членов коллегии выборщиков поодиночке, пытался использовать старые приемы «личного обольщения», но эта его стратегия потерпела неудачу.

15 января 1985 г. Танкреду и Сарней «вчистую» победили на коллегии выборщиков. Вот так, непростым путем, поставив себе на службу электоральную систему авторитарного режима, оппозиция пришла к власти.

* * *

Каковы же были основные черты того режима, который был установлен в стране после 31 марта 1964 г.?

Впервые верхушка армии напрямую завладела рычагами власти и взяла на себя многие функции правительства. Военные редко выступали на политической арене как единая сила; в их среде существовали различные течения, которые, впрочем, имели между собой и точки соприкосновения: сторонники Кастелу Бранку («кастелисты»), приверженцы «жесткой линии», националистически настроенные военные («националисты»). Влияние и вес каждой из этих групп варьировались так же, как видоизменялась и апелляция к мнению более широкого круга армии, включая средний офицерский состав, чтобы попытаться навязать определенные кандидатуры или придать легитимность определенным политическим направлениям.

Установленный в 1964 г. режим не был единоличной диктатурой. Его можно было бы сравнить с кондоминиумом, в котором один из высших офицеров — четырехзвездный генерал — отбирался для управления страной в течение определенного срока. Тем самым смена президентов осуществлялась внутри армейской корпорации, при большем или меньшем участии военнослужащих, в зависимости от конкретной отобранной персоны и от окончательного решения высшего военного командования. Внешне президента, кандидатура которого уже была намечена партией НСО, в соответствии с законодательством избирал Конгресс. На деле же, если не принимать во внимание голоса оппозиции, Конгресс просто освящал своим авторитетом спущенный сверху приказ.

* * *

Военные правила не в одиночку и во многих случаях не подвергали строгому контролю тех гражданских лиц, с которыми они делили власть. Установленный в 1964 г. режим выдвинул на первые роли и предоставил широкие возможности для деятельности архитекторам экономической политики — таким как Делфим Нетту и Мариу Энрики Симонсен. Были созданы привилегированные условия для госбюрократии, особенно для руководителей госпредприятий, — до такой степени, что можно было говорить о «властном кондоминиуме» военных (как наиболее важной группе среди тех, кто принимал окончательные решения) и технократов из числа госбюрократии.

Режим имел авторитарные черты, хотя и отличался от фашизма. Не предпринимались действия по организации широкой массовой поддержки правительства; военные не пытались создать ни единственную «надгосударственную» партию, ни идеологию, способную привлечь на свою сторону образованные слои населения. Напротив, в университетах и в культурных кругах в целом продолжала доминировать левая идеология.

Весьма очевидны различия между режимом «представительной демократии» 1945-1964 гг. и военным режимом. При военных правила не профессиональные политики, да и Конгресс не был важным органом принятия решений. Управляли страной армейская верхушка в лице высшего военного командования, репрессивные органы и центры «информации», технократическая госбюрократия.

Популизм перестал использоваться в качестве властного ресурса. Потеряли силу те социальные слои, которые обрели голос в предшествующий период, — организованный рабочий класс, студенты и крестьяне. Но профсоюзы, несмотря на репрессии против многих своих лидеров, не были физически разгромлены. Продолжал взиматься профсоюзный налог, что гарантировало выживаемость, а с течением времени и дальнейшее развитие синдикалистских организаций.

Режим не был простым орудием правящего класса. Данный класс, хотя это и не относилось ко всем его группам в равной степени, в целом получал выгоды от политики правительства. Но вместе с тем в течение многих лет правящие слои не принимали участия в проведении экономической политики, которое было сосредоточено в руках всесильных министров финансов и планирования.

После 1964 г. в экономической политике изменилось далеко не все. Так, продолжал действовать принцип сильного присутствия государства в экономической деятельности и в самом регулировании экономики. Это присутствие не всегда было одинаковым, оно менялось вместе со сменой кабинетов; так, оно было более характерным для периода правления Гейзела, чем для эпохи Кастелу Бранку. Но вместе с тем если не все, то многое изменилось. Приобрела широкие масштабы та модель, черты которой во времена Жуселину Кубичека только начинали вырисовываться. Внешние займы и стимулирование притока иностранного капитала превратились в главные элементы финансирования экономического развития и его дальнейшего продвижения; при этом преимущества предоставлялись крупным предприятиям, будь они мультинациональными или национальными, государственными или частными. Тем самым военный режим явно порвал с популистской политикой правительства Гуларта, частью которой была безуспешная попытка обеспечить самостоятельное развитие страны при опоре на национальную буржуазию.

* * *

С избранием Танкреду Невиса переход к демократическому правлению не завершился; на этом пути еще должны были произойти непредвиденные повороты. Намеченное на 15 марта 1985 г. вступление нового президента в должность не состоялось. После зарубежной поездки Танкреду Невис был срочно госпита-

лизирован в одну из больниц Бразилиа, где ему была сделана первая операция, ставшая предметом обсуждений; при этом некоторые политики и его друзья присутствовали в операционной. Тем временем Сарней поднялся по пандусу дворца Планалту*, вступив в должность действующего президента вместо президента избранного в ситуации, которая считалась переходной.

Умиравший Танкреду Невис был перевезен в Сан-Паулу, где он перенес ряд операций. Страна застыла в ожидании бюллетеней о состоянии его здоровья, некоторые из которых внушали необоснованный оптимизм. 21 апреля Танкреду Невис скончался; это был символический день — дата гибели Тирадентиса. Огромное количество людей вышло на улицы, чтобы сопровождать гроб с телом Танкреду, начиная от выезда из Сан-Паулу, затем по пути в Бразилиа и в Белу-Оризонти вплоть до его захоронения в его родном городе. Некоторые манифестации были вызваны потрясением от смерти президента, происшедшей к тому же при таких печальных обстоятельствах. Но присутствовало и ощущение того, что в столь сложный момент страна потеряла выдающегося политического деятеля. Это ощущение имело под собой все основания. Танкреду Невис обладал некоторыми весьма редкими в мире политики качествами, такими как честность, уравновешенность, последовательность в собственных позициях. Эти его достоинства стояли над любыми идеологическими пристрастиями, будь они правого или левого толка.

* * *

Тот, кто заменил Танкреду, вскочил на подножку поезда оппозиции в последний момент; в Демократическом союзе ему не хватало авторитета, и это обстоятельство делало еще более ощутимой потерю Танкреду Невиса. Сарней начал свое правление под знаком сильного присутствия личности Танкреду: назначенные Сарнеем министры были отобраны еще Танкреду Невисом. В политическом плане внимание было привлечено к двум моментам: к отмене законов, которые были приняты при военных и ограничивали демократические свободы — так называемых «отбросов авторита-

* *Дворец Планалту* — президентский дворец в столице страны Бразилиа. Подняться по пандусу, ведущему во дворец Планалту, — часть торжественной церемонии вступления в должность президента.

ризма», и к выборам Учредительного собрания, которое должно было разработать новую конституцию. Сарней соблюдал политические свободы, но не порвал некоторые нити, соединявшие настоящее с прошлым. Так, например, продолжала функционировать и получать значительные финансовые средства Национальная служба информации.

В мае 1985 г. в законодательстве были восстановлены прямые президентские выборы, предоставлено право голоса неграмотным, а также были легализованы все политические партии. Вышли из подполья БКП и КПБ. Кризис сталинизма и авторитет ПТ, набравший силу в левых кругах, превратили их в партии-миноритарии.

На ноябрь 1986 г. был назначен созыв Национального Учредительного собрания. В это время должны были состояться выборы в Конгресс и выборы губернаторов, и именно избранным депутатам и сенаторам будет в дальнейшем поручено разработать новую конституцию.

* * *

Когда в 1985 г. Сарней вступил в должность президента, экономическая ситуация была менее тяжелой, чем в предыдущие годы. Экспортная политика дала сильный импульс возобновлению экономического роста. Результатом падения импорта и роста экспорта стало положительное торговое сальдо в 13,1 млрд долл., позволившее выплачивать проценты по внешнему долгу. Кроме того, Бразилия накопила валютные резервы, которые к концу 1984 г. составили 9 млрд долл. Таким образом, возникла передышка для ведения переговоров с внешними кредиторами, и правительство смогло позволить себе рассеять недовольство, накопившееся в результате постоянных обращений к МВФ, и сосредоточиться на подготовке прямых двусторонних соглашений с иностранными частными банками-кредиторами. Но проблема внешнего и внутреннего долга оставалась долгосрочной, как и инфляция, которая достигла драматических отметок в 223,8% в 1984 г. и 235,5% в 1985 г.

Для борьбы с инфляцией министр финансов Франсиску Дорнелис, племянник Танкреду Невиса, взял на вооружение неолиберальные рецепты. Однако противодействие политике сокращения госрасходов и борьба за получение стратегических постов в правительстве привели в конце августа 1985 г. к отставке Дорнелиса.

На смену ему пришел президент Национального банка развития Дилсон Фунару. Ранее он был министром финансов в правительстве штата Сан-Паулу, занимался предпринимательством. Фунару, связанный с университетскими экономистами; не был склонен следовать рекомендациям, согласно которым покончить с инфляцией следовало посредством экономической рецессии. Когда Дилсон и министр планирования Жуан Сайяд встали у руля управления экономикой, правительство Сарнея находилось в очень сложном положении. Нарастали межпартийные споры, рос поток обвинений в покровительстве друзьям и определенным экономическим группам, в представлениях населения укреплялся образ инертного президента, способного лишь на продвижение интересов частных групп.

Группа экономистов из Католического университета Рио-де-Жанейро выступила против тезиса о том, что сдерживание экономической активности и сокращение дефицита госбюджета обязательно должны привести к падению инфляции. Они ссылались на пример экономического спада 1981 — 1983 гг., который стоил стране значительных социальных издержек, а существенно сбить инфляцию так и не удалось. Данный пример, однако, противоречил опыту развитых стран, где рецессия, несмотря на свои негативные черты, была эффективным инструментом борьбы с инфляцией.

Почему же этого не происходило в Бразилии? Главный аргумент в этом споре сводился к тому, что в экономике, подверженной, как в Бразилии, постоянной индексации, прошлая инфляция поглощалась будущей, превращаясь в «инерционную инфляцию». Тем самым формировался порочный круг, выйти из которого можно было, лишь прекратив использование механизма индексации. В свою очередь, прекращение практики индексации могло принести свои плоды только посредством «шоковой терапии», которая покончила бы с коррекцией цен и ввела бы — взамен обесценившегося крузейру — новую сильную денежную единицу. Та форма, в которой должно было воплотиться данное предложение, — запущенная с большой помпой политика «шоковой терапии» — отвечала политическим интересам правительства, стремившегося восстановить свой авторитет.

Выступая 28 февраля 1986 г. по общенациональным каналам радио и телевидения, Сарней объявил о введении «плана Крузаду». Согласно плану, крузейру должен был быть заменен новой, сильной денежной единицей «крузаду» в пропорции 1000:1; индексация отменялась; цены и комиссионные сборы при обменных операциях были заморожены на неопределенный срок, а плата за арендованное жилье — на год. Власти были озабочены тем, сумеют ли они не ухудшить положение трудящихся, а возможно, даже и улучшить его. Ставка минимальной зарплаты была пересмотрена на основе ее среднего показателя за последние шесть месяцев и увеличена еще на 8% от этого показателя. Впоследствии корректировка зарплат стала автоматической, производимой сразу же по достижении инфляцией отметки в 20%.

Сарней призвал народ к сотрудничеству в исполнении данного плана и к борьбе с инфляцией не на жизнь, а на смерть. С каждым днем его авторитет стремительно рос. Меры по замораживанию цен нашли живой отклик среди населения, которое не могло следовать извилистыми поворотами экономического развития и предпочитало верить в акты доброй воли со стороны лидера страны. Меры в области оплаты труда дали известную передышку бедноте. В стране воцарилась атмосфера безграничного оптимизма. Резко возросло дорожное движение, и многие впервые в жизни стали потреблять большое количество пива*.

Но когда первый всплеск энтузиазма прошел, «план Крузаду» начал «давать течь». Он был запущен в момент роста экономической активности, и во многих случаях его следствием было реальное повышение зарплаты. В условиях замороженных цен возник настоящий потребительский бум — начиная с мяса и молока и кончая автомобилями и поездками за границу. В результате принцип замораживания цен стал нарушаться. Другой серьезной проблемой стал дисбаланс долговых платежей в результате увеличения импор-

* Данное замечание автора нуждается в комментарии. Речь идет о том, что во времена Сарнея, когда были заморожены цены и начался потребительский бум, повысился уровень благосостояния бразильцев и многие представители среднего класса смогли приобрести автомобили, что, в свою очередь, вызвало заторы на дорогах, мешавшие движению транспорта. Что касается потребления пива, то это очень характерный для Бразилии народный обычай, когда любые радостные события — начиная от победы любимой футбольной команды до рождения ребенка — отмечаются потреблением большого количества пива.

та, ставшего возможным вследствие искусственного укрепления бразильской национальной валюты.

К моменту ноябрьских выборов 1986 г.* «план Крузаду» уже потерпел неудачу, но широкие слои населения еще не осознали этого. Кандидаты от ПБДД еще могли искать виновных в проблемах с осуществлением плана. Когда же выборы прошли, ранее отсроченное (в связи с замораживанием цен и тарифов. — *Примеч. пер.*) повышение государственных тарифов и косвенных налогов способствовало взрыву инфляции. Долговой кризис вынудил правительство объявить в феврале 1987 г. мораторий на выплату внешнего долга, что было достаточно индифферентно воспринято как внутри страны, так и за ее пределами. Эйфория, порожденная «планом Крузаду», сменилась настроениями разочарования и недоверия со стороны части общества в отношении избранного пути экономического развития.

Ноябрьские выборы 1986 г. продемонстрировали, что в тот момент ПБДД и правительство еще имели большой авторитет. Во всех штатах, за исключением штата Сержипи, ПБДД сумела завоевать губернаторские посты; также эта партия получила абсолютное большинство в палате депутатов и в Сенате. В тот момент стали даже говорить, что Бразилия подвергала себя риску пойти по пути «мексиканизации», а ПБДД уподобляли некоей вариации Институционно-революционной партии, которая в течение долгих лет удерживала монополию на политическую власть в Мексике**.

* * *

1 февраля 1987 г. состоялось первое заседание Учредительного собрания. Внимание и надежды всей страны были обращены на разработку новой конституции. Имелось огромное желание, чтобы в ней были не только прописаны гражданские права и определены базовые политические институты, но и решены многие проблемы вне ее непосредственного действия.

Работа Учредительного собрания была весьма длительной. Она официально завершилась в день провозглашения новой конституции — 5 октября 1988 г. В тексте этого документа, попавшего под

* В 1986 г. состоялись выборы в Конгресс и выборы губернаторов штатов.

** Институционно-революционная партия (ИРП) — партия, находившаяся у власти в Мексике с 1929 по 2000 г. Данное название она носит с 1946 г.

огонь критики с самого момента его вступления в действие в связи с тем, что в нем затрагивались вопросы, формально не относившиеся к конституционной сфере, отразились интересы различных социальных слоев. В стране, где законы не имеют большого значения, различные социальные группы пытались внести в текст конституции максимальное количество правил и установлений, чтобы таким образом добиться гарантии их исполнения в будущем.

Конституция 1988 г. отразила успехи Бразилии в сфере расширения социальных и политических прав не только граждан в целом, но и так называемых меньшинств, в том числе индейцев. Конституция включила в себя и другие новации, например, *habeas data* (которое обеспечивает право гражданина на получение касающейся его информации из государственных архивов), а также было предусмотрено законодательство по защите прав потребителя.

Одновременно с этим специальный раздел был посвящен проблематике, которую новые реалии глобализованного мира уже оставили в прошлом, особенно в экономической сфере. Госмонополия в нефтяной отрасли, в сфере телекоммуникаций, энергетики, строительства и эксплуатации портов, автотранспорта весьма скоро превратилась в препятствие для поставок товаров и производства услуг и легла бременем на само государство, которое, находясь к тому же в кризисном состоянии, не могло его преодолеть. Подтверждением тому стало принятие всего за несколько лет целого ряда конституционных поправок.

Несмотря на все эти оговорки, Конституция 1988 г. может рассматриваться как рубеж, покончивший с последними рудиментами авторитарного режима. Потребовалось более 13 лет, чтобы начатая генералом Гейзелом в 1974 г. политика открытости переросла в демократический режим.

* * *

Переход от военного режима к демократии вписывается в более широкий контекст, который включает в себя почти все страны Южной Америки*. По сравнению с наиболее крупными соседними странами Бразилия вышла вперед. Аргентинская диктатура неожиданно пала в 1983 г. вследствие катастрофической для нее Мальвин-

* Речь идет о странах так называемого Южного конуса.

ской войны*. Режим Пиночета закончится в 1987 — 1988 гг.** Однако эти страны продемонстрировали примеры перехода к демократии — транзита, чреватые возможностью острых социальных конфликтов, поэтому Бразилии казалось предпочтительным избежать их повторения. Как те деятели, которые, действуя изнутри военного режима, продвигали политику открытости, так и многие политики из числа оппозиции искали модель перехода, основанную на согласии, и эти поиски вели их не в страны Латинской Америки, а в Испанию.

Однако между бразильской и испанской ситуацией имелось больше различий, чем сходств. В Испании выше, чем в Бразилии, уровень взаимодействия между социальными объединениями, что наделяет их лидеров весьма высокой степенью представительства. Это обстоятельство способствовало достижению существенного согласия в рамках пактов Монклоа***, которые безуспешно попытались воспроизвести в Бразилии. Что же касается политических деятелей, то в Бразилии не нашлось политика уровня короля Хуана Карлоса, который, помимо того, что он был королем, сделал еще и военную карьеру и обладал авторитетом, позволившем ему сблизить разнородные политические силы и проложить дорогу демократическому транзиту.

Почему же бразильский транзит оказался столь длительным и каковы были последствия того, в каких формах он реализовывался? Стратегия «медленного, постепенного и устойчивого» транзита исходила от самого правительства. Амплитуда и скорость ее

* Война Аргентины против Великобритании за Мальвинские (Фолклендские) острова (1982), в результате которой Аргентина потерпела поражение и военный режим пал, что открыло дорогу к демократическому транзиту и восстановлению демократии.

** Автор имеет в виду организованный чилийской хунтой плебисцит 1988 г., который должен был предоставить Пиночету президентские полномочия на следующие 8 лет, но итоги его оказались отрицательными для диктатора, что способствовало назначению на 1989 г. президентских выборов. Окончательно передача власти от Пиночета к гражданскому демократическому режиму состоялась в 1990 г.

*** Пакты Монклоа — пакет соглашений, заключенных в октябре 1977 г. во дворце Монклоа (резиденции правительства Испании) между испанским правительством и основными политическими партиями страны, при поддержке основных национальных предпринимательских организаций и профсоюзов, с целью обеспечить транзит от франкизма к демократическому режиму. Выражение «пакты Монклоа» вошло в политологический дискурс как обозначение возможности достижения эффективного консенсуса между различными политическими силами во имя обеспечения успешного демократического транзита.

действия могли быть изменены только в двух случаях: если оппозиция имела бы для этих перемен достаточно сил; либо если эрозия самого авторитарного режима предопределила его коллапс. Но не произошло ни того, ни другого.

Преимуществом бразильского транзита стало то, что он не спровоцировал крупных социальных потрясений. Но его слабым местом явилась неспособность поставить на повестку дня те проблемы, которые простирались намного дальше обеспечения политических прав граждан. Было бы неверным считать, что эти проблемы появились вместе с возникновением авторитарного режима. Неравенство возможностей, отсутствие внушающих доверие и открытых обществу государственных институтов, коррупция, клиентелизм — все это застарелые беды Бразилии. Излечиться от них в мгновение ока было бы невозможно, но в переломный момент транзита можно было бы по меньшей мере начать с ними борьбу.

С другой же стороны, ситуация, когда практически все политические акторы демонстрировали явное согласие на переход к демократии, способствовала и продолжению политики, противоположной достижению подлинной демократии. Тем самым окончание авторитарного режима в большей степени подвело страну к демократии, чем это смог бы сделать консолидированный демократический режим. После 1988 г. как раз консолидация демократии стала одной из главных задач правительства и общества.

Первые после 1960 г. прямые президентские выборы состоялись в 1989 г. Согласно новой конституции, избранным уже в первом туре должен был считаться кандидат, получивший более 50% голосов. В случае, если никто из кандидатов не получил бы абсолютного большинства голосов, во второй тур вышли бы два кандидата с наибольшим количеством голосов.

Противостояние на выборах Фернанду Коллора ди Меллу и Луиса Инасиу Лулы да Силвы означало развитие событий как раз по второму сценарию. Лула делал упор на проблеме социального неравенства и обращался к организованным социальным движениям. Коллор ставил во главу угла необходимость борьбы с коррупцией, модернизацию и сокращение госрасходов; огонь критики он направил на чрезвычайно высокие зарплаты ряда государственных чиновников, прозванных «*marajás*»*.

* *Marajá* — искаженное «махараджа» (владыка, царь в Индии) (порт.); в бразильском политическом и быденном дискурсе примерно соответствует нашему

Вступив в предвыборную борьбу практически без всякой поддержки политических партий, но опираясь на СМИ и особенно на всемогущий телеканал «Глобу», Коллор нанес поражение Луле, получив 36 млн голосов против 31 млн у своего соперника.

Выборы выявили два важных момента. Бразилия постепенно превращалась в общество массовой демократии: в стране имелось 100 млн избирателей, из которых примерно 85%, как это повторилось и в ходе последующих выборов, приходили на избирательные участки. Такой высокий процент явки объясняется не только обязательным характером участия в выборах лиц от 18 до 70 лет, но и тем, что граждане Бразилии придавали голосованию большой символический смысл. Другой значимой чертой выборов 1989 г. были весьма выразительные результаты голосования за Лулу, который утвердился в качестве народного лидера.

Несмотря на то, что победитель на тех выборах был поддержан элитами, которые видели в нем альтернативу левому кандидату, фигура Коллора воспринималась как далеко не безоговорочная. Будучи губернатором небольшого штата Алагоас, где он владел медиахолдингом, он был слабо связан с финансовыми кругами и крупным бизнесом Центрo-Юга.

Когда в марте 1990 г. Коллор вступил в должность президента, инфляция достигала 80%, и была велика угроза ее дальнейшего роста. Коллор объявил о введении в действие радикального экономического плана («план Коллора». — *Примеч. пер.*), согласно которому все имевшиеся банковские депозиты были заблокированы на 18 месяцев; разрешалось снять сумму, не превышавшую 50 тыс. крузейру*. Также в соответствии с планом были заморожены цены, урезаны госрасходы и увеличены некоторые налоги. Одновременно с этим Коллор начал предпринимать меры по модернизации страны, инициировав приватизацию государственных предприятий, большую открытость к внешним рынкам, сокращение числа государственных чиновников, в основе которого, впрочем, не было никакого качественного критерия.

Очень скоро обвинения в захлестнувшей все и вся коррупции в рядах правительства, которые появились в результате разобла-

«олигарх». Коллор в ходе предвыборной кампании 1989 г. выступал в образе «охотника на коррумпированных олигархов» (*caçador dos marajás*).

* «План Коллора», о котором идет речь, вновь вернул бразильской национальной валюте название «крузейру».

чений, исходивших от самого брата президента Педру Коллора, заставили палату депутатов проголосовать в сентябре 1992 г. за отстранение Коллора от власти до того момента, когда Сенат рассмотрит запрос (нижней палаты. — *Примеч. пер.*) об импичменте. Ход расследования, транслировавшийся телевидением на всю страну, манифестации молодежи из среднего класса, которая выходила на улицы с требованием импичмента, — все это предвещало, что Коллор никогда больше не вернется к власти. Будучи уверен в своем поражении, в декабре 1992 г. Коллор подал в отставку. Но даже и при таком повороте дела Сенат признал его виновным в действиях, несовместимых с должностью президента, и он был лишен политических прав сроком на 8 лет.

Отставку президента по обвинению в коррупции в стране, для которой совсем не характерно честное ведение дел как в государственном, так и в частном бизнесе, можно объяснить рядом основополагающих причин. С одной стороны, Коллор, стремясь свести к минимуму вполне реальный риск отстранения от власти, весьма неуклюже вел себя в ходе расследования. Это привело к тому, что он потерял поддержку в Конгрессе, где он так и не имел большинства. В то же самое время от него отстранились и экономические элиты, с которыми у него никогда не было хороших отношений. С другой стороны, неожиданно энергичные действия молодежи из среднего класса, продемонстрировавшие неприятие коррумпированности властных структур, произвели впечатление на Конгресс и превратились в важный фактор, обусловивший падение президента.

На президентский пост вступил вице-президент Итамар Франку, бывший сенатор от штата Минас-Жерайс, который в годы военного режима придерживался умеренно-оппозиционных взглядов. Главной проблемой, с которой он вынужден был столкнуться, стал возврат инфляции в условиях провала тех мер, которые были предприняты Коллором. В течение первого месяца функционирования нового правительства, в январе 1993 г., инфляция уже достигла отметки в 29%, превысив к декабрю того же года 36%.

В первые месяцы 1994 г. министр экономики Фернанду Энрики Кардозу приступил к проведению подготовительного этапа еще одного экономического стабилизационного плана. Реализовав первые меры этого плана, он покинул свой пост для участия в президентских выборах. Интеллектуал, снискавший огромное уважение, успешно перешедший из академической среды в политическую сферу, он тем не менее был не слишком известен широкой публи-

ке, когда принял решение вступить в предвыборную борьбу в качестве кандидата от альянса ПБСД* и ПЛФ. В июле 1994 г. был запущен «план Реал», который стал явной противоположностью предыдущим экономическим схемам. Население не было захвачено врасплох, как это произошло совсем недавно. Согласно плану, была создана новая национальная денежная единица, названная реал. Она была переоценена по отношению к доллару, что стало возможным как в связи с реструктуризацией внешнего долга, так и в силу того, что Бразилия накопила валютные резервы в размере около 40 млрд долл. Фиксированный курс реала к доллару установлен не был, допускался плавающий курс реала в определенном «коридоре». Пример Аргентины, где валютный паритет создал серьезные проблемы с ликвидностью, послужил для того, чтобы предостеречь Бразилию от повторения той же модели.

Стабилизационный план не предусматривал замораживания цен и был направлен на поэтапную деиндексацию экономики. Обмен старых денег на новые — крузейру на реалы — был не более чем символическим. В течение всего лишь нескольких месяцев все деньги, имевшие хождение в стране, были обменяны на реалы; эта операция стала весьма знаменательной как с организационной точки зрения, так и по тому, как она была воспринята населением.

На выборах октября 1994 г. Фернанду Энрики Кардозу был избран президентом в первом туре, получив около 54% голосов. Лула, снова участвовавший в президентской кампании, остался вторым**. Подобный результат стал итогом действия многих факторов, но решающую роль сыграл «план Реал». Оппозиция, особенно ПТ, допустила серьезную ошибку в его оценке, настаивая на том, что «план Реал» был всего лишь «предвыборной приманкой», которая вскоре вызовет тяжелый экономический спад. Однако план, запущенный в стратегически продуманный момент и способствовавший победе Фернанду Энрики Кардозу на президентских выборах, отнюдь не сводился к обеспечению этой победы. На деле никакой рецессии не последовало; напротив, благодаря ощутимому падению инфляции покупательная способность населения в последующие годы повысилась.

* *Партия бразильской социал-демократии* (ПБСД — Partido da Social Democracia Brasileira, PSDB), создана в 1988 г. Ф.Э. Кардозу стоял у истоков зарождения этой партии и в течение долгих лет является ее интеллектуальным лидером.

** О дальнейшей политической истории Бразилии после 1994 г. см. История Бразилии продолжается (Вместо послесловия).

6.4. Структурные изменения после 1950 г.

По самым общим подсчетам, население Бразилии увеличилось с 51,9 млн человек в 1950 г. до почти 164 млн в 1999 г. Таким образом, в течение 40 лет оно выросло более чем вдвое. По данным переписи населения 1980 г., распределение населения по половому признаку было почти равным: 59,8 млн женщин и 59,1 млн мужчин. В составе населения большинство составляли белые (54,2%), за ними следовали потомки смешанных браков — особенно мулаты (38,8%), затем негры (6,0%), индейцы (0,6%) и лица, не указавшие своей расовой принадлежности (0,4%). Не исключено, что количество белых оказалось преувеличено из-за укорененности расовых предрассудков среди части населения, предпочитавшей позиционировать себя «белыми», а не полукровками.

Население было преимущественно молодым, почти половина его (49,6%) была моложе 20 лет. Однако, как уже происходило с 1960 г., рос индекс старения населения — количество пожилых людей (65 лет и старше), которое приходится на 100 молодых (15 лет и моложе). Этот индекс, составлявший 6,4% в 1960 г., возрос до 7,5% в 1970 г. и до 10,5% в 1980 г.

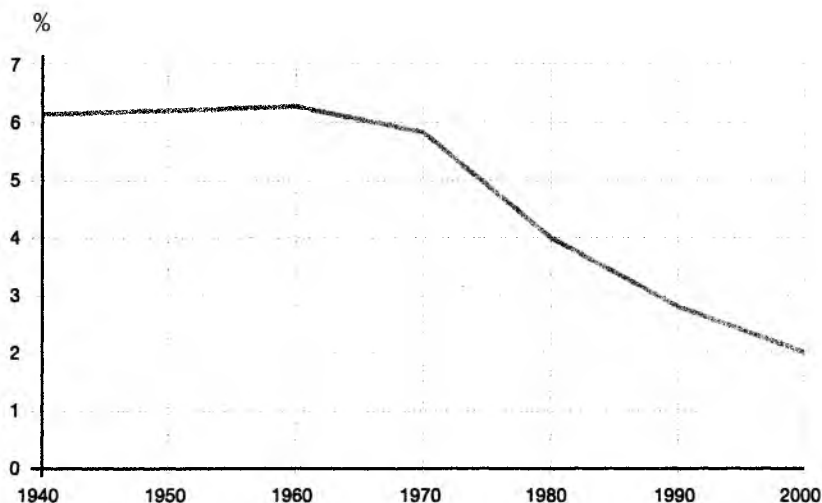
Наиболее значительным демографическим феноменом стало снижение уровня рождаемости, особенно начиная с 1970-х гг. В 1940-е гг. уровень рождаемости составлял 6,3 ребенка на одну женщину детородного возраста. Начиная с 1960-х гг., этот уровень сильно снизился, дойдя в 2000 г. до 2% (см. рис. 1).

По всей видимости, падение уровня рождаемости в первую очередь явилось следствием кампаний по пропаганде контрацептивов и стерилизации женщин. Невозможно сказать, выросло ли также количество аборт, поскольку они, за исключением особых случаев, считаются преступлением. Как бы то ни было, применение контрацептивов отражает не только политику правительства, вызвавшую резкую критику со стороны католической церкви, но и стремление самих женщин и супружеских пар иметь меньше детей. Среди причин подобного стремления можно выделить осознание невозможности хотя бы на минимальном уровне содержать большое количество детей и дать всем им образование.

Несмотря на снижение рождаемости, уровень роста населения продолжал быть высоким, поскольку ощутимую роль сыграло снижение уровня смертности. Ежегодный уровень прироста насе-

ния в начале 1980-х гг. (2,3%) примерно соответствовал средним показателям развивающихся стран (2,4%) и почти в 4 раза превосходил показатели развитых стран (0,6%). Но поскольку новое значительное снижение уровня смертности маловероятно, в будущем сокращение рождаемости выльется в большее сокращение роста населения. Данные за 1996 г. свидетельствуют, что этот рост сократился на 1,2%.

Рис. 1. Общий уровень рождаемости (1940–2000)

Источник: IBGE. Brasil em Números. Vol. 7, 1999. P. 78.

На распределение населения по регионам большое влияние оказали крупные перемещения людских потоков с Северо-Востока и из штата Минас-Жерайс в направлении Центра и Юга, а также заселение сельскохозяйственной границы, которая брала свое начало у истоков р. Парана и пролегла через Центро-Запад (штаты Гойас и Мату-Гроссу) и Северо-Запад (штат Рондония). Крупные миграции жителей Северо-Востока в регионы Центро-Юга были результатом, с одной стороны, импульсов индустриализации, а с другой — тяжелой засухи, которая — особенно в 1950-е гг. — неоднократно поражала северо-восточные регионы.

Вторым крупным миграционным феноменом этого периода стало перемещение населения на Центро-Запад и Северо-Запад. Начальный импульс этому процессу дало — прямо или косвенно — само федеральное правительство, предоставив для этого большие возможности. В этом плане строительство столицы — Бразилиа — может рассматриваться как веха на пути так называемого «продвижения на Запад» — давнего устремления, провозглашенного еще Варгасом в период «Нового государства». Миграционные потоки переросли национальные границы и устремились в Парагвай, где осели многочисленные независимые земледельцы, занятые преимущественно в производстве сои и кофе, — так называемые «бразилвайцы»*.

Необходимо напомнить, что миграции населения в направлении безлюдных пространств имели серьезные последствия в социально-политическом плане. Создав новые возможности, «сельскохозяйственная граница» способствовала снижению напряженности вокруг земельного вопроса в тех регионах, которые были заселены и освоены намного раньше. Без существования этой границы новые конфликты из-за земли были бы гораздо острее существующих.

* * *

Значительно выросло городское население. Если взять за основу определение, согласно которому городами считаются населенные пункты с количеством жителей от 20 тыс. человек и выше, то можно констатировать, что в 1980 г. большинство населения (51,5%) превратилось в городское — в отличие от 16% жителей, проживавших в городах в 1940 г. В 1996 г. этот уровень достиг 76%.

Начиная с 1950-х гг., темп урбанизации невероятно ускорился. Для сравнения можно привести пример США, где потребовалось 80 лет (с 1870 до 1950 г.), чтобы доля городского населения возросла с 25 до 64%. К 1980 г. процент американцев, проживавших в городах, составлял 61%, что не слишком превышало бразильские показатели того же года. На этом сравнение заканчивается. По уровню распределения расходов и качества жизни в городах США и

* Неологизм «os brasiguaios» (разговорн., просторечн.), образован от слов «brasileiros» (бразильцы) и «paraguaios» (парагвайцы).

Бразилия демонстрируют глубокие качественные различия, которые не выявляются одними лишь количественными показателями.

Рост урбанизации был порожден рядом факторов. С одной стороны, начиная с 1950-х гг., расширялась занятость в промышленности и особенно в многопрофильном секторе услуг. С другой стороны, несмотря на существование «сельскохозяйственной границы», такие явления, как сгон сельских жителей с земли, развитие механизации, изменение видов деятельности в сельской местности, ставших менее трудозатратными, выталкивали население из деревни в город.

В 1980 г. в столицах 9 штатов проживало уже более 1 млн человек; это число возросло до 11 млн в 1990 г., причем в авангарде этого процесса шел г. Сан-Паулу, за которым следовали Рио-де-Жанейро, Белу-Оризонти, Порту-Алегри и далее все остальные.

* * *

Несмотря на продвижение индустриализации на протяжении нескольких десятилетий, в 1950 г. Бразилия все еще могла считаться преимущественно аграрной страной. За 30 лет картина сильно изменилась — до такой степени, что данное определение перестало соответствовать действительности. Если в 1950 г. 59,9% экономически активного населения (ЭАН) было занято в основном в добывающих отраслях, то в 1980 г. эта цифра упала до 29,2%. Доля добывающих отраслей в общей структуре ВВП составляла 24,2% в 1950 г. и едва доходила до 9,8% в 1980 г. Показатели доли различных отраслей в общей структуре ВВП за 1998 г. свидетельствуют о том, что доля сферы услуг была равна 59,7%, промышленности — 32,3%, а сельского хозяйства — 8%.

Другим индикатором перемен стала структура бразильского экспорта. С годами доля в нем продукции сельского хозяйства и сырья (например, кофе и железной руды), за исключением сои, имела тенденцию к снижению по сравнению с промышленными товарами. Начиная с 1978 г., промышленные изделия превзошли в стоимостном отношении экспортную сырьевую продукцию. Однако же в числе продуктов, производимых индустриальным способом, много таких, уровень промышленной обработки которых невелик, — например, апельсиновый сок.

Факт большего развития промышленности, чем сельского хозяйства, еще не свидетельствует о том, что последнее находится

в состоянии стагнации. Напротив, в структуре сельскохозяйственного производства произошел ряд перемен, глубоко затронувших трудовые отношения.

После последнего периода роста производства кофе в начале 1950-х гг. оно начало сдавать позиции перед лицом другой экспортной продукции. Взлет кофейного производства пришелся как раз на 1950 г., когда доля кофе составляла 63,9% от общей стоимости экспорта. Затем конкуренция на мировых рынках и тенденция к падению цен создали ситуацию, когда экспорт кофе пришел в упадок до такой степени, что в 1980 г. на долю кофе приходилось едва лишь 12,3% стоимости всего экспорта. Данные за 1996 — 1998 гг. говорят о том, что в этот период соя вытеснила кофе и превратилась в главную статью сельскохозяйственного экспорта.

Крупные кофейные плантации были выкорчеваны, и на их месте стали выращивать такие культуры, как соя в бассейне р. Паранá и апельсины во внутренних областях штата Сан-Паулу. После начала реализации программы «Proálcool»* распространение получили и плантации сахарного тростника в штате Сан-Паулу и на Северо-Востоке.

Хотя выращиванием и сахарного тростника, и апельсинов занимались независимые производители, в обеих отраслях имелась и тенденция к образованию аграрно-индустриальных комплексов, которые являлись одновременно и производителями, и переработчиками. Если исходить из объема капитала, необходимого для организации подобных комплексов, то можно было констатировать наличие устойчивой тенденции к появлению олигополий.

Одним из главных последствий замены кофе другими сельскохозяйственными культурами и распространения пастбищ стало уменьшение необходимого для производства числа работников. Помимо этого, рационализация сельскохозяйственного производства, направленная на достижение большей производительности труда и на получение больших прибылей, привела к кризису старой системы колоната (в регионах Центрo-Юга) или поселений (на Северо-Востоке). На место колонов или поселенцев пришли «bóias-frias»** — наемные работники, которых нанимали для

* Речь идет о действующей с 1975 г. Национальной программе по ширококомасштабной замене автомобильного топлива этиловым спиртом, получаемым из сахарного тростника или маниока

** На просторечном жаргоне «bóia» означает «еда», «bóia fria» — букв. «холодная еда», которую эти работники ели прямо на своих рабочих местах — на фазен-

сезонных работ на фазенде, — например, для рубки сахарного тростника или для сбора апельсинов. Эти люди, в отличие от колоннов, только частично интегрируются в сельскую жизнь. Они живут в городах поблизости от крупных фазенд, куда их нанимают на работу либо напрямую сами аграрно-индустриальные комплексы, либо посредники, которых в регионах Центр-Юга прозвали «котами». Именно с формированием данного слоя трудящихся-бедняков и связано по большей части возникновение фавел в городах, расположенных в глубинке штата Сан-Паулу, пусть и не столь крупных, как в столице штата.

Было бы опрометчиво утверждать, что «bóia-fria» является сельской «вариацией» городского рабочего и олицетворяет собой проникновение капиталистических отношений в деревню. Характерная форма модернизации крупных земельных владений заключается во внедрении машин и механизмов и в постепенной замене большого количества работников низкой квалификации ограниченным числом работников средней квалификации. Время покажет, может ли этот процесс уменьшить значение фигуры «bóia-fria» или даже привести к ее исчезновению.

Распространение наемного труда в деревне повлекло за собой рост требований, вытекавших из самой его природы. Для «bóias-frias» владение землей стало недостижимой мечтой. Посредством стачек и переговоров они стремились получить права, присущие именно наемным работникам.

В самый недавний период на политическую арену вступило «Движение безземельных» (Movimento dos Sem Terra, MST) и оттеснило социальные требования «bóias-frias» на второй план. Это движение, лидеры которого стремятся к некоей разновидности «аграрного социализма» и которое обладает поддержкой так называемых прогрессивных кругов католической церкви, добилось невероятных успехов в деле организации тех, кто лишен земли. Особенно на первом этапе своего существования оно стало могущественным инструментом давления на правительство Фернанду Энрики Кардозу, требуя от него ускоренной разработки аграрной реформы.

Между тем, на протяжении лет «Движение безземельных» усилило свои радикальные акции — захваты земли и госучреждений,

де или на том участке земли, где они работали. Отсюда и название данной категории работников

разрушение пунктов сбора оплаты при въезде и выезде с платных автодорог, проявив тем самым склонность к насильственному осуществлению социальной революции — объекта их устремлений. Тем самым это движение превратилось в фактор постоянной нестабильности, что оправдывает защитные меры со стороны государства, но не ответное насилие со стороны подразделений военной полиции штатов.

Необходимо иметь в виду, что модернизация аграрной сферы и концентрация собственности являются важными факторами аграрных движений. В 1980 г. доля минифундий (так называются сельскохозяйственные владения менее 10 га) составляла 50,4% от общего числа земельных владений, но они занимали всего 2,5% от общего количества земель. На другом фланге располагаются латифундии — владения размером более 10 тыс. га, доля которых составляет 0,1% от всех владений, но которые занимают 16,4% всей территории страны.

Поэтому зная борьбы за аграрную реформу не исчезло, просто изменились акценты на начертанных на нем лозунгах. До середины 1960-х гг. лозунг аграрной реформы сочетал в себе и социальные, и экономические цели. Его приверженцы настаивали как на том, что сельские трудящиеся имеют право на землю, так и на необходимости ориентации аграрной реформы на стимулирование производства продуктов питания и на вовлечение маргинализированных масс в рыночные отношения. Расширение потребительского рынка рассматривалось как необходимое условие для продвижения процесса индустриализации.

После установления военного режима процесс индустриализации существенно продвинулся; при этом аграрная реформа осталась в стороне. Данный факт был не случаен, он явился следствием сознательного выбора. Военные правительства отказались от идеи расширения спроса за счет увеличения покупательной способности бедных слоев населения. Вместо этого они сделали выбор в пользу стимулирования производства потребительских товаров длительного пользования (например, автомобилей), предназначенных для лиц с высоким и средним уровнем доходов.

Подобный выбор наряду с трансформациями в деревне создал ситуацию, при которой экономические аспекты аграрной реформы — уже в наши дни — оказались оттеснены на второй план. При этом указывалось на тот факт, что производительность новых сельских поселений зависит от инвестиций и помощи государст-

ва, которое само находится в состоянии кризиса. Таким образом, аграрная реформа превратилась прежде всего в вопрос социальной справедливости для масс обездоленных.

Масса бедных или даже нищих производителей по-прежнему огромна. В 1975 г. около 3,64 млн сельскохозяйственных предприятий, составлявших 73% от их общего количества, обрабатывали землю, не применяя плуга (ни механического, ни с использованием тягловой силы животных). Такое же число сельских семей (73%) в 1980 г. имело денежные доходы на душу населения размером в половину минимальной зарплаты или даже меньше. С этой картиной контрастируют рентабельные семейные плантации, на которых выращивают пшеницу и сою на Юге и Юго-Востоке и фрукты — на Северо-Востоке.

* * *

В 1950 — 1980-е гг. Бразилия превратилась в полуиндустриальную страну; объем ее промышленного производства был самым высоким из всех стран так называемого «третьего мира». Помимо этого, промышленность стала гораздо менее зависеть от импорта. По данным 1985 г., 4/5 потребностей в средствах производства (машинах и оборудовании) удовлетворялась за счет внутреннего производства, не прибегая к импортным поставкам. С 1981 г. страна вступила в фазу сильной и достаточно длительной рецессии, несмотря на восстановительный период 1984 — 1987 гг.

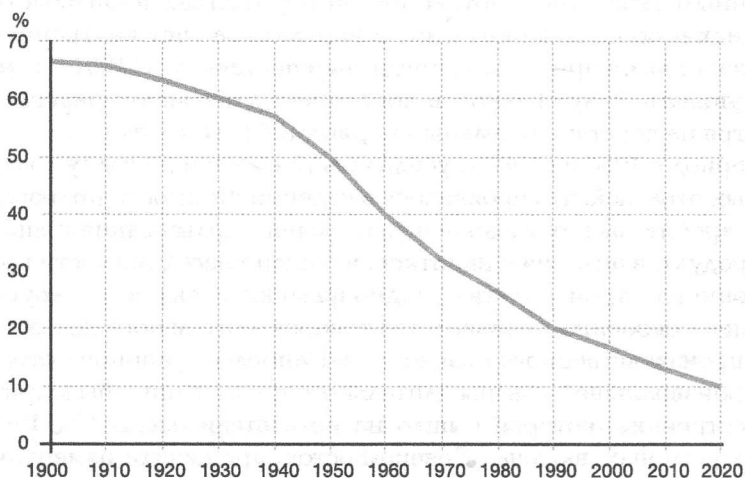
В период с 1950 по 1980 г. усилилась тенденция к упадку традиционных отраслей, что проявилось в падении стоимости производства потребительских товаров недлительного пользования (например, продуктов питания и напитков) в общей массе стоимости промышленного производства. Одновременно выросли другие отрасли — особенно производство товаров длительного пользования и производственного назначения. Наиболее «ударной» отраслью, производившей товары длительного пользования, было автомобилестроение, которое вышло на показатели около 10% ВВП. Во всех регионах, включая Северо-Восток, произошли изменения в структуре промышленного производства. Две классические составляющие промышленности Северо-Востока — производство продуктов питания и текстильная индустрия — оказались заменены другой «парой»: химической промышленностью и производством продуктов питания, при этом химическая промышленность

выдвинулась на первое место. В аграрно-индустриальном комплексе, образованном на базе сахарных заводов, на передовые позиции вышло производство не только сахара, но и этилового спирта, необходимого для автомобильной промышленности. Немногочисленными, но весьма важными в качественном отношении были предприятия с участием иностранного капитала. Если мы посмотрим на принадлежность 15 крупнейших частных предприятий, выставленных на торги в 1991 г., то только два из них были бразильскими.

На протяжении длительного отрезка времени все более разнообразными становились источники поступления иностранных инвестиций: традиционное преобладание американского капитала хотя и сохранялось, но в меньших пропорциях; в то же время значительно расширился объем инвестиций, поступающих из Испании.

* * *

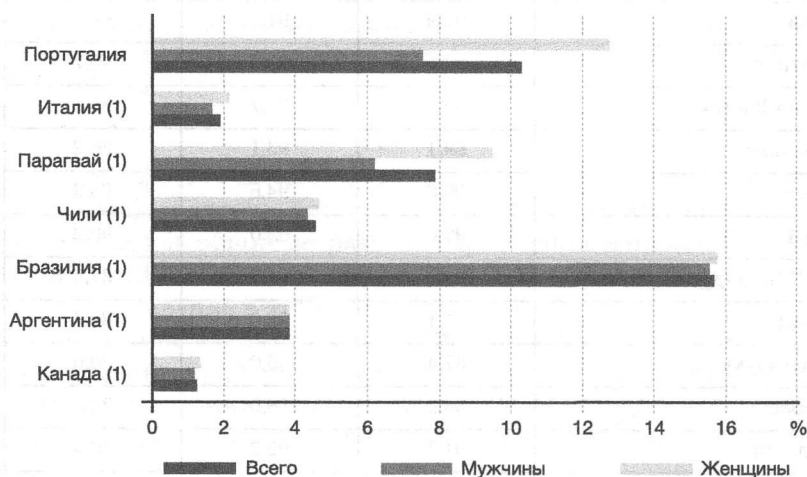
**Рис. 2. Процент неграмотности
в возрастной группе от 15 лет и старше (1900–2020)**

Источник: IBGE. Brasil em Números. Vol. 7, 1999. P. 127. Процентные данные по 1910 и 1930 гг. добавлены автором. Данные по периоду 1992–2020 гг. носят прогнозный характер.

Что касается сферы образования, то начиная с 1950-х гг. процент неграмотных в возрастной группе от 15 лет и старше имел устойчивую тенденцию к снижению, как это показано на рисунке 2. Несмотря на это, если исходить из региональной значимости ряда территорий, таких как, например, Северо-Восток, Бразилии еще предстоит многое сделать в этой области (см. сравнительные данные по ряду стран на рис. 3).

**Рис. 3. Процент неграмотности
в возрастной группе от 15 лет и старше
в отдельных странах (1995)**

Источник: IBGE. Brasil em Números. Vol. 7. 1999. P. 133.

(1) Данные согласно статистическим подсчетам Департамента ЮНЕСКО за 1994 г.

Что касается посещающих школу детей и подростков от 7 до 14 лет, то данные недавнего времени носят весьма позитивный характер благодаря большой работе, проделанной в этой области в течение последних лет. Эти успехи очень важны, так как они отражают улучшение показателей охвата молодых людей школьным образованием. Данные таблицы 1 показывают также, что разрыв

между городом и деревней еще остается, но он меньше, чем можно было бы ожидать.

Таблица 1

**Процент охвата школьным образованием детей
и подростков от 7 до 14 лет по месту жительства (1997)**

Крупные регионы и территориальные единицы	Всего	Данные по городскому населению	Данные по сельскому населению
Бразилия	93,0	94,5	88,0
Север	91,9	91,9	—
Токатинс	92,6	93,9	90,7
Северо-Восток	89,4	91,7	85,8
Мараньян	89,1	93,1	86,2
Пиауи	90,6	94,6	85,3
Сеара	92,0	93,0	90,2
Риу-Гранди-ду-Норти	89,6	91,1	87,6
Параиба	91,1	92,0	89,7
Пернамбуку	87,4	90,0	80,0
Алагоас	80,9	86,0	72,8
Сержипи	91,7	92,2	90,4
Баия	90,0	92,4	86,4
Юго-Восток	95,5	96,2	91,2
Минас-Жерайс	94,5	96,1	90,0
Эспириту-Санту	93,6	95,2	88,7
Рио-де-Жанейро	95,0	95,2	92,5
Сан-Паулу	96,3	96,6	94,9
Юг	94,9	95,5	92,7
Паранá	93,7	94,7	90,4
Санта-Катарина	94,1	95,9	93,2
Риу-Гранди-ду-Сул	95,9	96,1	94,9

Продолжение таблицы 1

Крупные регионы и территориальные единицы	Всего	Данные по городскому населению	Данные по сельскому населению
Центро-Запад	93,2	95,2	84,5
Мату-Гроссу-ду-Сул	91,1	93,4	79,1
Мату-Гроссу	91,1	93,5	84,3
Гойас	93,4	95,8	84,7
Федеральный округ	97,8	97,8	98,1

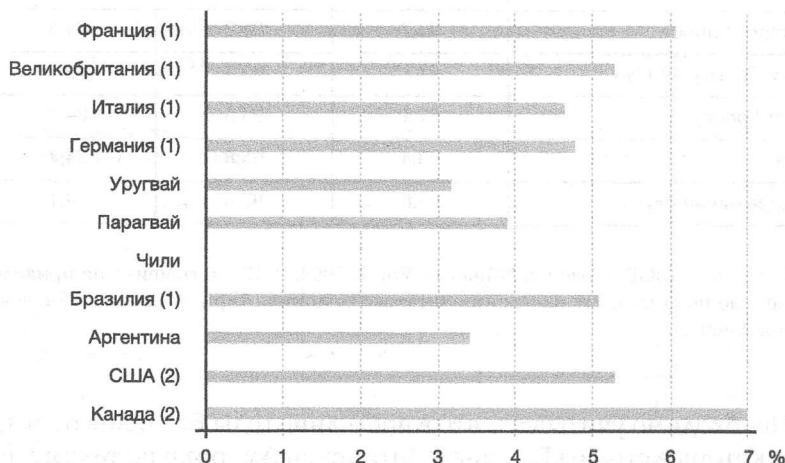
Источник: IBGE. Brasil em Números. Vol. 7. 1999. P. 131. В графике не приведены данные по сельскому населению штатов Рондония, Акри, Амазонас, Рорайма, Парá и Амапá.

Необходимо учитывать, что в последние годы Бразилия обогнала некоторые страны Европы и Латинской Америки по такому показателю, как общие затраты на образование в процентном отношении к ВВП. Тем самым Бразилия стремится преодолеть свое вековое отставание в этой области (рис. 4).

Все это не означает, что больше никаких проблем нет. Среди нерешенных проблем можно выделить второгодничество и качество преподавания. В сфере базового образования качеством преподавания выделяются некоторые частные школы, что контрастирует с недостатками государственных школ. Диаметрально иная ситуация в государственных университетах, где обучение бесплатно.

Возможность поступления в такие университеты обусловлена успеваемостью в школах, дающих базовое и среднее образование хорошего уровня, и теми знаниями, которые, будучи получены дома и в сфере социальной жизни, представляют собой «неофициальный аттестат зрелости». Тем самым самое престижное образование в государственных университетах становится весьма труднодоступным для выходцев из бедных слоев и для представителей низшего среднего класса. Эти социальные слои представляют собой наиболее предпочтительную среду для частных вузов, где уровень преподавания, за небольшим исключением, сравнительно ниже.

**Рис. 4. Общие затраты на образование
в процентном отношении к ВВП,
по некоторым странам (1996)**

Источник: IBGE. Brasil em Números. Vol. 7. 1999. P. 131.

(1) Данные 1995 г.

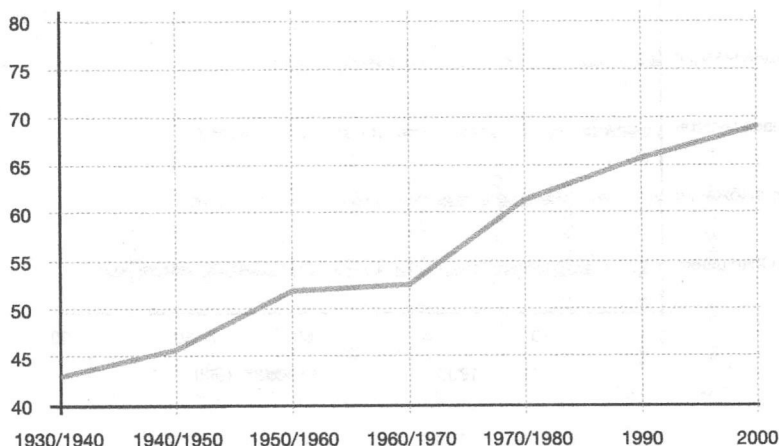
(2) Данные 1994 г.

Расширение частных учебных заведений в сфере высшего образования станет понятным, если учесть, что в 1960 г. в них обучались 44% от числа всех студентов вузов. Это число возросло до 50% в 1970 г. и дошло до 65% в 1980 г.

В то же время есть и показатели по другим сферам, которые указывают как на прогресс, так и на недостатки, имевшие место в период между 1950 и 1980 гг. Средняя продолжительность жизни, отражая общее состояние здравоохранения и медицинского обслуживания, резко возросла — с 46 до 60 лет. Подобный рост был зафиксирован во всех регионах. Если принять регион Юга за «позитивный полюс», а Северо-Восток — за «негативный», то мы увидим следующую картину. На Юге ожидаемая средняя продолжительность жизни в 1950 г. составляла 53 года, а в 1980 г. — около 67 лет. На Северо-Востоке тот же показатель равнялся 38 годам в 1950 г. и 51 году в 1980 г. В последние годы эти показатели про-

должали расти. По данным 1999 г., ожидаемая средняя продолжительность жизни приближается к 64 годам (см. рис. 5).

Рис. 5. Предполагаемая продолжительность жизни при рождении (1930–2000)

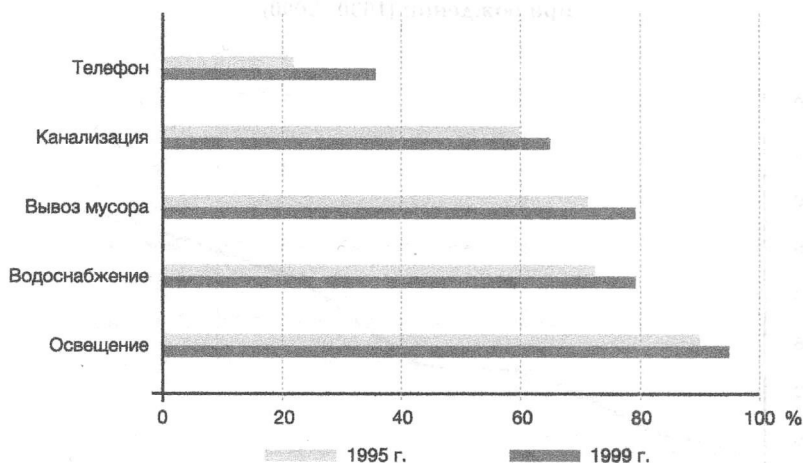

Источник: IBGE. Brasil em Números. Vol. 7. 1999. P. 77. Внимание: для периода 1980–2000 гг. речь идет о прогнозируемых показателях роста населения Бразилии.

Также упала детская смертность, измеряемая числом умерших детей до одного года на 1 тыс. младенцев. По Бразилии в целом уровень детской смертности уменьшился со 130 в 1950 г. до 86 в 1980 г. и до 35,6 в 1999 г.

Основные показатели, по которым измеряют качество жизни, также демонстрируют как прогресс, так и недостатки. Они представлены на рисунке 6; многие из них отражаются в улучшении показателей детской смертности и состояния здоровья нации.

Рис. 6. Качество жизни. Инфраструктура.
Процент бразильских домохозяйств,
охваченных некоторыми коммунальными услугами

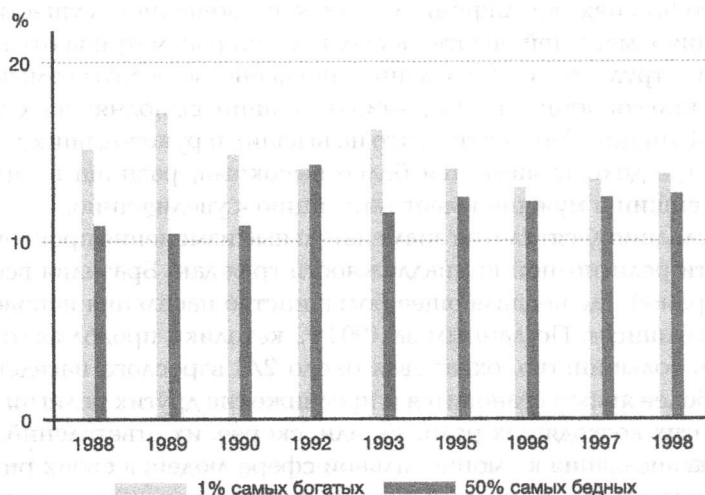

Источник: O Estado de S. Paulo. 23.07.2000. P. A-13.

Одними из наиболее серьезных в стране являются такие проблемы, как распределение доходов и абсолютная бедность. В области распределения доходов Бразилия занимает одну из наихудших позиций в мире. Этот факт становится еще более красноречивым, если принять во внимание, что по совокупности ВВП Бразилия рассматривается как страна с более высоким средним доходом. Рисунок 7 дает ясное представление о том, насколько тяжела эта проблема.

В 1990-е гг., согласно национальным социологическим критериям, значительно уменьшилось количество бедных и обнищавших слоев населения. Благодаря тому, что в 1993—1998 гг. был положен конец разорительной инфляции, а цены были стабилизированы, это количество сократилось с 59,4 млн человек (41,7%) до 50,1 млн человек (32,7%). Данный факт уже и сам по себе весьма позитивен, но необходимо отметить, что неравенство в распределении доходов осталось почти на том же уровне, как, впрочем, это имело место по меньшей мере с 1980 г.

Рис. 7. Концентрация доходов в Бразилии.
Доходы наиболее богатых и наиболее бедных
по отношению к общему количеству доходов
в стране, в %

Источник: Folha de S. Paulo, 29.04.2000, P. 3-1.

Имеются и крупные диспропорции в распределении дохода по половому признаку или расовой принадлежности. После 1970 г. на рынке труда постоянно возрастало количество женщин, что стало результатом действия ряда факторов, среди которых особое значение имел бурный экономический рост, приведший, в свою очередь, к расширению занятости в сочетании со стимулированием потребления. Кроме того, многие женщины, стремясь пополнить семейный бюджет, стали искать работу помимо своих домашних обязанностей. Что же касается социальных отношений, то со временем общество стало рассматривать применение женского труда в подавляющем большинстве профессий как абсолютное нормальное.

При всем этом дискриминация по половому признаку на рынке труда никуда не исчезла. Женский труд оставался ограничен преимущественно рамками так называемых «женских профессий»,

которые в 1980 г. охватывали 70% работниц. Женщины с низким уровнем образования — это домработницы, городские рабочие, те, кто заняты на сельскохозяйственных работах; обладательницы среднего образования работают секретаршами, продавщицами и медсестрами.

В профессиях, квалифицируемых как «женские», существует тенденция к меньшей оплате, поскольку они рассматриваются как «женский труд». Более того, данное неравенство оплаты отмечается даже при сопоставлении мужчин и женщин, выполняющих одни и те же функции. Любопытно, что на высших и руководящих должностях, где доходы являются более высокими, разница в оплате труда женщин и мужчин имеет тенденцию к увеличению.

В последние десятилетия знаменательные изменения произошли в области религиозной принадлежности граждан. Бразилия всегда была страной, где подавляющее большинство населения исповедовало католицизм. По данным за 1994 г., католики продолжают составлять большинство, охватывая около 2/3 взрослого населения. Но все более явным становится и продвижение других религий.

Для этих восходящих религий, или, скорее, их ответвлений, характерна апелляция к эмоциональной сфере людей; в своих ритуалах данные религии используют такие приемы, которые, по их мнению, могут способствовать чудесному коллективному излечению и «изгнанию дьявола». Наиболее наглядным примером подобной тенденции являются движения пятидесятников, вдохновленных американским примером проведения многолюдных церемоний под предводительством так называемых телепроповедников. Пятидесятники составляют 10% взрослого населения, или 10 млн человек; новых членов своего движения они привлекают из бедных слоев, в противоположность так называемым «традиционным протестантам», составляющим 3,3% населения.

Даже в лоне католической церкви возникло течение «за обновление благодати», вдохновленное аналогичным течением в США. В 1994 г. его сторонники составляли 3,8% взрослого населения Бразилии. Данное движение является реакцией на деятельность тех секторов в католической церкви, которые связаны с борьбой за социальные реформы; неся на себе сильную печать консерватизма, оно обращено к сфере личных и семейных отношений, а также к чтению религиозных текстов в ходе больших церковных церемоний.

Заключение

Прежде всего необходимо дать объяснение самого данного подзаголовка — «Заключение». Общая история страны никогда не может считаться окончательно завершенной. И дело здесь не только в том, что никому не дано знать наперед ни дальнейший ход развития тех процессов, которые разворачиваются на наших глазах, ни природу других процессов, которые еще только должны возникнуть. Необходимо также учитывать, что любой анализ прошлого, на какую бы степень объективности он ни претендовал, всегда будет подвержен ревизии и пересмотру согласно иным интерпретациям истории. Однако вместе с тем, принимая во внимание данные оговорки, следует подчеркнуть: раздел «заключение» всегда необходим, и я могу предположить, что для книги, которую читатель сейчас держит в руках, он еще и весьма полезен.

За последние 30 лет в мире произошли радикальные изменения, которые продолжают разворачиваться на наших глазах.

В экономической области в основном прекратил свое существование тот тип международного разделения труда, который был основан на существовании господствовавших индустриальных стран, с одной стороны, и стран зависимых, стран-поставщиков сырья и сельскохозяйственной продукции — с другой. В поисках дешевой рабочей силы (по крайней мере, на начальном этапе) и в качестве

ответа на протекционистские меры, принятые развивающимися странами, в том числе Бразилией, крупные компании перевели в эти страны часть своих производственных мощностей. Тем самым произошла интернационализация производственного процесса. Вследствие этого в ряде регионов возникли предпосылки для зарождения новых волн индустриализации, наиболее значительная из которых, появившись в Азии, породила так называемых «азиатских тигров».

Частью этого процесса стала технологическая революция, с которой столкнулся современный мир и в условиях которой он продолжает жить; эта революция оставила позади революцию индустриальную. Информация все более превращалась в жизненную необходимость; отказ от старых производственных процессов становился все более явным, а прогресс сосредоточился в способности продуцировать научные знания и создавать новые технологии и новые виды продукции.

Все эти трансформации положили конец старому типу зависимости периферийных стран от господствующего «центра». Определенные звенья в системе международных отношений, которые основаны на подчинении, не исчезли, но их характер изменился. По мере разворачивания технологической революции ряд стран, обладающих сырьевыми ресурсами, вошли в фазу несомненного упадка, перейдя из разряда «жертв империализма» в положение «брошенных на произвол судьбы сирот», оттесненных на обочину нового мирового экономического порядка.

В последние два десятилетия роль США как гегемона и в экономике стала — хорошо это или плохо — подавляющей. В то же самое время остальные государства «первого мира» стремились к беспрецедентной по своим масштабам интеграции, приведшей к образованию такого важного полюса современного мира, как Европейский союз.

Одновременно с этим в конце 1980-х — начале 1990-х гг. произошло впечатляющее крушение восточноевропейского блока, положившего конец «холодной войне» и вскрывшего провал системы, основанной на огосударственной экономике под контролем тоталитарного государства. Потеряли под собой почву концепции, исходившие из факта разделения мира на два блока с двумя противоположными идеологиями. Огромную популярность как в экономике, так и в политическом плане приобрела идеология либерализма. В ряде случаев дело дошло до навязывания идеи о «невидимой руке

рынка», которая смогла бы — при минимальном вмешательстве со стороны государства — преодолеть перекосы в экономике и даже социальные диспропорции.

На этом фоне так называемые восходящие страны, в том числе Бразилия, сталкиваются с новыми вызовами. Настоятельной необходимостью стало формирование блока латиноамериканских стран. Важным шагом на пути укрепления экономических отношений и культурных связей между этими государствами стал, несмотря на все трудности и тупики, МЕРКОСУР — соглашение между Аргентиной, Бразилией, Уругваем и Парагваем. Если принять во внимание историю соперничества этих стран, которое в случае Аргентины и Бразилии доходило даже до разрыва отношений, то можно оценить значимость пройденного пути.

Если мы обратимся к внутреннему развитию Бразилии, то в любом историческом труде было бы полезно задаться вопросом, до какой степени именно историческое прошлое делает невозможным или почти невозможным преодоление многих сегодняшних трудностей. Комплексный ответ таков: несмотря на негативные факторы прошлого, которые все еще проявляются в настоящем — рабство, клиентелизм, социальная исключенность беднейших слоев населения — все эти, несомненно, трудные препятствия не являются непреодолимыми.

Краткий обзор недавнего периода позволяет идти навстречу будущему с осторожным оптимизмом. Осторожность связана и с тем, что никто не может гарантировать преємственность избранного пути развития, и с осознанием того факта, что наступающие времена всегда несут в себе как хорошие, так и плохие сюрпризы. Если и раньше подобное понимание было верным, то в современную эпоху оно еще более правильно, так как в глобализованном мире и благополучие, и бури во многих случаях приносятся ветрами извне.

В экономическом отношении Бразилия всегда старалась действовать в соответствии с новыми реалиями, открывая свои границы и свою экономику для международной торговли и иностранных инвестиций посредством приватизации, но не только ее одной. Преодолев первоначальный период приспособления, приватизация облегчает доступ населения к получению многочисленных услуг (как, например, ставшей жизненно необходимой телефонной связи).

Вместе с тем стране пришлось столкнуться лицом к лицу с рядом проблем и пересмотреть прежние представления о мнимой

возможности увеличивать до бесконечности госрасходы, прибегая к «чудодейственному» лекарству инфляции. Это привело к тому, что на повестку дня был поставлен вопрос о так называемой «финансовой ответственности», инициировавшей ряд мер в данном направлении, которые действуют как на федеральном уровне, так и на уровне штатов и муниципий.

Было бы неверно думать, как это часто бывает, что правительственная политика приобрела неолиберальные черты, а это, наряду с другими факторами, повлекло за собой (по меньшей мере теоретически) уменьшение роли государства. На деле же государство изменило свою роль; из актора, действовавшего в сфере производства (что имело свой резон в прошлом), оно — более или менее успешно — сосредоточилось на проведении социальной политики и на регулировании деятельности частного сектора в столь чувствительных отраслях, как электроэнергетика, коммуникации и др.

Резкое падение инфляции, достигнутое после долгих лет безумной «инфляционной пляски», произвело оздоровительный эффект далеко не только в финансовой сфере. Стабильные цены освободили наиболее бедные слои населения от подлинного «налога», который в течение месяца «съедал» их зарплаты и делал невозможным какое бы то ни было планирование своего будущего. Хотя все еще сохраняется и неравномерное развитие регионов, и социальное неравенство, вполне реалистичны показатели, свидетельствующие о большем доступе к базовым услугам, образованию, здравоохранению и т.д. И эти достижения должны быть должным образом оценены, что отнюдь не означает, что картина жизни страны должна рисоваться в розовых тонах. Социальное неравенство и, в еще большей степени, социальная исключенность миллионов бразильцев из необходимого для достойного существования минимума (продовольственного и социального пакета. — *Примеч. пер.*) — таковы серьезные проблемы, которые могут быть решены только в среднесрочной перспективе.

Не секрет, что в последние годы угрожающих размеров достигло отсутствие безопасности. Наиболее серьезная проблема заключается в том, что эта ситуация не может быть радикально изменена одним лишь сокращением бедности и безработицы, хотя это и имеет важное значение. Связь между потреблением наркотиков и преступностью как результат общего упадка ценностей породила новое явление, а именно пополнение рядов преступников за счет молодых представителей среднего класса.

Необходимо также напомнить о существовании безработицы, которая обусловлена рядом причин, — таких как внедрение новых, менее трудозатратных технологий, успехи информатики, требующей от работников гораздо более высокого уровня образования. Безработица связана и с замедлением экономического роста как производного от процесса сдерживания расходов и необходимости резко снизить инфляцию.

Проблема безработицы в Бразилии предстает еще более сложной при ее сравнении с ситуацией в той же области в развитых странах, потому что в Бразилии такие защитные меры, как страхование на случай безработицы, абсолютно несравнимы с «социальным зонтиком», т.е. набором социальных благ, которые эти страны обеспечивают своим гражданам. Продолжает сохранять свое значение и проблема социального страхования, в рамках которой сосуществуют сохранение привилегий, с одной стороны, и большая масса работников, которые выходят на пенсию с явно недостаточными заработками, с которых эта пенсия исчисляется (что побуждает их вступать на трудный путь поиска новой работы), — с другой.

Первостепенной целью будущего развития является утверждение демократии и улучшение условий жизни населения. Кратко сформулировать эту цель нетрудно, но добиться ее нелегко, ведь это зависит от благоприятной конъюнктуры и от действий со стороны как государства, так и гражданского общества.

Не отрицая значимости превращения Бразилии в общество «массовой демократии», демократию мы должны понимать все же не только как участие время от времени в выборах. Речь идет о том, чтобы открыть возможности для демократического участия на различных уровнях — от специфических проблем, возникающих на уровне кварталов, до формирования «партиципативных бюджетов»*. Но помимо этого нужно, чтобы повседневное поведение людей способствовало бы сокращению индивидуализма и эгоизма в пользу наращивания общих усилий, развития толерантности, которая подразумевает уважение различий между людьми и различных взглядов.

* В Бразилии накоплен немалый опыт функционирования так называемых «партиципативных бюджетов», т.е. участия населения через организации гражданского общества в формировании местных бюджетов, отслеживании их доходной и расходной части, целевой направленности отдельных статей расходов. Самый яркий пример подобного рода — «партиципативный бюджет» г. Порту-Алегри с конца 1980-х до начала нулевых годов XXI в.

Гражданское общество уже значительно продвинулось по этому пути, способствуя не только осознанию имеющихся проблем, но и — пусть и с неодинаковым результатом — нахождению организационных форм противостояния им. Движения в защиту равенства полов, за права индейцев, против расовой дискриминации, в защиту природы и т.д. говорят сами за себя. Все свидетельствует о том, что эти движения имеют тенденцию к дальнейшему росту и не являются преходящими

Проблемы утверждения и расширения демократии и доступа «исключенных» к полному участию в жизни гражданского общества взаимосвязаны. Демократический режим в нашей стране только тогда обретет условия для превращения в «универсальную ценность», когда он будет увязан с большим благополучием граждан и с перспективой лучшего будущего.

Данная цель отнюдь не находится «на расстоянии вытянутой руки», не может она быть достигнута и путем магического предвидения. Ее достижение зависит от многих факторов, в которых структурные ограничения сочетаются с возможностями действия человека. Было бы иллюзорным рисовать будущее, подобное райским кушам. Но, с другой стороны, ничто не указывает и на то, что Бразилия обречена на неудачу.

История Бразилии продолжается. Вместо послесловия

Итак, книга Бориса Фаусту прочитана, читатель перевернул ее последнюю страницу. Каково же впечатление от проникновения в такой увлекательный, манящий, да и по-своему драматичный сюжет, каким является история Бразилии, представшая перед нами во всей своей полноте?

Начиная читать книгу Бориса Фаусту, мы знакомимся со страной в тот момент, когда ее не было на карте мира и ей еще предстояло открыться взорам португальских мореплавателей, а затем и других европейцев. Вскоре мы, следуя за повествованием бразильского историка, становимся свидетелями того, как формируется колония, как бандейрантес открывают и осваивают новые территории... А затем, «проходя» через строительство и создание государства, через сложнейшие перипетии формирования общества, мы присутствуем при разворачивании 500-летней ретроспективы исторической эволюции страны.

Сегодня же мы открываем для себя Бразилию наших дней — современное демократическое государство, региональную державу, идущую по пути обновления, экономического и социального реформирования, проводящую активную внешнюю политику, играющую весомую и все возрастающую роль на мировой арене, превращающуюся в государство с глобальными мировыми амби-

циями. Не будет преувеличением сказать, что историческая траектория более чем пятивекового развития логически привела народ и общество Бразилии к моменту, когда можно констатировать: «*Aquí começa o futuro*», как говорят бразильцы, или «Здесь начинается будущее», как мы скажем по-русски.

Что же было между этими двумя «точками» бразильской истории? Прямая линия, некий гладкий «накатанный маршрут»? Или сложный, подчас извилистый путь с немалыми препятствиями, противоречивыми проблемами, неоднозначными решениями? Эволюция во главе с безликими вождями или развитие, сама логика которого — прежде всего в XX в. — порождала и выдвигала на первые роли крупных, неординарных лидеров (некоторые из них стали персонажами не только национального, но и континентального и даже мирового масштаба)? И хотя одной из главных черт бразильской истории является *нерадикальный разрыв с прошлым* (примерами как раз радикальных изменений и прерывания прежнего хода событий стали, на наш взгляд, только революция 1930 г. и военный переворот 1964 г.), можно ли говорить о внутренней бесконфликтности бразильской исторической парадигмы?

Ответ на эти вопросы — в самой истории этой замечательной страны, а еще — в прекрасной и глубокой книге, которую читатель держит в своих руках.

Три крупных периода было в политической истории Бразилии — Колония, Империя, Республика. Все они имеют совершенно определенные хронологические пределы: Колония — 1500 — 1822 гг., Империя — 1822 — 1889 гг., Республика — с 1889 г. по наше время. Но интересно, что в «общем потоке» истории Бразилии необычайно велика и роль истории экономической. Историки традиционно считали, что в истории Бразилии до XX в. имели место три крупных экономических цикла — «эпоха сахара» (середина XVI — XVII вв.), «эпоха золота» (конец XVII в. и весь XVIII в.) и «эпоха кофе» (XIX в., к концу которого Бразилия превратилась в крупнейшего мирового производителя кофе). Впрочем, существует и более дробное деление, дополняющее указанное выше — «эпоха красного дерева» (первая половина XVI в.), «эпоха хлопка» (XVIII в.), «эпоха каучука» (конец XIX — начало XX в.). А Борис Фаусту показывает, сколь сложна и непрямолинейна экономическая история страны: возражая против ее схематичного деления на жестко очерченные «циклы», он демон-

стрирует их взаимное переплетение, взаимопроникновение и взаимовлияние.

И еще об экономике. Вообще-то экономическая история есть у каждой страны. Но в Бразилии она приняла по-своему гипертрофированные формы. И произошло это потому, что с самого своего зарождения страна была включена в международные экономические отношения, в мировое экономическое пространство. Даже плантационное рабство вписывалось в процесс генезиса капитализма в Европе, а, следовательно, — и в контекст мировой истории. Что же говорить о XX — начале XXI в.: в наше время Бразилия является уважаемым членом огромного числа международных экономических объединений, союзов и организаций.

Не случайно поэтому и современную дипломатию Бразилии принято характеризовать как «экономическую»: внешняя политика страны во многом ориентирована на экономические результаты. И книга Бориса Фаусту, правомерно уделяя экономической истории не меньшее внимание, чем истории политической, повествует о том, каковы исторические корни этой «экономической дипломатии» сегодняшнего дня, как она формировалась в ходе бразильской истории.

Любопытный факт: Бразилия начала свой исторический путь с сахарного тростника, который в далеком XVI в. перерабатывался на маленьких заводиках «энженью», — а уже в наши дни занимается, как мы читаем в параграфе 4 главы 6, не просто механическим расширением его посадок, но использует его качественно иным способом: производя из него этанол как горючее для автомобилей. Можно улыбнуться этой переключке эпох, а если задуматься серьезно, в этом нельзя не увидеть определенный и весьма глубокий смысл — символ бразильской исторической траектории...

Ведь вот что интересно: читая книгу бразильского историка, мы находим зримые свидетельства того, что история его страны развивалась как бы «по восходящей»: от колонии через получение независимости к империи и далее к республике; внутри республиканского периода — от олигархического сговора к сломавшей его глубокой революции, через смесь популизма и реформаторского национализма к демократическому транзиту; через разочарования и турбулентность переходного периода к консолидации демократии, а затем и к построению современного демократического государства. Все же мы вправе задаться вопросом: свободна ли эта

демократия (если говорить о демократии) от исторических напластований (например, клиентелизм в его «бразильской форме» коронелизма и т.д.)? Конечно, нет. Несет ли она в себе слабости и недостатки, а подчас и изъяны сегодняшнего дня? Конечно, да. Но нельзя не признать: развитие, пусть и не триумфальной беспроblemной поступью, но идет «вперед и вверх»; демократия развивается, ищет новые формы выражения, стремится стать средством решения таких задач, как стабильность, контролируемый рост, «социальная включенность» (т.е. включение всех слоев населения в экономическую жизнь и гражданское общество) и устойчивое развитие, способное обеспечить функционирование информационного общества и экологическое равновесие. То есть демократия стремится соответствовать главным чертам бразильской модели модернизации наших дней.

И в этом — четко выраженный поступательный ход бразильской истории.

* * *

Книга Бориса Фаусту относится к числу наиболее эмблематичных, знаковых произведений национальной бразильской историографии. И в системе среднего образования, и в университетах ее рекомендуют как крупную, значимую работу, а уж будущие историки знакомятся с ней обязательно. «Новое дыхание» книга приобрела в апреле 2013 г., когда образовательный канал бразильского телевидения «Телевидение для школьников» запустил несколько серий под названием «История Бразилии в изложении Бориса Фаусту», где сам историк в кадре повествует о главных этапах эволюции страны на фоне богатого документального и видеоряда, наглядно иллюстрирующих его рассказ. Таким образом, «озвученная» автором и снабженная уникальными документальными кадрами, книга получила свою вторую жизнь...

* * *

Б. Фаусту назвал свою работу «Краткая история Бразилии». Она написана на базе его же полной «Истории Бразилии», впервые изданной автором еще в 1994 г. «Краткая история» — сжатое и в силу этого в высшей степени насыщенное повествование о ходе и перипетиях национальной истории страны. Эту «сжатость»

почувствовали мы, переводчики, ощутив в полной мере внутреннюю напряженность текста, даже своего рода пассионарность, отвечающую самому предмету исследования. Подобно тому как невидимая «пружина» постепенно разжимается и заставляет раскручиваться повествование, как разматывается туго смотанный клубок, так и текст Бориса Фаусту неотрывно ведет за собой читателя, в некоторых местах напоминая «детективную историю»: даже когда точно знаешь, что будет впереди (ведь это «впереди» уже давно закончилось и всем известно), ждешь с напряженным вниманием — чем закончится этот рассказ?.. Особенно это чувствуется в главах, посвященных истории XX в., где ход событий действительно приобрел новое ускорение.

* * *

Работа Бориса Фаусту — еще одно свидетельство того, что история Бразилии — неисчерпаемая и интересная тема, благодатное поле для исследования. Нет сомнения в том, что многообразный опыт Бразилии, прежде всего в области модернизации и развития, обогатил мировую историю и цивилизацию. Являясь неотъемлемой частью всемирной исторической эволюции, Бразилия, с одной стороны, продемонстрировала свою сопричастность ее общим тенденциям, а с другой — предложила модели и парадигмы, весьма отличные от «магистральных», хотя и подтверждающие, подчас парадоксальным образом, нахождение страны в общем контексте мировых процессов. Особенности исторической эволюции Бразилии поставили перед учеными множество проблем, носящих спорный характер и требующих дальнейших изысканий.

Если обратиться к новейшей истории Бразилии, то мы увидим, что и в ней накопилось немало вопросов. Как трактовать характер революции 1930 г. и политику Варгаса, наложившую отпечаток на весь ход современного развития страны? Как оценивать саму личность Варгаса, кто он — авторитарный диктатор, сторонник политики «жесткой руки», харизматический лидер, популист, демократ, националист-реформатор или все это сливается в его облике воедино, выступая теми или иными гранями на разных этапах его деятельности? Что такое бразильский национализм как мощнейшее идеологическое направление, определявшее политическую жизнь страны и в 1930-е гг., и в первые десятилетия после Второй мировой войны? Как выглядит сегодня сочетание национализма и

неолиберализма, либеральных теорий экономического роста и неокейнсианских концепций роли государства? Какую роль в давней и недавней истории Бразилии сыграл популизм?

А участие Бразилии во Второй мировой войне? Ведь это далекое от бурь и кровопролитных сражений государство, отгороженное океаном от европейского и мирового конфликта, могло спокойно решать собственные (и немалые) задачи, укрывшись бархатной сенью пальм и наслаждаясь мерным шумом океанского прибоя. Однако же что-то заставило Варгаса (того самого Варгаса, который, как пишет Б. Фаусту, искусно лавировал между воюющими сторонами, «стремясь извлечь выгоды» для модернизации экономики страны) принять историческое решение об отправке экспедиционного корпуса в далекую Италию (Бразилия стала единственным латиноамериканским государством, воевавшим с нацистами на европейском театре военных действий), превратив тем самым Бразилию в активного участника антигитлеровской коалиции? Приняв это поистине смелое в тех обстоятельствах решение, преодолев былые (и, надо признать, весьма сильные) колебания, Варгас показал себя крупным государственным деятелем, сделавшим ставку на отказ от союза со странами «оси». Этот малоизвестный, к сожалению, в России, но, однако же, интереснейший эпизод бразильской истории показывает, как на крутых поворотах истории найти свое место в концерте мировых держав, как разглядеть, что в роковые для всего человечества минуты подлинно национальные и долгосрочные интересы страны кроются не в тихом выполнении «домашних дел», а в слиянии с глобальными «требованиями момента», в выступлении единым фронтом против общего врага.

А совсем уже современная, разворачивающаяся на наших глазах история Бразилии?

За почти три десятилетия развития в рамках демократического режима (1985—2013) страной накоплен огромный опыт модернизации и обновления политических институтов, консолидации и структурирования самого гражданского общества. В чем же особенности демократического транзита и каковы черты современного демократического режима в Бразилии? В чем причины того, что бразильское общество сумело преодолеть сложности пути, этапами которого были и отказ от наследия военных, и попытки решения проблем экономической и социальной модернизации на путях «шоковой терапии», и последовавший крах экономики, и возобновление развития на базе дрейфа к социал-демократическим ре-

цептам, и, наконец, четко выявившаяся общественная потребность в альтернативе неолиберализму и в проведении радикальных перемен, воплотившаяся в победе на президентских выборах 2002 г. — и вновь подтвержденная на выборах 2006 г. — лидера крупнейшей левой партии Бразилии? Что представляют собой современные бразильские левые, каков драматический вызов, на который они должны были ответить своей политикой, в чем суть «бразильской развилки» латиноамериканского «левого поворота»*, ставшего с конца XX в. знаменательным явлением политической жизни огромного континента? Бразильские реалии последнего времени дают ответы и на эти вопросы.

О чем же еще говорит нам история Бразилии?

Как ни парадоксально, но она может служить своеобразной иллюстрацией... учебника политологии. Ведь эта страна являет собой уникальную «историческую лабораторию», на примере которой можно изучать многие феномены мирового исторического процесса. И действительно: каких только политических режимов не было здесь в одном только XX в. (и большинство из них показаны в книге): и авторитаризм (с его разновидностями в виде военно-бюрократического режима 1964—1985 гг., а также режима корпоративистско-авторитарного типа в годы первого правления Варгаса в 1930—1945 гг.), и различные модели демократии — начиная с так называемой «элитарной демократии» периода «олигархической Республики» конца XIX — начала XX в., через демократию «национал-реформистского типа» — второе правление Варгаса (1951—1954), правление Куадруса (1961), Кубичека (1956—1960), Гуларта (1961—1964) — и вплоть до современной демократии, включая опыт партисипативной, плюралистической, «развивающей демократии», в той или иной степени применявшийся в стране в поставторитарный период.

* * *

* Так называют масштабный процесс, который развернулся в Латинской Америке в конце 1990-х — начале 2000-х гг. В результате к 2010 г. в 14 странах региона у власти стояли левые или левоцентристские правительства (в ряде стран выбор был подтвержден неоднократно). «Новые», или «современные», левые не отрицают рыночную экономику и проводят макроэкономическую политику, приоритетами же для них являются решение социальных проблем, ликвидация нищеты, сужение сферы бедности.

...Закончив читать книгу Бориса Фаусту, мы обнаруживаем, что событийная история доведена в ней до 1994 г., когда на президентских выборах победил один из самых крупных бразильских политиков новейшей истории Фернанду Энрики Кардозу. Эти события, однако, изложены в книге достаточно бегло, а само правление Кардозу и последовавшие за ним дальнейшие события — приход к власти лидера левой оппозиции Луиса Инасиу Лулы да Силвы (Лулы), его восьмилетнее правление, деятельность нынешнего президента Бразилии Дилмы Руссефф — остались за рамками повествования. Вместе с тем представляется, что читателю было бы интересно узнать о них: это слишком важные периоды современной бразильской истории, чтобы их можно было бы обойти молчанием. Попытаемся кратко, отдельными штрихами наметить основные этапы развития страны после 1994 г.*

Начнем с того, чем заканчивается изложение Бориса Фаусту: Ф.Э. Кардозу победил на президентских выборах 1994 г., и во многом эта победа была обусловлена успешным претворением в жизнь «плана Реал», запущенного за несколько месяцев до выборов.

Можно считать, что «эра Кардозу» началась еще до этой победы. Уже в октябре 1992 г. он стал министром иностранных дел, а затем экономики в правительстве Итамара Франку и начал реализацию разработанного им «Плана Реал», заработавшего в полную силу с июля 1994 г. Избрание данной точки отсчета абсолютно справедливо: «план Реал» радикально и к лучшему изменил лицо бразильской экономики, позволил сбить грандиозную инфляцию, укрепил национальную денежную единицу, после чего последовало триумфальное избрание Кардозу на пост президента уже в первом туре выборов в октябре 1994 г.

«Победа будущего над прошлым» — так назвал победу Кардозу на президентских выборах 1994 г. известный французский социолог А. Турен. В то время можно без преувеличения сказать, что с избранием в 1994 г. на пост президента страны крупного ученого-социолога и экономиста с мировым именем, видного политическо-

* Отсылаю заинтересованного читателя к подробному изложению истории демократического режима в Бразилии, в частности, правления Ф.Э. Кардозу и Лулы: *Окунева Л.С.* Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-Е гг. — 2006 г.). М.: МГИМО-Университет, 2008. О Дилме Руссефф см.: *Окунева Л.С.* Дилма Руссефф — первая женщина-президент в истории Бразилии // Латинская Америка. 2011. № 1.

го деятеля, лидера Партии бразильской социал-демократии, в современной политической истории Бразилии была перевернута новая страница.

Надо иметь также в виду настроения тогдашнего бразильского общества. Ведь в своем «историческом багаже» оно имело богатый опыт переворотов и вмешательства военных в политику. И, несмотря на это, общество сумело в строго конституционных рамках преодолеть острейший кризис, связанный с импичментом предыдущего президента Ф. Коллора. Ни «шоковые уроки» Коллора, ни многочисленные свидетельства коррупции высших государственных чиновников, ни неспособность двух первых (после ухода военных) гражданских правительств справиться с кризисом — ничто не смогло, в конечном счете, отвлечь общество в целом от развития по избранному пути. Внутри общества вызрели мощные демократические потенции, в полной мере выстраданные им и в годы диктатуры, и во времена хаоса, разочарований и пессимизма, политической и экономической нестабильности.

В среде политиков и интеллектуалов с нарастающей силой пробивала себе дорогу идея о гораздо большей совместимости с бразильской действительностью социал-демократических рецептов реформирования как экономики, так и социальных отношений. Многие бразильские ученые, в том числе и сам Кардозу, в течение долгих лет стремились разрабатывать такие проекты национального развития, которые сочетали бы в себе потребности модернизации и усиления эффективности экономики путем большего высвобождения рыночных начал, с одной стороны, с жизненной необходимостью укрепления демократии, наполненной социальным содержанием, — с другой.

В социальной и политической плоскостях социал-демократическая модель привлекала видных бразильских политиков прежде всего потому, что предполагала вовлечение в политическую жизнь широких масс, ориентацию их на выход из кризиса на путях институциональных решений. Бразильцы (и не какие-то отдельные слои, а именно общество в целом) сделали собственный выбор самым фактом избрания своим лидером убежденного сторонника модернизации и экономического развития с сильным социальным компонентом. И именно поэтому победа социал-демократа Кардозу на президентских выборах 1994 г. стала глубоко символичной.

Кардозу воплотил в себе тип *президента-ученого*. Он был автором многих работ по проблемам социологии развития, авторита-

ризма, демократии, экономического развития Бразилии. Концептуальное наследие Кардозу, подготовленное всей его жизнью ученого-аналитика и политического деятеля, в огромной степени определило его президентскую экономическую, социальную, политическую стратегию. Он никогда не разделял две роли в своей органичной деятельности: исследователя, чья многолетняя интеллектуальная, академическая работа сформировала его политические убеждения, и политика, опиравшегося на собственный опыт ученого, досконально изучившего глубинные пружины экономической и социальной жизни собственной страны.

Для Кардозу всегда существовала тесная взаимосвязь между императивами экономического развития и социальными реформами. Он всегда полагал, что бедность, нищета, низкое качество жизни являются серьезными препятствиями как на пути модернизации и включения в сообщество цивилизованных государств, так и на пути демократической консолидации общества. В январе 1990 г. он, тогда еще лидер сенатской фракции Партии бразильской социал-демократии, говорил автору этих строк: «Главная проблема Бразилии — социальное неравенство. Удастся нашим политикам решить ее, уменьшить зияющую социальную пропасть, разрывающую страну на две части, приблизить наиболее обездоленную (и наиболее многочисленную) часть населения к человеческим условиям существования — будет обеспечен мощный прорыв Бразилии в XXI в., не удастся — груз социальных проблем потащит нас назад». Как бы подтверждая эти мысли, являющиеся неотъемлемой частью его социальной концепции, Кардозу заявил после победы на выборах 1994 г.: «Бразилия — это не слаборазвитая страна. Это несправедливая страна».

Его слова облетели всю мировую прессу. Они стали своеобразным эпиграфом к правлению человека, их произнесшего. Но не только в этом их значение. Они, по существу, обозначили собой содержание всего того длительного, долгосрочного периода (выходящего далеко за рамки президентства одного политика), в который Бразилия вступила и который ей еще предстояло пройти.

Специальное внимание Кардозу уделял проблеме государства и необходимости его реформирования. Он считал, что государство следует реформировать таким образом, чтобы оно, уйдя из экономики, усилило бы свои социальные функции, осуществляя социальные преобразования в сфере здравоохранения, образования, транспорта, социального обеспечения, т.е. там, где действия «рын-

ка» обречены на провал: «Рынок решает некоторые проблемы, но не проблему нищеты. Если накапливается определенная масса нищеты, рынок просто оставляет ее "за рамками". Нужно вмешательство государства». Именно в этом, по мысли Кардозу, и должна состоять новая роль государства, особенно в такой стране, как Бразилия, с ее сильными социальными диспропорциями и контрастами. «Достичь развития и социальной справедливости» — такую цель ставил перед собой Кардозу на посту президента Бразилии.

Большое место в трудах Кардозу было уделено пониманию современной демократии. Он писал о необходимости широкой «социальной включенности» населения — в противовес идущим процессам «исключения» обширных социальных групп и слоев из жизни общества. Одна из основополагающих идей Кардозу — мысль о тесной взаимосвязи демократии и социального реформирования — высказывается им и сегодня: «Для того чтобы быть стабильной, демократия должна быть эффективной в сокращении массовой бедности и социального неравенства. Либеральные принципы могут быть действенными, только если они основаны на устойчивом стремлении к ограничению бедности и неравенства...»*

Труды Кардозу стали несомненным вкладом в теорию и практику мировой социал-демократии.

Итак, президентом Бразилии стал человек, хорошо знавший свою страну, четко осознававший пути и векторы необходимых перемен. Но означало ли все это, что в годы его президентства процесс реформирования в Бразилии протекал бесконфликтно? Во все нет. Решение социальных вопросов, умение найти оптимальное соотношение между «экономическим» и «социальным» — это, пожалуй, самое сложное в деятельности тех, кто стремится трансформировать общество; это то поле деятельности, где, по словам самого Кардозу, реформаторам еще «предстоит воевать» (кстати сказать, это продемонстрировало и правление следующего президента — Лулы). Процесс глубокого экономического реформирования, обновления политической структуры Бразилии разворачивался в обстановке острой политической борьбы, жарких дискуссий и столкновения мнений, критики правительства со стороны набиравшей силу левой оппозиции.

* Чтобы быть стабильной, демократия должна быть эффективной в сокращении массовой бедности и социального неравенства / Интервью Ф Э Кардозу журналу «Свободная мысль» // Свободная мысль 2010 № 1 С 37

Итак, Кардозу предложил обществу следующее. С одной стороны, — экономическая и политическая модернизация, дальнейшее высвобождение рыночных механизмов от сдерживающих факторов, реформа государства, интенсивный экономический рост при жесткой антиинфляционной политике, курс на открытость экономики и на более глубокое включение в мирохозяйственные связи — т.е. ярко выраженная рыночная устремленность экономической стратегии. Она должна была сочетаться, с другой стороны, с не менее ярко выраженной решимостью распутать узел острейших социальных проблем, придать импульс развитию здравоохранения, образования и системы социального обеспечения, сократить разрыв между двумя социальными полюсами. Эти краеугольные положения программы нового президента отвечали на вызовы времени и соответствовали коренным интересам бразильского общества.

И вместе с тем жизнь показала, что пока не придумано таких «весов», на которых можно было бы сбалансировать все «плюсы» и «минусы» сложнейших феноменов и процессов, имеющих место в ходе экономических реформ. Задумаемся: ведь «План Реал» был жизненно необходим Бразилии — без ликвидации инфляции, как и без интеграции в глобальную экономику, нельзя было и мечтать о модернизации страны. Вместе с тем фактом является и то, что инструменты экономического реформирования были, конечно же, неолиберальными по своему характеру (да и не могли быть иными). Они включали в себя приватизацию, открытие рынков, либерализацию внешней торговли и банковской деятельности, широкий доступ иностранного капитала и др. То есть парадоксальным образом получалось так: хотя «эра Кардозу» была отрицанием неолиберального экономического проекта Коллора, объективно неолиберализм являлся важной составляющей курса Кардозу. Это создавало почву для обвинений со стороны левой оппозиции.

Важнейшим направлением деятельности Кардозу стала реализация пакета непосредственно социальных реформ. Собственно говоря, именно в этом и состояла попытка президента совместить, «примирить» рыночный (и в силу этого «неолиберальный») характер экономической стратегии с решением острых социальных проблем. В целом за годы его правления было осуществлено около 50 социальных программ. Помимо традиционных планов по развитию образования и здравоохранения, правительство ввело в прак-

тику программы адресной поддержки наименее обеспеченных семей и решения конкретных социальных задач. Крупнейшим таким проектом стала программа «Солидарное содружество», позволившая значительно сократить нищету и улучшить многие социальные показатели.

Однозначно позитивными стали также укрепление демократического правового государства и восстановление неотъемлемых прав личности, включая решительные действия по выяснению судьбы «пропавших без вести» в годы правления военных, борьба с преступностью и ростом насилия. Консолидация демократии в годы правления Кардозу — непреложный и неоспоримый факт, крупное достижение режима.

Наряду с этим практическая реализация идеи глубинных, *структурных* реформ с самого начала столкнулась с большими трудностями. Социальная обстановка была отнюдь не безоблачной и бесконфликтной. Глубокое реформирование общества не могло проходить в «комфортных условиях» политического «равновесия», предоставляющего политикам полный «карт-бланш» на проведение трансформаций. Президент Кардозу сразу же столкнулся с обострением социальной ситуации.

Причины этой напряженности были двоякими: с одной стороны, трудящиеся чувствовали себя вправе предъявлять требования к правительству, провозгласившему социальные приоритеты, а с другой — население было недовольно тем, что правительство прекратило индексацию зарплат и не стало повышать их минимальный уровень (и то, и другое было мерами, необходимыми для борьбы с инфляцией). Начались и забастовки: опасения трудящихся, занятых на государственных предприятиях, были далеко не беспочвенными. После принятия соответствующих конституционных поправок волна приватизации захлестнула многие крупные предприятия, в том числе и те, которые были символами бразильской индустриализации, созданными еще в эпоху Варгаса, когда «национальное государство» мыслилось в качестве могущественного «локомотива», способного вывезти экономику к процветанию. Именно такими символами были металлургический комбинат «Вале ду Риу Досе», национальная телекоммуникационная компания «Телебраз» и др.

Возникали все новые и новые противоречия. Предложенные кабинетом административная и налоговая реформы, реформа социального обеспечения, включая пенсионную, изменения в политикопартийной и избирательной системах находились в фокусе острой

полемики, натолкнувшись в конечном счете на препятствия и в ходе прохождения в парламенте, и в ходе практической реализации.

Все это стало серьезным вызовом правительству.

Приближались очередные президентские выборы. В 1997 г. Конгресс одобрил поправку о возможности переизбрания президента на второй срок, взамен сам мандат был сокращен до четырех лет (вместо имевшихся пяти). Это открыло Кардозу возможность для повторного выставления своей кандидатуры.

На выборах 1998 г. в третий раз вступил в борьбу Лула. Он принял это решение после долгих колебаний: за плечами уже были два тяжелых поражения в президентских кампаниях 1989 и 1994 гг. Однако его главным аргументом в пользу участия в борьбе стала необходимость удержать возглавляемую им крупнейшую оппозиционную левую Партию трудящихся (ПТ) на общенациональной политической арене, чтобы обеспечить победу левых в будущем, при более благоприятном политическом раскладе. В итоге Лула получил почти на 5% больше голосов, чем в 1994 г. (31,7% в 1998 г. против 27,1% в 1994 г.).

Но, конечно, в целом исход выборов оказался практически predetermined: эффект «Плана Реал» был далеко не исчерпан и вполне действенен, что и означало победное избрание на второй президентский срок его автора. Хотя «план Реал» и не решил коренным образом проблем бедности, его выдающееся значение состояло в том, что он положил конец многолетней печально известной «визитной карточке» Бразилии — инфляции, с которой не мог совладать ни один из предшествующих антиинфляционных планов и которая, как известно, «бьет» прежде всего по самым бедным и социально незащищенным слоям населения. Тем самым «план Реал» стал ярким проявлением того, как *финансово-экономический* план может приобрести четко выраженный *социальный* характер.

Второй президентский мандат Кардозу разворачивался в обстановке целого ряда кризисов: финансового (январь 1999 г.), энергетического (2001), а также политического (2001 — 2002). Последний к тому же подпитывался коррупционными скандалами. Левая оппозиция, прежде всего ПТ, подвергала каждый шаг президента острой критике. Влияние этой партии неуклонно возрастало, росли симпатии к ее лидеру Луле. Именно в лице ПТ значительная часть бразильцев стала усматривать альтернативу сложившейся ситуации, и именно эта партия олицетворяла в их глазах стремление общества к переменам.

Так чем же была для Бразилии «эра Кардозу»?

Начало его правления ставило вопрос: возможно ли совместить в рамках одного политического курса неолиберализм в экономике, с одной стороны, и реализацию широких социальных программ, деятельность в духе социал-демократической доктрины — с другой? И 34-й президент Бразилии попытался ответить на этот вопрос, проводя глубокое социальное реформирование в условиях антиинфляционной макроэкономической стратегии. А затем сама жизнь продемонстрировала крайнюю сложность и проблематичность подобного совмещения даже в случае, когда сами реформы востребованы и «выстраданы» обществом. В годы второго мандата Кардозу экономический либерализм стал заметно превалировать над социальным реформированием. В результате из двух равновесных компонентов стратегии Кардозу социальная составляющая (при наличии бесспорного продвижения на этом пути и немалых достигнутых результатах) оказалась принесена в жертву макроэкономике.

...А общество, впрочем, шло «дальше, дальше, дальше». Сама логика эволюции, нерешенность жгучих проблем — бедности, нищеты, голода, маргинализации — и постоянное и нараставшее давление мощной левой политической культуры, левых настроений, сильных левых партий и движений подталкивали его к еще более радикальному выбору. Отвергнув неолиберальный экономический курс предыдущей администрации, общество высказалось за иную, альтернативную стратегию развития. 27 октября 2002 г., во втором туре президентских выборов, Лула одержал убедительную победу, получив 61,3% голосов. К власти демократическим путем пришло правительство левых. Для самой Бразилии это стало крупнейшим событием новейшей истории. Но и в масштабах всего латиноамериканского континента подобная ситуация (вкупе с победой Лулы на следующих выборах — 2006 г. — и началом его второго мандата) превратилась в один из главных рычагов упомянутого выше «левого поворота».

Новым в этой истории было всё — и в первую очередь, личность президента. Только что закончил свое правление «президент-ученый», утонченный интеллектуал, профессор ведущих мировых университетов — а на смену ему пришел президент-рабочий. Контраст был ошеломляющим...

Впервые за 500 лет бразильской истории правление традиционных элит оказалось прервано. Первым лицом государства стал

выходец из беднейших слоев населения — «исключенных», «чужих в собственной стране». И этот человек — рабочий-металлист, впоследствии руководитель синдикалистского движения — превратился в одного из крупнейших народных лидеров, в наиболее значимый символ левых в Бразилии и во всем мире, наконец, в президента крупнейшей страны континента.

Лула родился и жил среди тех, чьим уделом было беспросветное существование; так жили миллионы людей, не находивших в себе силы вырваться за его пределы. Он же — и об этом свидетельствует история его жизни — сумел радикально изменить не только собственную судьбу, но и жизнь этих миллионов. Сын мигрантов, ребенком вместе со своей семьей пересекший в грузовичке страну с севера на юг, начавший работать с детских лет, не имевший возможности учиться, он сумел сделать рывок, чтобы вырваться из «культуры бедности», частью которой он был, и перейти в «культуру перемен», предложив, как писали исследователи, «проект более справедливого и демократичного общества». Самой своей жизнью Лула рассказывал простым людям историю Бразилии. Все они, познавшие нищету, миграции, репрессии, были безгласны и неизвестны. Именно в лице Лулы они впервые заговорили во весь голос. Именно Лула стал для них легендой, воплощением их мечты.

В свой звездный час, выступая в Конгрессе после триумфального вступления в должность президента 1 января 2003 г., Лула вспомнил свою жизнь — «жизнь переселенца с Северо-Востока, мальчика, который торговал земляными орехами и апельсинами у пристаней Сантуса, который стал токарем и профсоюзным лидером, а затем основал Партию трудящихся и поверил в то, что делает, а ныне занял высший пост в государстве»...

...В 1966 г., в разгар военного режима, Лула начинает работать на заводе, затем вступает в синдикалистское движение и очень скоро становится председателем профсоюза металлургов Сан-Бернарду-ду-Кампу и Диადемы («треугольника ABC») — индустриального пояса Сан-Паулу, где были сосредоточены наиболее современные машиностроительные, металлургические, химические предприятия Бразилии.

В ту эпоху Бразилия стала ареной развертывания интереснейших политических феноменов. Например, здесь возникает так называемый «новый синдикализм» — течение, пытавшееся вырвать профсоюзы из пут клиентелизма, столь характерного для соци-

альных отношений эпохи правления военных. Лула возглавил эту борьбу. Он отстаивает интересы рабочих, выдвигает лозунги достойной зарплаты, гарантий занятости, улучшения условий труда, обсуждает вопросы возрождения забастовочной борьбы, воссоздания запрещенного военными единого профцентра. Именно тогда устанавливаются контакты с оппозиционными политиками, священниками — приверженцами «теологии освобождения», широким спектром представителей левой интеллигенции. Весной 1978 г. Лула возглавил первую за время военной диктатуры забастовку рабочих — автомобилестроителей в «треугольнике АВС» (за ней последовали и другие мощные выступления трудящихся, в конечном счете переломившие хребет военного режима), в которой участвовали около 400 тыс. человек. Именно тогда его имя стало известно всей стране.

В 1980 г. Лула участвует в создании принципиально новой партии в истории Бразилии — Партии трудящихся, а затем его избирают ее председателем. В его жизни начинается новый этап.

Партия трудящихся была совершенно новым явлением в политической жизни не только Бразилии, но и в мировом масштабе, в сообществе традиционных левых партий того времени. Партия возникла как союз различных течений — от ультралевых до социал-демократических и умеренных. Немалое воздействие на идеологию ПТ оказали концепции и борьба польской «Солидарности». Построенная с самого начала на демократической и плюралистической основе, ПТ не принимала идеи «традиционного коммунистического движения», возникнув в идеологическом плане именно в качестве противовеса традиционному «догматическому коммунизму»; при этом марксизм ею не только никогда не отвергался, но, напротив, многие из составляющих партию течений считали себя марксистскими, а «подлинный», «автохтонный» марксизм — своей идеологией.

В 1982 г., когда были восстановлены прямые выборы губернаторов, Лула балотируется на пост губернатора штата Сан-Паулу и занимает четвертое место по количеству поданных голосов — свыше 1 млн. Это был серьезный успех для кандидата только что созданной партии. В 1983 г. он участвует в создании Единого профцентра трудящихся (КУТ), стоит у истоков движения за прямые президентские выборы.

ПТ внесла крупнейший вклад в дело эрозии военного режима и в процесс вызревания демократии. В 1985 г. в истории Бразилии

наступает новый политический цикл: уход военных и передача власти гражданскому правительству. Начинается эпоха «демократического прорыва». В 1986 г. Лула избран депутатом Учредительного собрания, призванного разработать новую, демократическую конституцию.

В 1992 г. Лула в качестве председателя ПТ возглавил кампанию по объявлению импичмента президенту Коллору, обвиненному в финансовых махинациях и причастности к коррупции. В 1993 г. он — лидер общенациональной кампании по борьбе с голодом, инициатор движения «Караваны гражданского общества», обошедшего тысячи километров и показавшего всей стране антигуманные условия жизни огромной части населения.

Так Лула рос как лидер и как политик. К выборам 2002 г. он подошел, имея за плечами опыт участия в трех президентских кампаниях. Проиграть в четвертый раз он не мог. И его триумф стал триумфом большинства.

Идя в авангарде борьбы, выступая с радикальными лозунгами, Лулы вместе с тем менялся. В ходе выборов 2002 г. он уже по-иному рассматривал «проблему власти», чем это было в 1989 г.: радикализм уступил место прагматизму. Лула посвятил большую часть своей предвыборной кампании работе именно с предпринимательскими организациями, убеждая их в том, что он не собирается делать резких шагов в экономической сфере. Он в полной мере продемонстрировал умение договариваться с различными слоями общества, учитывать многообразные интересы, в хорошем смысле слова лавировать, «идти по лезвию бритвы».

«Надежда победила страх» — эти слова стали лейтмотивом заключительного этапа кампании Лулы. Его победа привела общество в состояние эйфории. Надежды и ожидания были огромны. «Надежда» и «история» — вот два слова, которые в те дни повторяли чаще всего, говоря о Луле. «Приход Лулы означает наступление новой эры в Бразилии», — писали национальные газеты. Восторженными статьями «Да здравствует Бразилия!», «Удачи тебе, Лула!» отозвалась 1 января 2003 г. европейская пресса.

И с замиранием сердца все ждали — буквально по часам и по минутам — когда же свершатся те преобразования, которых так долго ждали...

Приняв присягу президента, Лула стал действовать. Прежде всего это касалось проекта «Нет голоду» — центрального пункта его предвыборной программы. Ведь главным лозунгом и главным

предвыборным обещанием Лулы были слова: «Я буду счастлив, если к концу моего президентства каждый бразилец сможет питаться три раза в день». Лула подчеркнул: «Многие слои общества могут подождать еще один месяц, еще один год, но те, кто голодает, не в состоянии ждать больше ни одного дня».

И вот 9 января 2003 г., через 8 дней после инаугурации президента и 7 дней после вступления в должность членов кабинета, все новое руководство страны практически в полном составе выехало в отдаленные фавелы. В сопровождении 30 министров Лула предпринял поездку по самым бедным и заброшенным уголкам огромной страны. Он обещал этим людям приехать к ним в случае своей победы — и он сделал это. Были избраны три территории — места, где, по словам журналистов, люди живут в нечеловеческих условиях: фавела Ирма Дулсе с населением 30 тыс. человек в г. Терезина (штат Пиауи, Северо-Восток), фавела Бразилиа Теймоза, где жилища построены на сваях и смываются морем (близ Ресифе, столицы северо-восточного штата Пернамбуку), ряд фавел близ г. Итинга в штате Минас-Жерайс. Члены кабинета были потрясены увиденным. По словам тогдашнего министра национальной интеграции Сиро Гомеса, человек, ранее не знавший эти места и впервые увидевший обстановку голода и унижений, в которой живут люди, «уже никогда не сможет оставаться прежним»...

А уже 3 февраля Лула провозгласил программу «Нет голоду», поставив искоренение голода и нищеты, снижение вопиющего социального неравенства в разряд жизненных, главнейших национальных задач. Ведь в Бразилии на тот момент недоедало около трети населения, половина сельского населения имела доход в 1 долл. в день, а в целом насчитывалось, по разным оценкам, от 44 до 46 млн голодающих.

Программа «Нет голоду» стала первым политическим решением Лулы и была названа им поистине «исторической задачей». Гражданское общество, предпринимательские элиты с энтузиазмом поддержали данную программу: в момент ее объявления 87% населения высказалось «за» и заявило о готовности внести свой вклад в ее реализацию.

Другой крупнейшей социальной программой стала «Болса Фамилиа» («Семейные пособия»), предусматривавшая сокращение уровня бедности, создание новых рабочих мест. Эта программа — долговременного действия, она продолжается и сегодня.

Программы «Нет голоду», «Болса Фамилия» и другие социальные инициативы правительства сыграли важную роль в деле преодоления социального неравенства и немало способствовали уверенному (с большим превышением по сравнению с основным соперником) переизбранию Лулы в 2006 г. на второй президентский срок. Даже повергшая в глубокий психологический шок всю страну серия коррупционных скандалов, связанных с его ближайшим окружением, в результате чего свои посты были вынуждены покинуть первые лица ПТ и кабинета, не смогла «перебить» эффекты успешной социальной политики.

Основной целью второго мандата Лулы (2007 — 2010) стал подъем экономики. Были заявлены новые социально-экономические проекты, прежде всего «Программа ускоренного экономического роста», в которой рост экономики рассматривался как главное средство активизации социальной политики и стимул наращивания социальной инфраструктуры. В соответствии с «Программой» были реализованы крупные проекты в области инфраструктуры (строительство дорог, аэропортов и портов), осуществлены крупные инвестиции (как государственные, так и частные) в энергетику, строительство жилья и здравоохранение. На фоне ускорения экономического роста приоритетом продолжали оставаться социальные проекты — прежде всего в области образования, а также поддержания общественной безопасности, состояние которой вызывало многочисленные нарекания. Борьба с бедностью и неравенством и усиление роли образования — таковы были ключевые аспекты социальной политики второго президентства Лулы.

Когда в 2007 — 2008 гг. на континентальном шельфе были открыты внушительные запасы нефти, Лула объявил: доходы от них массированно пойдут на расширение социальных проектов.

Но правление Лулы, особенно в его первый президентский срок, происходило не в безвоздушном пространстве. Как и в «эпоху Кардозу», трудно шли преобразования в сфере социального обеспечения, пенсионная реформа, имелись неудачи в сферах здравоохранения и образования, наступил и «кризис отношений» правительства с рядом организаций гражданского общества. Было и разочарование, проявившееся в далеко не победных для ПТ итогах муниципальных выборов 2004 г. (а именно местные выборы являются в Бразилии «пробой сил» ведущих политических партий и их лидеров перед очередной президентской гонкой, свое-

образной «лакмусовой бумажкой», показывающей основные тренды развития политических процессов).

На начальном этапе правления левых, в 2003 — 2004 гг., и рядовые члены ПТ, и некоторые ее «отцы-основатели», и участники социальных движений ожидали быстрого улучшения положения, более радикальных реформ и главное — перемен. Ведь слово «перемены» было главным в кампании Лулы. Они, несомненно, имели место, но, возможно, шли не такими быстрыми темпами, не столь радикально меняли положение дел. И вот, чувствуя себя обманутыми, низовые организации ПТ резко критиковали Лулу, обвиняя его в «предательстве интересов народа», «забвении предвыборных обещаний». Острейшая идейная полемика сопровождала практически весь первый президентский мандат Лулы.

Эти споры — не досужие словопроения. В них воплотились многие «проклятые вопросы» реформирования общества, характерные отнюдь не только для Бразилии, а общие для многих стран, переживающих схожий этап социального «переформатирования».

И действительно, что же оставалось делать левому правительству? Надежды и ожидания общества были беспрецедентно велики. Так что же, разорвать отношения с глобальной экономикой, выйти из международных финансовых организаций? Ведь именно этот лозунг был начертан на знаменах ПТ, когда она находилась в оппозиции. Но если лишиться иностранных инвестиций, то за счет чего взять средства (и немалые) для проведения социальной политики — основного требования масс и главнейшего обещания левых? Прибегнуть к внешним кредитам — но это означает снова вступить в порочный круг зависимости. Начать печатать банкноты — но это вернет с таким трудом побежденную инфляцию. Ну, а если, напротив, полностью идти на поводу у собственных банкиров и бизнесменов, то тогда будет потеряно главное: поддержка со стороны низов общества — тех, кто и обеспечил приход левых к власти. Мучительные вопросы, сомнения... Узкое поле для маневра, путь «между Сциллой и Харибдой»...

А ведь правящая партия отличается от оппозиционной. Теперь она должна была не критиковать, а *принять на себя ответственность* за экономику и социальное реформирование. Это и стало «грамой левых у власти»: объективная невозможность в условиях современной экономики отказаться от определенного набора механизмов и инструментов проведения хозяйственной политики, свойственных рыночной среде (и объективно носящих неолиберальный

характер), — и обязанность провести глубокие и ощутимые социальные реформы в интересах большинства общества, заменить формулу «рост без развития» на триаду «рост + развитие + благосостояние населения».

Вспомним: этот самый вопрос уже вставал во времена Кардозу. А при Луле он стал сердцевиной и реальной политики, и политической полемики.

И все же Лула свой выбор сделал. Он сумел филигранно пройти по этой узкой грани, найдя «золотую середину»: не нарушив экономическую структуру страны, не ущемив предпринимателей (наоборот, экономика развивалась высокими темпами и наращивала обороты) — и одновременно существенно облегчив положение бедноты. Именно это *сохранение* экономической модели (но не обычный, традиционный континуитет, не поддержание статус-кво и отсутствие перемен, а *иное наполнение* этой модели — поступательное развитие) и дало возможность реализовывать широкие социальные проекты. Иными словами, прагматичная политика Лулы позволила ему *соединить* ортодоксальную экономическую стратегию, обеспечившую ему доверие финансовых рынков, и социальную составляющую своего курса, нанести прицельные удары по нищете и бедности, продуцировать «больше развития и меньше неравенства». И в этом, пожалуй, — основной итог правления левых и их главный ответ на драматичные вызовы и императивы крупномасштабного реформирования страны.

Данная ситуация обусловила небывало высокие рейтинги главы государства — к концу своего второго мандата он располагал поддержкой 85% населения страны. Социологические опросы свидетельствовали: Лулу поддерживали все социальные слои (не только его традиционный — беднейший — электорат, но и богачи с подчас миллионными состояниями) из всех экономических и географических регионов страны. Редкий итог для уходящего президента...

Итак, при Луле удалось осуществить реальный поворот в социальном положении наиболее обездоленных слоев общества: масштабы бедности и абсолютной нищеты существенно сократились. Бедняки почувствовали перемены к лучшему, ощутили эффект реформ, сумели воспользоваться их плодами: зримо уменьшилось социальное неравенство, от 32 до 45 млн бразильцев, по разным методикам подсчета, вышли из состояния крайней бедности и пересекли нижнюю границу среднего класса. Высокие темпы эконо-

мического развития, контролируемая инфляция, бурное развитие потребительского рынка, крупные успехи социального реформирования — вот что стало основными характеристиками достижений кабинета Лулы.

На президентских выборах 2010 г. победила Дилма Руссефф — преемница Лулы (в 2003 — 2005 гг. она была министром энергетики Бразилии, а в 2005 — 2010 гг. возглавляла президентскую администрацию). Весьма характерен главный слоган ее предвыборной кампании: «Бразилия должна продолжать двигаться по пути перемен». В этих словах была заложена и мысль о сохранении прежнего — успешного — курса, и идея поступательного, постепенного развития, без резких поворотов и «разрывов». Продолжение курса Лулы и определило основное направление политической стратегии нового президента — активная социальная политика, улучшение системы здравоохранения, социального обеспечения, образования, совершенствование системы общественной безопасности, включая борьбу с организованной преступностью и наркотрафиком.

Вот так современная история Бразилии демонстрирует преемственность и поступательность. Каждый новый ее поворот отталкивается от уже сделанного; достижения предшественников не отбрасываются «за ненадобностью», а служат базой для нового восхождения. Именно таким образом «социальное наследие» правительства Лулы, проведенное им социальное реформирование расчистили дорогу для последующих трансформаций — точно так же, как модернизаторские усилия предыдущей администрации (Ф. Кардозу) создали благоприятную почву для реформ самого Лулы. И именно этим бразильский опыт модернизаций первого десятилетия XXI в. доказал, что ориентация на глубокие социальные реформы обеспечивает долгосрочные интересы страны, способствует (и на настоящий момент, и на перспективу) позитивному изменению ее традиционного «социального имиджа», а в глобальном плане символизирует неуклонное поступательное продвижение страны по пути развития, роста, модернизации.

Не случайно в Бразилии говорят: 1980-е годы стали стадией демократизации, 1990-е — временем стабилизации, а 2000-е — периодом сокращения социального неравенства.

Главным содержанием политики Д. Руссефф являются два стратегических направления: в экономической области сохранить высокие темпы роста (в 2012 — 2013 гг. они снизились) при безус-

ловном сдерживании поднимающей голову инфляции, а в социальной — не утратить те выдающиеся достижения социального реформирования, которые в эпоху Лулы вывели из состояния крайней бедности десятки миллионов обездоленных и создали «новый средний класс». Тем самым президент стремится к реальному наполнению одного из главных предвыборных лозунгов — окончательно искоренить бедность в Бразилии, выведя из этого состояния более 16 млн человек. Реализовывать его предполагается при опоре на государство, которое, по словам президента, само должно «выйти навстречу беднякам, а не заставлять их бежать с протянутой рукой за государственными субсидиями». То есть, по мнению президента, необходимо включить эту массу населения в экономические процессы, а не делать ее исключительно «пассивным получателем» государственных пособий и дотаций.

При реализации модернизационных проектов Д. Руссефф столкнулась и на немалые трудности (действительно, путь реформаторов — это не прямая, как стрела, магистраль). Так, вторая половина 2011 г. ознаменовалась беспрецедентным в истории Бразилии наступлением на достигшую больших масштабов коррупцию, превратившуюся в угрозу самим основам управляемости. Осенью 2012 г. были вынесены обвинительные приговоры большой группе политических деятелей, в том числе близким сотрудникам Лулы, вовлеченным в упоминавшиеся коррупционные скандалы 2005—2006 гг. В 2013 г. начались массовые расследования деятельности госчиновников и депутатов, замешанных в махинациях с госбюджетом и в коррупции. Отметим, что подобная политическая линия Д. Руссефф встречает поддержку в обществе. Одновременно с этим противодействие коррупции высветило необходимость серьезной коррекции традиционной системы управления. Идет и активная борьба с наркотрафиком. Продолжается расследование преступлений военного режима.

Ни одна страна не стоит на месте — и Бразилия наших дней лишь подтверждает это правило. Каждый новый поворот ее современной истории рождает новые противоречия, новые вызовы. Социальная и политическая конфигурация бразильского общества меняется на глазах. Десятилетие преобразований решило многие старые проблемы, но одновременно с этим появились и новые, возникшие в результате накопления противоречий, зачастую остававшихся под спудом и не находивших выхода. Неоднозначность и незавершенность реформ (да и могут ли они быть раз и на-

всегда завершены одним росчерком пера?), нерешенность остро стоящих перед обществом проблем (в их числе традиционно вызывающие нарекания те же самые сферы здравоохранения и образования, коррупция, а также отсутствие назревших трансформаций политической системы при зримых социальных достижениях) — все это вызвало к жизни протесты широких общественных кругов. С одной стороны, крупные перемены, происшедшие в результате реформ последнего десятилетия, позволили включить в «общество потребления» многомиллионные массы. Но с другой — этот позитивный процесс повлек за собой и появление новых способов и путей культурной и политической самоидентификации возникшего «нового среднего класса», обладающего своим собственным голосом.

Тем самым невиданный доселе в Бразилии процесс экономической и социальной интеграции прежде «исключенных» слоев породил непредвиденные и во многом неожиданные формы самовыражения и протестных движений. Подчас достаточно любого повода, чтобы накопившиеся проблемы «перелились» в неудовлетворенный общественный запрос и, как это случилось в июне 2013 г., вывели на улицы массы. Такие запросы требуют не сиюминутного, но «многослойного» и всеобъемлющего ответа...

История Бразилии продолжается, и мы — ее свидетели...

Л.С. Окунева

Российская библиография по истории Бразилии

Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика. М.: Наука, 1973.

Белякова Е.И. «Русский» Амаду и бразильская литература в России. М.: ИЛА РАН, 2010.

Бразилия — «тропический гигант» на подъеме. М.: ИЛА РАН, 2011.

Бразилия — восходящий центр экономического и политического влияния. М.: ИЛА РАН, 2008.

Бразилия: перемены и постоянство. М.: Аналитические тетради ИЛА РАН, 2004. № 15.

Бразилия: реформы и прогресс. М.: ИЛА РАН, Российский гуманитарный научный фонд, 1997.

Бразилия: тенденции экономического и социально-политического развития. М.: Наука, 1983.

Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии (1939 — 1959). М.: Изд-во ИМО, 1961.

Глинкин А.Н. Современная Бразилия. - М.: Знание, 1980.

Забелина Т.Ю., Сосновский А.А. Бразилия до и после «чуда». М.: Наука, 1986.

В своей книге Б. Фаусту в целях облегчения восприятия текста не использует точные библиографические ссылки. Основная литература размещена автором в конце оригинального издания книги на португальском языке и в русском издании не приводится. При подготовке русского перевода было сочтено целесообразным снабдить книгу перечнем основных работ по истории Бразилии отечественных авторов, подготовленным Л.С. Окуновой.

Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс. М.: Наука, 1981.

Калмыков Н.П. Борьба за независимость бразильского народа (1789 — 1822) // История Латинской Америки. Доколумбова эпоха-70-е годы XIX века. М.: Наука, 1991.

Калмыков Н.П. Бразильская империя (1822-1889) // История Латинской Америки. Доколумбова эпоха - 70-е годы XIX века. М.: Наука, 1991.

Калмыков Н.П. Бразильская республика в конце XIX — начале XX века // История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. М.: Наука, 1993.

Калмыков Н.П. Бразилия: через диктатуру к демократии // История Латинской Америки. 1918 — 1945. М.: Наука, 1999.

Калмыков Н.П. Бразилия: трудные пути модернизации // История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М.: Наука, 2004.

Калмыков Н.П. Зарождение и становление исторической науки в Бразилии (XVI — XIX вв.) // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI — XIX веков. М.: Наука, 2010.

Караваяев А.П. Капитализм в Бразилии: прошлое и настоящее. М.: Наука, 1987.

Коваль Б.И. История бразильского пролетариата. М.: Наука, 1968.

Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня. М.: Наука, 1975.

Коваль Б.И. Трагическая героиня XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М.: Наука, 2005.

Комиссаров Б.Н. Первая русская экспедиция в Бразилию. Л.: Наука, 1977.

Комиссаров Б.Н. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX в. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.

Комиссаров Б.Н. Петербург — Рио-де-Жанейро: становление отношений. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.

Комиссаров Б.Н., Божкова С.Г. Первый российский посланник в Бразилии Ф.Ф.Борель. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

Комиссаров Б.Н. Глава российской миссии в Рио-де-Жанейро в 1832 — 1836 гг. А.П. Мальтиц: происхождение, окружение, деятельность, дипломатический архив // Клио. 2012. № 9.

Комиссаров Б.Н. «Нет торгу, который был бы сходнее и выгоднее бразильского...». К 200-летию основания российского генерального консульства в Рио-де-Жанейро (1811 — 2011 гг.) // Латинская Америка. 2012. № 12.

Константинова Н.С. Страна карнавала. Несколько эссе о бразильской культуре. М.: Наука, 2003.

Котовская М.Г. Этнические процессы в Бразилии. М.: Наука, 1985.

Культура Бразилии. М.: Наука, 1981.

Мартынов Б.Ф. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире. М.: Наука, 2008.

Мартынов Б.Ф. Золотой канцлер. М.: ИЛА РАН, 2004.

Мартынов Б.Ф. Судьба крейсера «Баия». Некоторые мысли о союзнничестве в годы Второй мировой // Латинская Америка. 2010. № 5.

Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. — 2006 г.). М.: МГИМО-Университет, 2008.

Окунева Л.С. Дилма Руссефф — первая женщина-президент в истории Бразилии // Латинская Америка. 2011. № 1.

Окунева Л.С. «Иобра закурила», или «Забытый союзник». Военные действия Бразильского экспедиционного корпуса в Италии // Латинская Америка. 2010. № 5.

Очерки истории Бразилии. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962.

Помбу Р. История Бразилии / Пер. с порт. яз. Ю.В. Дашкевича и В.И. Похвалина. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.

Россия — Бразилия: транскультурные диалоги / Отв. ред. И.А. Мальковская. М.: УРСС, 2012.

Россия и Бразилия. 200 лет знакомства / Отв. ред. Ю.Г. Фридштейн. Сост. Л.М. Бурмистрова. М.: ВГБИЛ, 2004.

Потенциал Бразилии и перспективы российско-бразильского сотрудничества. М.: ИЛА РАН, 2004.

Проблемы современной Бразилии и возможности российско-бразильского партнерства. М.: ИЛА РАН, 2001.

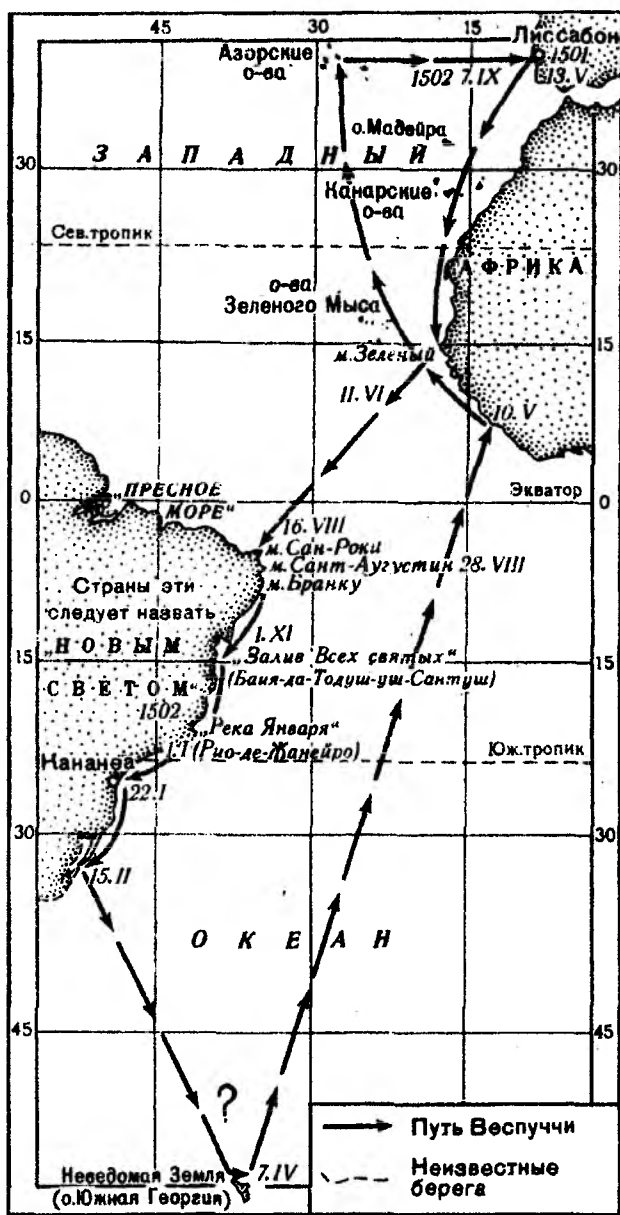
Россия, СССР — Бразилия: 150 лет отношений. М.: ИЛА АН СССР, 1980.

Слезкин Л.Ю. Земля Святого Креста. Открытие и завоевание Бразилии. М.: Наука, 1970.

Файнберг Л.А. Индейцы Бразилии. М.: Наука, 1975.

Хайт В.А. Оскар Нимейер. М.: Стройиздат, 1986.

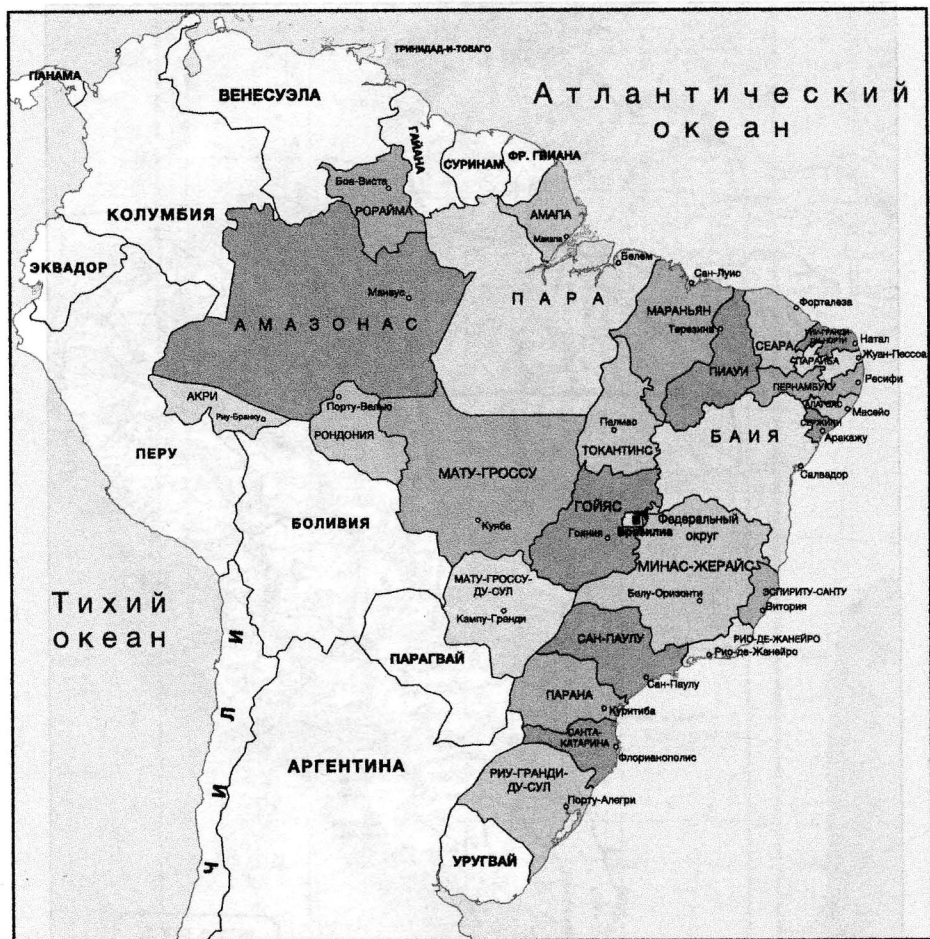
Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии (20—30-е гг. XX в.). М.: Наука, 1985.

Экспедиция Гонсалу Кузлью — Америго Веспуччи
(1501–1502) к берегам современной Бразилии

Бразильская империя (1840)

Современная Бразилия

Фаусту Б.

- Ф 11 Краткая история Бразилии / Борис Фаусту; пер. с порт. Л.С. Окуновой, О.В. Окуновой; предисл. Б.Н. Комиссарова; послеслов. Л.С. Окуновой — М.: Издательство «Весь Мир», 2013. — 448 с. (Национальная история)

ISBN 978-5-7777-0569-3

Давно ставшая классическим и самым популярным университетским очерком истории страны книга выдающегося бразильского историка Б. Фаусту неоднократно переиздавалась в Бразилии и получила широкую международную известность. Отличительной особенностью работы Фаусту является пристальное внимание к социальной истории. Автор глубоко проникает в ее процессы, разворачивая перед читателями пятисотлетнюю историю одной из крупнейших и наиболее динамично развивающихся стран мира. Настоящее издание «Краткой истории Бразилии» стало первым с начала 1960-х гг. общим очерком истории страны, написанным бразильским автором и переведенным на русский язык.

Предисловие к русскому изданию написано выдающимся российским исследователем истории Бразилии и российско-бразильских отношений Б.Н. Комиссаровым, а послесловие — научным редактором книги и одной из ее переводчиц на русский язык, крупнейшим отечественным специалистом по современной истории Бразилии Л.С. Окуновой.

Книга адресована студентам, преподавателям, дипломатам, представителям экспертного и журналистского сообществ, всем, кто интересуется прошлым и настоящим Бразилии.

УДК 94
ББК 63.3(7Бра)

Национальная история

Борис Фаусту

Краткая история Бразилии

Научный редактор *Л.С. Окунева*

Художник *Е.А. Ильин*

Верстка: *Е.А. Поташевская*

Корректор *Е.В. Феоктистова*

Подписано в печать 30.07.2013. Формат 60 x 90 ¹/₁₆

Гарнитура BalticaC.

Печ. л. 28,0. Тираж 2000 экз. Изд. № 10/13-и

Зак. № 3091.

ООО Издательство «Весь Мир»

Адрес: 125009, Москва,

ул. Моховая, д. 11, стр. 3в

Тел./факс: (495) 276-02-92

E-mail: info@vesmirbooks.ru

<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,

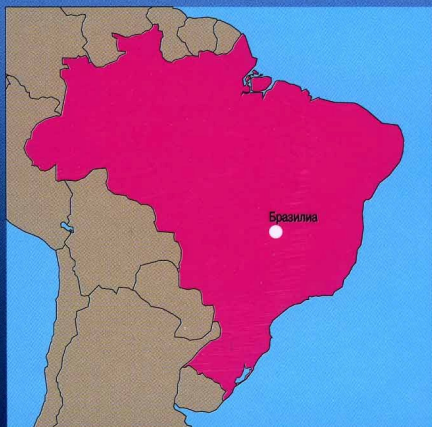
8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

ISBN 978-5-7777-0569-3

9 785777 705693

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БРАЗИЛИИ

Федеративная Республика Бразилия

СТОЛИЦА	Бразилиа (2,570 млн чел.)
ПЛОЩАДЬ	8,514 млн кв. км
НАСЕЛЕНИЕ	198,7 млн чел. (2012)
ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ	74 (2012)
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК	португальский
ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ	католики (65%), протестанты (22%) и др.
ДЕНЕЖНАЯ ЕДИНИЦА	бразильский реал
ВНД НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ	11,630 тыс. долл. США (2012)

Кафедральный собор в г. Бразилиа. Архитектор Оскар Нимейер (1907–2012)

Эдсон Арантис ду Насименту, или Пеле (1940) –
самый знаменитый футболист и трехкратный
чемпион мира